

ISSN 2712-8407

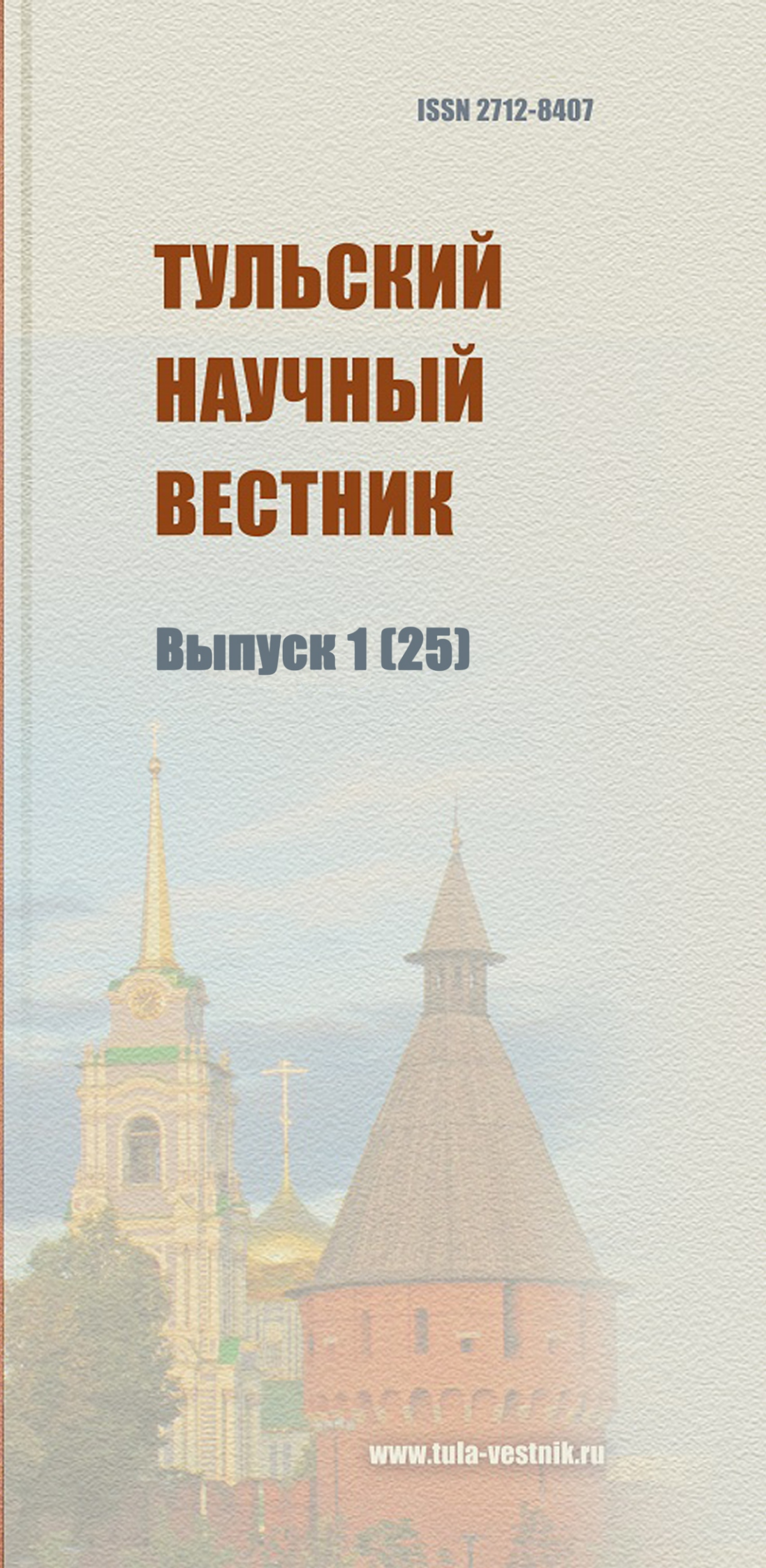
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Выпуск 1 (25)

2026

www.tula-vestnik.ru

ISSN 2712-8407

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Выпуск 1 (25)

**Тула
2026**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Сетевое издание

Основан в 2020 г.

Выходит 4 раза в год

Выпуск 1 (25)

DOI 10.22405/2712-8407-2026-1

Дата выхода в свет: 06.04.2026 г.

Главный редактор –

доктор исторических наук,
профессор

Е. П. Мартынова

Заместитель

главного редактора –

доктор филологических наук,
профессор

Г. В. Токарев

Технические редакторы –

А. А. Внуков (История)

кандидат филологических наук

Ю. В. Горохова (Языкознания)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Минобрнауки РФ (по специальностям: 5.6.1. – Отечественная история, 5.6.2. – Всеобщая история, 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография, 5.9.5. – Русский язык. Языки народов России, 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Учредитель: ФГБОУ ВО «ТГПУ им.

Л.Н. Толстого». СМИ зарегистрировано

Роскомнадзором 13.11.2020 г.

Регистрационный номер:

ЭЛ № ФС 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2026

© Авторы статей, 2026

Адрес учредителя и редакции:

300026, Тульская область, город Тула,
проспект Ленина, 125.

Телефон: +7 (4872) 31-20-34

Электронный адрес:

tula-vestnik@tolstovsky.ru

Издатель:

ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого».

Адрес издателя:

300026, Тульская область, город Тула,
проспект Ленина, 125.

Телефон: +7 (4872) 35-14-88

Электронный адрес:

info@tolstovsky.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Всеобщая история и историческая память

Семенчук К. А. «Криминальная Палестина»: насильственные преступления в записках русских паломников XIX – начала XX в. **8**

Никитенко С. Д. Военный агент В. Н. Шебеко об участии вооруженных сил США в китайской экспедиции 1900 г. **23**

Спиридонова Д. С. Деятельность Гертруды Белл по сохранению исторической памяти Ирака **35**

Шерман Л. Отражение формирования культуры памяти о Холокосте в зарубежной историографии **45**

Отечественная история:

социально-экономические вопросы

Ломако П. Е. Переход к смешанной системе питейной торговли в 1780-х гг.: ожидания, результаты и последствия (на примере Московской губернии) **56**

Кискидосова Т. А. Положение инвалидов войны в Хакасии в годы Великой Отечественной войны **69**

Дрожжин Е. Н. Общественная оценка внедрения аренды в СССР периода перестройки в медиа, депутатских выступлениях и научных оценках **81**

История образования

Крих С. Б. Римская история в советских учебниках конца 1950-х – начала 1960-х гг.: поиски нового поколения антиковедов **93**

Холматов Т. К. Подготовка докторантов в Институте истории Академии наук СССР во второй половине 1940-х – середине 1950-х гг. **109**

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Поэтика и художественная коммуникация

Губанов С. А. Эпитетация признаками скромный, робкий в поэзии М. Цветаевой **120**

Штеба А. А. Специфика репрезентации диффузной эмотивности в художественной коммуникации **130**

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

Лингвистика СМИ и медиадискурс

Хомидов Д., Рахимкулов Г. Некоторые структурные и словарные особенности заголовков таджикской прессы Узбекистана **143**

Овчинникова З. О. Некоторые грамматические и словообразовательные варианты городских топонимов Тулы в сетевой коммуникации **151**

*Терминология и профессиональные языки /
Анализ специальной лексики в различных
профессиональных сферах*

Данилина Н. И., Абакарова Ж. М. Номенклатура лекарственных средств: правовая база, рыночная ситуация, учебная подача **162**

Сенаторова К. С. История формирования терминологии делопроизводства **174**

Сопоставительная лингвистика и перевод

Лепович Е. Русские сингулятивы (существительные единичности): словообразовательные модели и стратегии перевода на сербский язык **188**

Лингводидактика и цифровые технологии

Чжан Ш. Искусственный интеллект в обучении РКИ: когнитивно-дидактические основы интеграции **204**

РЕЦЕНЗИИ

Юрьев К. А., Ермошина Е. В. О марксистской методологии в средневековых исследованиях. Рецензия на коллективную монографию: *Marxism and Medieval Studies: Marxist Historiography in East Central Europe* **211**

**TULA SCIENTIFIC
BULLETIN.
HISTORY. LINGUISTICS**

Online publication

Founded in 2020.

Published 4 times a year

Issue 1 (25)

DOI 10.22405/2712-8407-2026-1

Released on April 06, 2026

Chief Editor

Doctor of History, Professor

E. P. Martynova

Deputy Chief Editor

Doctor of Philology, Professor

G. V. Tokarev

Technical editor's

A. A. Vnukov (History)

PhD in Philology

Yu. V. Gorokhova (linguistics)

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.6.1. – Russian History, 5.6.2. – World History, 5.6.4. – Ethnology, Anthropology and Ethnography, 5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia, 5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics).

Founder: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.

Mass media are registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on November 13, 2020.

Registration number

EL № FS 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 2026

© Authors of articles, 2026

**Address of the founder
and the editorial office:**

300026, Tula,

Lenin Prospekt, 125

Phone: +7 (4872) 31-20-34

E-mail address: tula-vestnik@tolstovsky.ru

Publisher: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.

Address of the publisher:

300026, Tula,

Lenin Prospekt, 125

Phone: +7 (4872) 35-14-88

E-mail address:

info@tolstovsky.ru

TABLE OF CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

World History and Historical Memory

Semenchuk K. A. "Criminal Palestine": Violent Crimes in the Notes of Russian Pilgrims in the 19th – Early 20th Century **8**

Nikitenko S. D. Military Agent V. N. Shebeko about the Participation of the US Armed Forces in the Chinese Expedition of 1900 **23**

Spiridonova D. S. Gertrude Bell's Work to Preserve Iraqi Historical Memory **35**

Sherman L. Reflection of the formation of the Holocaust Remembrance Culture in Foreign Historiography **45**

Russian History: Socio-Economic Problems

Lomako P. E. The Transition to a Mixed System of Spirituous Beverages Trade in the 1780s: Expectations, Results, and Consequences (the Case of the Moscow Region) **56**

Kiskidosova T. A. The Situation of War-Disabled Veterans in Khakassia During the Great Patriotic War **69**

Drozhillin E. N. Discussions about Renting in the Late USSR during the Years of Perestroika in the Media, Parliamentary Speeches, and Scientific Assessments **81**

History of education

Krikh S. B. Roman History in Soviet Textbooks of the Late 1950s – Early 1960s: The Search Undertaken by a New Generation of Classical Scholars **93**

Kholmatov T. K. Doctoral Studies in the Institute of History of the USSR Academy of Sciences in the Second Half of 1940S – Mid – 1950s **109**

LINGUISTICS

Poetics and artistic communication

Gubanov S. A. Epithetation with the Attributes Modest and Timid in the M. Tsvetaeva's Poetry **120**

Shteba A. A. The Specifics of the Representation of Diffuse Emotivity in Artistic Communication **130**

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

Media linguistics and media discourse

Khomidov D., Rakhimqulov G. Some Structural and Vocabulary Features of the Headlines of Tajik Press of Uzbekistan **143**

Ovchinnikova Z. O. Some Grammatical and Word-Formational Variants of Urban Toponyms of Tula Online Communication **151**

***Terminology and professional languages /
Analysis of specialized vocabulary in various
professional fields***

Danilina N. I., Abakarova Zh. M. Nomenclature of Medicines: Legal Framework, Market Situation, Educational Presentation (Based on the Names of Antibiotics) **162**

Senatorova K. S. The History of the Clerical Work Terminology Formation **174**

Comparative linguistics and translation

Lepojevic J. Singulative Nouns in Russian: Word-Formation Patterns and Translation Strategies into Serbian **188**

Language didactics and digital technologies

Zhang Shuxia Artificial Intelligence in Teaching Russian as a Foreign Language: Cognitive-Didactic Foundations for Integration **204**

REVIEWS

Yuriev K. A., Ermoshina E. V. About Marxist Methodology in Medieval Studies. Review of the Collective Monograph: "Marxism and Medieval Studies: Marxist Historiography in East Central Europe" **211**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Мартынова Елена Петровна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

Заместитель главного редактора
Токарев Григорий Валериевич,
доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ
ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

Члены редакционной коллегии:
Володина Татьяна Андреевна,
доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

Красовская Нелли Александровна,
доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

Симонова Елена Викторовна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

Биленко Никита Алексеевич,
кандидат исторических наук (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Габелко Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия)

Георгиева Стефка Иванова, доктор филологических наук, профессор (Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария)

Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, доцент (ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия)

Глаголева Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, PhD, профессор (независимый исследователь, г. Торонто, Канада)

Ефремов Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия)

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

Кережи Агнеш, кандидат исторических наук (независимый исследователь, г. Будапешт, Венгрия)

Киреева Елена Закировна, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

Клейменов Александр Анатольевич, доктор исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», г. Симферополь, Россия)

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор (ФГБУН «Институт археологии Российской академии наук», г. Москва, Россия)

Мухаммадбегии Махди, кандидат филологических наук (Институт гуманитарных и культурологических исследований, г. Тегеран, Иран)

Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор (ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия)

Новикова Наталья Ивановна, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук», г. Москва, Россия)

Протасова Екатерина Юрьевна, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, доцент (Хельсинкский университет, г. Хельсинки, Финляндия)

Пэн Юйхай, доктор филологических наук (Институт иностранных языков Сычуаньского университета, г. Сычуань, КНР)

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

Скнарев Дмитрий Сергеевич, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия)

Степанов Валерий Леонидович, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт экономики Российской академии наук», г. Москва, Россия)

Тан Яньфэн, кандидат исторических наук (Северовосточный педагогический университет, г. Чанчунь, КНР)

Томилин Виктор Николаевич, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия)

Торвальдсен Гуннар, доктор исторических наук (Ph.D.) (Арктический университет Норвегии, г. Тромсо, Норвегия)

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия)

Ярцев Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

EDITORIAL BOARD

Chief Editor
Elena Martynova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia)

Deputy Chief Editor
Tokarev Gregory,
Doctor of Philology, Professor
(TSPU, Tula, Russia)

Members of the editorial Board
Tatiana Volodina,
Doctor of History, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia)

Nelli Krasovskaya,
Doctor of Philology, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia)

Elena Simonova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia)

Nikita Bilenko,
PhD in History
(TSPU, Tula, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Oleg Gabelko, Doctor of History, Professor
(Russian State University for The Humanities,
Moscow, Russia)

Stefka Georgieva, Doctor of Philology, Professor
(Plovdiv University Paisii Hilendarski, Plovdiv,
Bulgaria)

Elena Glavatskaya, Doctor of History, Associate
Professor (Yeltsin UrFU, Ekaterinburg, Russia);

Olga Glagoleva, PhD in History, Professor
(Toronto, Canada)

Valerii Efremov, Doctor of Philology, Associate
Professor (Herzen University, Saint Petersburg,
Russia)

Viktor Zubarev, Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia)

Kerezsi Agnes, PhD in History (Budapest,
Hungary)

Elena Kireeva, Doctor of Philology, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia)

Aleksander Kleymenov, Doctor of History,
Associate Professor (TSPU, Tula, Russia)

Vadim Maiko, Doctor of History (Institute of
archaeology of the Crimea RAS, Simferopol,
Russia)

Aleksander Maslennikov, Doctor of History,
Professor (IA RAS, Moscow, Russia)

Mahdi Mohammad Beygi, PhD (Institute of
Humanities and cultural studies, Tehran, Iran)

Andrey Nepomnyshchy, Doctor of History,
Professor (Vernadsky CFU, Simferopol, Russia)

Natalya Novikova, Doctor of History (IEA RAS,
Moscow, Russia)

Ekaterina Protassova, PhD in History, Doctor of
Pedagogical, Associate Professor (University of
Helsinki, Helsinki, Finland)

Peng Yuhai, Doctor of Philology (Institute of
foreign languages of Sichuan University, Sichuan,
China)

Dmitry Romanov, Doctor of Philology, Professor
(TSPU, Tula, Russia)

Dmitry Sknarev, Doctor of Philology, Associate
Professor (RUDN University, Moscow, Russia)

Valerij Stepanov, Doctor of History (IE RAS,
Moscow, Russia)

Tang Yanfeng, PhD in History (Northeastern
Pedagogical University, Changchun, China)

Victor Tomilin, Doctor of History, Associate
Professor (LSPU, Lipetsk, Russia)

Gunnar Thorvaldsen, Doctor of History
(Arctic University of Norway, Tromso, Norway)

Irina Chumak-Zhun, Doctor of Philology,
Associate Professor (Belgorod State National
Research University, Belgorod, Russia)

Sergey Yartsev, Doctor of History, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia)

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Всеобщая история и историческая память

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 1 (5). С. 8–22.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 1 (25). P. 8–22.

Научная статья

УДК 94(569.43) "1800/1917": 343.6

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-8-22>

«КРИМИНАЛЬНАЯ ПАЛЕСТИНА»: НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЗАПИСКАХ РУССКИХ ПАЛОМНИКОВ XIX – НАЧАЛА XX В.

**Константин Анатольевич
Семенчук**

Омский государственный университет

им. Ф. М. Достоевского

Омск, Россия, ksemenchuk29@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2373-1132>

Аннотация. В статье анализируется репрезентация преступлений на Святой Земле в XIX – начале XX в., свидетелями или жертвами которых становились русские паломники. Были очерчены культурные, исторические и социально-политические корни устойчивых образов и паттернов описания криминальных инцидентов. Показано, что несмотря на значительное улучшение ситуации с безопасностью на дорогах Османской империи, проблема преступности оставалась крайне актуальной вплоть до начала XX в. Отдельное внимание было уделено роли *книжного знания* в конструировании образа Святой Земли, поскольку именно *классические тексты* формировали у образованных паломников определенную предвзятость и, как правило, становились шаблоном для описания реальности.

В ходе исследования было установлено, что большинство описаний преступлений не являются документальной фиксацией фактов, а укладываются в две устойчивые нарративные модели: сюжет *о нападении бедуинов-грабителей* и назидательную историю *об отставшей паломнице*. Анализ их структуры показал, что данные тексты функционируют по законам городских легенд и слухов, в то время как достоверные свидетельства о реальном насилии носят единичный характер. Также была обнаружена схожесть циркулировавших среди паломников слухов о бедуинах-разбойниках с *притчей о самарянине*. Выявлено, что единодушное указание на бедуинов в качестве источника опасности носило, с одной стороны, черты ориентализма, поскольку служило в пользу усиления дихотомии «Запад – Восток», с другой стороны принимало характер *моральной паники*, инициированной и / или поддержанной авторами, заинтересованными в развитии инфраструктуры Русской Палестины.

Ключевые слова: Палестина, паломничество, Святая Земля, криминал, бедуины.

Для цитирования: Семенчук К. А. «Криминальная Палестина»: насильственные преступления в записках русских паломников XIX – начала XX века // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 1 (25). С. 8–22. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-8-22>

Сведения об авторе: К. А. Семенчук – преподаватель кафедры всеобщей истории, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 644077, Россия, Омская область, г. Омск, проспект Мира, д. 55-А.

© Семенчук К. А., 2026

Scientific Article

UDC 94(569.43) "1800/1917": 343.6

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-8-22>

**“CRIMINAL PALESTINE”:
VIOLENT CRIMES IN THE NOTES OF RUSSIAN
PILGRIMS IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURY**

Konstantin A. Semenchuk

Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russia, ksemenchuk29@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-2373-1132>

Abstract. The article analyzes the representation of crimes committed in the Holy Land in the 19th – early 20th centuries, involving Russian pilgrims as witnesses or victims. The study outlines the cultural, historical, and socio-political origins of persistent images and patterns used to describe criminal incidents. It demonstrates that, despite significant improvements in road safety within the Ottoman Empire, the issue of crime remained highly relevant in pilgrim narratives until the early 20th century. The author pays particular attention to the role of book learning in constructing the Holy Land image, as classical texts shaped a certain bias among educated pilgrims and often served as a pattern for describing reality.

The research establishes that most crimes do not have paper trails but they fit into two recurring narrative models: a story about an attack by Bedouin robbers and the edifying story of the straggling pilgrim woman. Structural analysis reveals that these texts function according to the laws of urban legends and rumors, whereas reliable evidence of actual violence is rare. Additionally, the author finds similarities between the rumors about Bedouin robbers circulating among pilgrims and the Parable of the Good Samaritan. The study also reveals that the unanimous identification of Bedouins as the source of danger bore, on the one hand, traits of orientalism, reinforcing the West–East dichotomy. On the other hand, it took on the character of a “moral panic” initiated and/or supported by authors interested in developing the infrastructure of “Russian Palestine.”

Keywords: Palestine, pilgrimage, Holy Land, criminal activity, Bedouins.

For citation: Semenchuk, KA 2026, “Criminal Palestine”: Violent Crimes in the Notes of Russian Pilgrims in the 19th – Early 20th Century’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (25), pp. 8–22, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-8-22> (in Russ.)

Information about the Author: *Konstantin A. Semenchuk* – Lecturer at the Department of World History, Dostoevsky Omsk State University, 55-A, Mira Prospect, Omsk, 644077, Russia.

Введение

На сегодняшний день социально-политическая обстановка на Ближнем Востоке характеризуется высокой напряженностью, усугубляемой вооруженными конфликтами и вмешательством внешних для региона политических акторов. Это закономерно сказывается на положении дел на Святой Земле. Будучи традиционным центром религиозного притяжения, этот регион и сегодня является объектом пристального внимания как общественных кругов, так и академического сообщества.

Отечественное палестиноведение имеет достаточно длительную традицию, начинающую отсчет еще с дореволюционного периода. Если опираться на периодизацию М. В. Каиля, в историографии можно выделить три поколения: первые два представлены в основном конкретно-историческими исследованиями. Третье направление – «Палестиноведение 3.0» – характеризуется «акцентом на политической истории и политико-дипломатических детерминантах российско-палестинских связей, концептуализмом и применением новейших исследовательских стратегий и концепций в палестинской проблематике» [17, с. 40]. К числу последних относятся и исследования повседневности, идентичности и др., количество которых в последние годы заметно выросло.

Несмотря на это, подавляющее большинство работ все еще посвящено рассмотрению организации паломничества, паломнических практик, повседневной жизни русских. Сюда можно отнести работы М. С. Шаповалова, А. А. Валитова, В. А. Герасимовой, К. Е. Балдина, Л. Н. Блиновой, И. А. Дороховой, В. В. Цысь, О. П. Цысь, М. М. Якушева и др. [9; 11; 14; 39; 1; 2; 3; 4; 5; 8; 13; 38; 41; 12; 30]. В трудах перечисленных авторов проблема преступности затрагивается лишь косвенно – в контексте описания трудностей, с которыми мог столкнуться паломник во время путешествия по Святой Земле.

Тем не менее, данная проблематика не осталась без внимания. Так, исследователь К. Е. Балдин предпринял попытку теоретического осмысления проблемы, проанализировав сообщения о разбое и грабеже, циркулировавшие в среде паломников сквозь призму слухов: «На слухах, во многом справедливых, основан был страх паломников перед... “хищными арабами, бедуинами и иными кочевыми народами” ... В соответствии с имеющейся классификацией слух о “хищных арабах” может быть квалифицирован как слух-пугало» [5, с. 40–41]. Однако в дальнейшем эта тема автором не развивалась.

В ином ключе вопрос преступности затронут в работах, посвященных исследованию идентичности русских паломников. Авторы вполне справедливо указывают на потенциальную опасность и финансовую обременительность взаимодействия паломников с местным населением как на один из маркеров *чуждости* [9, с. 151; 14, с. 188–189].

Наиболее близкими по тематике, хотя и относящимися к другому хронологическому периоду, являются статьи К. А. Панченко. В них рассматривается взаимодействие христианских обитателей Палестины и Синая с бедуинскими племенами, нередко принимавшее формы вымогательства ресурсов у монастырской братии, открытого грабежа и обложения паломников данью [26, 27, 28].

В целом можно заключить, что вопрос репрезентации преступности в паломнических текстах до настоящего времени специально не изучался. Данный аспект оставался вне фокуса внимания исследователей, хотя обеспечение безопасности являлось важнейшей составляющей организации русского паломничества. Настоящая статья представляет собой первый шаг к изучению данной проблематики.

Материалы и методы

Исследование основывается на выборке из 39 паломнических записок, опубликованных в «Епархиальных ведомостях» в 1894–1910 гг. Кроме того, были задей-

ствованы тексты паломников и иллюстративные материалы журнала «Русский паломник» за 1885–1917 гг. (всего 70 единиц). Дополнительно были использованы средневековые тексты из сборника «Книга хождений», а также сочинения из антологии «Путешествия в Святую Землю» [19; 34]. Первый сборник до сих пор является наиболее полным собранием средневековых русских паломнических текстов, второй содержит наиболее классические для данной проблематики сочинения и в силу этого является хорошим материалом для анализа.

Методологическую основу исследования составил дискурс-анализ и нарративный анализ в сочетании с элементами направленного качественного контент-анализа.

Исследование проводилось в несколько этапов. На первом этапе осуществлялся поиск и отбор всех упоминаний о криминальных инцидентах в паломнических записках. На втором этапе все выявленные случаи были разделены в зависимости от вида и тяжести совершенного преступления. Основой для размежевания послужили материалы документа «Обследование османских тюрем» 1912 г. В этом тексте османской тюремной администрацией выделялись две категории [42, р. 161–166].

1) «Тяжкие преступления» (Cinayet Kısmı) – к их числу были отнесены 15 видов деяний, таких, как убийства, побои и нападения с нанесением увечий, разбой, кражи со взломом, изнасилования и др.

2) «Проступки и незначительные правонарушения» (Cünha ve Kabahat Kısmı) – сюда были включены 20 видов деяний, в том числе нападения, побои, мошенничество, воровство.

Поскольку паломники сталкивались (сообщали) лишь с частью упомянутых преступных деяний, для целей исследования были выделены две основные группы.

А) Насильственные преступления – наиболее многочисленная группа, которая объединяет инциденты, связанные с применением физической силы: грабеж, разбой, убийства, нападения и побои.

Б) Ненасильственные преступления и проступки – сюда были включены мошенничество, кражи, хулиганство и бытовая коррупция («бакшиш»).

В настоящем исследовании основное внимание уделено именно категории насильственных преступлений, нашедших отражение в записках русских паломников.

Третий этап исследования включал в себя нарративный анализ текстов с использованием концептов «городская легенда» и «слух». В результате чего были выявлены две характерные сюжетные структуры:

I) «О бедуинах-разбойниках» повествует о постоянной угрозе нападения со стороны кочевников на пути к Иордану;

II) «Об отставшей паломнице» – предупреждает об опасности одиночного путешествия без сопровождения каравана.

Культурные и социально-политические корни

Сообщения о грабеже и разбое как главной опасности для пилигримов в Палестине широко представлены в паломнической литературе. Своеобразным архетипом подобного сюжета можно считать евангельскую притчу о самарянине, повествующую о путнике, на дороге из Иерусалима в Иерихон попавшемся разбойникам, «которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым» [Лк. 10: 30–37].

Первые подобные свидетельства встречаются уже в записках средневековых паломников. Так, в XII в. игумен Даниил предупреждал об опасностях, подстерегающих странников в окрестностях Аскалона, откуда «совершают набеги сарацины и избивают странников на путях, при входе в горы. От церкви Георгия до Иерусалима верст двадцать по горам каменным, путь тяжел и очень страшен» [36, с. 208]. О са-

рациях, которые «постоянно устраивают засады христианам, прячутся в горных ущельях и в скалистых пещерах», а также о «бесчисленном количестве человеческих тел, совершенно растерзанных дикими зверями, лежащих на дороге и возле дороги», сообщает и его современник – англосаксонский паломник Зевульф [31, с. 270–271].

Оба текста были опубликованы в 1885 г. в одном выпуске «Православного Палестинского сборника». Благодаря этому будущие паломники могли ознакомиться с ними, что, вероятно, способствовало закреплению (или формированию) в их сознании образа Палестины как места крайне небезопасного.

Существовали и более поздние свидетельства. Например, дьякон Зосима, совершивший свое *хождение* в XV в. писал о серьезных препятствиях, чинимых паломникам «обозленными арабами». Он отмечал, что: «пробыл лето целое в Иерусалиме и за Иерусалим ходил по святым местам и принял раны от озлобленных арабов» и предупреждал, что «за пределы Иерусалима никто не может пойти из-за обозленных арабов, которые избивают немилостиво» [37, 305–306].

Даже к началу XVIII в. ситуация с безопасностью пилигримов значительно не улучшилась. Несмотря на то, что 12-я статья Константинопольского трактата (1700 г.) гарантировала паломникам защиту, на практике эти нормы часто нарушались [41, с. 123]. Ярким примером является случай, произошедший с русским паломником В. Григоровичем-Барским, который был ограблен на пути из Яффы в Иерусалим [34, с. 15]. Примечательно, что он был ограблен и во время своего повторного посещения Иерусалима. В аналогичной ситуации оказался и паломник И. И. Деншин, путешествовавший в 60–70-е гг. XVIII в. [41, с. 124].

Проблема безопасности оставалась актуальной и в первой трети XIX в. Так, А. Н. Муравьев, посетивший Святую Землю в 1830 г., отмечал, что долина р. Иордан: «часто тревожима набегами бедуинскими», и приводил случай, произошедший с одной из русских паломниц, которая шла с небольшой группой пилигримов: «Несколько поклонников и монахов греческих и русских пешком устремились вслед за нами; даже одна женщина русская пустилась позже нагонять нас по горам, но ее ограбили бедуины» [22, с. 88].

Такая сложная обстановка объясняется затяжным политическим кризисом, который охватил Османскую империю в конце XVIII в. Лишь к середине XIX в. ситуация в Палестине относительно стабилизировалась. Заметную роль в этом процессе сыграло «замирение» бедуинских племен войсками Мухаммада Али в районе Суэца, а также меры, предпринятые в период египетской оккупации (1832–1840 гг.): в Сирии и Палестине были размещены гарнизоны и патрули, защищавшие границы пустыни от набегов кочевников [26, с. 94–95].

В результате к 60-м гг. XIX в. безопасность в регионе существенно повысилась, а некоторые известные грабители-бедуины даже стали объектом туристического интереса европейских путешественников. Например, об одном из представителей семейства Абу Гош, еще во времена А. Н. Муравьева взимавшего своеобразную пошлину с проходящих паломников [20, с. 438], писатель Н. В. Берг, посетивший Палестину в 1861–1863 гг., сообщал: «В тихий, хороший вечер... вы непременно увидите этого экс-разбойника под его возлюбленной шелковицей... Мало видано таких бравых и могучих стариков, как Абугош... К Абугошу заезжают все путешественники. Он покажет вам кучу европейских визитных карточек, между коими есть и русские» [41, с. 239].

Однако говорить о том, что ситуация была полностью под контролем турецких властей, вряд ли возможно. Согласно уже упоминавшемуся «Обследованию османских тюрем» две третьих от общего числа заключенных в 1911–1912 гг. составляли люди, осужденные или ожидающие приговора за тяжкие преступления [42, с. 166].

В связи с этим следует обратить внимание на саму специфику судебной системы Османской империи. К ведению судов относились лишь те правонарушения, за которые не было предусмотрено фиксированного наказания. В подобных случаях меры воздействия ограничивались ссылкой, тюремным заключением, телесными наказаниями, штрафами или денежной компенсацией [43. Р. 10].

Фиксированные же наказания базировались на идеях искупления перед Богом и возмещения вреда личности. К первым относились незаконное сожительство, клевета, употребление одурманивающих напитков, кража, разбой на дорогах, вероотступничество и бунт. Ко вторым – убийство; нанесение увечий, повлекшее потерю части тела или ранение. За все эти преступления предусматривались наиболее строгие меры: шариат предписывал забивание камнями, удары плетью, отсечение конечностей (руки за кражу, руки и ноги за разбой) и смертную казнь для мятежников и отступников от веры [43, Р. 10–11]. Такая жестокость действующих наказаний может указывать на недостаточность превентивных мер, имевшихся в распоряжении у турецких властей, а статистика 1912 г., в свою очередь, не в полной мере отражала реальную криминогенную обстановку в государстве.

О бедуинах-разбойниках

Несмотря на относительную стабилизацию, социально-политическая ситуация в империи оставалась сложной. И хотя некоторые авторы утверждали, что «теперь уже никто не тревожит многочисленных паломников, со всех сторон христианского мира» [35, с. 526], в записках последней четверти XIX – начала XX в. продолжали встречаться упоминания о грабежах. Как правило, в них уже отсутствовали инциденты, в которых автор выступал бы в роли пострадавшего или свидетеля.

В частности, немало таких сообщений можно найти у путешественника А. В. Елисеева, который писал: «Как-то странно и приятно поражала глаз вся эта обстановка в полудикой стране, не обеспеченной еще от нападения бедуинских шаек» [15, с. 359]. В другой заметке, сравнивая ситуацию в разных регионах, он отмечал: «Грабежи курдов и арабов Месопотамской пустыни... гораздо страшнее, чем обиды со стороны кизильбашей Дерсима, не трогающих иностранцев... в Месопотамских пустынях еще сравнительно недавно на экспедицию..., конвоируемую десятками заплывов, бедуины делали смело нападения» [16, с. 405].

Множество аналогичных предупреждений об опасности путешествий по Иорданской долине встречается и в других паломнических записках. Как правило, это краткие упоминания, лишённые развернутой повествовательной структуры [23, с. 513–514; 7, с. 936; 21, с. 335–336; 40, с. 6]. Последнее позволяет отнести их к категории слухов. Характерной чертой почти всех таких текстов является указание на бедуинские племена как главный источник угрозы. Важно заметить, что почти никто из авторов не вступал с заиорданскими номадами в непосредственный контакт.

Другим характерным аспектом текстов XIX в. является практически полное отсутствие упоминаний об убийствах. Единственный подобный случай описывается А. В. Елисеевым в сюжете о русском подвижнике «генерале К-м»: «Дотоле еженедельно появлявшийся в Иерусалиме и в Иерихоне, генерал К-й вдруг исчез, а чрез несколько недель нашли его труп, носивший следы насилий. Заиорданские бедуины, вероятно польстившись на ящики с книгами, в которых, как они предполагали, деньги и всякое добро, зарезали подвижника в его же собственной пещере» [15, с. 360].

Отдельно стоит рассмотреть эпизод, связанный с обстрелом русских паломников на р. Иордан в январе 1914 г., относительно подробно описанный в редакционной заметке журнала «Русский инвалид»: «Факт возмутительный, от которого веет тьмой средневековья, варварством... 6-го января текущего 1914 г. происходило торжественное освящение воды на реке Иордане. Русские паломники в громадном ко-

личестве усеяли берег... Вдруг группа бывших с толпой людей, одетых бедуинами, открыла пальбу картечью по находящимся паломникам, причем оказались убитые и раненые... По приказанию русского консула было произведено расследование, и некоторые виновники были арестованы, но суда еще не было» [24]. По всей видимости, «провокаторы» были хорошо осведомлены о циркулирующих в обществе слухах и страхах. Место происшествия было запечатлено на фотоснимке, опубликованном в журнале «Русский паломник» [29] (рис. 1).

Рис. 1. Место стрельбы по русским паломникам в январе 1914 г. [29]

В описанных выше нарративах можно выделить несколько характерных черт. Во-первых, тексты второй половины XIX в., в отличие от сообщений средневековых паломников, которые действительно можно соотнести с реальными опасностями, носят скорее характер городских легенд и обнаруживают близость с хорошо известной в христианском дискурсе притчей о самаряanine.

Подобное сходство отмечали и сами авторы. Например, А. Н. Муравьев, описывая дорогу к Иерихону, сообщал, что именно там «сбылась притча об ограбленном самаряanine» [22. С. 89]. Аналогичную отсылку к временам земной жизни Спасителя можно обнаружить в записке И. Кесаева, посетившего Святую Землю в самом конце XIX в. [18, с. 23].

Во-вторых, на тексте сказывался фактор предшествующего знания. Зачастую образованные авторы-паломники еще до начала путешествия познакомились с сочинениями своих предшественников и текстами Священного Писания. Немаловажную роль также играли и визуальные образы, подкреплявшие устойчивые сюжеты о

бедуинах-грабителях. Показательна в этом отношении картина для волшебного фонаря «Бедуины в ожидании каравана», созданная в конце XIX – начале XX в. [6] (рис. 2). На ней на фоне пустынного (предположительно, палестинского) пейзажа изображены вооруженные всадники, готовящиеся к нападению.

Рис. 2. Картина для волшебного фонаря «Бедуины в ожидании каравана», (конец XIX – начало XX в.) [6]

Об отставшей паломнице

Далеко не все сообщения о насилии в отношении паломников были связаны с грабежом и разбоем. Часть текстов описывает нападения, не преследовавшие цели завладения имуществом. Наиболее ранним таким примером является опубликованная в 1867 г. записка архимандрита Антонина (Капустина), в которой он сообщал: «... Вчера привели на постройки одну отставшую поклонницу, страшно изувеченную каким-то злодеем поблизости от Иордана. Она и две товарки нарочно остались от каравана, чтобы на просторе покупаться в священной реке. Затем потеряли дорогу, и напали на то, о чем, прежде всего, следовало подумать... Увидев беду, две из них пустились бежать, куда глаза глядят, оставивши третью одну бороться с разбойником. А не беги они... втроем могли бы задушить злодея, вооруженного, как говорят, одной только палкой, какой он потом душил несчастную жертву» [25, с. 235].

Похожий эпизод приводится в заметке М. Великолуцкой (вероятно, псевдоним), в которой она повествует о судьбе паломницы Агафьи, встреченной на русских постройках в Иерусалиме. Текст начинается с предостережения от самостоятельного путешествия к р. Иордан без прикрытия вооруженного конвоя: «Русские паломники тайно собираются небольшими группами и бесстрашно пускаются в путь пешком, рискуя столкновением с полудикими племенами кочевых бедуинов.... К такой-то группе мужчин примкнула и наша Агафья... Благополучно совершив свой... путь,

усталые... возвращались наши пилигримы... в гостеприимный приют Палестинского общества... Спеша укрыться от убийственных лучей полуденного солнца, богомольцы торопили свою отставшую спутницу. Но Агафье необходим был отдых... Ее спутники удалились... Недолго пришлось страннице наслаждаться отдыхом: молодые пастухи... заметили с ближайшей вершины сидевшую фигуру, напали на бедную женщину и увлекли ее в горные тущобы... Измучив паломницу до полусмерти, пастухи бросили свою жертву на произвол судьбы, среди диких скал... Но не судьба была умереть несчастной без погребения: она очнулась и, разбитая, еле живая, кое-как доползла к вечеру до "Русской постройки", где и была немедленно положена в русскую больницу» [10, с. 348–349].

Нетрудно заметить, что по своей структуре оба сюжета напоминают аналогичный случай с паломницей из текста А. Н. Муравьева.

Близким по содержанию оказывается замечание анонимного автора об опасностях, с которыми могут столкнуться: «Кроме нападений со стороны разбойников, кажется, уже не раз встречаемых нами, можно было ожидать нападения гиен и шакалов, которые, говорят, еще не так давно съели одну бедную слабую женщину, отставшую от своего каравана, так что спутники ее на возвратном пути где-то у пещеры нашли часть полусъеденной ноги ее» [23, с. 513].

Нарративы, в которых объектом нападения становились бы мужчины, практически не встречаются. Редким исключением является опубликованная в 1894 г. паломническая записка протоиерея Н. Соболева, в которой он повествует об избииении инока мужского монастыря преподобного Герасима Иорданского, возвращавшегося с р. Иордан: «Мы отдыхали и при нас явился в обитель избитый разбойниками инок... Обстоятельство это встревожило нас, тем... что и мы должны были идти... на Иордан этим же путем... в долине Иорданской... Много здесь растительности и удобств для укрывательства негодьям. Водятся здесь и бедуины... Идя по следам явившегося к нам раненого, мы скоро пришли к тому месту, где пострадал бедный и видели дубину в крови и кровью обогренную землю, людей же никого уже не было» [32, с. 225]. Заметим, что пострадавший инок не относился к числу русских паломников. И это, судя по всему, редкий случай, когда паломники действительно стали свидетелями преступления.

Заключение

Резюмируя сказанное, можно заключить, что лишь отдельные из перечисленных случаев основывались на реальных событиях. Это подтверждается тем, что в большинстве описанных эпизодов присутствуют элементы, характерные для слуха или городской легенды. Во-первых, обнаруживается явно выраженная структура повествования, хотя и имеющая некоторую вариативность: предостережение-запрет – нарушение запрета – наказание (т. е. завязка, кульминация и развязка). Во-вторых, отсутствует устойчивая текстовая структура и сложно развитая форма. В-третьих, в повествование введен *социокультурный другой* – бедуин-разбойник или араб-пастух, которому отводится роль источника культурного диссонанса. Это вполне соответствует логике городской легенды, описывающей угрозы, исходящие от людей. В-четвертых, присутствует отчетливо выраженная установка на достоверность. Однако во всех рассмотренных случаях, за исключением эпизода с нападением на инока, авторы не являются непосредственными очевидцами произошедшего.

Помимо этого, обращает на себя внимание тот факт, что большинство свидетельств преступной деятельности представляют собой нарративы, вдохновленные Священным Писанием и классическими текстами христианских паломников. Это прослеживается в устойчивом воспроизведении элементов притчи о самарянине (как в содержательном плане, так и в географической локализации событий).

Практически единодушное представление кочевников-бедуинов как главного источника опасности свидетельствует о нескольких моментах, лишь отчасти связанных с дискурсом ориентализма. С одной стороны, в паломнических записках действительно прослеживается стремление представить Восток как чуждое, дикое и опасное пространство – полную противоположность безопасного и цивилизованного Запада. С другой стороны, согласованное указание в печати на воображаемого врага может являться следствием моральной паники, которую, вероятно, пытались создать или поддержать представители Императорского православного палестинского общества (ИППО), стремившиеся теснее связать возросшие паломнические потоки с инфраструктурой Русской Палестины.

Список источников и литературы

1. Балдин К. Е. Восточная экзотика на страницах отечественных мемуаров: впечатления русских паломников второй половины XIX – начала XX в. // *Labyrinth: теории и практики культуры*. 2022. № 1. С. 7–22.
2. Балдин К. Е. Северные российские паломники в Палестине: становление национальной и религиозной идентичности на рубеже XIX – XX вв. // *Labyrinth: теории и практики культуры*. 2023. № 1. С. 39–45.
3. Балдин К. Е. Мемуары вятского священника Александра Трапицина о паломничестве в Палестину в 1894 г. // *Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья*. 2021. № 2. С. 5–16.
4. Балдин К. Е. Мемуары Н. Г. Гусева о паломничестве в Палестину (конец XIX в.) // *Вестник Ивановского государственного университета. Филология. История. Философия*. 2015. Вып. 3 (8). С. 33–43.
5. Балдин К. Е. Мемуары протоиерея Н. Карашевича о паломничестве в Палестину и на Афон в 1872 году // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2017. Т. 22, № 2. С. 35–46.
6. «Бедуины в ожидании каравана»: картина для волшебных фонарей... // ГОСКАТАЛОГ.РФ : электрон. база дан. Музейного фонда РФ : офиц. сайт. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=30817062> (дата обращения: 21.10.2025).
7. Беседа Преосвященного Никанора, епископа Смоленского и Дорогобужского, о путешествии в Вифлеем, окрестности его и к Мамврийскому дубу, сказанная в Смоленском Дворянском Собрании в мае месяце 1898 года // *Смоленские епархиальные ведомости*. 1898. № 17. С. 935–943.
8. Блинова Л. Н. Марко Джурич и другие проводники-черногорцы на службе ИППО // *Православный палестинский сборник*. 2024. № 110. С. 63–71.
9. Валитов А. А., Герасимова В. А. Образ евреев в записках сибирских паломников как фактор определения русской идентичности // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2020. № 64. С. 149–155.
10. Великолуцкая М. Слепая паломница (Из воспоминаний о Палестине) // *Русский паломник*. 1903. № 20. С. 348–349.
11. Воображая Палестину: Святая земля и русская идентичность XIX – начале XXI в. : кол. монография. СПб.: Нестор-История, 2021. 776 с.
12. Грушевой А. Г. Специфические черты российского паломничества в Палестину на рубеже XIX–XX вв. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. 2017. Т. 36. С. 62–77.
13. Дорохова И. А. Деятельность Императорского Православного Палестинского общества на Святой Земле в конце XIX в. в путевых заметках паломника Е. Мерцалова // *Рябининские чтения – 2019 : материалы VIII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера*. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. С. 48–50.
14. Душакова И. С. Еврейская тема в дневниках и путевых заметках христианских паломников, посетивших Палестину в конце XIX – начале XX веков // *Научный диалог*. 2019. № 5. С. 184–196.
15. Елисеев А. В. В долине Иордана // *Русский паломник*. 1886. № 35. С. 359–362.

16. *Елисеев А. В.* Поперек Малой Азии и сухопутная дорога в Святую Землю // Русский паломник. 1887. № 35. С. 404–406.
17. *Каиль М. В.* Три поколения в историографическом осмыслении российского присутствия в Святой Земле, конец XIX–XXI вв. // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. 2023. № 1. С. 32–47.
18. *Кесаев И.* На берегах Иордана // Русский паломник. 1898. № 2. С. 23–27.
19. Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. / сост., подгот. текста, пер., вступ. статья и коммент. Н. И. Прокофьева. М.: Сов. Россия, 1984. 448 с.
20. *Лисовой Н. Н.* Откровение Святой Земли. М.: Дарь, 2012. 476 с.
21. *Мерцалов Е.* Иордан и Мертвое море (из путевых очерков паломника // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 9. С. 334–340.
22. *Муравьев А. Н.* Из книги «Путешествие ко Святым местам в 1830 году» // Путешествия в Святую Землю: Записки русских паломников и путешественников XII–XX вв. М.: журн. «Лепта», 1995. С. 87–103.
23. О путешествии на Иордан (Воспоминание) // Смоленские епархиальные ведомости. 1897. № 9. С. 509–523;
24. Обзор печати // Русский инвалид. 1914. № 83. С. 6.
25. П-ни П. Г. 6-е января на Иордане // Херсонские епархиальные ведомости. 1867. № 6. С. 206–235.
26. *Панченко К. А.* "Темный век" палестинского монашества: упадок и возрождение ближневосточных монастырей на рубеже мамлюкской и османской эпох // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 3: Филология. 2018. № 57. С. 59–88.
27. *Панченко К. А.* Монастыри и бедуины в османской Палестине и на Синае (XVI – первая пол. XIX в.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 3: Филология. 2007. № 1. С. 68–98.
28. *Панченко К. А.* Сказание об истреблении иноков лавры св. Саввы (к реконструкции исторической мифологии палестинского монашества) // Вестник Московского университета. Сер. 13: Востоковедение. 2020. № 1. С. 106–120.
29. *Посадов Е.* Русские уголки в Палестине : бытовой очерк // Русский паломник. 1914. № 19. С. 302.
30. *Потехина Д. К.* Образ Палестины в свидетельствах сибирских паломников и путешественников конца XIX – начала XX века // Православие. Наука. Образование : сб. ст. Т. 3, вып. 11. Нижневартовск: Нижневарт. гос. ун-т, 2021. С. 78–83.
31. Путешествие Зевульфа в Святую Землю 1102–1103 гг. // Православный Палестинский сборник. Прил. 5. 1885. № 8–9. С. 259–291.
32. Путешествие протоиерея Николая Соболева во град Иерусалим... // Костромские епархиальные ведомости. 1894. № 9. С. 213–229.
33. Путешествия в Святую Землю: Записки русских паломников и путешественников XII–XX вв. М.: журн. «Лепта», 1995. 255 с.
34. Странствования Василья Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1885. С. 425 с.
35. Ф. Ш. Иерусалим (из заметок паломника) // Русский паломник. 1887. № 43. С. 525–528.
36. Хождение Даниила, игумена Русской земли // Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М.: Сов. Россия, 1984. С. 204–254.
37. Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину // Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М.: Сов. Россия, 1984. С. 298–315.
38. *Цысь В. В., Цысь О. П.* Паломничество жителей Западной Сибири в Палестину в конце XIX – начале XX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер.: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 6 (61). С. 73–90;
39. *Шапвалов М. С.* Инциденты на пароходах Русского общества пароходства и торговли и повседневность паломников на пути в Палестину и обратно в конце XIX – начале XX века // Христианство на Ближнем Востоке. 2024. Т. 8, № 3. С. 34–54.

40. Ювачев И. Поездка на Иордан (Из записной книжки русского паломника) // Русский паломник. 1902. № 1. С. 6–9.
41. Якушев М. М. Русское православное паломничество на Ближний Восток в контексте осmano-российских отношений (1774–1847 гг.). М.: Индрик, 2018. 512 с.
42. Bucknill J. A. S., Utidjian H. A. S. The Imperial Ottoman Penal Code: A translation from the Turkish text with latest additions and amendments together with annotations and explanatory commentaries... London: H. Milford; Oxford University Press, 1913. 265 p.
43. Law and legality in the Ottoman Empire and Republic of Turkey / ed. K. F. Schull, M. S. Saracoglu, R. W. Zens. Bloomington: Indiana University Press, 2016. 207 p.

References

1. Baldin, KE 2022, ‘Vostochnaya ekzotika na stranitsakh otechestvennykh memuarov: vpechatleniya russkikh palomnikov vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.’ (Oriental Exoticism on the Pages of Domestic Memoirs: Impressions of Russian Pilgrims of the Second Half of the 19th - Early 20th Century), *Labyrinth: teorii i praktiki kultury* (Labyrinth. Theories and practices of culture), no. 1, pp. 7–22. (In Russ.)
2. Baldin, KE 2023, ‘Severnyye rossiyskiye palomniki v Palestine: stanovleniye natsionalnoy i religioznoy identichnosti na rubezhe XIX – XX vv.’ (Northern Russian Pilgrims in Palestine: the Formation of National and Religious Identity at the Turn of the 19th–20th Centuries), *Labyrinth: teorii i praktiki kultury*, (Labyrinth. Theories and practices of culture), no. 1, pp. 39–45. (In Russ.)
3. Baldin, KE 2021, ‘Memuary vyatskogo svyashchennika Aleksandra Trapitsina o palomnichestve v Palestinu v 1894 g.’ (Memoirs of Vyatka Priest Alexander Trapitsyn on the Pilgrimage to Palestine in 1894), *Istoriko-kulturnoye naslediyе narodov Uralo-Povolzhya* (Historical and Cultural Heritage of the Ural-Volga Region Peoples), no. 2, pp. 5–16. (In Russ.)
4. Baldin, KE 2015, ‘Memuary N. G. Guseva o palomnichestve v Palestinu (konets XIX v.)’ (N. Gusev Memoirs about the Pilgrimage to the Palestine at the End of the 19th C), *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Istoriya. Filosofiya* (Ivanovo State University Bulletin. Philology. History. Philosophy), no. 3 (8), pp. 33–43. (In Russ.)
5. Baldin, KE 2017, ‘Memuary protoiyereya N. Karashevicha o palomnichestve v Palestinu i na Afon v 1872 godu’ (Memoirs of Archpriest N. Karashevich on the Pilgrimage to Palestine and to Mount Athos in 1872), *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya* (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations), vol. 22, no. 2, pp. 35–46. (In Russ.)
6. ‘Beduiny v ozhidanii karavana...’ (Bedouin Awaiting a Caravan) 2022, *GOSKATALOG.RF*, viewed 21 October 2025, <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=30817062>. (In Russ.)
7. ‘Beseda Preosvyashchennogo Nikanora, yepiskopa Smolenskogo i Dorogobuzhskogo, o puteshestvii v Vifleyem, okrestnosti yego i k Mamvriyskomu dubu, skazannaya v Smolenskon Dvoryanskom Sobranii v maye mesyatse 1898 goda’ (A Discourse of His Grace Bishop Nikanor of Smolensk and Dorogobuzhsk About a Journey to Bethlehem, Its Environs and to the Oak of Mamvri, Delivered in the Smolensk Nobility Assembly in May 1898) 1898, *Smolenskiye yeparkhialnyye vedomosti*, no. 17, pp. 935–943. (In Russ.)
8. Blinova, LN 2024, ‘Marko Djurich i drugiye provodniki-chernogortsy na sluzhbe IPPO’ (Marco Djuric and Other Montenegrin Guides on the IOPS Service), *Pravoslavnyy palestinskiy sbornik*, no. 110, pp. 63–71. (In Russ.)
9. Valitov, AA & Gerasimova, VA 2020, ‘Obraz yevreyev v zapiskakh sibirskikh palomnikov kak faktor opredeleniya russkoy identichnosti’ (The Image of Jews in the Records of Siberian Pilgrims as a Factor in Determining Russian Identity), *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* (Tomsk State University Journal of History), no. 64, pp. 149–155. (In Russ.)

10. Velikolutskaya, M 1903, 'Slepaya palomnitsa (Iz vospominaniy o Palestine)' (Blind Pilgrim Woman (From Memories of Palestine)), *Russkiy palomnik*, no. 20, pp. 348–349. (In Russ.)
11. *Voobrazhaya Palestinu: Svyataya zemlya i russkaya identichnost' XIX – nachale XXI v.* (Imagining Palestine: The Holy Land and Russian Identity in the 19th – Early 21st Centuries) 2021, Nestor-Istoriya publ, St. Petersburg. (In Russ.)
12. Grushevoy, AG 2017, 'Spetsificheskiye cherty rossiyskogo palomnichestva v Palestinu na rubezhe XIX – XX vv.' (Specific Features of Russian Pilgrimage to Palestine at the Turn of the 19th–20th Centuries), *Vspomogatelnyye istoricheskiye distsipliny* (Auxiliary sciences of history), vol. 36, pp. 62–77. (In Russ.)
13. Dorokhova, IA 2019, 'Deyatelnost Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva na Svyatoy Zemle v kontse XIX v. v putevykh zametkakh palomnika Ye. Mertsalova' (Activity of the Imperial Orthodox Palestine Society in the Holy Land in the Late 19th Century in the Travel Notes of Pilgrim E. Mertsalov), *Ryabininskiye chteniya – 2019: Materialy VIII konferentsii po izucheniyu i aktualizatsii kulturnogo naslediya Russkogo Severa* (Ryabininskiye chteniya– 2019. Proceedings of the 8th Conference on the Study and Actualization of Cultural Heritage of the Russian North), ed. I.I. Vdovenko, Petrozavodsk, pp. 48–50. (In Russ.)
14. Dushakova, IS 2019, 'Yevreyskaya tema v dnevnikakh i putevykh zametkakh khristianskikh palomnikov, posetivshikh Palestinu v kontse XIX – nachale XX vekov' (Jewish Theme in Diaries and Travel Notes of Christian Pilgrims Who Visited Palestine in the Late 19th – Early 20th Centuries), *Nauchnyi Dialog*, no. 5, pp. 184–196. (In Russ.)
15. Yeliseyev, AV 1886, 'V doline Iordana' (In the Valley of the Jordan), *Russkiy palomnik*, no. 35, pp. 359–362. (In Russ.)
16. Yliseyev, AV 1887, 'Poperek Maloy Azii i sukhoputnaya doroga v Svyatuyu Zemlyu' (Across Asia Minor and the Overland Route to the Holy Land), *Russkiy palomnik*, no. 35, pp. 404–406. (In Russ.)
17. Kail, MV 2023, Tri pokoleniya v istoriograficheskom osmyslenii rossiyskogo prisutstviya v Svyatoy Zemle, konets XIX–XXI vv. (Three Generations in the Historiographical Understanding of Russian Church-Political Presence in the Holy Land, the end of the 19th – 21st Centuries), *Vestnik RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya"* (RGGU Bulletin Series "Political Science. History. International Relations"), no. 1, pp. 32–47. (In Russ.)
18. Kesayev, I 1898, 'Na beregakh Iordana' (On the Banks of the Jordan), *Russkiy palomnik*, no. 2, pp. 23–27. (In Russ.)
19. Prokofyev, NI (ed.) 1984, *Kniga khozheniy. Zapiski russkikh puteshestvennikov XI–XV vv.* (Book of Pilgrimages. Records of Russian Travelers of the 11th–15th Centuries), Sovetskaya Rossiya publ, Moscow. (In Russ.)
20. Lisovoy, NN 2012, *Otkroveniye Svyatoy Zemli* (Revelation of the Holy Land), Dar publ, Moscow. (In Russ.)
21. Mertsalov, E 1900, 'Iordan i Mertvoye more (iz putevykh ocherkov palomnika)' (Jordan and the Dead Sea (From the Pilgrim's Travel Essays)), *Olonetskiye yeparkhialnyye vedomosti*, no. 9, pp. 334–340. (In Russ.)
22. Muravyov, AN 1995, 'Iz knigi "Puteshestviye ko Svyatym mestam v 1830 godu" (From the Book "Journey to Holy Places in 1830")', *Puteshestviya v Svyatuyu Zemlyu: Zapiski russkikh palomnikov i puteshestvennikov XII–XX vv. Prilozheniye k zhurnalu "Lepta"* (Travels to the Holy Land: Notes of Russian Pilgrims and Travelers of the 12th–20th Centuries. Supplement to the Journal "Lepta"), Moscow, pp. 87–103. (In Russ.)
23. 'O puteshestvii na Iordan (Vospominaniye)' (On a Journey to the Jordan (Reminiscence)) 1897, *Smolenskiye yeparkhialnyye vedomosti*, no. 9, pp. 509–523. (In Russ.)
24. 'Obzor pechati' (Review of the Press) 1914, *Russkiy invalid*, no. 83, p. 6. (In Russ.)
25. P–ni, PG 1867, '6-ye yanvary na Iordane' (January 6th on the Jordan), *Khersonskiy yeparkhialnyye vedomosti*, no. 6, pp. 206–235. (In Russ.)

26. Panchenko, KA 2018, “Temnyy vek” palestinskogo monashestva: upadok i vrozozhdeniye blizhnevostochnykh monastyrey na rubezhe mamlyukskoy i osmanskoy epokh’ (“The Dark Age” of Palestinian Monasticism: Decline and Revival of Near Eastern Monasteries at the Turn of the Mamluk and Ottoman Eras), *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonskogo gumanitarnogo universiteta: Filologiya* (St. Tikhon’s University Review. Series III: Philology), no. 57, pp. 59–88. (In Russ.)
27. Panchenko, KA 2007, ‘Monastyri i beduiny v osmanskoy Palestine i na Sinaye (XVI – pervaya pol. XIX v.)’ (Monasteries and Bedouins in Ottoman Palestine and Sinai under the Ottomans (16th – First Half of the 19th Centuries)), *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonskogo gumanitarnogo universiteta: Filologiya* (St. Tikhon’s University Review. Series III: Philology), no. 1, pp. 68–98. (In Russ.)
28. Panchenko, KA 2020, ‘Skazaniye ob istreblenii inokov lavry sv. Savvy (k rekonstruktsii istoricheskoy mifologii palestinskogo monashestva)’ (A Legend on a Massacre of Monks of the Mar Saba Monastery: a Historical Mythology of the Palestinian Monasticism), *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13: Vostokovedeniye* (Moscow University Bulletin. Series 13. Oriental Studies), no. 1, pp. 106–120. (In Russ.)
29. Posadov, Ye 1914, ‘Russkiye ugolki v Palestine. Bytovoy ocherk Ye. Posadova’ (Russian Corners in Palestine. Essay by E. Posadov), *Russkiy palomnik*, no. 19, p. 302. (In Russ.)
30. Potekhina, DK 2021, ‘Obraz Palestiny v svidetelstvakh sibirskikh palomnikov i puteshestvennikov kontsa XIX – nachala XX veka’ (The Image of Palestine in the Testimonies of Siberian Pilgrims and Travelers of the Late 19th – Early 20th Centuries), *Pravoslaviye. Nauka. Obrazovaniye*, vol. 3, no. 11, Nizhnevartovskiy gosudarstvennyy universitet publ, Nizhnevartovsk, pp. 78–83. (In Russ.)
31. ‘Puteshestviye Zevulfa v Svyatuyu Zemlyu 1102–1103 gg.’ (The Journey of Zevulf to the Holy Land 1102–1103) 1885, *Pravoslavnyy palestinskiy sbornik. Prilozheniye 5* (The Orthodox Palestinian Collection. Appendix 5), no. 8–9, pp. 259–291. (In Russ.)
32. ‘Puteshestviye protoiyereya Nikolaya Soboleva vo grad Iyerusalim...’ (The Journey of Protopriest Nikolay Sobolev to the City of Jerusalem...) 1894, *Kostromskiye yeparkhialnyye vedomosti*, no. 9, pp. 213–229. (In Russ.)
33. ‘Puteshestviya v Svyatuyu Zemlyu: Zapiski russkikh palomnikov i puteshestvennikov XII–XX vv.’ (Travels to the Holy Land: Notes of Russian Pilgrims and Travelers of the 12th–20th Centuries) 1995, *Prilozheniye k zhurnalu “Lepta”* (Supplement to the journal “Lepta”), Moscow. (In Russ.)
34. Grigorovich-Barskiy, V. 1885, *Stranstvovaniya Vasiliya Grigorovicha-Barskogo po svyatyam mestam Vostoka s 1723 po 1747 g.* (Wanderings of Vasily Grigorovich-Barsky to the Holy Places of the East from 1723 to 1747), Tipografiya V. Kirshbauma publ, St. Petersburg. (In Russ.)
35. FSh 1887, ‘Iyerusalim (iz zametok palomnika)’ (Jerusalem (from the Notes of a Pilgrim), *Russkiy palomnik*, no. 43, pp. 525–528. (In Russ.)
36. ‘Khozeniye Daniila, igumena Russkoy zemli (The Pilgrimage of Daniel, Hegumen of the Russian Land)’ 1984, *Kniga khozheniy. Zapiski russkikh puteshestvennikov XI–XV vv.* (Book of Pilgrimages. Records of Russian Travelers of the 11th–15th Centuries), ed. N.I. Prokofyev, Sovetskaya Rossiya publ, Moscow, pp. 204–254. (In Russ.)
37. ‘Khozheniye Zosimy v Tsar'grad, Afon i Palestinu’ (The Pilgrimage of Zosima to Constantinople, Athos and Palestine) 1984, in N.I. Prokofiev (ed.), *Kniga khozheniy. Zapiski russkikh puteshestvennikov XI–XV vv.* (Book of Pilgrimages. Records of Russian Travelers of the 11th–15th Centuries), ed. N.I. Prokofyev, Sovetskaya Rossiya publ, Moscow, pp. 298–315. (In Russ.)
38. Tsys, VV & Tsys, OP 2014, ‘Palomnichestvo zhiteley Zapadnoy Sibiri v Palestinu v kontse XIX – nachale XX v.’ (Pilgrimage of West Siberian Residents to Palestine at the end of 19th – beginning of 20th century), *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonskogo gumanitarnogo uni-*

- versiteta: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* (St. Tikhon's University Review. Series II: History. Russian Church History), no. 6 (61), pp. 73–90. (In Russ.)
39. Shapovalov, MS 2024, 'Intsidenty na parokhodakh Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli i povsednevnost palomnikov na puti v Palestinu i obratno v kontse XIX – nachale XX veka' (Incidents on the Ships of the Russian Society of Shipping and Trade and the Daily Life of Pilgrims on Their Journey to and from Palestine in the Late 19th – Early 20th Century), *Khristianstvo na Blizhnem Vostoke* (Christianity in the Middle East), vol. 8, no. 3, pp. 34–54. (In Russ.)
40. Yuvachev, I 1902, 'Poyezdka na Iordan (Iz zapisnoy knizhki russkogo palomnika)' (A Trip to the Jordan (From a Russian Pilgrim's Notebook), *Russkiy palomnik*, no. 1, pp. 6–9. (In Russ.)
41. Yakushev, MM 2018, *Russkoye pravoslavnoye palomничество na Blizhniy Vostok v kontekste osmano-rossiyskikh otnosheniy (1774–1847 gg.)* (Russian Orthodox Pilgrimage to the Middle East in the Context of Ottoman-Russian Relations (1774–1847)), Indrik publ, Moscow. (In Russ.)
42. Bucknill, JAS & Utidjian, HAS 1913, *The Imperial Ottoman Penal Code: A translation from the Turkish text with latest additions and amendments together with annotations and explanatory commentaries...* Oxford University Press publ, London, Government Printing Office publ, Nicosia.
43. Schull, KF, Saracoglu, MS & Zens, RW (eds.) 2016, *Law and legality in the Ottoman Empire and Republic of Turkey*, Indiana University Press publ, Bloomington.

Статья поступила в редакцию: 02.12.2025
Одобрена после рецензирования: 13.02.2026
Принята к публикации: 02.03.2026

The article was submitted: 02.12.2025
Approved after reviewing: 13.02.2026
Accepted for publication: 02.03.2026

Научная статья

УДК 94(510) "1900"+356:359"1900"

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-23-34>

ВОЕННЫЙ АГЕНТ В. Н. ШЕБЕКО ОБ УЧАСТИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ США В КИТАЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1900 Г.

*Сергей Дмитриевич
Никитенко*

Государственный академический университет
гуманитарных наук
Москва, Россия, serg777nikitenko@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0006-0978-5563>

Аннотация. На заре XX в., в период, предшествующий масштабным мировым конфликтам, институт военных агентов, несмотря на свою относительную малоизвестность, играл определяющую роль в формировании внешнеполитической стратегии Российской империи. Исследование этого исторического пласта приобретает особую актуальность для формирования объективного представления о сложной динамике российско-западных и российско-американских отношений, а также о механизмах осуществления внешней политики как в ретроспективе, так и в современном контексте. Данная статья посвящена анализу донесений российского военного агента в Вашингтоне, подполковника В.Н. Шебеко, на основе ряда ранее неопубликованных документов из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). В центре внимания – сведения о вовлеченности вооруженных сил США в процесс подавления китайского восстания ихэтуаней летом 1900 г. В.Н. Шебеко в своих рапортах подробно излагает историю подготовки и обстоятельства проведения данной военной экспедиции, приводит количественные данные о задействованном американском контингенте, а также анализирует ключевые боевые эпизоды и их итоги. Автор приходит к выводу, что анализ донесений В.Н. Шебеко свидетельствует о значительной роли США и их вооруженных сил в подавлении Боксерского восстания. Участие Америки в данном конфликте стало не только показательным примером отхода от традиционной политики изоляционизма в международных делах, но и послужило катализатором для дальнейших изменений в оборонной политике страны, обусловленных необходимостью соответствия ее новому статусу мировой державы. Вместе с тем деятельность В.Н. Шебеко как военного агента в Вашингтоне является показательным примером высокого профессионализма российской военной разведки в начале XX в.

Ключевые слова: Китай, международные отношения на Дальнем востоке, Боксерское восстание, вооруженные силы США, колониализм, начало XXв.

Для цитирования: Никитенко С. Д. Военный агент В. Н. Шебеко об участии вооруженных сил США в китайской экспедиции 1900 г. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 1 (25). С. 23–34. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-23-34>

Сведения об авторе: С. Д. Никитенко – аспирант кафедры всеобщей истории, Государственный академический университет гуманитарных наук, 119049, Россия, г. Москва, Мароновский переулок, д. 26.

© Никитенко С. Д., 2026

Scientific Article

UDC 94(510) "1900"+356:359"1900"

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-23-34>

MILITARY AGENT V. N. SHEBEKO ABOUT THE PARTICIPATION OF THE US ARMED FORCES IN THE CHINESE EXPEDITION OF 1900

Sergey D. Nikitenko

State Academic University for the Humanities
Moscow, Russia, serg777nikitenko@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0006-0978-5563>

Abstract. At the dawn of the 20th century, in the period preceding large-scale global conflicts, the net of military agents, despite its relative obscurity, played a decisive role in shaping the foreign policy strategy of the Russian Empire. The study of this historical stratum becomes particularly relevant for forming an objective understanding of the complex dynamics of Russian-Western and Russian-American relations, as well as the mechanisms of foreign policy implementation both in retrospect and in the modern context. This article analyzes the reports of the Russian military agent in Washington, lieutenant colonel V.N. Shebeko, based on a number of previously unpublished documents from the collections of the Russian State Military Historical Archive. The focus is on the information about the involvement of the U.S. armed forces in the suppression of the Yihetuan Movement in the summer of 1900. In his reports, V.N. Shebeko describes in detail the history of the preparation and circumstances of this military expedition, provides quantitative data on the American contingent involved, and analyzes key combat episodes and their results. The author concludes that the analysis of V.N. Shebeko's reports indicates the significant role of the United States and its armed forces in suppressing the Boxer Rebellion. America's involvement in this conflict was not only an illustrative example of a departure from the traditional policy of isolationism in international affairs, but also served as a catalyst for further changes in the country's defense policy due to the need to comply with its new status as a world power. At the same time, V.N. Shebeko's activity as a military agent in Washington is an illustrative example of the high professionalism of Russian military intelligence at the beginning of the 20th century.

Keywords: China, international affairs in the Far East, Boxer Rebellion, US armed forces, colonialism, early 20th century.

For citation: Nikitenko, SD 2026, 'Military Agent V. N. Shebeko about the Participation of the US Armed Forces in the Chinese Expedition of 1900', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (25), pp. 23–34, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-23-34> (in Russ.)

Information about the Author: *Sergey D. Nikitenko* – postgraduate student of the Department of World History, State Academic University for the Humanities, 26, Maronovskiy per., Moscow, 119049, Russia.

© Nikitenko S. D., 2026

Введение

Концепция «жесткой силы» – один из ключевых элементов международных отношений и внешней политики, истоки которой прослеживаются до древних времен, когда государства и народы стремились утвердить и защитить свое влияние и интересы военной силой. Ярким примером применения «жесткой силы» можно считать участие американских вооруженных сил в подавлении Боксерского восстания в Китае (1899 – 1901 гг.) в ходе интервенции коалиционных сил «Альянса восьми держав», именуемой в США как «The China Relief Expedition»¹, т.е. «Китайская экспедиция по оказанию помощи» иностранным гражданам и дипломатическим миссиям, оказавшимся в осаде в Пекине летом 1900 г.

Как отмечал российский посол в США, граф А. П. Кассини в депеше от 19 марта 1899 г.² в контексте победы Америки над Испанией в ходе войны 1898 г., «в виду вступления Соединенных Штатов в новую роль державы, принимающей участие в решении вопросов международной политики... вопрос об американской армии... не может не представлять интереса для иностранных держав» [9, л. 75 об.]. В связи с этим благодаря ходатайству российского Военного министерства в том же 1899 г. в Вашингтоне была воссоздана³ должность российского военного агента, которую в период с 28 октября 1899 г. по 24 ноября 1901 г. [13, л. 13 об.] занимал подполковник Вадим Николаевич Шебеко (1864–1943)⁴ – официальный член дипломатической миссии, прикомандированной в США.

В его обязанности по специальной инструкции военным агентам (или лицам, их заменяющим) от 16 декабря 1880 г. входила подготовка и отправка в Главный штаб (далее – ГШ) Военного министерства «ясного и верного отчета об оборонительной и наступательной готовности», т.е. военного потенциала Америки [1, с. 87, 88]. И одним из важнейших результатов его деятельности в статусе так называемого дипломата в погонах в Вашингтоне стало составление им ряда донесений, посвященных участию вооруженных сил США в упомянутой выше китайской экспедиции 1900 г., основополагающим из которых является «Краткий очерк военных действий американских войск» в одноименной компании, отправленный В. Н. Шебеко в ГШ 27 февраля 1901 г. в рапорте за № 56, и основу которого составили исключительно официальные данные, в том числе рапорт командующего войсками США в Китае, генерала А. Р. Чаффи «секретарю по военным делам», т.е. генерал-адъютанту Г. К. Корбину [11, л. 19].

Результаты

Свои прогнозы касаясь активного участия американской армии в Китае В. Н. Шебеко представил еще 5 июня 1900 г. в рапорте № 5, в котором он, учитывая приближающиеся выборы Президента США в ноябре 1900 г. и изменившееся мировоззрение самих американцев, у которых за периоды испано-американской (1898 г.) и филиппино-американской (1899–1902 гг.) войн явственнее стало проявляться «отвлечение к дальним экспедициям и страстное желание вернуться к вопросам внутренней политики» [15, л. 11 об.], отмечает, что «в таких условиях затевать новую войну едва ли благоразумно» [15, л. 12 об., 13, 13 об.–14]. Что касается самих китайцев, то среди граждан США в тот период наблюдался стойкий образ первых как «отсталого и презираемого народа» [27, р. 501]. В итоге наиболее вероятным исходом военный агент считает политику невмешательства, не исключая, что, если восстание ихэтуаней примет особенно острый характер, американское правительство может прибегнуть к демонстрациям в виде высадки вооруженного контингента [15, л. 16, 16 об.].

В своем «Очерке...» он отмечает, что последующие события развивались следующим образом. 1 июня 1900 г. «для защиты интересов граждан США» выяснилась необходимость подкрепить находившиеся в Китае части морской пехоты (814 чел.)

под руководством командующего американскими силами в Таку⁵ адмирала Л. Кемпфа войсками из Филиппин [11, л. 21]. В результате 3 июня правительством США последовало распоряжение Военному губернатору Филиппин, генералу А. Макартуру об отправке из Манилы 9-го пехотного полка (полковник Э. Г. Лискум), который прибыл в Китай 14 июня [15, л. 21 об.].

Первой серьезной проверкой для американских вооруженных сил стало их участие в штурме юго-западной части городской стены Тяньцзиня 30 июня⁶. Атаке подверглись два батальона майоров Ли и Ригана 9-го пехотного полка, а также полк морских пехотинцев полковника Р. Л. Мида, вместе с франко-англо-японскими частями, войдя в состав отряда английского командующего, генерала сэра А. Дорварда [23, р. 137]. Как указывает военный агент, военные, находясь на крайнем фланге союзников и оставаясь «прижатыми к земле... в воде по самые подмышки» [28, р. 31] в течение 15 ч. под шквальным огнем китайской артиллерии, потеряли в этот день 18 чел. убитыми и 77 ранеными [11, л. 22 об.], в том числе и самого командира 9-го пехотного полка Лискума, который, увидев, что знаменосец полка погиб, бросился поднимать знамена; в этот момент пуля попала ему в живот [20, р. 87–88]⁷.

«Мы попали под резкий огонь китайцев, находились на открытой равнине, где почти не было укрытий, кроме китайских могил... Я был безоружен и едва мог заставить свои ноги двигаться вперед...» [26, р. 53], – вспоминал впоследствии будущий 31-й Президент США Г. Гувер, который участвовал в штурме в качестве «топограф-консультанта»⁸. 1 июля, после захвата Тяньцзиня союзными войсками, ставшего для китайцев большим ударом [16, с. 52], американские части охраняли его юго-восточные кварталы [11, л. 22 об.–23].

Важно отметить, что со взятием города в нем наблюдались частые эпизоды проявления мародерства со стороны союзных войск, в том числе и США. Несмотря на то что, как указывает В.Н. Шебеко, американским генерал-адъютантом Корбиным 8 июля была отправлена в Тяньцзинь специальная телеграмма, в которой американским солдатам приказывалось строго «требовать абсолютного уважения к личности и имуществу невооруженных жителей... и строго выискивать с виновных в грабежах...» [11, л. 23], гражданское население серьезно пострадало от их действий. Так, солдаты разбивали изысканные изделия из фарфора и нефрита, разбрасывали редкие меха в поисках серебряных слитков: «город был полон... драгоценностей. Я получил серебра на 500 долл., все, что смог взять с собой, и серебряные часы...» [32, р. 187–188], – указывает в письме своей сестре американский морской пехотинец Г. Кинман.

17 июля в Тяньцзинь прибыл назначенный командующим американскими силами в Китае Чаффи, получивший конкретные инструкции, в которых от него требовалось «приложить все старания» в переговорах с Кемпфом для достижения согласия в дальнейших совместных действиях, что было выражено в делегировании руководства над всем американским военным контингентом в Китае первому [11, л. 23–24]. Там же указывалось, что, несмотря на возможность Чаффи в качестве командующего в основном руководствоваться «личным тактом», все же приоритетной задачей всей кампании была защита сугубо американских интересов. Во многом благодаря такой позиции, в данных инструкциях указывалось, например, что, несмотря на разрешение участвовать в совместных с другими странами альянса войск, количество войск США не должно было быть слишком широким, дабы не ослаблять весь «американский отряд... как самостоятельную организационную единицу» [11, л. 23 об.–24].

В результате Чаффи имел в своем подчинении войска 9-го пех. полка (полковник Ч.А. Кулидж), 8 рот 14-го пехотного полка (полковник А. С. Дэггет), одну легкую батарею F 5-го артиллерийского полка (капитан Г. Дж. Рейли), части инженерного

батальона и сигнального корпуса, батальон (ок. 400 чел.) морской пехоты (майор Биддл), а также дополнительное усиление из Манилы в виде частей 6-го кавалерийского полка⁹ (полковник Т. Д. Уинт) [11, л. 24] Общая численность военных составила 3 700 чел., и к середине сентября 1900 г. было запланировано увеличить ее до 12 500 чел. [10, л. 13 об.]. Важно отметить, что, как указывает В. Н. Шебеко в рапорте № 19 от 17 июля 1900 г., спешность, с которой отправляли войска в Китай, приводила к тому, что рекруты только непосредственно во время плавания в Китай получали первое понятие о военной службе, а об искусстве верховой езды – лишь по прибытию [10, л. 15 об.].

После проведенного 19 июля совещания командующих генералов о продолжении наступления на Пекин, коалиционные войска столкнулись с китайцами у Пейцзанга. Как указывает военный агент, японо-англо-американский отряд, занимавший правый берег р. Пейхо, обнаружил строившего земляные окопы противника, силы которого были определены в 10000–12000 чел. [11, л. 24–24 об.]. Было принято решение начать наступление 23 июля, имея численность всего сухопутного отряда в 19100 чел., из которых американцев было 2500 чел. (полные составы 9-го и 14-го пехотных полков вместе с батальоном морской пехоты) [11, л. 24 об.]. По плану атаки японцы, следом за которыми шли англичане и американцы, выступающие от захваченного еще Сеймуром Большого арсенала Си-Ку в июне 1900 г.¹⁰, должны были обойти китайцев справа. Тем не менее, японский отряд столь удачно выполнил свою задачу, что последние так и не вступили в бой, продолжив следовать за японцами в колонне [11, л. 25–25 об.].

«Мы шли вдоль реки (Пейхо – *С.Н.*). Она была завалена телами мертвых китайцев. Вдоль линии марша лежало еще больше убитых – последствия японского сражения» [18, р. 47], – вспоминал впоследствии один из участников событий, лейтенант морской пехоты США Ф.М. Уайз. В дальнейшем вместе с продолжавшим преследование отступающего к Янцуну противника японским отрядом американцы проследовали на север, где в 1 миль к северо-западу от Пейцзанга они бивакировали у дер. Ту-ва-ше, не потеряв при захвате города раненым или убитым ни одного солдата [11, л. 25 об.].

24 июля войска направились на Янцун, в сражении при котором американцы приняли на себя основной удар. Как отмечает В. Н. Шебеко, войска Соединенных Штатов двигались к городу по левому берегу р. Хайхэ вместе с английскими, французскими и русскими войсками вдоль железнодорожной насыпи [11, л. 25 об.–26]. Неприятель занял позицию в 1,5 мили от Янцуна перед мостом, где сходились железная и прибрежная дороги. По просьбе командующего английским контингентом генерала А. Гэзели Чаффи передал в командование первого 14-й пехотный полк, который, составив продолжение британской линии, наступал с западной стороны железной дороги. Чаффи в обратном направлении был отправлен эскадрон британской конницы, который прикрывал правый фланг всей линии. В то же время 9-й пехотный полк, морские пехотинцы и батарея развернули боевой порядок восточнее железной дороги, поддерживая 14-й пехотный полк и англичан [11, л. 26–26 об.]. «В начале наступления мы (1-й полк морской пехоты – *С.Н.*) попали под обстрел... На одном из этапов боя мы обнаружили кавалерию противника справа от нас и обратили её в бегство несколькими меткими залпами» [30, р. 1267], – указывает в официальном рапорте командир 1-го полка морской пехоты майор У. П. Биддл.

Находясь под неприятельским огнем, части 14-го пехотного полка при поддержке батареи отбросили китайцев, что позволило им вместе с поддерживавшими их слева англичанами продолжить наступление на Янцун и выбить китайцев, потеряв убитыми и ранеными 64 чел., из которых около 30 чел. погибли от случайного огня русско-французских батарей, когда полк уже выбил неприятеля с позиций [11,

л. 27]. Как рассуждает военный агент, потерь могло быть в разы меньше, если бы Чаффи столь активно не поддерживал Гэзели справа и, следовательно, не менял вектор атаки 14-пехотного полка на участок, на котором «не было достаточного места для правильного развертывания» [11, л. 27 об.]. В то же время 9-й пехотный полк из-за недопонимания в союзном командовании допустил оплошность, приняв китайский флаг за французский и следуя просьбам русского командования случайно не обстрелять русские и французские войска, которые должны были идти правее 9-го пехотного полка, но так и не появились, в результате чего китайцы благополучно отошли в город [11, л. 27].

В дальнейшем полк вместе с морской пехотой и батареей продолжили свое наступление, дойдя до северо-восточной окраины Янцуна, где неприятель прекратил сопротивление. В результате данной атаки американцы потеряли 8 чел. ранеными и 2 чел. убитыми от солнечного удара [11, л. 27 об.]. «Возле пыльной глинистой дороги без движения лежал американский солдат... Я и один офицер подошли, пошевелили его и спросили по-английски: “Что с вами?”. Американец с трудом открыл туманные глаза и слабо проговорил: “Я не могу больше идти. Они меня бросили”. Вероятно, с ним случился в дороге солнечный удар, он упал и был брошен товарищами» [17, с. 401], – вспоминает непосредственный очевидец сражения, обозреватель газеты «Новый край» Д. Г. Янчевецкий.

Как указывает В. Н. Шебеко, 25 июля в Янцуне было проведено совещание союзных командующих частей, на котором было решено: 26-го сосредоточить все войска и в 4 ч. утра 27-го направиться к Тунг-Чау, где планировалось снова провести совещание касаясь обсуждения финального плана атаки на Пекин. Тем не менее, поскольку части Чаффи вместе с англичанами выдвигались последними после русских и французских, американцы покинули Янцун лишь в 7 ч. утра. В ходе 3-дневного марша до Тунг-Чау союзные войска столкнулись лишь с небольшим сопротивлением китайцев у Чонанг-ция-ваня, которое было без особых усилий подавлено японскими частями [11, л. 28].

Параллельно в это время отмечался серьезный недостаток в артиллерии и транспортных судах для перевозки войск и грузов до пристани в Таку. В связи с этим Макартуру, находившемуся в Филиппинах, были отданы распоряжения о передаче Чаффи двух пятидюймовых и двух семидюймовых осадных орудий, трёх орудий Гатлингаиз Манилы и двенадцати трёхдюймовых орудий из Сан-Франциско [10, л. 13]. Что касается решения второго вопроса, то правительством США было решено – контр-адмирал Азиатской эскадры Д.К. Реми должен был всячески оказывать содействие Чаффи в перевозке, кроме того последнему разрешалось, «не стесняясь расходами», нанимать и приобретать любые транспортные средства, что, по мнению военного агента, демонстрировало отсутствие единства в действиях и даже «добрые отношения» между сухопутными и морскими войсками [15, л. 244–244 об.].

30 июля все войска стянулись в Тунг-Чау, где на совещании было принято решение, что 31 июля вследствие крайней утомленности войск отводится для рекогносцировки [11, л. 28–28 об.]. В это же время, как отмечает военный агент в рапорте за № 24 от 29 июля 1900 г., назначение в конце июля 1900 г. на должность общего главнокомандующего армий Альянса ген. А. фон Вальдерзее встретило в США мало сочувствия, так как в стране ожидалось назначение Чаффи. Это событие вскрыло также слабое понимание в Америке деятельности данной должности в таких случаях, что выразилось в личной беседе военного агента с военным министром США, Э. Руттом, на которой В. Н. Шебеко осветил интересующие того аспекты [15, л. 244 об.–245].

Сам же штурм Пекина представлял собой своего рода «соревнование», в котором каждая национальная армия первой хотела освободить посольства [25, р. 173–

174], в результате чего планы, выработанные в Тунг-чау, перестали быть актуальными. В итоге Чаффи, узнав о том, что русские части еще 31 июля начали свое наступление на Пекин, а японцы открыли артиллерийский огонь, в 5 часов утра 1 августа произвел рекогносцировку на участке своего расположения силой одной кавалерийской роты, «налегке, без всяких запасов». Получив донесение гонца из данной роты о том, что китайская конница окружает американскую, Чаффи выслал на помощь батальон 14-го пехотного полка, который вместе с ротой конницы дошел до северо-восточного узла Пекина [11, л. 29–29 об.]. К 10 часам Чаффи велел подойти оставшимся американским частям [11, л. 30].

В 11 часов две роты 14-го пехотного полка взобрались на северо-восточную часть Пекинской стены (Внешний город), где трубач К. П. Титус со словами «Я попробую!», обращенными к командиру полка, Дэггету, первым в качестве добровольца поднялся на вершину стены высотой в 9 м и установил американский флаг. «С каким интересом офицеры и рядовые следили за каждым его (Титусом – С.Н.) шагом... Внизу царила затаившая дыхание тишина» [22, р. 81], – вспоминал об этом сам командир 14-го пехотного полка.

К 12 часам Чаффи подъехал к воротам Тун-Пейн, где обнаружил части 14-го пехотного полка и батарею. В дальнейшем 1-я рота этого полка развернулась вдоль зданий по правую сторону ворот и открыла огонь по Татарской стене (Внутренний город), а два орудия, пробив брешь в ней и расположившись слева от дороги против стены, обстреляли ее шрапнелью [11, л. 30–30 об.]. В то время как 14-й пехотный полк очистил стену от китайцев до ворот Хайт-Мень и дальше, 9-му пехотному полку было приказано следовать за 14-м, батареей – к воротам Хайт-Мень, а морской пехоте – охранять обоз. Около 15 часов американцы, дойдя до зданий посольств, прекратили сопротивление противника, потеряв за 1 августа лишь 12 чел. ранеными [11, л. 30 об.–31]. В этот же день 14-й пехотный полк благодаря «мужеству, проявленному в этот день и у Янцуна» получил почетное право войти в посольский квартал через Водные ворота – дренажный канал, проходивший под стеной Внутреннего города [11, л. 31].

В дальнейшем Чаффи, переговорив с американским послом в Китае Э. Х. Конджером и узнав от него, что часть китайцев находится в императорском квартале близ ворот Чиен-Мень, решил отбросить китайцев оттуда. Утром 2 августа четыре орудия, поставленные на Татарскую стену у ворот, начали обстрел стены до следующих ворот. В 8 часов китайцы открыли ответный огонь севернее, из вторых ворот Императорского города, которые вскоре были пробиты американской артиллерией, открыв союзным войскам путь к центру Пекина [11, л. 31]. Войдя в них, американцы, несмотря на сильный огонь китайцев из третьих ворот, благодаря своей артиллерии с Татарской стены, а также поддержке русских и французов спустя полчаса подавили огонь противника, вынудив его отступить к четвертым воротам, находящимся у самого императорского дворца в Запретном городе, у ворот которого и остановились. За этот день американцы потеряли 25 чел. убитыми и ранеными [11, л. 31–31 об.], в том числе и командующего легкой батареей Фкапитана Рейли. «Более храброго солдата, более верного друга, чем этот достойный восхищения и оплакиваемый офицер, не было на свете... Он умер без ропота и стога» [29, р. 83], – отмечает в своем официальном рапорте майор морской пехоты Уоллер.

Со взятием Пекина 15 августа и проведением церемониального марша войсками союзных сил через Запретный город, чтобы символически продемонстрировать свой полный контроль над столицей [22, р. 106–108], город был разделен на оккупационные районы, в которых территория западной половины Внешнего города и часть Внутреннего между воротами Чиен-Мень и Шунь-Чин южной стены отошла

США [11, л. 31 об.]. Здесь также важно отметить, что в тот момент в Пекине наблюдалась схожая ситуация, которая возникла месяцем ранее со взятием Тяньцзиня.

Несмотря на то, что В. Н. Шебеко никак не отмечает проблему участия европейских и американских солдат в мародерстве в китайской столице, данная проблема действительно имела место быть. «Разграбление города, бесконтрольный... захват солдатами... овощей, кур, крупного рогатого скота... беспорядочный и, как правило, неспровоцированный расстрел китайцев в городе, сельской местности...» [24, р. 339], – подчеркивает в своем официальном рапорте сам Чаффи. В дальнейшем для успокоения разъяренной прессы, в том числе и американской, сравнивавшей жестокость оккупации Пекина союзниками с войнами Аттилы, Чингисхана и Тамерлана, командующий американскими войсками в Пекине ввел запрет на мародерство, который, тем не менее, был скорее символическим, чем реальным [33, р. 194–195]. «Мы шли по улицам, по которым брели... союзники, нагруженные награбленным добром. Мы проезжали мимо ломбардов, где мародеры копошились, как муравьи вокруг сахара. Все дворцы, в которые мы заходили в Имперском городе, были изрядно разграблены. Вещей оставалось немного. Но шелка были развернуты и отброшены в сторону. Вазы, фарфор и перегородчатая эмаль были сброшены на пол и валялись повсюду в виде осколков. Это был настоящий хаос» [18, р. 55–45], – вспоминает лейтенант морской пехоты Уайз.

На этом дальнейшее активное военное участие американцев в «Китайской экспедиции по оказанию помощи» было завершено, но они приняли участие в подавлении разрозненных отрядов боксёров и спасении иностранцев в провинциях. Подобные операции проводились в течение всего сентября, но в них обычно участвовало не более нескольких человек, и большинство из них заканчивались разгромом или отступлением китайских войск, а потери США оставались незначительными [28, р. 52].

12 августа Чаффи было приказано приготовить войска к отправке в Манилу, которые уже 12 сентября были посажены на суда. Спешность отправки связывалась с продолжавшейся войной на Филиппинах, где требовались опытные и обстрелянные американские войска [11, л. 32]. Для охраны американского посольства были оставлены: 9-й пехотный полк, 1 эскадрон 6-го кавалерийского полка и 1 батарея F 5-го артиллерийского полка, т.е. всего 2.140 чел. 20 февраля 1901 г. Чаффи было дано распоряжение с открытием навигации по р. Пейхо отправить оставшиеся части, «оставив самое необходимое для охраны посольства количество войск» [11, л. 32 об.]. В итоге к весне 1901 г. Чаффи покинул Китай, оставив одну роту майора Робертсона из 9-го пехотного полка в составе 162 чел., от которой согласно специальной инструкции Военного министерства США требовалась защита американцев и их имущества в случае нападения китайцев на посольство, и при этом следовало о необходимости «твердо помнить, что рота расположена в иностранном государстве, с правительством коего американское правительство поддерживает дружественные отношения» [11, л. 67–67 об.].

За всю Китайскую экспедицию, по данным В. Н. Шебеко, американцы потеряли только от неприятельского оружия ранеными и убитыми чуть более 200 чел. И в конце своего «Очерка» военный агент отдельно представляет оценку действий корпуса сигнальщиков: «Работая днем и ночью, они не отставали от войск и на всем их продвижении поддерживали связь телеграфным сообщением... американская телеграфная линия оказала большие услуги не только войскам всех союзников, но и корреспондентам газет» [11, л. 32].

Заключение

Таким образом, подробный анализ донесений российского военного агента в Вашингтоне подполковника Вадима Николаевича Шебеко об участии вооруженных

сил США в Китайской экспедиции 1900 г. по оказанию помощи способен свидетельствовать о его высоком профессиональном уровне в качестве т.н. дипломата в погонах. Не являясь непосредственным свидетелем данного события, а используя лишь официальные американские донесения, он смог в целом подробно и адекватно отразить боевой путь военного контингента в данной кампании. Вместе с этим для самих Соединенных Штатов вооруженное вмешательство в дела Китая стало не только примером постепенных изменений в традиционной политике и взглядах США на международные дела, но и одним из катализаторов будущих изменений в военной обороне страны, которой стало необходимо соответствовать требованиям своего нового статуса мировой державы.

Примечания

1. Данное красочное определение цели американской интервенции принадлежит непосредственно командующему войсками США в Китае, генералу А. Р. Чаффи [2, с. 77].
2. Здесь и далее все даты даны по старому стилю.
3. В период с 1868 по 1873 гг. эту должность занимал генерал-майор Свиты Его Императорского Величества, А. П. Горлов [14, л. 3 об.]. Подробнее о его деятельности в США в должности военного агента см.: Никитенко С. Д. [5; 6].
4. Подробную биографию В. Н. Шебеко см.: [3, с. 531–532; 4, с. 138–139; 7, с. 720–721; 12, л. 1–6; 13, л. 10–19].
5. Китайские топонимы, упомянутые в этой статье, использовались в 1900 г. и написаны так, как они указаны в донесениях В. Н. Шебеко.
6. Несмотря на то, что сам В. Н. Шебеко об этом никак не упоминает в своих донесениях, справедливости ради важно отметить, что к этому моменту один батальон (251 чел.) морских пехотинцев под командованием майора Л. Т. Уоллера уже поучаствовал в ряде боев с китайцами в ходе неудачной т.н. «Экспедиции» британского адмирала Э. Х. Сеймура в мае – июне 1900 г., потеряв 10 чел. ранеными и убитыми [31].
7. Существует мнение, что последними словами полковника были «Продолжайте стрелять, ребята!», ставшие впоследствии девизом всего 9-го пехотного полка [21, р. 460].
8. Подробнее об этом см.: А. Л. Перевезенцев [8].
9. Кавалерия из-за трудностей, связанных с ее снабжением продовольствием практически не участвовала в боях, а лишь действовала в качестве разведки или защиты колонн от нападений [19, р. 45].
10. Подробнее об этом см. D. V. Wurtsbaugh [34].

Список источников и литературы

1. *Алексеев М. Н.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 1. М.: Русская разведка, 1998. 432 с.
2. *Байбакова Л. В.* Китайский фактор в формировании американской внешнеполитической доктрины «открытых дверей» (1899–1900) // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 4. С. 61–84.
3. *Волков С. В.* Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2002. 568 с.
4. *Афанасьева Т. Ю., Горячева Р. Ф., Швед В. В.* Гродненские губернаторы (1801–1917 гг.): документ.-биограф. очерки. Гродно: Гродн. тип., 2007. 168 с.
5. *Никитенко С. Д.* Донесения военного агента А. П. Горлова о вооруженных силах США в 1871 – 1872 гг. // Вестник гуманитарного образования. 2024. № 4 (36). С. 63–69.
6. *Никитенко С. Д.* Российский военный агент в США А. П. Горлов: история назначения и службы в 1868 – 1873 гг. (по материалам РГВИА) // Регионы России в военной истории страны. Вып. 7 : сб. материалов VII Всерос. науч.-практ. конф., г. Йошкар-Ола, 12-13 ноября 2025 г. / ред.-сост. О. А. Кошкина. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2025. С. 156–167.

7. Пажи за 185 лет: Пажи за 183 года (1711 – 1894). Биографии бывших пажей: Биогр. и портр. бывших пажей с 1711 по 1896 г. / собр. и изд. О. фон Фрейман. Фридрихсгамн: тип. Акц. о-ва, 1894–1897. 952 с.
8. *Перевезенцев А. Л.* Герберт Гувер в Китае: впечатления очевидца и участника исторических событий // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 325. С. 79–85.
9. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 401. Оп. 5/929. Д. 60.
10. РГВИА. Ф. 401. Оп. 5/929. Д. 415.
11. РГВИА. Ф. 401. Оп. 5/929. Д. 611.
12. РГВИА. Ф. 409. 1912. Оп. 1. Д. 361–422.
13. РГВИА. Ф. 409. 1917. Оп. 1. Д. 148–286.
14. РГВИА. Ф. 453. Оп. 1. Д. 5.
15. РГВИА. Ф. 846. Оп. 5. Д. 18.
16. *Харрингтон П.* Пекин. 1900 год. Китай против Европы, Америки и Японии / пер. с англ. О. В. Строгановой. М.: Эксмо, 2012. 96 с.
17. *Янчевецкий Д. Г.* 1900. Русские штурмуют Пекин. М.: Яуза, Эксмо, 2008. 635 с.
18. *Wise F. M., Frost M. O.* A Marine Tells It to You. New York: J. H. Sears & Company, 1929. 371 p.
19. *Bielakowski A.* U.S. Cavalryman: 1891–1920. London: Bloomsbury Publishing, 2012. 64 p.
20. *Boot M.* The Savage Wars of Peace: Small Wars and the Rise of American Power. New York: Basic Books, 2014. 496 p.
21. *Brown F. R.* History of the Ninth U.S. Infantry, 1799–1909. Chicago: R.R. Donnelley & Sons Company, 1909. 842 p.
22. *Dagget A. S.* America in the China Relief Expedition. Kansas-city: Hudson – Kimberly publishing Company, 1903. 261 p.
23. *Duiker W. J.* Cultures in Collision: The Boxer Rebellion. San-Rafael: Presidio Press, 1978. 226 p.
24. Extracts from Major General Chaffee's Report, Peking, 30 November, 1900 // Reports on military operations in South Africa and China / U.S. War Department. Washington D.C., 1901. P. 329–346.
25. *Fleming P.* The Siege at Peking. New York: Harper, 1959. 273 p.
26. *Hoover H. C.* Memoirs. Vol. 1. Years of Adventure: 1874 – 1920. New York: The Macmillan Company, 1951. 497 p.
27. *Hunt M.H.* The forgotten occupation: Peking, 1900 – 1901 // Pacific Historical Review. 1979. Vol. 48, no. 4. P. 501–529.
28. *Leonhard R. R.* The China Relief Expedition: Joint Coalition Warfare in China Summer 1900. Baltimore: The Johns Hopkins University, 2008. 65 p.
29. Major L.W.T. Waller, Peking, 20 August, 1900 // Annual Reports of the War Department for the Fiscal Year Ended June 30, 1900 / U.S. War Department. Washington D.C., 1900. Vol 1. Part 9. P. 79–85.
30. Major W. P. Biddle to Major-General Commanding United States Forces, Peking, August 20, 1900 // Annual Report of the Navy Department for the Year 1901 / U.S. Navy Department. Washington D.C., 1901. P. 1276–1277. URL: <https://web.archive.org/web/20130201020214/http://www.history.navy.mil/docs/boxer/boxer12.htm> (date of request: 14.11.2025).
31. *Plant T. K.* U.S. Marines in The Boxer Rebellion // Prologue. 1999. Vol. 31, no. 4. URL: <https://www.archives.gov/publications/prologue/1999/winter/boxer-rebellion-1.html> (date of request: 14.11.2025).
32. *Preston D.* The Boxer Rebellion: The Dramatic Story of China's War on Foreigners that Shook the World in the Summer of 1900. New York: Walker&Company, 2001. 436 p.
33. *Thompson L.C.* William Scott Ament and the Boxer Rebellion: Heroism, Hubris and the «Ideal Missionary». Jefferson: McFarland, 2009. 252 p.
34. *Wurtsbaugh D. V.* The Seymour Relief Expedition // Proceedings. 1902. Vol. 28, no. 2. P. 207–221. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/1902/april/seymour-relief-expedition> (date of request: 14.11.2025).

References

1. Alekseyev, MN 1998, *Voyennaya razvedka Rossii ot Ryurika do Nikolaya II* (Russia's Military intelligence from Rurik to Nicholas II), Izdatelskiy dom Russkaya razvedka, IIA Evraziya+ publ, Moscow. (In Russ.)
2. Baybakova, LV 2022, 'Kitayskiy faktor v formirovaniy amerikanskooy vneshnepoliticheskoy doktriny "otkrytykh dverey" (1899 – 1900)' (The Chinese factor in the formation of the American foreign policy doctrine of "open doors" (1899-1900)), *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya* (History magazine: researches), no. 4, pp. 61–84 (In Russ.)
3. Volkov, SV 2002, *Ofitsery rossiyskoy gvardii: Opyt martirologa* (Officers of the Russian Guard: The Experience of a martyrologist), Russkij put` publ, Moscow. (In Russ.)
4. Afanasyeva, TYu, Goryacheva, RF & Shved, VV (eds.) 2007, *Grodnenskiye gubernatory (1801 – 1917 gg.): dokumentalno-biograficheskiye ocherki* (Grodno governors (1801-1917). Documentary and biographical sketches), Grodn. tip. publ, Grodno. (In Russ.)
5. Nikitenko, SD 2024, 'Doneseniya voyennogo agenta A.P. Gorlova o vooruzhennykh silakh SSHA v 1871 – 1872 gg.' (Reports of military agent A. P. Gorlov on the US Armed Forces in 1871–1872), *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* (Herald of Humanitarian Education), no. 4 (36), pp. 63–69 (In Russ.)
6. Nikitenko, SD 2025 'Rossiyskiy voyenny agent v SSHA A.P. Gorlov: istoriya naznacheniya i sluzhby v 1868 – 1873 gg. (po materialam RGVIA)' (Russian military agent in the US A.P. Gorlov: the history of appointment and service in 1868-1873 (based on the materials of The Russian State Military Historical Archive)), *Regiony Rossii v voyennoy istorii strany. Sbornik materialov VII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (The Russian regions in the military history of the country (collection of materials of the 7th All-Russian Scientific and Practical Conference)), ed. O.A. Koshkina, no. 7, November 12 – 13, 2025, Yoshkar-Ola, pp. 156–167. (In Russ.)
7. Von Freyman, O (ed.) 1894–1897, *Pazhi za 185 let: Pazhi za 183 goda (1711 – 1894). Biografii byvshikh pazhey: Biogr. ipotr. byvshikhpazhey s 1711 po 1896 g.* (Pages for 185 years. Pages for 183 years (1711-1894). Biographies of former pages: Biographies and portraits of former pages from 1711 to 1896), tip. Akts. o-vapubl, Friedrichshamn. (In Russ.)
8. Perevezentsev, AL 2009, 'Gerbert Guver v Kitaye: vpechatleniya ochevidtza i uchastnika istoricheskikh sobytiy' (Herbert Hoover in China: impressions of an eyewitness and participant in historical events), *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* (Tomsk State University Journal), no. 325, pp. 79–85 (In Russ.)
9. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA)* (The Russian State Military Historical Archive), fund 401, inventory 5/929, file 60. (In Russ.)
10. *RGVIA*, fund 401, inventory 5/929, file 415. (In Russ.)
11. *RGVIA*, fund 401, inventory 5/929, file 611. (In Russ.)
12. *RGVIA*, fund 409 1912, inventory 1, file 361–422. (In Russ.)
13. *RGVIA*, fund 409 1917, inventory 1, file 148–286. (In Russ.)
14. *RGVIA*, fund 453, inventory 1, file 5. (In Russ.)
15. *RGVIA*, fund 846, inventory 5, file 18. (In Russ.)
16. Harrington, P 2012, *Pekin. 1900 god. Kitay protiv Evropy, Ameriki i Yaponii* (Beijing. 1900. China vs. Europe, America, and Japan), trans. OV Stroganova, Eksmopubl, Moscow. (In Russ.)
17. Yancheveczkiy, DG 2008, *1900. Russkiye shturmuyut Pekin* (1900. The Russians are storming Beijing), Yauza publ, Eksmo publ, Moscow (In Russ.)
18. Wise, FM & Frost, MO (eds.) 1929, *A Marine Tells It to You*, J.H. Sears & Company publ, New York.
19. Bielakowski, A 2012, *U.S. Cavalryman: 1891 – 1920*, Bloomsbury publ., London.
20. Boot, M 2014, *The Savage Wars of Peace: Small Wars and the Rise of American Power*, Basic Books publ, New York.
21. Brown, FR 1909, *History of the Ninth U.S. Infantry, 1799 – 1909*, R. R. Donnelley & Sons Company publ, Chicago.

22. Dagget, AS 1903, *America in the China Relief Expedition*, Hudson – Kimberly publishing Company publ, Kansas-city.
23. Duiker, WJ 1978, *Cultures in Collision: The Boxer Rebellion*, Presidio Press publ, San-Rafael.
24. 1901, 'Extracts from Major General Chaffee's Report, Peking, 30 November, 1900', *U.S. War Department, Reports on military operations in South Africa and China*, Washington D. C., pp. 329–346.
25. Fleming, P 1959, *The Siege at Peking*, Harper publ, New York.
26. Hoover, HC 1951, *Memoirs*, Vol. 1, Years of Adventure: 1874 – 1920, The Macmillan Company publ, 1951. New York.
27. Hunt, MH 1979, 'The forgotten occupation: Peking, 1900 – 1901', *Pacific Historical Review*, vol. 48, no. 4, pp. 501–529
28. Leonhard, RR 2008, *The China Relief Expedition: Joint Coalition Warfare in China Summer 1900*, The Johns Hopkins University publ, Baltimore.
29. 1900, 'Major L.W.T. Waller, Peking, 20 August, 1900', *U.S. War Department, Annual Reports of the War Department for the Fiscal Year Ended June 30, 1900*, Washington D.C., vol. 1, part 9, pp. 79–85.
30. 1901, 'Major W.P. Biddle to Major-General Commanding United States Forces, Peking, August 20, 1900', *U.S. Navy Department, Annual Report of the Navy Department for the Year 1901*, Washington D.C., pp. 1276–77, viewed 14 November 2025, <https://web.archive.org/web/20130201020214/http://www.history.navy.mil/docs/boxer/boxer12.htm>
31. Plant, TK 1999, 'U.S. Marines in The Boxer Rebellion', *Prologue*, vol. 31, no. 4, viewed 14 November 2025, <https://www.archives.gov/publications/prologue/1999/winter/boxer-rebellion-1.html>
32. Preston, D 2001, *The Boxer Rebellion: The Dramatic Story of China's War on Foreigners that Shook the World in the Summer of 1900*, Walker & Company publ, New York.
33. Thompson, LC 2009, *William Scott Ament and the Boxer Rebellion: Heroism, Hubris and the "Ideal Missionary"*, McFarland publ, Jefferson.
34. Wurtsbaugh, DV 1902, 'The Seymour Relief Expedition', *Proceedings*, vol. 28, no. 2, pp. 207–221, viewed 14 November 2025, <https://www.usni.org/magazines/proceedings/1902/april/seymour-relief-expedition>

Статья поступила в редакцию: 22.12.2025
Одобрена после рецензирования: 13.02.2026
Принята к публикации: 02.03.2026

The article was submitted: 22.12.2025
Approved after reviewing: 13.02.2026
Accepted for publication: 02.03.2026

Научная статья
УДК 94(569.44)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-35-44>

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕРТРУДЫ БЕЛЛ ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ИРАКА

*Дарья Сергеевна
Спиридонова*

Тверской государственный университет
Тверь, Россия, DariaSpiridonowa99yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0009-4293-0859>

Аннотация. В статье рассматривается один из аспектов проблемы неизученности женского вклада в научные исследования, а именно – вклад путешественницы Гертруды Белл (1868–1926 гг.) в становление и развитие этнографии. Она посвятила многие годы изучению территорий и народов Ближнего Востока и, что уникально для женщины ее времени, смогла реализовать свой потенциал на профессиональном поприще. Занимая должность в администрации Ирака, Г. Белл применила компетенции исследовательницы в области антропологии, продемонстрировав свой новаторский подход к сохранению и конструированию образа исторического прошлого Месопотамии. Понимание специфики региона, его этнической составляющей, придание ей ценности и осознание необходимости сохранить материалы исторической памяти для создания будущего страны – данные аспекты проводимой Г. Белл политики отличают ее от современников мужского пола, что позволяет сделать вывод о том, как отличался женский подход и женский взгляд на проблему региона. Это связано с особенностями викторианского воспитания девочек и прививания им определенных качеств (сочувствие, эмпатичность, внимательность, стремление ставить благо другого превыше своего и т.п.). Данная лакуна способствует также частичному деконструированию концепции ориентализма, так как система взглядов Г. Белл отражала глубокое уважение и стремление сохранения региона для его дальнейшего процветания. Ее практическая деятельность являлась следствием сложившихся взглядов, которые вырабатывались ею в ходе ее путешествий и исследовательской деятельности на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Гертруда Белл, Ближний Восток, этнология, этнография, музей, археология, историческая память, женские исследования.

Для цитирования: Спиридонова Д. С. Деятельность Гертруды Белл по сохранению исторической памяти Ирака // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 1 (25). С. 35–44. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-35-44>

Сведения об авторе: Д. С. Спиридонова – аспирант кафедры всеобщей истории, Тверской государственный университет, 170100, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31.

© Спиридонова Д. С., 2026

Scientific Article
UDC 94(569.44)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-35-44>

GERTRUDE BELL'S WORK TO PRESERVE IRAQI HISTORICAL MEMORY

Daria S. Spiridonova

Tver State University
Tver, Russia. DariaSpiridonowa99yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0009-4293-0859>

Abstract: This article examines the Gertrude Bell's (1868–1926) contribution to the ethnography development as one aspect of the understudied contribution of women to scientific studies. She devoted many years to exploring the territories and peoples of the Middle East and, uniquely for a woman of that time, lived up her potential in the professional field. While serving in the Iraqi administration, Bell applied her expertise as an anthropologist, demonstrating innovative approach to preserving and constructing an image of Mesopotamia's historical past. Understanding the specifics of the region, its ethnic component, giving it value and realizing the need to preserve the materials of historical memory for the future of the country—these aspects of Bell's policy distinguish her from male contemporaries, allowing the author to conclude how different a woman's approach and perspective on the problem of the region differed. This is due to the peculiarities of Victorian girl's upbringing and the instilling in them of certain qualities (compassion, empathy, attentiveness, the desire to put the good of others before one's own, etc.). This gap also contributes to a partial deconstruction of the Orientalism concept, as Gertrude Bell's system of views reflected a deep respect and a desire to preserve the region for its future prosperity. Her practical work was a consequence of the established views that she developed during her travels and research in the Middle East.

Keywords: Gertrude Bell, Middle East, ethnology, ethnography, museum, archaeology, historical memory, women's studies.

For citation: Spiridonova, DS 2026, 'Gertrude Bell's Work to Preserve Iraqi Historical Memory', Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics, issue 1 (25), pp. 35–44, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-35-44> (in Russ.)

Information about the Author: *Daria S. Sergeevna* – postgraduate student of the Department of World History, Tver State University, 16/31, Trekhsvyatskaya Str., Tver, 170100, Russia.

© Spiridonova D. S., 2026

Гертруда Маргарет Лоутиан Белл (14 июля 1868–12 июля 1926 гг.) – британская исследовательница, путешественница, писательница, автор работ по археологии и этнографии Ближнего Востока. Вопреки социальным нормам своего времени, ограничивающим свободу реализации женщин вне семейного частного пространства, она смогла достигнуть профессиональных высот, пиком которых стала должность *Oriental Secretary* в администрации подмандатного Ирака. Это стало возможным благодаря полученному Гертрудой образованию (она закончила Королевский колледж для девочек и была одной из первых женщин, допущенных до занятий в Оксфорде), а также совокупности ее личностных качеств [1, с. 80–83]. Будучи представительницей британского правительства в Ираке, она осуществляла уникальную политику по отношению к иракскому историческому прошлому, которая во многом шла вразрез с принятыми в викторианском обществе представлениями о Востоке. Таким образом, изучение подхода Гертруды Белл представляет интерес как редкий пример политических решений сложных межэтнических проблем в государстве, осуществленных женщиной с применением собственного метода, близкого к антропологическому и в чем-то опережающему культурологические установки своих современников. Данная тема вносит вклад не только в историю ранней антропологической методологии и мысли, но и корректирует доминирующую в историографии идею об *ориентализме* западных исследователей конца XIX – начала XX в. Также это актуально в рамках изучения женских исследований в период, когда академическая наука была официально недоступна для них.

Цель статьи – охарактеризовать проводимую Гертрудой Белл политику по отношению к историческому прошлому Ирака, выраженную в сохранении его археологического и культурного наследия, и выделить основные факторы ее отличия от господствовавшей в британских исследовательских кругах культурной парадигмы.

Данная цель достигается при помощи работы с опубликованными литературными произведениями авторства Гертруды Белл, написанными ею под впечатлением от знакомства с Ближним Востоком, в которых транслируется ее методология изучения *другого*: другой культуры, территории, других людей; а также ее отношение к ним. Помимо этого, данная тема обладает массивным источником в виде архива Гертруды Белл (*Gertrude Bell Archive*) университета Ньюкасла (*Newcastle University*), в котором сохранился архив ее эго документов: писем и дневников, созданных ею на протяжении жизни и работы в Ираке, в которых она делится более личными подробностями произошедшего. На основании этих источников, изученных также с помощью социально-антропологической методологии, будет сделан вывод о том, какую систему взглядов имела Гертруда Белл и как эта система влияла на принимаемые ею решения в отношении Ирака. Данная информация позволит сделать вывод не только о достижении конкретной женщины в области исследований, управления и администрирования, но и о вкладе всего женского сообщества в науку, представляющем собой актуальную лакуну в современной историографии.

В конце XIX в. в европейском обществе массово транслировался романтический миф о путешествиях в *неизведанные* и даже *дикие* края. Произведения Р. Киплинга стали выражением этого стремления европейского человека отринуть цивилизованный мир и пуститься в опасное путешествие, полное неизведанных тайн, туда, куда не ступала нога белого человека. Напрямую эти стремления были связаны с господствующей в европейском обществе концепцией *миссии белого человека* по освоению и облагораживанию колониальных земель и местного населения.

Подобные фантастические рассказы интересовали не только мужчин. В этот период происходит активное развитие идей о равноправии мужчин и женщин, появляется запрос на представление женщин в разных сферах; темы изолированности женщин от внешнего мира анализируются писательницами в своих трудах. Так, В. Вульф писала: «Было бы дивно вдруг оказаться кем-то из них, но, обреченная оставаться собою, она могла только молча, вот так, из сада, издали восторгаться обществом тех, к кому ей не было доступа. Хотелось перевозносить их вслух в испытанных строфах; они были добры, прекрасны и вдобавок отважны, покорители ночи и топей, искатели подвигов, обложенные опасностью и прокладывающие путь среди бурь». Восхищение историями авантюристов трогало женские сердца и умы, но невозможность реализовать подобное путешествие на практике вызывало тоску от несправедливости, которая лишь подогревала споры о «женской доле».

Также это было актуально и по причине происходящих событий – в период конца XIX – начала XX в. юг африканского континента был охвачен англо-бурскими войнами, в которых принимали участие британские военные, в том числе члены аристократических семей. Интерес к происходившему в этом регионе переплетался с личными мотивами их родственников и родственников.

Европейские исследовательницы, такие, как Мэри Кингсли и Александрина Тинне, путешествуя по африканскому региону, не интересовались ближневосточными областями (за исключением путешествия А. Тинне по притокам Нила, но оно было вызвано, скорее, ее стремлением изучить пути в Центральную Африку, которая была конечной целью экспедиции). Территории же, входившие в состав слабеющей Османской империи, не были привлекательны для исследований. К тому же большинство экспедиций проходили по водным путям ввиду большей опасности сухопутных. На территориях Ближнего Востока, в особенности региона Месопотамии, была значительная доля пустынных земель с проживающими на них кочующими племенами, в связях которых было затруднительно разобраться европейскому путешественнику ввиду незнания языков и местных обычаев. Также для данного региона был характерен племенной трайбализм. Путешествие по нему было опасным, тем интереснее тот факт, что Гертруда Белл для своих исследований выбрала именно эти территории, о которых мало что было известно ее современникам, и изучение которых сопровождалось трудностями.

Первая работа Г. Белл по этому региону была опубликована в 1894 г. («Safar Nameh, Persian Pictures»). Этот труд, написанный с использованием большого количества средств речевой выразительности, содержал в себе детальное описание быта группы европейских путешественников в этом суровом краю. Уделялось внимание природе, архитектуре местных городов, внешнему облику их жителей. Рассказывались отдельные истории, произошедшие с Г. Белл и ее попутчиками, а также описывалось множество антропологических особенностей населения. В сущности, это было одним из первых британских этнологических женских исследований по Ближнему Востоку, что полностью отвечало целям и задумке самой Г. Белл.

Следующая публикация Г. Белл «Syria: The Desert and the Sown» была написана ею после путешествия по Сирии в 1907 г. Накалившиеся отношения с Османской империей накануне Первой мировой войны, рост в ней революционных идей и напряжения способствовали росту интереса европейской публики к региону, так что работы Г. Белл были кстати и пользовались популярностью. Об исследовательнице Ближнего Востока со знанием местных языков, храбро путешествующей по его территориям начинает говорить публика, она становится известна и приобретает авторитет как специалист.

В этот период Г. Белл познакомилась с археологом Уильямом Рамзи, с которым начала совместную работу. Фокус внимания в ее экспедициях сместился от антропологии к археологии, хотя в своих письмах и дневниках она продолжала отмечать интересующую ее этнологическую часть. Работа с известным археологом придавала веса в обществе квалификации самой Г. Белл [13].

Итогом этих исследований стал написанный в соавторстве с У. Рамзи фундаментальный труд «The Thousand and One Churches», который долгие годы оставался востребованной работой по библейской археологии, области Малой Азии и ее археологическим памятникам. Книга содержит огромное количество планов, выполненных Г. Белл самостоятельно, фотографий, карт и комментариев. После выхода этой работы в 1909 г. об исследовательнице заговорили как об авторитетном специалисте по Месопотамскому региону [3]. В своих экспедициях Белл сопровождали гиды из местного населения, помогавшие ей в поисках подходящего предмета для исследований, что также демонстрирует аспект ее сотрудничества с арабами. О своих спутниках Гертруда отзывалась уважительно, часто приводит в работах диалоги с ними, в которых, как ей казалось, отражается арабский менталитет [2, p. 4].

Романтизированный миф о *бремени белого человека* продолжал разрастаться, постепенно став самостоятельной концепцией, своего рода воплощением духа империализма. Цивилизаторская миссия европейцев на Ближнем Востоке оправдывала экспансию Британской империи в созданных после распада Османской империи государствах [14, с. 63–67]. Археологи и исследователи были заинтересованы лишь в том, чтобы, добыв древние ценности, вернуться с ними к себе на родину, как с трофеями. Не только в Британском музее, но и по всей империи при университетах и музеях появились свои экспедиционные группы, которые отправились в Месопотамию, в созданное под патронажем Британии государство Ирак, чтобы добыть там частицы древней истории, и показывать посетителям как диковинные артефакты следы исчезнувших цивилизаций. В худшем случае целью этих экспедиций являлась продажа бесценных древностей на черном рынке с целью личного обогащения. В этом отражалось принятое в европейском сознании потребительское отношение к подмандатным территориям, раскритикованное Э. Саидом в его концепции ориентализма.

Причиной тому являлось отсутствие восприятия иракского государства как полноценного и равноправного, а иракского народа – как отдельной национальной общности со своими ценностями и интересами. Региону была уготована участь *донора* для британских музеев и поля для исследований британских археологов.

Этот подход не устраивал Г. Белл. Она смогла не только проникнуться регионом, но и устоять от искушения разворовать его культурные слои ради удовлетворения интересов музейных комитетов Британской империи. Как исследовательница она понимала всю ценность данных артефактов для истории региона. При этом как грамотный администратор она также осознавала их потенциал в складывании национальной идеологии.

Личное знакомство Г. Белл с местным населением (от шейхов до простых бедуинов) позволило ей глубже понять его. По ее мнению, недостаточно обвести границы на карте, чтобы создать государство. Главное условие его существования – граждане, признающие себя таковыми. Без них ни конституция, ни король, ни армия не смогут обеспечить его устойчивость. Осознание своего гражданского единства отсутствовало у иракцев, как отмечала Г. Белл в своих письмах, племенной трайбализм все еще отражался в отношении представителей региона друг к другу, в котором племенная идентичность была выше национальной или даже религиозной [7]. Искусственно созданная иракская нация нуждалась в фундаменте, который

позволил бы государству устоять. По мнению Г. Белл, механизмом построения этой идентичности и должно было стать осознание своего общего исторического прошлого. Так и зародилась идея создания Иракского музея – пространства, в которое, по представлениям Г. Белл, приходили бы простые иракцы, смотрели на свидетельства древней истории первых цивилизаций человечества и осознавали свое гражданское единство. Таким образом, сотворение Иракского музея было коммеморативной практикой в деятельности Гертруды, осуществленной в интересах построения иракской идентичности.

Для достижения этой цели необходимо было, чтобы найденные в результате археологических экспедиций артефакты не покидали страну с катастрофической скоростью, или, по крайней мере, какая-то их часть оставалась на родине. Г. Белл как приближенная советница короля Фейсала имела на него значительное влияние, что позволило ей лоббировать желаемое законодательство в деле охраны древностей Ирака [6]. Г. Белл как директор соответствующего отдела оставила за собой широкие полномочия – после выхода в 1924 г. закона об охране древностей Ирака, подготовленного Белл, любой предмет, добытый в ходе археологических раскопок, должен был получить ее разрешение на вывоз из страны.

Разумеется, Г. Белл не могла запретить полностью вывозить ценности из страны, хотя за это решение ее упрекали в лояльности к британским археологам (к сообществу которых она принадлежала). Подобный запрет привел бы к прекращению британских экспедиций, а на финансирование своих у государства Ирак не было средств. Финансирование музеев и университетов было необходимо для дальнейшего исследования региона. Кроме того, ученые к экспедициям привлекали местное население для выполнения работ на раскопках, что, с одной стороны, обеспечивало местное население работой, а с другой – увеличивало денежное обращение в стране. Таким образом, потребность в проведении британскими археологами первых исследований древностей Ирака с соблюдением всех доступных на тот момент технологий проводилось за счет предоставления их спонсорам части найденных артефактов. При этом именно Г. Белл способствовала тому, что не все самые ценные экземпляры были вывезены. Одной из крупнейших и известнейших археологических экспедиций была экспедиция Леонарда Вулли, проводимая с 1922 по 1934 гг. в одном из древнейших городов Месопотамии – Уре. Экспедиция спонсировалась Британским музеем и Музеем университета Пенсильвании. Полученные в ее ходе материалы были разделены между Иракским музеем (созданным и первоначально укомплектованным Г. Белл лично) и двумя британскими музеями в равных долях 50 / 50. Это было возможным исключительно благодаря мерам, принятым Г. Белл, которая зачастую лично отбирала ценные артефакты для своего музея [8].

Созданный Г. Белл музей являлся хранилищем главных исторических ценностей Ирака на протяжении всей его дальнейшей истории, хотя и не смог вполне исполнить возложенную на него задачу. Примечательно, что план его создания зрел у Г. Белл задолго до того, как было подписано соответствующее распоряжение – много лет она хранила экспонаты у себя дома в Багдаде. Эта деталь также говорит нам об уровне ее заинтересованности в сохранности исторического прошлого Ирака.

Комплектование и организация музея была целиком и полностью инициативой Г. Белл. Британская администрация, не особенно заинтересованная этой идеей, предоставила исследовательнице статус почетного директора и полную свободу действий. Все, начиная от поиска подходящего здания до составления картотеки, выполнялось Г. Белл самостоятельно [10].

Интересен также факт предоставления звания именно почетного директора, а не просто директора. Как правило, первый статус получал бывший директор после отставки за оцененные заслуги. Г. Белл же являлась первым директором и создательницей данного учреждения. Также, что важно, в отличие от полномочий почетного директора, в полномочия Белл входило все управление музеем и его фондами. Предположительно, это может объясняться так – британская администрация была не готова видеть женщину во главе Иракского музея и, как только Г. Белл сделала бы всю основную работу по комплектованию и организации фондов и экспозиций музея, он был бы передан более подходящему для этого статуса (в глазах общества) мужчине. Этот вывод можно сделать на основании того, что подобных прецедентов предоставления первому директору звание почетного директора не существовало. Можно сравнить Иракский музей, например, с Египетским музеем (который изначально назывался Булакским), где археолог Огюст Мариет как учредитель музея и его коллекций был назначен первым директором (и оставался им до своей смерти в 1881 г.). Сама же Г. Белл в своем письме упоминает, что после нее администрация выберет «более подходящего для этой работы человека» [9]. Этот факт говорит нам о том, что гендерные границы все еще были прочны в обществе, и даже являясь авторитетом по региону, чьи компетенции в знании языков, культуры, менталитета арабского народа администрация активно использовала в своих целях, Гертруда Белл не могла рассчитывать на стабильную важную должность.

Музей Г. Белл был открыт за месяц до ее смерти в июне 1926 г. В своем дневнике она отмечала, что была полностью удовлетворена, увидев, как по залу разгуливает группа молодых иракцев, слушая то, что говорил им пожилой арабский лектор об истории данных экспонатов [4].

В знак признания заслуг Г. Белл после ее смерти главный зал Иракского музея был назван в ее честь. Также в нем был установлен бронзовый бюст, выполненный скульптором Anne Acheson [12], и мемориальная табличка, где на двух языках (английском и арабском) было написано: «Арабский народ всегда будет с уважением помнить ее».

Таким образом, создание законодательства, защищающего интересы Ирака, а также музея древностей показывают авторский взгляд Г. Белл, альтернативный общепринятому, на империалистскую миссию европейцев на Ближнем Востоке. Это также показывает нам нестандартный образ мыслей исследовательницы и то, насколько некоторые ее идеи опережали свое время.

Взгляды Гертруды Белл на культуру и проблемы региона отчасти можно охарактеризовать как соответствующие современной ей научной картине мира, концепции стадийного развития общества по образцу европейского исторического пути. Г. Белл считала, что, получив импульс к экономическому росту, Месопотамия начнет активно развиваться, устраняя отсталость от западных стран [11]. При этом она считала, что ее ждут те же фазы, которые были пройдены европейскими странами, в том числе Британией. Таким образом, ее взгляды на перспективу дальнейшего развития Ирака были в какой-то степени дуальными – с одной стороны она признавала за Месопотамией потенциал к самостоятельному развитию с усовершенствованием разных областей жизни и сохранением исторически сложившихся уникальных аспектов, с другой – считала необходимым на первых порах сохранять авторитет Британии в регионе [15, p. 19].

Г. Белл также отмечала кризисное состояние данных территорий, отсутствие политического единства, этнические и конфессиональные распри, неразвитость городов и экономический упадок. Тем не менее, при наличии импульса к

налаживанию собственного благосостояния местное население, по ее мнению, было способно быстро ликвидировать имеющиеся проблемы [5].

Во взглядах Г. Белл был также и авторский компонент. Она не отказывала арабам в способности к развитию, но при этом могла оценить достоинства их цивилизации: историческое прошлое, археологическое наследие, культуру и традиционные формы быта, позволяющие выживать в тяжелых климатических условиях. Осознание ценности месопотамской культуры выразилось в стремлении сохранить ее артефакты для будущих поколений иракцев, для чего Г. Белл были проведены все доступные меры – создание Иракского музея и соответствующего законодательства.

В контексте колониализма Г. Белл выполняла возложенные на нее обязанности, при этом в ее действиях не все было нацелено лишь на получение выгоды для Британской империи. Она также стремилась принести пользу Ираку, сохранив его прошлое и устроив благоприятное будущее.

Антропологизм ее подхода, а также его этнологическая составляющая позволяют сказать, что работы Г. Белл были одними из ранних женских этнографических исследований в целом до признания женщин частью научного сообщества. Интерес и уважительное отношение к *другому*, описание быта и обычаев местных жителей, стремление сблизиться с ними за счет понимания языка – все это позволило Г. Белл следовать исследовательским принципам в своей деятельности. Можно предположить, что значимым фактором было то, что, принадлежа к сообществу, в рамках патриархальной парадигмы, являвшимся также всегда *другим* – сообществу женщин, *других* по отношению к мужчинам, – она лучше понимала местных жителей. Обусловленные ее воспитанием как женщины с соответствующими моральными качествами чуткость, эмпатия, отсутствие агрессивного компонента *завоевателя* и *конкистадора* помогли ей интуитивно понять этнологический подход и методы, которые будут в дальнейшем использоваться антропологами. Таким образом, пример *женского исследования* является и примером *женского этнографического исследования до появления женщин в этнографии*, что говорит нам о важности изучения женского вклада в науку.

Список источников и литературы:

1. Спиридонова Д. С. Женское межкультурное пространство в контексте британско-иракской коммуникации: опыт Гертруды Белл // Путь в науку : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Тверь, 18 апреля 2024 г. / сост., ред. Т. Г. Леонтьева, Д. Н. Воробьев. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2024. С. 80–85.
2. Bell G. Syria: the desert and the sown. London: William Heinemann, 1908. 347 p.
3. Miss Gertrude Bell // The Times (London). 1926. July 13. Electronic copy of the printed press article. URL: <https://pm20.zbw.eu/mirador/?manifestId=https://pm20.zbw.eu/iiif/folder/pe/001397/manifest.json> (date of application: 05.11.2025). Accessed from the ZBW Press Archives.
4. Letter from Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell 16 June, 1926 // Gertrude Bell Archive. URL: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-22-20> (date of application: 05.11.2025). Accessed from the Newcastle University website.
5. Letter from Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell 2 July, 1924 // Gertrude Bell Archive. URL: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-20-26> (date of application: 05.11.2025). Accessed from the Newcastle University website.

6. Letter from Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell 20 May, 1924 // Gertrude Bell Archive. URL: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-20-20> (date of application: 05.11.2025). Accessed from the Newcastle University website.
7. Letter from Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell 23 July, 1924 // Gertrude Bell Archive. URL: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-20-29> (date of application: 05.11.2025). Accessed from the Newcastle University website.
8. Letter from Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell 24 March, 1924 // Gertrude Bell Archive. URL: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-20-11> (date of application: 05.11.2025). Accessed from the Newcastle University website.
9. Letter from Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell 26 May, 1926 // Gertrude Bell Archive. URL: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-22-17> (date of application: 05.11.2025). Accessed from the Newcastle University website.
10. Letter from Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell 28 April, 1926 // Gertrude Bell Archive. URL: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-22-13> (date of application: 05.11.2025). Accessed from the Newcastle University website.
11. Letter from Gertrude Bell to W. M. Ramsay 7 February, 1918 // Gertrude Bell Archive. URL: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-3-2-7> (date of application: 05.11.2025). Accessed from the Newcastle University website.
12. Ramsay W., Bell G. *The thousand and one churches*. London: Hodden and Stoughton, 1909. 580 p. Electronic version printed edition. URL: <https://archive.org/details/thousandonechurcoorams/page/n1/mode/2up> (date of application: 05.11.2025). Accessed from the Internet Archive.
13. Said E. *Orientalism*. New York: Pantheon Books, 1978. 389 p.
14. *The Arab war*. Confidential information for general headquarters from Gertrude Bell being despatches reprinted from the secret "Arab Bulletin". London: The Golden Cockerel Press, 1940. 52 p.

References

1. Spiridonova DS 2024, *Zhenskoe mezhdunarodnoye prostranstvo v kontekste britansko-irakskoi kommunikatsii: opyt Gertrudy Bell* in red. Leont'eva TG & Vorob'ev DN Put' v nauku: materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh, 2024, Tver', Tverskoi gosudarstvennyi universitet, Tver' 2024. pp. 80–85. (In Russ.)
2. Bell, G 1908, *Syria: the desert & the sown*, William Heinemann, London. (In Eng.)
3. Bell, Gertrude Lowthian DFG Viewer. <https://pm20.zbw.eu/mirador/?manifestId=https://pm20.zbw.eu/iiif/folder/pe/001397/manifest.json> (In Germ.)
4. *Letter from Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell* 16 June, 1926 Gertrude Bell Archive Newcastle University <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-22-20>. (In Eng.)
5. *Letter from Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell* 2 July, 1924 Gertrude Bell Archive Newcastle University <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-20-26>. (In Eng.)
6. *Letter from Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell* 20 May, 1924 Gertrude Bell Archive Newcastle University <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-20-20>. (In Eng.)
7. *Letter from Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell* 23 July, 1924 Gertrude Bell Archive Newcastle University <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-20-29>. (In Eng.)
8. *Letter from Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell* 24 March, 1924 Gertrude Bell Archive Newcastle University <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-20-11>. (In Eng.)
9. *Letter from Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell* 26 May, 1926 Gertrude Bell Archive Newcastle University <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-22-17>. (In Eng.)
10. *Letter from Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell* 28 April, 1926 Gertrude Bell Archive Newcastle University <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-22-13>. (In Eng.)
11. *Letter from Gertrude Bell to W.M. Ramsay* 7 February, 1918 Gertrude Bell Archive Newcastle University <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-3-2-7>. (In Eng.)
12. Ramsay W & Bell G *The thousand and one churches*, 1909, Hodden and Stoughton, London <https://archive.org/details/thousandonechurcoorams/page/n1/mode/2up/> (In Eng.)

13. Said E *Orientalism*, 1978, Pantheon Books, New York. (In Eng.)
14. *The Arab war. Confidential information for general headquarters from Gertrude Bell being despatches reprinted from the secret "Arab Bulletin"*, 1940, The Golden Cockerel Press, London. (In Eng.)

Статья поступила в редакцию: 17.12.2025
Одобрена после рецензирования: 13.02.2026
Принята к публикации: 02.03.2025

The article was submitted: 17.12.2025
Approved after reviewing: 13.02.2026
Accepted for publication: 02.03.2025

Научная статья
УДК 94(4)"1933/1945":001.8
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-45-55>

ОТРАЖЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ПАМЯТИ О ХОЛОКОСТЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Шерман Леонид^{1, 2}

---

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,

² Средняя школа Декель Вильнаи, Маале Адумим, Израиль, leosh77@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0006-5155-956X>

Аннотация. Статья посвящена истории формирования культуры памяти о Холокосте. Проанализирована научная литература и источники по теме, которые расширяют представления о травмах, деформации и изменениях, происходящих с памятью со временем, а также находят отражение в свидетельствах выживших. Анализ источников указывает на определенную динамику, которая имела место с развитием исследований, а также по мере удаления от событий Холокоста. По результатам проведенного исследования выяснилось, что история сбора и фиксации источников о Холокосте изучалась по большей части вне контекста культуры памяти. Проведенный анализ на примере так называемых «Свитков из пепла» свидетельствует о необходимости особого подхода в работе с воспоминаниями, особенно травматического происхождения. Упор делается на западную историографию (с акцентом на динамику в Израиле и Соединенных Штатах Америки) в свете того, что изучение Холокоста за рубежом началось раньше, чем в Советском Союзе. Поэтому зарубежная историография имеет большой информационный потенциал. Работа опирается на выводы из свидетельств, переживших Холокост Ф. Фридмана, Э. Визеля, П. Леви, а также на сборник очерков известных советских писателей «Черная книга», включенных ЮНЕСКО в реестр «Памяти мира», «Дневник Анны Франк» и архивную коллекцию «Онег шабат». Используются материалы Нюрнбергского трибунала над нацистскими военными преступниками, на которые опиралось советское обвинение в ходе судебного процесса. Исследование указывает на необходимость обращения к параллельным свидетельствам и источникам с целью комплексного изучения и получения наиболее полной картины произошедшего.

Ключевые слова: историография, коллективная память, культура памяти, отрицание, «Свитки из пепла», травма, Холокост.

Для цитирования: Шерман Л. Отражение формирования культуры памяти о Холокосте в зарубежной историографии // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 1 (25). С. 45–55. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-45-55>

Сведения об авторе: Л. Шерман – аспирант кафедры истории России новейшего времени, Российский государственный гуманитарный университет, 125047, Россия, г. Москва, площадь Миусская, д. 6, стр. 6; преподаватель истории, краеведения и общественного права, средняя школа Декель Вильнаи, 9833011, Израиль, г. Маале Адумим, ул. Дерех мидбар ехуда, д. 13.

© Шерман Л., 2026

Scientific Article

UDC 94(4)"1933/1945":001.8

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-45-55>

REFLECTION OF THE WHO FRAMED GENERAL KUROPATKIN? ON THE ISSUE OF THE PUBLICATION OF THE RUSSIAN CAMPAIGN IN INDIA PLAN AUTHORSHIP IN THE BRITISH PRINT MEDIA IN 1904

Leonid Sherman ^{1,2}

---

¹ Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia

² Dekel Vilna'i High School
Maale Adumim, Israel, leosh77@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0006-5155-956X>

Abstract. The article explores the history of the development of Holocaust remembrance culture. It analyzes the existing historiographical scholarship on the subject as well as the sources that expand our understanding of trauma, distortion, and the transformations that occur in memory over time, and are reflected in the testimonies of survivors. The analysis of the sources reveals a certain dynamic that has taken place with the development of research, as well as with the distance from the events of the Holocaust. According to the results of the study, it turned out that the history of collecting and recording sources about the Holocaust has largely been explored outside the broader context of remembrance culture. The analysis conducted using the example of the so-called *Scrolls of Ashes* demonstrates the necessity of a distinct methodological approach in working with testimonies, particularly those of traumatic origin. The focus is placed primarily on Western historiography (with an emphasis on the dynamics in Israel and the United States of America) given that Holocaust studies developed earlier abroad than in the Soviet Union. Therefore, foreign historiography has great informational potential. The work draws on the testimonies of Holocaust survivors –F. Friedman, E. Wiesel, and P. Levy – as well as a collection of essays by renowned Soviet writers, "The Black Book," included in the UNESCO Memory of the World Register, "The Diary of Anne Frank," and the Oneg Shabbat archival collection. Materials from the Nuremberg Trials of Nazi war criminals, which the Soviet prosecution relied on during the trial, are also included. The study points to the need to consult parallel evidence and sources in order to comprehensively study and obtain the most complete picture of what happened.

Keywords: historiography, collective memory, culture of remembrance, denial, "Scrolls from ashes", trauma, the Holocaust.

For citation: Sherman, L 2026, 'Reflection of the formation of the Holocaust remembrance culture in foreign historiography', Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics, issue 1 (25), pp. 45–55, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-45-55> (in Russ.)

Information about the Author: *Leonid Sherman* – PhD student, Russian State University for the Humanities, 6 Miuskaya Ploshchad Square, building 6, Moscow, 125047, Russia. Teacher of history, local studies and public law, Dekel Vilna'i High School, Derech Midbar Yehuda St. 13, Maale Adumim, 983301, Israel.

© Sherman L., 2026

Введение

Статья ставит своей целью показать динамику формирования культуры памяти в контексте Холокоста в западной и израильской историографии. Это обусловлено тем, что изучение Холокоста за рубежом началось раньше, чем в Советском Союзе, а в российской историографии тема культуры памяти о Холокосте является относительно новым направлением [1, с. 6].

Сбор источников и свидетельств о Холокосте ведет свой отсчет с архива Рингельблюма, получившего также название «Онег Шабат» который начал свою деятельность в Варшавском гетто в 1939 г. Польский историк Ф. Тих считал наследие «Онег шабат» самым важным мировым источником о Холокосте: произошедшее фиксировали сами жертвы «в режиме реального времени» [28; 2]. В 1999 г. ЮНЕСКО включила архив в реестр «Памяти мира». Одним из основных источников, повлиявших на формирование культуры памяти о Холокосте, являются «Свитки из пепла» – рукописи шести членов зондеркоманды Аушвица-Биркенау (Залмана Градовского, Лейба Лангфуса, Залмана Левенталя, Марселя Наджари, Амрома Левите и Хаима Германа), которые вели свои записи в непосредственной близости от крематориев, где было уничтожено более миллиона евреев Европы.

Наиважнейшим документом, повлиявшим на формирование культуры памяти о Холокосте, стал проект Еврейского антифашистского комитета в СССР под названием «Черная книга». По его итогам был подготовлен сборник очерков известных советских писателей на основе документов и свидетельств очевидцев. Редакторы «Черной книги» поведали о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в гитлеровских лагерях уничтожения на территории Польши во время войны 1941–1945 гг.» И. Г. Эренбург и В. С. Гроссман ставили перед собой цель увековечить память об еврейских жертвах, придать гласности преступления, а также рассчитывали, что она может послужить обвинительным заключением для фашистов как организаторов и участников убийства миллионов женщин, стариков и детей [17, с.11].

На формирование культуры памяти о Холокосте огромное влияние оказали документы и свидетельства, которые были представлены на Нюрнбергском трибунале – ключевом судебном процессе над нацистскими военными преступниками. Обвинители от СССР Р. А. Руденко и Л. Н. Смирнов в своих выступлениях отмечали, что нацисты планировали уничтожить евреев как народ в любой точке мира. В то же время невозможно проигнорировать их утверждение, что и славянским народам нацисты прочили ту же судьбу. Германия, по их мнению, не считала уничтожение евреев одной из приоритетных целей развязанной ей войны [10, с. 171–176]. Отметим, что свидетелем от советского обвинения выступал А. Суцкевер, один из авторов «Черной книги». Также на процессе был представлен (хоть и не использован) дневник З. Градовского, одного из хронистов «Свитков из пепла».

Уже в августе 1944 г. в Люблине была основана Еврейская историческая комиссия, действовавшая под эгидой Центрального комитета польских евреев, которая решила в 1945 г. фиксировать свидетельства евреев, переживших Холокост [7, с. 140–141]. Позже были основаны филиалы комиссии в центральных польских городах, а с 1947 г. работа по сбору свидетельств была сосредоточена в Варшавском еврейском историческом институте. Задачей созданных комиссий было фиксировать показания у переживших Холокост евреев в лагерях и гетто, а также сбор документов и показаний о жизни евреев до Холокоста и в его процессе. Ведущие исследователи, которые собирали эти данные, частично репатриировались в Израиль и продолжили

там свою деятельность. В Париже, Праге и других местах также действовали Еврейские центры сбора показаний и свидетельств, собирающие еврейские и немецкие документы, которые впоследствии были переданы в Израиль. Параллельно в 1945 г. в лагере для перемещенных лиц в Мюнхене была основана Центральная историческая комиссия освобожденных евреев, у которой было около 50 филиалов в других лагерях. Комиссия инициировала сбор тысяч свидетельств и даже издала несколько книг. Исследования общественной и политической организации выживших показывают, что их целью было не только гарантировать память о Холокосте и завещать его следующим поколениям, но и проработать выводы Холокоста в национальном духе [20, с.180]. В тогдашней подмандатной Палестине действия по увековечиванию и сбору свидетельств о Холокосте начались еще в 1941–1942 гг. и продолжают по сей день.

История Холокоста нашла отражение в работах историков, в первую очередь его очевидцев. Так, например, польско-еврейский историк Ф. Фридман скрывался во Львове во время немецкой оккупации. Его жена и дочь были убиты нацистами. В 1944–1946 гг. он основал, а затем стоял во главе Центральной еврейской исторической комиссии в Лодзи и работал в лагерях для перемещенных лиц. Задолго до начала Второй мировой войны Фридман занимался исследованиями истории польских евреев, он стал автором работ о евреях Галиции и Лодзи. После войны продолжил работу, акцентируя внимание на изучении и публикации свидетельств и документов о Холокосте, как, например, о восстании в Варшавском гетто и о спасении евреев местным населением [5; 21; 22].

Отдельно стоит отметить работы писателя, журналиста, философа, интеллектуала и Нобелевского лауреата Э. Визеля. Родившийся в Трансильвании, в годы войны он прошел через Аушвиц, «марши смерти» и Бухенвальд, потерял родителей и сестру. В своей повести «Ночь» описывает события, произошедшие с ним, на основании своего личного опыта [4]. Итальянский поэт, химик и переводчик П. Леви провел в Аушвице одиннадцать месяцев до освобождения советскими войсками. Его книги, которые начали публиковаться в конце 1940-х гг., отражают трудности, попытки выжить и боль, эмоциональные последствия произошедшего в лагере уничтожения [9; 10].

Дневник Анны Франк, изданный впервые в 1947 г., выдержал множество переизданий, на русском языке он впервые вышел в 1960 г. [15]. Согласно энциклопедии Britannika, на сегодняшний день в мире издано 30 000 000 экземпляров «Дневника» [18]. Не случайно в 2009 г. ЮНЕСКО включила записки Франк в реестр «Памяти мира», подобно архиву Рингельблюма.

Израильский историк Б. Коэн предлагает разделить израильскую историографию о Холокосте на несколько периодов.

1) В 1950-е гг., так называемое формирующее десятилетие Израиля, среди работ о Холокосте преобладали личные воспоминания бойцов. Восстание в Варшавском гетто считалось ключевым героическим событием. Это было необходимо для того, чтобы спасти еврейскую честь и уважение, а также для того, что связать между бойцами Варшавы и ценностями героизма и обороны еврейского бойца в еврейском государстве. Было принято относиться с уважением к массовым жертвам нацистов, даже если они шли «как овцы на заклание». Но отношение к членам *юденрата* (административный орган еврейского самоуправления, созданный немецкими оккупационными властями во время Второй мировой войны – Л. Ш.) и другим общественным организациям, которые функционировали под немцами, было сугубо отрицательным. Кроме того, в подавляющем большинстве случаев публиковались книги и свидетельства членов сионистских движений левого

толка. Так, например, об участии представителей правых и религиозных движений в восстании Варшавского гетто не было практически никакой информации. В начале 50-х годов были созданы исследовательские институты, которые специализировались на исследовании и увековечивании памяти жертв. Весь этот период, по словам Коэна, вся историографическая работа лежала на плечах выживших в Холокосте, по большей части молодых людей без высшего образования, не имевших предыдущего опыта в написании исторических трудов. В то же время известные историки, проживающие на тот момент в Израиле, как то И. Беэр и И. Гальперин, не работали в этом направлении.

2) Суд над нацистским преступником А. Эйхманом, который начался в 1961 г. в Иерусалиме, пробудил большой интерес к событиям Холокоста и, соответственно, повлиял на израильскую историографию о Холокосте. Повысился статус Яд Вашема в качестве исследовательского института как внутри Израиля, так и за его пределами. К исследованию Холокоста подключились известные ученые. Свидетельские показания выживших заставили общество по-новому посмотреть на модели поведения евреев, что привело к введению в научный оборот фактов о различных формах еврейского сопротивления.

3) В 1970-е гг. произошла *академизация* Холокоста: при содействии Еврейского университета в Иерусалиме вышли монументальные работы известных историков, переживших Холокост (И. Гутмана, И. Арада). Также к работе над историографией Холокоста подключился И. Бауэр, который репатриировался в подмандатную Палестину до начала Второй мировой войны. Стало понятно, что подпольная борьба и участие в восстании – это лишь часть общей картины Холокоста. В этот же период новое поколение историков занялось исследованиями об отношении *ишува* (еврейской общины, проживавшей в стране Израиля в период войны) и Холокоста. Исследователи предъявили властям страны обвинения в бездействии или как минимум в недостаточной помощи, которую евреи Израиля не оказали своим европейским братьям. Обсуждение этого вопроса продолжилось и в 1990-е гг.

4) В 1990 г. увидела свет «Энциклопедия Холокоста» под редакцией И. Гутмана. Коэн считает издание энциклопедии флагманским проектом историографии Холокоста 1990-х гг., который включает в себя результаты работы исследователей разного профиля. В то же время, по мнению автора, на момент написания статьи (1999 г.) темы об окончательном решении и механизмах принятия решений в бюрократической машине нацистской Германии был исследован недостаточно, как и общее описание Холокоста во всех странах, оккупированных нацистами, и на всем протяжении нацистского периода [20].

Директор Центра еврейских исследований и современной еврейской жизни при Коннектикутском университете А. Дж. Патт в своей монографии о динамике изучения Холокоста в Израиле рассматривает развитие памяти о Холокосте в качестве исторического, культурного и политического процессов. Автор считает, что между травматическим прошлым и современными национальными стремлениями существует постоянное напряжение. С момента создания Израиля власти пытались создать «нового» еврея, свободного и гордого, что зачастую шло вразрез с тем травматическим багажом, который привезли с собой выжившие. Развитие институтов памяти позволило включить в учебные программы изучение Холокоста, но предпочтение явно отдавалось его героической составляющей. Процесс над А. Эйхманом расширил понимание истории европейского еврейства, дал возможность страданию и травме найти место в израильской идентичности и в корне изменил отношение коренных израильтян к уцелевшим.

В 1970–1980-х гг. присутствие Холокоста в кино, литературе и системе просвещения неуклонно растет. Расширяется и круг исследований, который затрагивает различные группы выживших и разные типы свидетельств. Примерно в этот же период, полагает Патт, Холокост становится частью израильской идентичности. Память о Холокосте используется политиками и медиа, усиливается роль мемориальных церемоний, начинаются образовательные поездки в Польшу. XXI век несет с собой вызовы нового образца. Все меньше и меньше число тех, кто может рассказать о трагедии от первого лица. В свою очередь современные технологии позволяют фиксировать воспоминания, но оставляют открытым вопрос об их подлинности, а также восприятия и осмысления. Также автор указывает на тенденцию использования памяти в политических целях, как в Израиле, так и в других местах [26].

Сборник статей ведущих специалистов в своих областях под редакцией британского историка, директора Института исследования Холокоста Лондонского университета Д. Стоуна позволяет наиболее широко отобразить картину развития исследований Холокоста на Западе как отдельной академической дисциплины. Согласно автору, историография по теме прошла целый ряд этапов в процессе своего формирования – от фиксации нацистских преступлений до комплексных междисциплинарных теорий. Стоун утверждает, что существует связь между изучением Холокоста и изменениями, произошедшими со временем с историей как наукой. Если на начальном этапе исследований работа шла в основном над хронологией уничтожения, роли Гитлера и анализе идеологии, то в 1980–1990 гг. сфера интересов историков значительно расширилась: объектом исследований стали социальная динамика, роль коллаборационистов, церкви и рядовых исполнителей, которые «просто выполняли приказы». Стоун обращает внимание на сбор свидетельств и документов о нацистских преступлениях непосредственно после освобождения. Таким образом, исследовательское поле изучения Холокоста постоянно расширяется [27].

Американская исследовательница Холокоста Д. Э. Липштадт, анализируя динамику формирования восприятия Холокоста американцами, приходит к схожим выводам: если сразу после войны о Холокосте не особо вспоминали, то в 1960–1970 гг. изучение этой темы стало более распространённым в связи с появлением фильмов, литературы, музеев и образовательных программ. По мнению автора, американское восприятие Холокоста представляет собой как отражение самого события, так и динамику ценностей, конфликтов и способов репрезентации травмы американского общества [23].

Дополнительным аспектом, который влияет на формирование культуры памяти о Холокосте, является его отрицание. Эта тенденция наметилась в 1947 г., сначала во Франции, а потом распространилась и на другие страны мира. Часть отрицателей утверждает, что Холокоста не было совсем, другие же выражают серьезные сомнения в количестве уничтоженных нацистами евреев [13].

Ситуация усугубляется тем, что преступники склонны замалчивать свои деяния. Так, например, Г. Гиммлер в своей речи в Познани в октябре 1943 г. перед высшими офицерами СС и гауляйтерами, приводившими в жизнь решение об уничтожении евреев, называет эту миссию *«славной страницей нашей [немецкой] истории, которая не написана и никогда не будет написана»*. Он настаивал на секретности миссии уничтожения евреев: *«Возможно, гораздо позже мы подумаем, стоит ли рассказать немецкому народу об этом больше, но будет лучше, если бы мы – все сообща – сделали это за наш народ, взяли бы на себя ответственность и потом унесли бы свою тайну в могилу»* [3, с. 106–107]. Унтершарфюрер СС Ф.

Зухомель, служивший в Треблинке, свидетельствует «Когда кого-нибудь приходится обманывать, потом сам начинаешь верить в собственную ложь» [8, с. 262].

Одним из примеров забвения являются показания Ф. Грасслера, который был помощником коменданта Варшавского гетто. По его словам, воспоминания о тех временах сохранились у него очень смутные, так как это было *трагическое время*, а человек легче забывает моменты плохие, чем хорошие, в то время как неприятные моменты вытесняются им из памяти [8, с. 326–327].

На формирование культуры памяти о Холокосте, как на Западе, так и по всему миру, наложил отпечаток характер воспоминаний. Ряд исследователей, специализирующихся на травме, подчеркивают, что травматические события могут привести к искажению, деформации и необъективности в суждениях и свидетельствах [14; 3; 6; 9].

До того, как еврейские источники о Холокосте вошли в научный оборот, основные сведения об уничтожении евреев черпались из немецких документов, что зачастую приводило к искажению истории и значимости Холокоста [28, с. 57–69]. Именно поэтому представляется важным противопоставить этим тезисам источники, авторами которых являются евреи, особенно когда речь идет о жертвах нацизма. Ярким примером подобных источников являются «Свитки из пепла». Авторы свидетельств преследовали несколько целей: передать всему миру информацию о происходившем в Аушвице, помочь историкам и психологам понять, как могли нацисты изменить привычные человеческие представления, а также увековечить память об убитых родных и близких. Ш. Неэмани видит в «Свитках из пепла» однозначное подтверждение злодейств нацистов, о которых без их прочтения многие бы не знали, а даже если бы знали, не поверили [25, с. 1].

Согласно Д. Вильямсу и Н. Черу, чтение «Свитков» поднимает сложные вопросы о свидетельских показаниях. Рукописи уникальны в силу особого положения, которое занимали их авторы, а также благодаря их идентичности. Материалы хронистов пристрастны, они полны ненавистью к нацистам, а также призывами к мести. Кроме того, они не полны и не включают в себя отчетов об определенных событиях, как, например, информации об *айзенцгруппен* [19].

Проблематика достоверности наблюдается также и в оценке количества уничтоженных в Аушвице за годы его деятельности. В «Расставании» З. Градовского упоминаются «миллионы тех, кто погиб вчера» [12, с. 354], в «Письме из ада» – «миллионы погибших» [12, с. 355]. В «Заметках» З. Левенталя фигурирует цифра в миллион убитых евреев только венгерского происхождения [12, с. 473]. Как известно, многие годы цифра в 4 миллиона жертв фигурировала в официальных документах и на мемориальных досках до тех пор, пока исследователи не оценили число жертв в 1,1–1,2 миллиона человек, 90 % из которых составляли евреи.

Публикация «Свитков из пепла», созданных самими жертвами Холокоста в годы войны, позволила по-новому взглянуть как на произошедшее с еврейским народом в годы Холокоста, так и в *героическом нарративе*, а также проанализировать сложные отношения еврейских узников Аушвица с заключенными других национальностей. Кроме того, «Свитки» внесли свой вклад в формирование культуры памяти о Холокосте в религиозном аспекте, который ранее практически не поднимался. Публикация рукописей способствовала разрушению отрицательного имиджа, который преследовал их авторов долгие годы. Вместе с тем прочтение записок хронистов в силу религиозных взглядов их авторов может привести читателя к спорным выводам. У него может сложиться нечеткое впечатление о деятельности лагеря уничтожения, о повседневной жизни его узников

и даже о числе жертв. Кроме того, публикация цензурированных вариантов зачастую искажала те послы и призывы, которые авторы «Свитков» хотели донести до своих читателей. Именно поэтому необходимо обращение к параллельным свидетельствам из других лагерей смерти и гетто, которые дополняют, а иногда и в некоторой степени подвергают сомнению сведения, переданные нам хронистами «Свитков».

Заключение

Анализ научных трудов, отображающих формирование культуры памяти о Холокосте на Западе, в особенности в Израиле, указывает на определенную динамику.

- Сбор информации о Холокосте ведет отчет непосредственно от окончания боевых действий. Приоритет отдается личным воспоминаниям бойцов и героическому нарративу. Свидетельства по большей части «секторальные», предпочтение получают молодежные сионистские движения, разделяющие социалистическую идеологию.

- На следующем этапе, начало которому положил суд над А. Эйхманом, расширилось понимание о различных формах *еврейского сопротивления*, а само исследование Холокоста стало более упорядоченным благодаря усилению исследовательских институтов и включению в работу известных ученых.

- Тенденция *академизации* Холокоста продолжилась с публикацией монументальных работ известных историков, видевших Холокост своими глазами, например, И. Гутмана, И. Арада, а также специалистов в этой области – уроженцев Израиля. Стоит отметить роль Иерусалимского университета, при содействии которого эта работа проходила.

- В 1980–1990-е гг. сфера интересов историков значительно расширилась: объектом исследований стали социальная динамика, роль коллаборационистов, церкви и рядовых исполнителей, которые «просто выполняли приказы», а также отношения евреев подмандатной Палестины с их европейскими собратьями.

- В XXI в. число свидетелей неуклонно снижается и все больше приходится полагаться на технологии, записывающие воспоминания. Также память все чаще используется для достижения политических целей.

- В последние годы в историографии принято рассматривать Холокост как универсальную трагедию, опыт которой стоит взять на заметку народам мира с целью предотвращения ее повторения.

- Историография источниковедения истории Холокоста практически не анализирует воспоминания травматического характера. История сбора и фиксации источников о Холокосте изучалась по большей части вне контекста культуры памяти. Эти важные составляющие накладывают свой отпечаток на аутентичность свидетельств и зачастую не позволяют в полной мере оценить их информационный потенциал.

- Анализ источников на примере так называемых «Свитков из пепла» подтверждает необходимость особого подхода к работе с воспоминаниями травматического происхождения.

- Зарубежная историография отражает формирование культуры памяти о Холокосте практически в полном объеме, но не всегда указывает на лакуны в существующей научной литературе, куда ещё не направлено достаточное количество

исследований, что требует дополнительных вложений в изучение темы, а также работы с данными, документами и источниками для получения полной картины.

Список источников и литературы

1. *Альтман И. А.* Исследование темы Холокоста в СССР в современной России // Холокост : библиогр. указатель русскоязычной литературы за 1941–2020 гг. / сост. И. А. Альтман, Е. Ю. Матвеева, А. В. Гасилин; отв. ред. А. В. Гасилин, ред. О. В. Сергеева. М.: РАН ИНИОН, 2021. С. 4–11.
2. *Альтман И. А., Шерман Л.* Архив Варшавского гетто: история создания, состав, использование // Отечественные архивы. 2025. № 3. С. 31–37.
3. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое лит. обозрение, 2018. 328 с.
4. *Визель Э.* Ночь. Рассвет. Несчастный случай. Тель-Авив: Яир, 1989. 279 с.
5. *Гилева М. В.* Формирование проблемы Холокоста в американской историографии в 1945–1960-е годы // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 5 (38). С. 127–128.
6. *Гросс Я., Грудзинская-Гросс И.* Золотая жатва. О том, что происходило вокруг истребления евреев. М.: Нестор, 2017. 152 с.
7. *Гросс Я., Павлицкая А.* Давным-давно, кажется в прошлую пятницу. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2021. 320 с.
8. *Ланцман К.* Шоа. М.: Новое изд-во, 2016. 386 с.
9. *Левы П.* Канувшие и спасенные, М.: Новое изд-во, 2010. 196 с.
10. *Левы П.* Человек ли это? М.: Книжники, 1990. 288 с.
11. *Лебедева Н. С.* Нюрнбергский процесс о геноциде евреев Европы // Холокост – Сопротивление – Возрождение: еврейский народ в годы Второй мировой войны и послевоенный период, 1939–1948 / ред. И. А. Альтман, П. Агмон. М., 2000. С. 171–176.
12. *Полян П. М.* Жизнь и смерть в аушвицком аду. М.: АСТ. 2018. 640 с.
13. *Полян П. М.* Отрицание и геополитика Холокоста // Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем: Дебаты о демографии и геополитике Холокоста / сост. А. Кох, П. Полян. М.: Три квадрата, 2008. 308 с.
14. *Сафронова Ю. А.* Историческая память: Введение. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2019. 224 с.
15. *Франк А.* Дневник Анны Франк, М.: Иностран. лит., 1960. 235 с.
16. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
17. Черная книга: о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в гитлеровских лагерях уничтожения на территории Польши во время войны 1941–1945 гг. / под ред. В. С. Гроссмана, И. Г. Эренбурга. М.: Corpus, 2015. 714 с.
18. *Petruzzello M.* Anne Frank's Diarly // Britannica : online encyclopedia. URL: <https://www.britannica.com/story/anne-franks-diary> (date of request: 15.11.2025).
19. *Chare N., Willians D.* Matters of Testimony: Interpreting the Stroll of Auschwitz. New York; Oxford : Berghahn Books, Inc., 2015. 254 p.
20. *Cohen B.* Istoriografija ha istaelitshel ha Shoah-megamotikarion // Beshvil ga zikaron, 34. Jerusalem: Yad Vashem, 1999. P. 14–20. (Иврит)
21. *Friedman F.* Martyrs and Fighters. The Heroic Warsaw Ghetto epic that inspired "The Wall" and «Mila 18». London: Lancer book. 1954. 325 p.
22. *Friedman F.* Their brother's Keepers. New York: Crown Publishers, 1957. 224 p.
23. *Lipstadt D.* Holocaust. An American Understanding. New Brunswick ; New Jersey ; London: Rutgers University Press, 2016. 204 p.

24. *Livneh A.* The Cry of the Desperate and the Fortitude of the Remaining will Suffice: Commemorative Literature, Documentation and the Study of the Holocaust, 1945–1961 // *Dapim, Studies on the Shoah.* 2010. № 24. P. 177–222.
25. *Mark B.* The Strolls of Auschwitz. Tel Aviv: Am Oved, 1985. 305 p.
26. *Patt A. J.* Israel and the Holocaust: History, Memory and Identity. London: Bloomsbury Academic, 2024. 224 p.
27. *Stone D.* The Historiography of the Holocaust. Basingstoke (Hants.) ; New York: Palgrave Macmillan, 2004. 508 p.
28. *Sokovsky R.* Oneg Shabat – arkhiongetto Warsha // *Me gniza le ziyuneiderek: Arkhionimiyehudim me tkufat ha Shoa* / ed. I. Gutman. Jerusalem: 1997. P. 57–69. (Иврит).
29. *Tuch F.* The Legacy of Emanuel Ringelblum and the Historical Awareness of the Holocaust // *Emanuel Ringelblum: The man and the Historian* / ed. I. Gutman. Jerusalem: Yad Vashem, 2010. P. 6–15.

References

1. Altman, IA 2021, Issledovaniye temy Kholokosta v SSSR v sovremennoy Rossii (A Study of the Holocaust in the USSR in Contemporary Russia) in IA Altman, EY Matveeva, & AV Gasilin (eds.), *Kholokost: Bibliograficheskiy ukazatel russkoyazychnoy literatury za 1941–2020 gg.* (Holocaust: A Bibliographic Index of Russian-Language Literature), RAN INION Publ, Moscow. (In Russ.)
2. Altman, IA & Sherman, L 2025, *Arkhiv Varshavskogo getto: istoriya sozdaniya, sostav, ispolzovaniye* (The Warsaw Ghetto Archive: History of Creation, Composition, and Use), *Otechestvennyye arkhivy* Publ, Moscow, no. 3, pp. 31-37. (In Russ.)
3. Assman, A 2018, *Dlinnaya ten proshlogo: Memorialnaya kultura i istoricheskaya politika* (The Long Shadow of the Past: Memory Culture and Historical Politics), *Novoye literaturnoye obozreniye* Publ, Moscow. (In Russ.)
4. Wiesel, E 1989, *Noch. Rassvet. Neschastnyy sluchay* (Night. Dawn. Accident), Yair Publ, Tel Aviv. (in Russ.)
5. Gileva, MV 2018, Formirovaniye problemy Kholokosta v amerikanskoj istoriografii v 1945-1960-ye gody (Formation of the Holocaust Issue in American Historiography in 1945-1960s), *RSUH/RGGUBulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*, no. 5(38), pp. 123-32. doi: 10.28995/20736355-2018-5-123-132. (In Russ.)
6. Gross, JT & Grudzinska-Gross, I 2017, *Zolotaya zhatva. O tom, chto proiskhodilo vokrug istrebleniya yevreyev* (Golden Harvest), trans. LA Mosionzhnik, Nestor-Istoriya Publ, Moscow, Saint-Petersburg. (In Russ.)
7. Gross, JT & Pawlicka, A 2021, *Davnym-davno, kazhetsya, v proshluyu pyatnitsu* (A long time ago, it seems, last Friday), trans. IE Adelgeim, Ivan Limbakh Publ, Saint-Petersburg. (In Russ.)
8. Lanzmann, C 2016, *Shoa* (Shoah), Novoye Izdatelstvo Publ, Moscow. (In Russ.)
9. Levi, P 2010, *Kanuvshiye i spasennyye* (The Drowned and the Saved), trans. E Dmitrieva, Novoye Izdatelstvo Publ, Moscow. (In Russ.)
10. Levi, P 1990, *Chelovek li eto* (If This Is a Man / Survival in Auschwitz), trans. E Dmitrieva, Knizhniki Publ. Moscow. (In Russ.)
11. Lebedeva, NS 2000, Nyurenbergskiy protsess o genotside yevreyev Yevropy (The Nuremberg Trial on the Genocide of the Jews of Europe) in IA Altman, P Agmon (eds.), *Kholokost — Soprotivleniye — Vozrozhdeniye: yevreyskiy narod v gody Vtoroy mirovoy voyny i poslevoyennyy period, 1939–1948* (Holocaust — Resistance — Revival: The Jewish People During World War II and the Postwar Period, 1939–1948), Gos. sluzhba Rossii po delam natsionalnostey Publ, Moscow. (In Russ.)
12. Polyan, PM 2018, *Zhizn' i smert' v aushvitskom adu* (Life and Death in the Hell of Auschwitz), AST Publ, Moscow. (In Russ.)
13. Polyan, PM 2008, Otritsaniye i geopolitika Kholokosta (Denial and the Geopolitics of the Holocaust), in A Kokh & P Polyan (eds.) *Otritsaniye otritsaniya, ili Bitva pod Aushvitsem:*

- Debaty o demografii i geopolitike Kholokosta* (The Negation of Negation: The Battle of Auschwitz – Debates on the Demography and Geopolitics of the Holocaust), Tri Kvadrata Publ, Moscow. (In Russ.)
14. Safronova, YuA 2019, *Istoricheskaya pamyat': Vvedeniye* (Historical Memory: Introduction), Izdatelstvo Yevropeyskogo universiteta Publ, Saint-Petersburg. (In Russ)
  15. Frank, A 1960, *Dnevnik Anny Frank* (The Diary of a Young Girl / The Diary of Anne Frank), Inostrannaya literatura Publ, Moscow. (In Russ).
  16. Frankl, V 1990, *Chelovek v poiskayasmisla* (Man's Search for Meaning), trans. DA Leontyev, MP Papush, & EV Eidman, Progress Publ Moscow. (In Russ.)
  17. Grossman, VS & Erenburg, IG (eds.) 2015, *Chernaya kniga: o zlodeyskom pousemestnom ubiystve yevreyev nemetsko-fashistskimi zakhvatchikami vo vremenno okkupirovannykh rayonakh Sovetskogo Soyuza i v gitlerovskikh lageryakh unichtozheniya na territorii Polshi vo vremya voyny 1941–1945 gg.* (The Black Book: On the Villainous, Widespread Murder of Jews by the Nazi Invaders in the Temporarily Occupied Regions of the Soviet Union and in Nazi Extermination Camps in Poland During the War of 1941–1945), Corpus Publ, Moscow. (In Russ.)
  18. Petruzzello, M 2025 'Anne Frank's Diary', *Encyclopedia Britannica*, viewed 15 November 2025, <https://www.britannica.com/story/anne-franks-diary>.
  19. Chare, N & Willians, D 2015, *Matters of Testimony: Interpreting the Stroll of Auschwitz*, Berghahn, New York, Oxford.
  20. Cohen, B 1999, Istorioografiya ch yeshtalitashel ch sho'a- migmotechrion, *Beshvil ga zikaron*, Yad Vashem Publ, Jerusalem, vol. 34, pp. 14–20. (In Hebrew)
  21. Friedman, P 1954, *Martyrs and Fighters: The Heroic Warsaw Ghetto Epic That Inspired the Wall and Mila 18*, Lancer books, New York.
  22. Friedman, P 1957, *Their brothers' keepers*, Crown Publishers, New York.
  23. Lipstadt, D 2016, *Holocaust. An American Understanding*. Rutgers University Press, New Brunswick; New Jersey.
  24. Livneh, A 2013, 'The Cry of the Desperate and the Fortitude of the Remaining will Suffice: Commemorative Literature, Documentation and the Study of the Holocaust, 1945-1961', *Dapim Studies on the Holocaust*, vol. 24(1), pp. 177–222, doi:10.1080/23256249.2010.10744401
  25. Mark, B 1985, *The Strolls of Auschwitz*. Am Oved Publ, Tel Aviv.
  26. Patt, AJ 2024, *Israel and the Holocaust: History, Memory and Identity*, Bloomsbury Academic, New York.
  27. Stone, D 2004, *The Historiography of the Holocaust*, Palgrave Macmillan, London.
  28. Sokovsky, R 1997, 'Oneg Shabat – arkhiongettoWarsha', in I Gutman (ed.), *Me gniza le ziyuneidereh: Arkhionimyehudim me tkufat ha Shoa*, Jerusalem, pp. 57–69. (In Hebrew)
  29. Tych, F. 2006, 'The Legacy of Emanuel Ringelblum and the Historical Awareness of the Holocaust', in I Gutman (ed.), *Emanuel Ringelblum: Man And the Historian*, Yad Vashem Publ, Jerusalem, pp. 6–15.

Статья поступила в редакцию: 02.12.2025
Одобрена после рецензирования: 13.02.2026
Принята к публикации: 02.03.2026

The article was submitted: 02.12.2025
Approved after reviewing: 13.02.2026
Accepted for publication: 02.03.2026

Научная статья

УДК 94(47).066

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-56-68>

ПЕРЕХОД К СМЕШАННОЙ СИСТЕМЕ ПИТЕЙНОЙ ТОРГОВЛИ В 1780-х ГГ.: ОЖИДАНИЯ, РЕЗУЛЬТАТЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

*Петр Евгеньевич
Ломако*

Российский экономический университет

им. Г. В. Плеханова

Москва, Россия, pet.lomako@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0007-7126-3579>

Аннотация. В 1781 г. произошло изменение государственной питейной политики: был принят Устав о вине, согласно которому вместо полностью откупной системы стало вновь возможным присутствие питейных домов под контролем губернской власти, как тогда говорили, «на вере». На этот же период приходится завершение губернской реформы в Московском регионе, начавшейся в 1775 г. В статье проанализированы ранее не публиковавшиеся реестры, на основании которых можно проследить, как Московская губерния приспособлялась к новой экономической реальности в питейной политике. Для объективности и точности анализа приведённые в реестрах общие цифры были поделены на количество питейных домов в том или ином уезде или городе Московской губернии. Также в ходе исследования была изучена география уездов и городов, перешедших в ведение государственной власти, определены торговые дороги, вдоль которых собиралось наибольшее количество питейных доходов. Полученные результаты показывают, что откупная система более эффективна, чем государственное регулирование. При этом Московская казённая палата далеко не всегда могла объективно оценить экономические показатели, завышая планы убыточным уездам. В ходе исследованного периода были выявлены и минусы губернской реформы, заключавшиеся в неравномерности доходов уездов в связи с различными экономическими условиями, ведь из проанализированных данных вытекает, что торговые потоки в Московскую губернию шли в основном из южных регионов (через Коломенский и Подольский уезды) и с севера, из Санкт-Петербурга (через Воскресенск).

Ключевые слова: Московская губерния, реформы Екатерины II, питейное дело, питейный дом, питейный откуп.

Для цитирования: Ломако П. Е. Переход к смешанной системе питейной торговли в 1780-х гг.: ожидания, результаты и последствия (на примере Московской губернии) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 1 (25). С. 56–68. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-56-68>

Сведения об авторе: П. Е. Ломако – аспирант кафедры истории и философии, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, 115054, Россия, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36.

Scientific Article
УДК 94(47).066
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-56-68>

**THE TRANSITION TO A MIXED SYSTEM OF SPIRITUOUS
BEVERAGES TRADE IN THE 1780s: EXPECTATIONS,
RESULTS, AND CONSEQUENCES
(THE CASE OF THE MOSCOW REGION)**

Petr E. Lomako

Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia, pet.lomako@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0007-7126-3579>

Abstract. In 1781, there was a change in state alcohol policy: according to the adopted “Wine Charter”, instead of the tax farming, the presence of public houses under the control of the provincial government, as they said then, “on trust”, became possible again. The same period saw the completion of the provincial reform in the Moscow region, which began in 1775. The article analyzes previously unpublished registers, on the basis of which it is possible to trace how the Moscow region adapted to the new economic reality in alcohol policy. For the sake of objectivity and accuracy of the analysis, the author divides the total figures given in the registers by the number of public houses in a given district or town of the Moscow province. The study also examines the geography of the districts and towns that came under the jurisdiction of the state authorities and identifies the trade routes that generate the largest amount of drinking revenue. The results show that the tax farming is more effective than government control. At the same time, the Moscow Treasury Chamber was far from always able to objectively assess economic indicators, overestimating the plans for unprofitable districts. During the period under study, the author also identifies disadvantages of the provincial reform, which consisted in the uneven revenues of district due to different economic conditions, since the analyzed data shows that trade flows to the Moscow province came mainly from the southern regions (through the Kolomna and Podolsk district) and from the north, from St. Petersburg (through Voskresensk).

Keywords: Moscow province, reforms of Catherine the Great, drinking business, public house, tax farming.

For citation: Lomako, PE 2026, ‘The Transition to a Mixed System of Spirituous Beverages Trade in the 1780s: Expectations, Results, and Consequences (the Case of the Moscow Region)’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (25), pp. 56–68, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-56-68> (in Russ.)

Information about the Author: *Petr E. Lomako* – PhD student of the Department of History and Philosophy, Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny lane, Moscow, 115054, Russia.

Введение

Питейные заведения являлись неотъемлемой частью экономики и быта любого российского города XVIII – начала XX в. Изначально наибольшее распространение в населённых пунктах получили кабаки (официально их с 1765 г. называли питейными домами [11]), что было вызвано их доступностью для широких масс населения. Торговля в них могла идти либо «на вере», когда государство назначало определённых людей содержателями питейных сборов, получавшими оплату, либо «на откупе», когда откупщик выступал полноправным владельцем кабака, получая все доходы с продажи спиртных напитков (пива, полпива, мёда), за исключением вина и водки, прибыль с которых получала казна. В первом случае за заведениями было удобно следить, во втором – снижалась бюрократическая нагрузка государственной машины.

Как указывает экономист Н. В. Пронина, с 1767 г. все питейные дома находились «на откупе», но с 1783 г. было восстановлено право государство содержать дома «на вере» [12, с. 107]. Это стало возможно благодаря появлению в 1781 г. Устава о вине, где, помимо этого, вводились единые цены на вино (3 рубля ассигнациями с ведра), устанавливались правила для откупщиков, а ведение питейными сборами на местах передавалось Казённым палатам. Данное законодательство начинало действовать с нового откупного периода, то есть с 1783 г. [17].

В это же время проходила губернская реформа. В 1775 г. было принято «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи», определявшее новые принципы территориального управления страны [18]. Претворение в жизнь данного проекта растянулось на длительный период: Московская губерния в составе 14 уездов была учреждена 5 октября 1781 г. [8], а торжественно открылась 5 октября 1782 г., но уже в составе 15 уездов (был дополнительно выделен Верейский уезд) [22, с. 5]. Таким образом, откупной период 1783–1787 гг. Московская губерния встречала, во-первых, в новом составе, а во-вторых, с новым питейным законодательством.

Отечественная историография питейного дела весьма обширна, но вторая половина XVIII в. и, в частности, период реформ Екатерины II представлен малым количеством работ. Большинство исследователей писали работы либо по XVII в., либо по второй половине XIX– началу XX в. Об отдельных аспектах реформ Екатерины II (о создании магазейнов, о трактирах) писали А. В. Белов [2], Е. В. Долгих [6]. В этих статьях, однако, нет упоминания об Уставе о вине 1781 г. Другие исследователи чаще упоминается этот закон как «объединивший все постановления о питейной реглации». Таковым его представляют диссертация Е. А. Занозиной [7, с. 80], работа В. Д. Калинина [9, с. 13], статья Н. Е. Горюшкиной [5, с. 383]. Общие моменты Устава разбирались в диссертации О. А. Рожковой [14, с. 43, 75–76], статье А. А. Саблина [15, с. 147]. Вопрос о винокурении по этому закону изучали Т. В. Бордюжа [3, с. 25–26], О. Г. Воронина [4, с. 166]. Отдельные аспекты Устава (работа Казённых палат, винокурение, правила продажи и учёта алкоголя) в разных главах монографии затрагивала Н. В. Пронина [12, с. 47, 107, 203]. Однако проведение откупа 1783–1787 гг., первого по новым правилам, не затрагивалось исследователями ни в целом по стране, ни применительно к тому или иному её региону. О питейных заведениях в целом историки писали чаще, классикой стала, например, книга И. Г. Прыжова [13]. Но применительно к интересующему нас периоду историография представлена малым количеством работ. Это уже упомянутая статья Е. В. Долгих, работы А. Б. Мазурова [10], В. В. Алексеева [1], Г. К. Смирнова [16]. Но экономические показатели и их анализ ещё не попадали в поле зрения исследователей.

Основой данной статьи стали неопубликованные материалы. В архивах хранится целый комплекс документов по обозначенному периоду. В частности, это «Табель питейного дохода по Москве и всей ей губернии с 1783 года» [19, л. 274 об.–279],

отражающая планы Московской казённой палаты на потребление спиртных напитков и доходов за них в 1783–1787 гг., «Генеральная табель по 14 городам Московской губернии с их уездами, о питейном доходе» [21, 111 об.–116], в которой расписан полученный доход за 1783–1787 гг., и «Исчисление годовое питейного дохода по Москве и ея всей губернии» [21, л. 355 об.–364], где показаны планы по питейному делу на 1787–1791 гг. По указанным документам достаточно полно можно отследить лишь потребление хлебного вина, остальные напитки при отдаче питейных домов на откуп просто не учитывались, так как доход по ним отходил откупщикам. Но именно хлебное вино, если смотреть по питейным домам «на вере», чаще всего потреблялось посетителями, а значит этого вполне достаточно для полноты картины. В целом же при анализе выявленных документов можно увидеть, как Московская казённая палата адаптировалась к новым условиям, каковы были ожидания от новой питейной политики, насколько они оправдались и какие были сделаны выводы.

Основная часть

В 1783 г. в Московской губернии, кроме самой Москвы и Московского уезда, насчитывалось 182 питейных дома. Больше всего их было в Серпуховском (25, или 13,7%), Верейском (18, или 9,9%) и Клинском (18, или 9,9%) уездах, меньше всего – в Волоколамском (8, или 4,4%), Никитском (8, или 4,4%) и Бронницком (7, или 3,8%) уездах (см. табл. 1).

Таблица 1

Количество питейных домов в уездах и уездных городах Московской губернии в 1783 и 1787 гг.¹

	1783 г.	1787 г.
Серпуховской	25	25
Верейский	18	18
Клинский	18	18
Коломенский	15	15
Звенигородский	14	15
Богородский	14	14
Дмитровский	13	13
Можайский	13	13
Рузский	11	11
Воскресенский	9	9
Подольский	9	8
Волоколамский	8	9
Никитский	8	8
Бронницкий	7	7
Итого	182	183

В введение центральной власти были переведены Серпуховской, Коломенский, Бронницкий, Рузский и Можайский уезды, а также часть питейных домов в Клинском и Звенигородском уездах, все сельские кабаки в Никитском уезде, питейное же заведение в городе Никитске было отдано на откуп [19, л. 274 об.–279]. Таким образом, Московская губернии старалась поставить под контроль доходы с потоков людей, идущих с запада (Можайск, Руза, Звенигород), с юго-востока (Коломна, Бронницы, Никитск), с юга (Серпухов) и частично с севера (Клин). Но, видимо, тор-

говые потоки с севера были не настолько сильны, чтобы уделять им много внимания.

Интересно отметить, что в реестре по итогам периода 1783–1787 гг. Рузский и Можайский уезды уже фигурируют как откупные [21, л. 113 об.], но связано это было с человеческим фактором. Так, между содержателями рузских питейных сборов, назначенных Московской казённой палатой, случились «раздоры, несогласии и разнообразные в беспорядках показания», от чего пошли недоимки, то есть деньги в казну вносились не в полном объёме, недопродажа вина, а затем одного из содержателей уличили в продаже подмётного вина неклеимёнными фальшивыми мерами, пьянстве, от чего он ещё и в «был в разуме помешан». В результате чего Рузский уезд отдали на 1785–1787 гг. на откуп [20, л. 1–2]. В Можайске же случилась недоимка, и Московская казённая палата «по безнадёжности» и этот округ на 1785–1787 гг. отдала на откуп [20, л. 100–100 об.].

По планам в 1783–1787 гг. ежегодно в Московской губернии должны были потреблять 138 336 вёдер вина или примерно 760 вёдер на один питейный дом. Больше всего предполагалось истратить вина в Серпуховском (19 477 вёдер, или 14 %), Богородском (13 106 вёдер, или 9,5 %) и Коломенском (12 019 вёдер, или 8,7 %) уездах (см. табл. 2). Кажется, что это очерчивает круг самых «пьющих уездов», но если разделить количество вёдер на количество питейных домов (при делении цифры округлены), то в среднем больше всего на один кабаk уходит вёдер в Воскресенском, Подольском и Никитском уездах (свыше 1000 вёдер на один питейный дом), меньше всего – в Верейском, Можайском и Серпуховском (менее 550 вёдер на один кабаk) (см. табл. 3). Возможно, это связано с тем, что торговые люди либо, преодолев все тяготы пути, уже ближе к центру губернии – Москве – делали перерыв перед началом торговых операций, либо после удачных сделок отмечали удачный исход дела, ведь все три «пьяных» уезда наиболее близки к губернскому городу (в 30–33 вёрстах). Суммарный ежегодный доход по Московской губернии предполагался в 420 228 руб. 39 копеек или примерно 2308 руб. 94 копейки на кабаk.

Таблица 2

Количество вёдер, ежегодно потребляемых в уездах вместе с уездными городами в Московской губернии в 1783–1787 и 1787–1891 гг.²

	План 1783–1787 гг.	Фактическое потребление 1783–1787 гг.	План 1787–1791 гг.
Богородский	13106	13105 5/8	11706
Коломенский	12019	12165 1/16	12500
Серпуховской	19477	11434 1/4 1/64	12750
Подольский	10270	10515 1/16	9857 1/2
Воскресенский	10367	10367	9910
Клинский	9998	9613 1/4 1/16 1/32	9901 3/8
Никитский	8198	9105 7/8	9918
Верейский	8543	8543 1/8	8300
Звенигородский	11568	8542 1/8 1/16 1/32 1/64	9802 1/2
Дмитровский	7264	7263 5/8	7650
Волоколамский	6838	6837 3/8 1/16	6548 5/8
Рузский	7747	6579 1/8 1/16 1/32 1/64	6394
Можайский	7133	6288 1/2 1/64	6274
Бронницкий	5508	4982 3/8	5910
Итого	138336	125231 3/4 1/16 1/32	127422

Таблица 3

Количество вёдер, ежегодно потребляемых, в уездах вместе с уездными городами в Московской губернии в 1783–1787 и 1787–1891 гг. в пересчёте на один кабак³

	План 1783–1787 гг.	Фактическое по- требление 1783–1787 гг.	План 1787–1791 годы
Подольский	1141	1168	1232
Воскресенский	1151	1151	1101
Никитский	1024	1138	1239
Богородский	936	936	836
Волоколамский	854	854	727
Коломенский	801	811	833
Бронницкий	829	711	844
Звенигородский	826	610	653
Рузский	704	598	581
Дмитровский	558	558	588
Клинский	555	534	550
Можайский	548	483	482
Верейский	474	474	461
Серпуховской	779	457	510
Итого в среднем вёдер на один ка- бак	760	688	696

Сравнивая результаты питейного откупа за 1783–1787 гг. с уже проанализированными данными, выясняем, что три уезда, Коломенский, Подольский и Никитский, перевыполнили план. Первый – на 144 ведра, второй – на 245 вёдер, а третий – аж на 907 вёдер (см. табл. 2). Это подтверждает озвученные выше выводы о направлениях торговли и отдыхе в близких к Москве уездах. В шести уездах, Рузском, Можайском, Клинском, Звенигородском, Бронницком и Серпуховском, показатели не оправдали государственных ожиданий (см. табл. 2).

В 1787 г. была проведена разбивка на городские и сельские питейные дома. И из этого становится понятен интерес государства в 1783 г. к конкретным уездам или городам вместе с уездами. Например, в Клинском и Звенигородском уездах, которые были оставлены «на вере» в отличие от их центров, обнаруживается наибольшее количество питейных домов, расположенных в сельской местности (см. табл. 4–5).

Таблица 4

Количество питейных домов в городах Московской губернии в 1783 и 1787 гг.⁴

	1783 г.	1787 г.
Серпухов	17	17
Коломна	13	13
Верея	9	10
Можайск	8	8
Волоколамск	5	5
Дмитров	5	5
Клин	5	5
Руза	4	4
Звенигород	2	2
Богородск	1	1

Воскресенск	1	1
Подольск	1	1
Никитск	1	1
Бронницы	1	1
Итого	73	74

Таблица 5

**Количество питейных домов
в уездах Московской губернии в 1783 и 1787 гг.⁵**

	1783 г.	1787 г.
Клинский	14	13
Богородский	13	13
Звенигородский	12	13
Верейский	8	8
Воскресенский	8	8
Дмитровский	8	8
Серпуховской	8	8
Подольский	8	7
Никитский	7	7
Рузский	7	7
Бронницкий	6	6
Можайский	5	5
Волоколамский	3	4
Коломенский	2	2
Итого	109	109

Можно определить самое «пьяное» место губернии. В загородных кабаках наибольшее количество вёдер потребляли в Богородском уезде, а в городских питейных домах – в Коломне. Но для объективности картины лучше разделить количество употреблённых вёдер на количество кабаков. И тогда самым «запойным» оказывается Волоколамский уезд без уездного центра, а из городов – Бронницы и не многим уступавший им Воскресенск (см. табл. 6–9), что показывает крепкие экономические связи Московской губернии и с югом, и с севером, а точнее с Санкт-Петербургом. Но, видимо, связи были не настолько сильны, чтобы уделять им достаточное количество внимания, раз на севере Московской губернии лишь Клинский уезд был частично переведён «на веру». Если же в целом посмотреть на таблицу по уездам, то часть уездов с наибольшим количеством вёдер на кабак не были проезжими, например, Волоколамский. То есть, скорее всего, в сельской местности пили в двух случаях: либо это были проезжие купцы, либо местные жители, не имевшие других видов досуга.

Таблица 6

**Количество вёдер, ежегодно потребляемых
в городах Московской губернии в 1783–1787 и 1787–1891 гг.⁶**

	Фактическое потребление 1783–1787 гг.	План 1787–1791 гг.
Коломна	11758 3/4 1/32 1/64	12000
Серпухов	7413 7/8 1/16	7800
Можайск	4610 1/2 1/16 1/64 1/128	4566
Дмитров	4544 1/2	4545
Верея	4324 3/4 1/16	4953
Клин	3258	3258
Волоколамск	3055 7/8	2600
Бронницы	2814 5/8 1/32	3170
Воскресенск	2810 1/8 1/16	2427

Руза	2805 1/16 1/32 1/64	2605
Подольск	2414 1/8	2415
Звенигород	1956 3/4	1940
Никитск	650	868
Богородск	384 3/4 1/16	806
Итого	52802 1/16 1/32 1/128	53953

Таблица 7

**Количество вёдер, ежегодно потребляемых
в уездных городах Московской губернии
в 1783–1787 и 1787–1891 гг., в пересчёте на один кабак⁷**

	Фактическое потребление 1783–1787 гг.	План 1787–1791 гг.
Бронницы	2814	3170
Воскресенск	2810	2427
Подольск	2414	2415
Звенигород	978	970
Дмитров	908,8	909
Коломна	904,5	923,08
Руза	701,25	651,25
Клин	651,6	651,6
Никитск	650	868
Волоколамск	611	520
Можайск	576,25	570,75
Верея	480,4	495,3
Серпухов	436,05	458,8
Богородск	384	806
Итого в среднем вёдер на один кабак	723,3	729,1

Таблица 8

**Количество вёдер, ежегодно потребляемых
в уездах без уездных центров Московской губернии
в 1783–1787 и 1787–1891 гг.⁸**

	Фактическое потребление 1783–1787 гг.	План 1787–1791 гг.
Богородский	12720 3/4	10900
Никитский	8455 7/8	9050
Подольский	8100 7/8 1/16	7442 1/2
Воскресенский	7556 7/8	7483
Клинский	6955 1/4 1/16 1/32	6643 3/8
Звенигородский	6585 3/8 1/16 1/32 1/64	7862 1/2
Серпуховской	3909 1/4 1/16 1/64	4950
Волоколамский	3781 1/2 1/16	3948 5/8
Рузский	3774 1/8	3789
Верейский	4218 1/4 1/16	3347
Дмитровский	2719 1/8	3105
Бронницкий	2167 5/8 1/16 1/32	2740
Можайский	1677 7/8 1/32 1/64 1/128	1708
Коломенский	406 1/4 1/64	500
Итого	73029 1/128	73469

**Количество вёдер, ежегодно потребляемых
в уездах без уездных центров Московской губернии
в 1783–1787 и 1787–1891 гг., в пересчёте на один кабак⁹**

	Фактическое потребление 1783–1787 гг.	План 1787–1791 гг.
Волоколамский	1260,33	987,16
Никитский	1207,86	1292,86
Подольский	1012,5	1063,21
Богородский	978,46	838,46
Воскресенский	944,5	935,37
Звенигородский	548,75	604,81
Рузский	539,14	541,29
Верейский	527,25	418,37
Клинский	496,79	511,03
Серпуховской	488,67	618,75
Бронницкий	361,17	456,7
Дмитровский	339,88	388,12
Можайский	335,4	341,6
Коломенский	203	250
Итого в среднем вёдер на один ка- бак	669,99	674,03

За 1783–1787 гг. в Московской губернии ежегодно потреблялось более 125 231 вёдер вина, в среднем 688 вёдер на кабак, что приносило 375 915 руб. в год. Таким образом, план, поставленный в 1783 г., был выполнен примерно на 90 %. При этом все уезды и города «на вере», кроме Никитского и Коломенского, не выполнили план. То есть откупная система показала себя эффективнее в сравнении с государственным регулированием питейной торговли, что дополнительно подтверждают примеры Рузского и Можайского уездов. Вероятнее всего, поэтому на следующий период, с 1787 по 1791 гг., вся Московская губернии, за исключением самой Москвы и Московского уезда, была отдана на откуп.

В 1787 г. общее количество питейных домов в губернии немного увеличилось. В Подольском уезде стало на один кабак меньше, а в Звенигородском и Волоколамском – в каждом на один больше (см. табл. 1, 4–5). Руководство губернии решило немного повысить план, по сравнению с фактическими цифрами за предыдущий период, но всё равно он стал ниже, чем в предыдущий период, и в основном повысился за счёт роста ожиданий по употреблению спиртного в сельской местности. Например, планировалось в целом ежегодно тратить 127 422 ведра вина, что всего на 2200 вёдер больше, чем реально потреблялось в предыдущий период. Но при этом данная цифра на 10 914 вёдер меньше, чем планы на 1783–1787 гг. И в целом план был понижен почти по всем уездам. Его повысили лишь для Коломенского, Никитского уездов, которые за предыдущий период перевыполнили план, а также Бронницкого, где находился «кабак-рекордсмен», и Дмитровского уездов, что, возможно, говорит о надежде Московской казённой палаты на расширение торговых связей с севером страны. Странным выглядит отсутствие в этом списке Подольского уезда, перевыполнившего за предыдущий период план, но если вновь посчитать количество вёдер на кабак, то выходит, что Подольскому уезду тоже повысили план, но из-за уменьшения количества питейных домов в абсолютных цифрах этого не видно. Также для Никитского уезда план повысили настолько, что именно в нём должны были употреблять наибольшее количество вёдер вина на кабак (см. табл. 2–3, 6–9).

Выводы

Таким образом, решение правительства о возврате части питейных домов «на веру» оказалось в Московской губернии малоэффективным. В то время, как все откупщики выполнили планы, почти все держатели провалили государственное задание. Вероятнее всего, это было связано с тем, что откупщики были финансово заинтересованы выбрать, то есть выкупить из государственных винных магазинов требуемый объём вина, в то время как держатели такого стимула не имели. Руководство Московской губернии в следующий откупной период, 1787–1791 гг., не стало пытаться добиться невозможного, поставив в целом по губернии почти тот же план, что и фактическое потребление. А также, правильно оценив преимущества откупной системы, передало уже всю Московскую губернию на откуп.

Рассмотренный период показал неравномерность нового территориального образования. Система, основанная на количестве живущих на той или иной территории людей, оказалась слабо приспособленной к уже существующим проезжим трактам, «федеральным трассам», благодаря которым проезжие уезды получали большие доходы, а остальные оставались в стороне, превращаясь в «провинциальную глушь». Это видно по тому, что самыми прибыльными становятся питейные дома, расположенные около основных торговых путей: юго-восточном, южном и северо-западном. На юге это Подольский уезд, где проходили тракты на Киев и Белгород, на юго-востоке – Коломна как крупный транзитный узел, на северо-западе – расположенный несколько в стороне от торгового с Санкт-Петербургом Воскресенск, который, однако, являясь крупным религиозным центром, не мог не притягивать людские потоки.

При этом некоторые новые уездные центры – Воскресенск, Бронницы – показали себя с лучшей стороны, выполнив государственную задачу, а некоторые – Богородск, Никитск – оказались наименее прибыльными. И вот тут Московская казённая палата решила стимулировать откупщиков «отстающих» городов увеличением для последних двух городов плана, по сравнению реальным потреблением, в 1,3–2 раза (см. табл. 7). Возможно, дальнейшее невыполнение этих планов, а может и общее неприятие начинаний Екатерины II, заставило Павла I упразднить ряд уездов Московской губернии, в частности Богородский и Никитский, вывести города за штат; затем, уже при Александре I, тот же Никитск был вообще упразднён.

Примечания

1. Составлено по ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 29. Д. 11.; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 30. Д. 17.
2. сост. по: ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 29. Д. 11.; Оп. 30. Д. 17.
3. сост. по: ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 29. Д. 11.; Оп. 30. Д. 17.
4. сост. по: ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 30. Д. 17.
5. сост. по: ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 30. Д. 17.
6. сост. по: ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 30. Д. 17.
7. сост. по: ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 30. Д. 17.
8. сост. по: ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 30. Д. 17.
9. сост. по: ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 30. Д. 17.

Список источников и литературы

1. *Алексеев В. В.* Организация дорожного питания путников в центральных губерниях России в XIX – начале XX в. // Тульский научный вестник. Сер.: История. Языковедение. 2024. Вып. 1 (17). С. 8–17.

2. Белов А. В. Создание «непременных винных магазейнов» как часть реформы города Екатерины II: особенности и парадоксы реализации планов преобразований // Питейное дело и трезвенническое движение в России с древнейших времен до наших дней: сб. материалов Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 28–30 июня 2021 г.) / ред.-сост. А. И. Раздорский. СПб.; М.: Старая Басманная, 2022. С. 153–161.
3. Бордюжа Т. В. История питейного дела на Кубани и в Черноморье: конец XVIII в. – 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Бордюжа Татьяна Витальевна. Карачаевск, 2011. 191 с.
4. Воронина О. Г. Система откупа в царской России XVII–XIX вв. как форма взаимодействия государства и частных лиц // Теория и практика современной науки. 2016. № 11(17). С. 165–168.
5. Горюшкина Н. Е. "Кроме кабацких денег государевым деньгам сбору нет": питейный сбор от Ивана III до Николая II // Былые годы. 2014. № 33 (3). С. 382–386.
6. Долгих Е. В. Правовые особенности харчевного и трактирного дела в России в XVI–XX вв. // Питейное дело и трезвенническое движение в России с древнейших времен до наших дней: сб. материалов Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 28–30 июня 2021 г.) / ред.-сост. А. И. Раздорский. СПб.; М.: Старая Басманная, 2022. С. 267–273.
7. Занозина Е. А. Государственно-правовое регулирование питейной деятельности в России с IX по XX вв.: историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Занозина Екатерина Александровна. СПб., 2008. 194 с.
8. Именной указ, данный Сенату «Об учреждении Московской губернии» // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание [ПСЗ 1]. Т. 21. № 15245.
9. Калинин В. Д. Из истории питейного дела в России (XV – начало XX вв.). М.: Ин-т экономики РАН, 1993. 47 с.
10. Мазуров А. Б. Топография коломенских кабаков XVII–XVIII вв. // Исторические чтения КГПИ. Вып. 4. Коломна: Изд-во КГПИ, 2006. С. 76–80.
11. Манифест «Об отдачи питейной продажи с 1767 года на откуп во всём государстве, кроме Сибирской губернии» // ПСЗ 1. Т. 17. № 12444.
12. Пронина Н. В. Хроники государственной питейной политики в России (XVII – первая половина XIX вв.): монография / науч. ред. И. В. Михеева. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2017. 368 с.
13. Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб.: М. О. Вольф, 1868. 320 с.
14. Рожкова О. А. История питейных сборов в Российской империи: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Рожкова Ольга Алексеевна. Пятигорск, 2007. 184 с.
15. Саблина А. А. Законодательная деятельность государства в области виноторговли в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Образ жизни – история: Александр Михайлович Селиванов. Ярославль: ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2008. С. 146–155.
16. Смирнов Г. К. Городские питейные дома второй половины XVIII в. // Архив наследия. 1999. М.: Ин-т наследия, 2000. С. 230–253.
17. Устав о вине // ПСЗ 1. Т. 21. № 15231.
18. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи // ПСЗ 1. Т. 20. № 14392.
19. ЦГА Москвы (Центральный государственный архив города Москвы). Ф. 16. Оп. 29. Д. 11.
20. ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 29. Д. 18.
21. ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 30. Д. 17.
22. Шереметевский П. В. В память столетию открытия Московской губернии // Подмосковье. 1995. № 1–2 (31). С. 5–10.

References

1. Alekseyev, VV 2024, 'Organizatsiya dorozhnogo pitaniya putnikov v tsentralnykh guberniyakh Rossii v XIX – nachale XX v.' (Organization of roadside diners for travelers in the central provinces of Russia in the 19th – early 20th century), *Tula scientific bulletin. History. Linguistics*, no. 1 (17), pp. 8-17, doi:10.22405/2712-8407-2024-1-8-17 (In Russ.)

2. Belov, AV 2022, 'Sozdaniye "nepremennykh vinnykh magazeynov" kak chast reformy goroda Yekateriny II: osobennosti i paradoksy realizatsii planov preobrazovaniy (The creation of "indispensable wine stores" as part of Catherine the Great's city reform: features and paradoxes of implementing transformation plans), *Piteynoye delo i trezvennicheskoye dvizheniye v Rossii s drevneyshikh vremen do nashikh dney: sbornik materialov Mezhdunarodnoy-nauchnoy konferentsii* (The drinking business and the temperance movement in Russia from ancient times to the present day. Proceedings of the International Scientific Conference), ed. A. I. Razdorskiy, 28–30 June 2021, St. Petersburg, Moscow, pp. 153-161. (In Russ.)
3. Bordyuzha, TV 2011, *Istoriya piteynogo dela na Kubani i v Chernomor'ye: konets XVIII v. - 1917 g.* (History of the drinking industry in Kuban and the Black Sea Region: late 18th century – 1917), PhD thesis, Karachayevsk. (In Russ.)
4. Voronina, OG 2016, *Sistema otkupa v tsarskoy Rossii XVII-XIX vv. kak forma vzaimodeystviya gosudarstva i chastnykh lits* (The payoff system in tsarist Russia XVII-XIX centuries as a form of interaction between the state and individuals), *Teoriya i praktika sovremennoy nauki*, no.11(17), pp. 165-168.(In Russ.)
5. Goryushkina, NE 2014, 'Krome kabatskikh deneg gosudarevym dengam sboru net': piteynyy sbor ot Ivana III do Nikolaya II' ("Tax Collection from Taverns as the Primary Way to Replenish the National Treasury": alcohol tax from Ivan III to Nikolai II), *Bylye Gody*, no. 33 (3), pp. 382-386.(In Russ.)
6. Dolgikh, EV 2022, 'Pravovyye osobennosti kharchevnogo i traktirnogo dela v Rossii v XVI-XX vv.' (Legal features of the public house business in Russia in the 16th-20th centuries), *Piteynoye delo i trezvennicheskoye dvizheniye v Rossii s drevneyshikh vremen do nashikh dney: sbornik materialov Mezhdunarodnoy-nauchnoy konferentsii* (The drinking business and the temperance movement in Russia from ancient times to the present day. Proceedings of the International Scientific Conference), ed. A.I. Razdorskiy, 28–30 June 2021, St. Petersburg, Moscow, pp. 267-273. (In Russ.)
7. Zanozina, YeA 2008, *Gosudarstvenno-pravovoye regulirovaniye piteynoy deyatel'nosti v Rossii s IX po XX vv.: istoriko-pravovoy aspekt* (State and legal regulation of drinking activities in Russia from the 9th to the 20th centuries: historical and legal aspect), PhD thesis, St. Petersburg State University of Engineering and Economics, St. Petersburg. (In Russ.)
8. 'Imennoy ukaz, dannyy Senatu 'Ob uchrezhdenii Moskovskoy gubernii'(Personal decree given to the Senate "On the establishment of the Moscow province"), *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Pervoye sobraniye (PSZ 1)* (Complete collection of laws of the Russian empire), vol. 21, no. 15245. (In Russ.)
9. Kalinin, VD 1993, *Iz istorii piteynogo dela v Rossii (XV – nachalo XX vv.)* (From the history of drinking business in Russia (15th - early 20th centuries), Moscow. (In Russ.)
10. Mazurov, AB 2008, 'Topografiya kolomenskikh kabakov XVII-XVIII vv.' (Topography of the 17th-18th Century Taverns in Kolomna), *Istoricheskiye chteniya KGPI* (Historical Readings of the Kolomna State Pedagogical Institute), no. 4, GOU VPO MO "KGPI" publ, Kolomna, pp. 76-80. (In Russ.)
11. 'Manifest 'Ob otdachi piteynoy prodazhi s 1767 goda na otkup vo vsom gosudarstve, krome Sibirskoy gubernii' (Manifesto 'On the farming out of alcohol sales throughout the state, except for the Siberian Province, from 1767'), *PSZ 1*, vol. 17, no. 12444. (In Russ.)
12. Pronina, NV 2017, *Khroniki gosudarstvennoy piteynoy politiki v Rossii (XVII – pervaya polovina XIX vv.)* (Chronicles of state alcohol policy in Russia (17th –first half of the 19th centuries), ed. I.V. Mikheyeva, DEKOM publ, Nizhniy Novgorod. (In Russ.)
13. Pryzhov, IG 1868, *Istoriya kabakov v Rossii v svyazi s istoriyey russkogo naroda* (The history of taverns in Russia in relation to the history of the Russian people), M.O. Volf publ, St. Petersburg. (In Russ.)
14. Rozhkova, OA 2007, *Istoriya piteynykh sborov v Rossiyskoy imperii* (History of drinking fees in the Russian Empire), PhD thesis, Pyatigorsk State Technological University, Pyatigorsk. (In Russ.)
15. Sablina, AA 2008, *Zakonodatelnaya deyatel'nost gosudarstva v oblasti vinotorgovli v kontse XVIII – pervoy polovine XIX vv.* (State legislative activity in the field of wine trade in the late 18th and early 19th centuries) *Obraz zhizni –istoriya: Aleksandr Mikhaylovich Selivanov*

- (Lifestyle – history: Alexander Mikhailovich Selivanov), Yaroslavskiy gos. un-t publ, Yaroslavl, pp. 146-155. (In Russ.)
16. Smirnov, GK 2000, 'Gorodskiy piteynyye doma vtoroy poloviny XVIII v.' (City taverns of the second half of the 18th century), *Arkhiv naslediya*, Institut naslediya publ, Moscow, pp. 230-253. (In Russ.)
  17. 'Ustav o vine' (Wine Charter), *PSZ 1*, vol. 21, no. 15231. (In Russ.)
  18. 'Uchrezhdeniya dlya upravleniya guberniy Vserossiyskoy imperii', *PSZ 1*, vol. 20, no.14392. (In Russ.)
  19. *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv goroda Moskvy (TsGA Moscow)* (The Central State Archive of the city of Moscow), fund 16, inventory 29, file 11. (In Russ.)
  20. *TsGA Moscow*, fund 16, inventory 29, file 18. (In Russ.)
  21. *TsGA Moscow*, fund 16, inventory 30, file 17. (In Russ.)
  22. Sheremetevskiy, PV 1995, 'V pamyat stoletiyu otkrytiya Moskovskoy gubernii' (In remembrance of the centenary of the Moscow province opening), *Podmoskovye*, no. 1-2 (31), pp. 5-10. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 16.12.2025
Одобрена после рецензирования: 13.02.2026
Принята к публикации: 02.03.2026

The article was submitted: 16.12.2025
Approved after reviewing: 13.02.2026
Accepted for publication: 02.03.2026

Научная статья
УДК 94(571.513):316.74 "1941/1945"
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-69-80>

ПОЛОЖЕНИЕ ИНВАЛИДОВ ВОЙНЫ В ХАКАСИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

**Татьяна Александровна
Кискидосова**

Хакасский научно-исследовательский
институт языка, литературы и истории
Абакан, Россия, tak_74@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1031-835X>

Аннотация. Статья посвящена изучению положения инвалидов войны в Хакасии в 1941–1945 гг. Цель работы – охарактеризовать состояние материального обеспечения инвалидов войны в Хакасской автономной области в годы Великой Отечественной войны. Государственная социальная политика была направлена на поддержание инвалидов-фронтовиков. Им полагалась государственная пенсия и различные льготы, однако в реальности государственной социальной помощи было недостаточно. Инвалиды войны стремились приспособиться к повседневной жизни тыла. Они трудоустраивались, осваивали новые профессии, получали образование и пытались обеспечить всем необходимым себя и свои семьи. В то же время многие из них, не сумев адаптироваться к тыловой повседневности, занимались попрошайничеством и вели аморальный образ жизни. Показано, что инвалиды войны не получали положенного полноценного питания, снабжения одеждой и обувью, своевременного ремонта жилищ и ряда других видов материально-бытовой помощи. В конце войны плохое снабжение инвалидов войны продуктами питания усугублялось неурожаем в регионе. На основе архивных источников приведены примеры недостаточной работы специалистов органов социального обеспечения. Нередко они не справлялись со своими обязанностями. Руководители предприятий и организаций проявляли равнодушно-бюрократическое отношение к проблемам инвалидов войны. Многие просьбы инвалидов-фронтовиков об улучшении их материального положения оставались без должного внимания. Неустроенность, проблемы со здоровьем, тяжелое материальное положение и психологическая подавленность вынуждали инвалидов-фронтовиков писать жалобы в вышестоящие органы власти.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Хакасия, инвалиды войны, органы социального обеспечения, материальная помощь.

Для цитирования: Кискидосова Т. А. Положение инвалидов войны в Хакасии в годы Великой Отечественной войны // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 1 (25). С. 69–80. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-69-80>

Сведения об авторе: Т. А. Кискидосова – кандидат исторических наук, заведующая сектором истории, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 655017, Россия, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Щетинкина, д. 23.

Scientific Article

UDC 94(571.513):316.74"1941/1945"

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-69-80>

THE SITUATION OF WAR-DISABLED VETERANS IN KHAKASSIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Tatiana A. Kiskidosova

Khakass scientific research institute
of language, literature and history
Abakan, Russia, tak_74@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1031-835X>

Abstract. This article deals with the social status of war-disabled veterans in Khakassia in 1941-1945. The purpose of the article is to characterize the state of financial security for war veterans in the Khakass Autonomous Region during the Great Patriotic War. Using a historical and anthropological approach, the author analyses the material and living conditions of this social group. National social policy was aimed at supporting war-disabled veterans through state pensions and various benefits. However, in reality, state social assistance was insufficient. In an effort to adapt to the daily life of the home front, war-disabled veterans found jobs, mastered new professions, received education and tried to provide themselves and their families with everything they needed. At the same time, many of them, unable to adapt to everyday life in the rear, engaged in begging and led a dissolute lifestyle. The article shows that war-disabled veterans did not receive adequate nutrition, clothing and footwear, timely housing repairs, and a number of other types of material and household assistance. At the end of the war, the shortage of food supplies for war-disabled veterans became even more acute due to crop failures in the region. Based on archival sources, the author gives examples of the inadequate work of social security officials who failed to fulfill their duties. The heads of enterprises and organizations showed an indifferent and bureaucratic attitude toward the problems of war-disabled veterans leaving many requests without due attention. Unsettledness, health problems, difficult financial situation, and psychological depression forced disabled veterans to write complaints to higher authorities.

Keywords: Great Patriotic War, Khakassia, war-disabled veterans, social security authorities, welfare assistance.

For citation: Kiskidosova, TA 2026, 'The Situation of War-Disabled Veterans in Khakassia During the Great Patriotic War', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (25), pp. 69–80, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-69-80> (in Russ.)

Information about the Author: *Tatiana A. Kiskidosova* – PhD in History, Head of the History Sector, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, 23 Shchetinkina St., Abakan, Republic of Khakassia, 655017, Russia

---

Введение

Война – это трагедия для любого народа, она неминуемо ведет к людским потерям и разрушениям. Тяжелым последствием военных действий 1941–1945 гг. были фронтовики, получившие ранения, увечья и ставшие инвалидами войны. Наряду с семьями военнослужащих, вдовами, сиротами эта социальная группа населения нуждалась в социальной поддержке государства.

Важнейшим направлением государственной социальной политики в военное время было трудоустройство и социальное обеспечение солдат-инвалидов. К инвалидам войны относились лица из числа военнослужащих, утратившие трудоспособность по причинам ранения, контузии или увечья, полученных в бою или при исполнении иных обязанностей военной службы, а также вследствие заболевания, связанного с пребыванием на фронте. В предвоенный период был урегулирован вопрос о назначении и выплате пенсий различным категориям инвалидов войны. Однако другие меры социального обеспечения данной категории не получили дальнейшего развития. С началом Великой Отечественной войны советское правительство опиралось на предвоенные постановления по регулированию пенсионного обеспечения солдат-инвалидов. С продолжением войны и увеличением количества инвалидов круг вопросов, связанных с их социальным обеспечением, расширялся [30, с. 192]. Цель статьи – охарактеризовать материальное обеспечение инвалидов войны в Хакасии в годы Великой Отечественной войны.

В современной отечественной историографии проблемам инвалидов войны в военное и послевоенное время уделяется значительное внимание. Исследователи рассматривают социальную политику государства в отношении инвалидов войны как в целом по стране [1; 3; 4; 30 и др.], так и в региональном аспекте [2; 5; 6; 7; 8; 31 и др.]. Среди большого разнообразия исследований следует отметить работы Красноярского ученого А. С. Ковалева [7; 8]. Его монографическое исследование, посвященное социальной политике и повседневной жизни инвалидов Красноярского края в годы Великой Отечественной войны, основано на работах по истории повседневности, историко-антропологическом подходе и основных положениях концепции социальной эксклюзии [8]. Исследователь выразил сомнение по поводу утверждения о приоритетности социальной политики государства в отношении инвалидов войны. По мнению А. С. Ковалева, советские институты социальной помощи в годы войны были не в состоянии решить вопрос о восстановлении инвалидов до уровня полноценных членов общества. Автор считает, что в военное время инвалидность воспринималась как «нечто само собой разумеющееся, а вклад в Победу инвалидов, жертвовавших своим здоровьем, не принимался» [8, с. 269]. Региональные исследования социальной политики в отношении инвалидов войны в военное время продолжают. Материальное положение инвалидов войны в Хакасии ранее исследователями не рассматривалось. Попытка восполнить пробел предпринята автором данной статьи.

Материалы и методы

В статье использованы архивные материалы и местная периодическая печать. Основой работы стали делопроизводственные документы партийных органов власти Национального архива Республики Хакасия Ф. П-2 (Хакасский областной комитет КПСС), Ф. Р-39 (Исполнительный комитет Хакасского областного совета), Ф. П-11 (Абаканский городской комитет ВКП(б)). В архивных документах содержится информация о работе собесов, отчеты специальных комиссий о материальном положении инвалидов войны, жалобы инвалидов и т.д. В публикациях местной газеты «Советская Хакассия» представлены сведения о материальном положении инвалидов войны, адаптации их к мирной жизни.

В исследовании применены общенаучные и общеисторические принципы историзма, объективности и системности. Принцип историзма, понимаемый как постижение объективной закономерности исторического процесса и основанный на анализе возможного круга источников позволяет изучать явления в их развитии. Историко-системный метод дал возможность изучить исторические явления и процессы как целостные системы. В исследовании были использованы такие общенаучные методы как анализ, синтез и систематизирование.

Результаты

Материальное обеспечение инвалидов войны. Материальное положение инвалидов войны было крайне тяжелым. Многие из них не могли прожить только на одну пенсию, поэтому в условиях общего обнищания населения и дезорганизации социального порядка в военное и послевоенное время они занимались попрошайничеством и бродяжничеством [3, с. 161]. Инвалиды-фронтовики испытывали большую нужду в товарах повседневного спроса – одежде, обуви, белье. Они нуждались в ремонте своих жилищ, топливе на зимний период. Нередко даже минимальные запросы и потребности инвалидов войны, которые на самом деле можно было бы легко удовлетворить на месте, оставались без внимания и заботы со стороны местных органов власти. В ряде писем инвалиды-фронтовики жаловались на горсовет, Хакторг и др. В ноябре 1942 г. в Абакане комиссия по оказанию помощи инвалидам войны выдала ордера на право получения костюмов, обуви и других вещей. Однако на деле они ничего не получили из обещанного ввиду того, что эти товары широкого потребления так и не поступили [9].

В 1942 г. Абаканский исполком горсовета указал на то, что городской отдел социального обеспечения недостаточно занимался вопросом трудоустройства инвалидов войны. В результате в городе 138 чел. остались без работы, и их не удалось трудоустроить. Органы социального обеспечения не справлялись с оказанием им материально-бытовой поддержки. Обучение новым специальностям инвалидов, проживавших в городе или находившихся в госпиталях, не удалось полноценно организовать. Руководители некоторых предприятий и организаций, в которых работали инвалиды войны, совершенно не проявляли никакой заботы в деле улучшения их материально-бытовых условий [10].

В 1942 г. Хакасский исполком облсовета обращался в Красноярский краевой совет о выделении из крайторга промышленных товаров (обуви, верхней и нижней одежды, ткани, белья и т.д.) для инвалидов войны. В задачи городских и районных властей входила организация мастерских по изготовлению одежды и обуви [11]. Руководители хозяйственных и государственных организаций получили установку «заботиться о воинах-инвалидах, проливших кровь за родину и заслуживших всеобщее уважение и чуткость» и обязывались оказывать материально-бытовую помощь инвалидам войны. На деле эта установка часто не соблюдалась, создавалось впечатление, что инвалиды войны не получали материальную поддержку. В 1943 г. в Абакане при обследовании обнаружилось, что работавшим инвалидам-фронтовикам не оказывалась помощь со стороны руководителей предприятий и организаций. Формально-бюрократическое отношение к инвалидам войны способствовало текучке на предприятиях. Например, в артели «Красная Хакассия» в 1942 г. работали 35 человек, а на следующий год осталось всего 13 человек. Многие работники не имели теплых вещей, чистого постельного белья. Рабочий артели Богров на фронте лишился обеих ног. Инвалид войны ежедневно добирался на работу в единственной грязной гимнастерке, у него не было даже теплой шапки. Крайне несправедливо выглядела ситуация, когда инвалидам в холодном цеху не выдали ни одной теплой вещи, тогда как всех конторских работников мясокомбината обеспечили меховыми безрукавками [12]. Инвалиды-фронтовики, устроившись на работу, не получили от руко-

водителей предприятий и учреждений необходимой теплой одежды, обуви и белья. Некоторые инвалиды в повседневном гардеробе имели то, в чем их выписали из госпиталя: гимнастерки, пилютки, ботинки и одна пара нижнего белья [13].

В военном отделе Красноярского крайкома ВКП(б) имелись данные о нездоровом настроении среди отдельной части инвалидов войны. Наблюдались факты бездушно-бюрократического отношения к их насущным нуждам. В результате в последнее время увеличилось количество жалоб инвалидов войны в крайком партии и другие краевые и центральные организации. В 1943 г. решением краевых властей в Хакасии должна была проводиться проверка материально-бытового положения и условий работы инвалидов войны, как трудоустроенных, так и не работающих. В случаях необходимости требовалось принять немедленные меры по улучшению их материально-бытового положения. При обнаружении фактов неудовлетворительного обслуживания инвалидов войны и формально-бюрократического отношения к ним Хакасский обком партии обязывался «обсудить на бюро и виновных привлечь к строгой ответственности» [14].

В течение 1945 г. по всей области провели обследование материально-бытового обслуживания 1 570 инвалидов войны. По результатам проверки и многочисленным жалобам инвалиды-фронтовики получили путевки на курорты Шира, Учум и Тагарск – 75 путевок, в дом отдыха Карасук – 10 путевок. В качестве материальной поддержки инвалидам войны выдали: 6 083 шт. «американских вещей», 137 полушубков, 790 продпайков, 750 пар мужской и женской обуви, 693 пары валенок, 724 пар трикотажных носков и чулок, 15 мужских костюмов, 14 детских костюмов, 7221 м ткани, 21 пару мужского белья, 324 кг мыла и др. Им оказали продуктовую поддержку: 1 630 кг сахара, 1 141 кг муки, 7 651 кг картофеля. Помимо этого, инвалидам-фронтовикам выделили 230 т угля, 985 куб. м, 20 коров [15]. В 1945 г. инвалиды войны, которые находились в крайней нужде, получили единовременное пособие на сумму 27,6 тыс. руб. инвалидам труда – 10,7 тыс. руб. Всего инвалидам войны было выплачено пенсий на 8 955 тыс. руб. [16].

Организация питания. В тяжелых условиях военного времени не представлялось возможным организовать полноценное питание для инвалидов-фронтовиков. Многие из участников боевых действий получили тяжелые ранения, были в ослабленном состоянии и нуждались в качественной и диетической пище. Ежедневный скудный и однообразный рацион не мог способствовать здоровому образу жизни. Одним из направлений социальной помощи инвалидам войны было продовольственное снабжение. Им полагались усиленные пайки. Продовольственным снабжением представителей этой социальной группы занимались местные власти, руководители и профсоюзные организации предприятий и учреждений. Инвалидов войны снабжали зерном, картофелем и овощами. Просьбы инвалидов войны о материальной помощи старались удовлетворить по мере возможности. В случаях, когда запрашиваемых продуктов не было в наличии, им отказывали. Например, в июне 1942 г. на станции Сон в Боградском районе Леспродторг предупредил, что выдаст только те товары, которые имеются [17].

Местные власти обязали руководителей заведений общественного питания в городах и районных центрах Хакасии организовать специальные столики для обслуживания инвалидов Отечественной войны, подготовить усиленное питание для них и прикрепить к обслуживанию лучший штат официантов [18]. На деле все точки общепита в условиях нехватки продуктов не могли гарантировать полноценное питание. Директора столовых были вынуждены обращаться в крайисполком и крайторготдел с просьбой о выделении муки на выпечку белого хлеба для инвалидов-фронтовиков [19]. В основном в столовых для данной категории населения удалось организовать только специальные столы и обслуживание вне очереди. По решению

руководителей ряда предприятий в некоторых случаях для одиноких инвалидов предусматривалось питание от двух до трех раз в день. В Черногорске трест «Хакас-суголь» прикрепил к столовой всех инвалидов войны, которые ранее работали в системе треста до войны и тех, кто трудился в настоящее время. Для них предназначались отдельные столы, а для бессемейных предусматривалось двухразовое питание в день. Но это был редкий случай заботы об инвалидах войны, в основном руководители предприятий не смогли организовать полноценное питание для работавших инвалидов войны [20].

В Абакане и Черногорске для инвалидов-фронтовиков стали открываться специальные столовые. Основными клиентами этих заведений являлись инвалиды III группы. В 1942 г. в Абакане в открытой на базе Хакторга специальной столовой для инвалидов войны были обнаружены большие недостатки. В меню предлагалась однообразная еда, блюда, приготовленные из продуктов плохого качества, часто вызывали недовольство со стороны клиентов. Один из посетителей описал скудное питание в этой точке общепита: «Если посмотреть, чем кормят инвалидов войны в столовой, то если дома есть, что покушать, в столовой есть не будет. Суп представляет жидкую водичку, где плавают две крупинки, на второе – ничего. Это называется спецстоловой для инвалидов Отечественной войны» [21]. В абаканской столовой для инвалидов-фронтовиков обслуживали всех подряд, так как не было различия в продуктах, установленных для столовых города, обеспечивающих инвалидов [8, с. 209]. Продукты питания, положенные по приказу Наркомторга не отпускались в полной мере. Кроме нарушения в организации питания инвалидов, в столовой было грязно и холодно, наблюдались подтеки на потолке и стенах. Антисанитарное состояние столовой и постоянная нехватка столов, стульев и посуды также свидетельствовали о неудовлетворительном состоянии сферы общественного питания. Многие столовые работали нерегулярно и внезапно могли закрыться из-за отсутствия топлива. По этой причине в январе 1944 г. Абаканскую спецстоловую пришлось закрыть на шесть дней. Исполком Хакасского облсовета постановил обязать заведующего Облторготделом Березовского и директора Хакторга Белоцерковского устранить все выявленные недостатки и нормализовать работу абаканской столовой для инвалидов войны. Ответственность за заготовку продуктов питания была возложена на заведующую Хакторгом Ленину и завторготделом Карабутову [22].

Адаптация к мирной жизни

Преодолевая бюрократические трудности, инвалидам-фронтовикам приходилось социально адаптироваться к новым условиям и найти себе применение в тылу. Многим из них нужно было обеспечить членов своих семей, проявлять смекалку и принимать самостоятельные решения. Они устраивались на работу в колхозы, государственные учреждения и на различные предприятия.

Инвалиды войны, проживавшие в сельской местности, не имели тех льгот, которые были у городских инвалидов войны на протяжении всего военного времени. Сельские инвалиды войны не получали дополнительного снабжения, для них не работали специализированные столовые [23]. При устройстве на работу им приходилось сталкиваться с бюрократизмом, а порой и бездушным отношением со стороны председателей колхозов или руководителей предприятий. В качестве примера можно привести положение инвалида войны Алексея Михайловича Никулина. В 1943 г. после длительного лечения в одном из госпиталей Хакасии он и его эвакуированная семья, состоявшая из семи человек, хотели трудоустроиться в сельской местности. Казалось, довоенный опыт Никулина в таких профессиях, как шорник, сапожник и ветеринар, окажется востребованным в колхозе. Усть-Абаканский райсовет направил семью Никулиных в колхоз «Ударник». Председатель колхоза Соловьев нашел работу для Никулина, его жены и старших детей, но не обеспечил жильем, не создал ни-

каких бытовых условий и питания, даже требовал немедленной оплаты за выдачу молочных отходов. Никулин проработал в колхозе «Ударник» всего две недели и был вынужден уйти, при этом не получив зарплату. Тогда Усть-Абаканский райсобес направил Никулина с семьей в колхоз «Путь вперед», где, благодаря хорошему приему, всем членам семьи удалось удачно устроиться. На первое время семью инвалида поддержал председатель Кузнецов, обеспечил квартирой и выдал каждому члену семьи по 800 г хлеба [32].

Некоторым инвалидам войны удавалось трудоустроиться и даже добиться определенных успехов. Например, в Черногорске директором городского промышленного комбината назначили инвалида-фронтовика Окладникова. Ему предоставили квартиру, обеспечили одеждой и продовольствием. Окладников оказался хорошим руководителем, его комбинат ежемесячно получал краевую премию, а его три раза премировали месячным окладом. Другой инвалид войны Иван Иванович Хвостов был родом из Украины, находясь на лечении в одном из сибирских госпиталей, завязал переписку с колхозом «Путь вперед» Усть-Абаканского района. Колхозники пригласили Хвостова к себе, устроили на работу садоводом. Он, опираясь на довоенный опыт, сумел получить богатый урожай с фруктовых деревьев. Корреспондент «Советской Хакасии» отметил положение Хвостова: «Теперь воин-инвалид живет в довольствии. У него и дом есть, и одежда и денег хватает» [33].

Руководители хозяйственных предприятий и учреждений должны были оказывать материальную поддержку работавшим инвалидам войны. Рассмотрим материально-бытовое обеспечение 29 инвалидов войны, трудоустроенных на мясокомбинате, из них большая часть была занята в сторожевой охране – 17 чел., остальные работали кладовщиками, шоферами, бригадирами, экспедиторами и разнорабочими. Всем инвалидам войны выдали пимы и только 5 чел. получили полушубки. В столовой они имели трехразовое питание, кроме того им полагалась выдача мяса (до 15 кг в месяц) с учетом количества иждивенцев. Рабочих инвалидов войны полностью обеспечивали топливом (углем и дровами). В условиях войны руководство мясокомбината по мере возможности старалось обеспечить своих работников. В 1944 г. не было ни одного случая увольнения инвалида войны за отказ от работы. В то же время отдельные жалобы с их стороны поступали. В основном жаловались на бездушно-бюрократическое отношение руководителей и директоров, не желающих учитывать условия, в которых приходилось работать людям с ограниченными возможностями. Например, экспедитор Абаканского мясокомбината Пантелеев с тяжелым ранением ноги по роду своей деятельности должен был много передвигаться. После медицинского осмотра врач настоятельно рекомендовал ему поменять профессию. Сам Пантелеев обратился к директору с просьбой перевести его на должность кладовщика, однако его просьба не была удовлетворена. Видимо, руководство не считало нужным обратить внимание на серьезные проблемы со здоровьем инвалида-фронтовика и перевести его на другую должность. Также не уделялось должного внимания инвалидам войны, которые до ухода на фронт работали на мясокомбинате. В исключительно тяжелых условиях проживал инвалид войны II группы Анисимов с семьей. Получив ранение на фронте, он надеялся после лечения вернуться на прежнее место работы. В то время, пока он не мог работать и получал только пенсию по инвалидности, ему нужно было содержать пятерых малолетних детей, где самому старшему исполнилось 12 лет. При посещении его квартиры комиссия установила, что дети остро нуждались в одежде и обуви. Со стороны собеса никакой помощи не оказывалось. Лишенный какой-либо поддержки, Анисимов признался, что «дошел до отчаяния» [24].

Недостатки материально-бытового обеспечения

Повсеместно материальное положение инвалидов Отечественной войны к концу войны и в первые месяцы послевоенного времени оставалось крайне тяжелым. Продуктовое снабжение населения осложнялось еще и неурожаем 1945 г. в Хакасии. В Абакане инвалидам войны I и II группы выдали 430 жировых карточек, инвалидам III группы – от 70 до 100 пропусков в столовую Хакторга. Это была малая доля поддержки и не могла удовлетворить потребности всех инвалидов войны, проживавших в городе. Социальная поддержка оказывалась данной категории населения в виде единовременных выплат, освобождения от налогов, предоставления различных льгот. В 1945 г. инвалидам войны выплатили: единовременного пособия – на 80 630 руб., денежных ссуд – на 38 300 руб., дополнительные льготы предоставили 366 хозяйствам, по денежным госпоставкам – 675 хозяйствам. Только по Усть-Абаканскому и Боградскому районам освободили инвалидов войны I и II групп от сельскохозяйственного налога – на 119 252 руб., от военного налога – на 204 700 руб. Приведенные цифры по оказанию социальной поддержки инвалидов войны не были исчерпывающими, так как не все собесы четко и оперативно провели учет по проделанной работе. В некоторых районах социальные работники не проявляли инициативы по материальной поддержке инвалидов войны, в основном ожидали поступлений от торговых организаций или из областного собеса. Подобная ситуация сложилась в районных собессах Аскизского, Усть-Абаканского и Алтайского районов [24].

В целом оказываемая материально-бытовая поддержка инвалидам войны была недостаточной. Большинство из них продолжали испытывать необходимость в продуктах, одежде, обуви, предметах быта и др. В отчете Абаканского горсобеса за 1945 г. в июле-августе не удалось отремонтировать ни одну квартиру, где проживали инвалиды-войны. Причина заключалась в отсутствии необходимых материалов: древесины, кирпича и стекла. В летне-осенний период инвалидов-фронтовиков не обеспечили топливом на зиму. Выданных промышленных товаров не хватило всем инвалидам войны, всего на 212 чел. распределили 862 м мануфактуры, в среднем по 4 м на 1 чел. [25].

В сентябре 1945 г. в Бейском районе ситуация со снабжением инвалидов войны усугубилась из-за неурожая зерновых и овощных культур. Большая часть из солдат-инвалидов находилась в крайней нужде, им требовались продукты питания, одежда и обувь. Нехватка картофеля и отсутствие хлеба привели к массовому голоду жителей Бейского района. Снабжение через торговый отдел продуктами первой необходимости в район было поставлено крайне плохо. Всего за 1945 г. каждый инвалид войны получил на руки не более 1 кг соли и 2 коробок спичек. По несколько дней им не привозили хлеб, длительное время не выдавали соль и спички. Тяжелораненым инвалидам войны наряду с лечением требовалось хорошее питание, но назначенные пенсии с небольшой денежной суммой и дороговизна продуктов не позволяли обеспечить их даже сносным питанием. Дополнительную помощь оказали торговые организации, выдавшие на 410 инвалидов всего 95 пайков. Каждый паек состоял из 2 кг крупы и 1 кг сахара. Крайне плохо обстояло обеспечение инвалидов войны промышленными товарами. В 1945 г. через торговый отдел инвалидам войны Бейского района продали: катанок – 8 пар, платьев дамских – 7 шт., сорочек дамских – 40 шт., жилетов детских – 6 шт., кепок детских – 6 шт., носков – 5 пар, тканей – 45 м, кашне – 2 шт. Такая помощь торговца была совершенно незначительна и совершенно не удовлетворяла потребности в одежде и обуви. Вместо пользовавшихся огромным спросом брюк, гимнастеров, белья выдавали детские шапки и жилеты. Многократные обращения инвалидов войны за помощью в райсобес оказались безрезультатными из-за полного отсутствия ресурсов [26].

Особую роль в оказании помощи «обмундированием» играли так называемые «американские подарки», представлявшие гуманитарную помощь американского Общества помощи России в войне. Гуманитарные посылки из США представляли собой вещи, бывшие в употреблении и переданные рядовыми американскими гражданами [7, с. 495]. В 1944 г. инвалидам войны в качестве материальной помощи выдали 5 845 шт. американских вещей. Порой «американские подарки» не удовлетворяли нужды взрослого населения. Например, в Бейском районе полученные в мае 1945 г. «американские подарки» предназначались в основном детям (детская одежда), а для взрослых было очень мало вещей. Заведующая Бейским райсобесом Крикунова докладывала о сложившейся критической ситуации, связанной с материальным обеспечением инвалидов войны [26].

Появление «американских подарков» в Хакасии, в Красноярском крае, как и в других регионах страны, приводило к появлению злоупотреблений при распределении. Работники райсобесов, используя должностное положение, получали определенные выгоды для себя. Они занимались самообеспечением за счет инвалидов [7, с. 496]. Практика злоупотреблений со стороны работников райсобеса наблюдалась в 1944 г. в Усть-Абаканском районе, когда из собранных с населения денег и продуктов для единовременной помощи семьям фронтовиков было изъято 750 кг картофеля для работников райсобеса и израсходовано на зарплату и административные хозяйственные расходы 25 тыс. руб. Заведующий Усть-Абаканским райсобесом Колтораков, старший инспектор Килижекова и старший бухгалтер Салтыкова незаконно получили картофель, «американские подарки», первомайские детские пайки и другие продукты и промышленные товары, которые предназначались для семей фронтовиков. В дальнейшем заведующий Усть-Абаканским райсобесом Колтораков и главный бухгалтер Салтыкова были привлечены к партийной ответственности и сняты с работы. Заведующий военного отдела Усть-Абаканского райкома партии Маркелов получил предупреждение за формальный разбор, непринятие своевременных мер по жалобам семей фронтовиков и инвалидов войны, а также за отсутствие контроля над деятельностью райсобеса. Хакасский обком партии обязал Маркелова рассматривать поступившие жалобы от семей военнослужащих и инвалидов войны в течение 3–5 дней под строжайшим контролем военного отдела, а результаты разбора сообщать жалобщикам в письменном виде [27]. Выдачи «американских подарков» не по назначению были и в других районах Хакасии. Особенно нарушения наблюдались в Ширинском и Таштыпском районах. В связи со сложившимся положением заведующий облсобесом Дружинин и председатели райгорсоветов установили строгий контроль за правильным распределением промышленных товаров, выделенных для инвалидов войны [28].

Крайне тяжелое положение инвалидов войны сложилось в Усть-Абаканском, Аскизском и Алтайском районах. В 1945 г. от инвалидов войны поступили 1 832 жалобы об оказании материальной помощи и 189 заявлений о назначении пенсий. Из них жалобы об оказании материальной помощи удовлетворили – 725, отказали – 302, не удовлетворили из-за отсутствия товаров – 495. Обычно все жалобы и заявления рассматривались в течение пятидневного срока. Но были редкие случаи, когда рассмотрение жалоб затягивалось: в Алтайском районе – на 6 месяцев, в Ширинском районе – на 3 месяца. Некоторые отчаявшиеся инвалиды войны писали жалобы в правительственные органы или конкретно на имя партийных деятелей. Своими письмами они хотели достучаться до высших органов власти. Все письма проверяли по факту, и в случае необходимости оказывалась помощь. Некоторые инвалиды войны злоупотребляли своим положением и порой требовали поддержки, не имея серьезных оснований. Инвалид-фронтвик Н. Ф. Коваленко из Шарыповского района отправил жалобу о несвоевременной выплате пенсий и об оказании материальной

помощи, адресованную М. В. Калинин. При проверке его претензии не подтвердились, а были обнаружены злоупотребления со стороны жалобщика. За весь 1945 г. от Шарыповского райсобеса он получил: меховой комбинезон, брюки, френч, рубашку, жилет, куртку и дамское платье. Шарыповский райисполком выдал Н. Ф. Коваленко 1 тыс. руб. на покупку коровы. 11 декабря 1945 г. он получил ссуду (10 тыс. руб.) на покупку дома. Полученный на весь год продуктовый паек состоял из 8 кг муки, 2 кг крупы, 800 г сахара. Инвалиду войны Н. Ф. Коваленко регулярно выплачивали пенсию, и его положение было гораздо лучше, чем у других инвалидов. Подобные жалобы отправили несколько инвалидов войны: Захаров из рудника Балахчино, Данилов из Таштыпского района и др. Все свои жалобы они писали в ЦК ВКП(б) или лично М. И. Калинин [29]. Однако подобные жалобы не получили широкого распространения. Все же многие инвалиды-фронтовики, получившие увечья и ранения разной тяжести, довольствовались небольшой пенсией, льготами и общественной помощью. Большая часть из них входила в положение и понимала, что страна переживает тяжелейший период и все силы направлены на доведения войны до победного конца.

Заключение

В целом материальное положение инвалидов-фронтовиков в Хакасии в годы Великой Отечественной войны было тяжелым. Представители этой социальной группы нуждались в реабилитации, хорошем лечении и материально-бытовой поддержке. Однако в годы военного лихолетья не представлялось возможным создать комфортные условия для воинов, получивших тяжелые ранения и увечья на фронте. В условиях постоянной нужды и отсутствия достойной материальной поддержки адаптация к мирной жизни происходила болезненно и тяжело. Фронтовики, лишившиеся здоровья на войне, в тылу нередко сталкивались с равнодушием и бюрократизмом местных чиновников, работников социального обеспечения, руководителей предприятий и организаций. Многие просьбы инвалидов-фронтовиков об улучшении их материального положения оставались без должного внимания. Отсутствие своевременной социальной помощи, а порой даже чуткости и понимания общества были трагедией, сопряженной с осознанием собственной неполноценности и ненужности искалеченного на фронте воина. Результатом такого отношения становились многочисленные жалобы, отправленные в высшие органы партийной власти. Доведенные до отчаяния, пребывающие в нищенских материально-бытовых условиях, инвалиды войны пытались обратить внимание на свои проблемы. Жалобы стали отражением крайне сложного материального положения как самих авторов писем, так и членов их семей.

Список источников и литературы

1. Абузярова Д. А. Социальная защита инвалидов войны в 1941-1945 гг. // Вестник Мордовского государственного университета. 2007. № 2. С. 146–150.
2. Гиниатуллина Л. М. Дома-интернаты для инвалидов войны Башкирской АССР (1942–1951 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 94–102.
3. Зинич М. С. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. М.: Ин-т рос. ист. РАН : Центр гуманитар. инициатив, 2019. 349 с.
4. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945-1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
5. Кабирова А. III. Социальная адаптация и трудоустройство инвалидов войны в годы Великой Отечественной войны (на материалах Татарской АССР) // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 2. С. 173–177.
6. Карюкина Ю. В. Некоторые аспекты организации работы по реабилитации инвалидов войны в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2015. № 2. С. 168–172.

7. Ковалев А. С. «Американские подарки» и их роль в социальном обеспечении инвалидов в 1944-1945 гг. (на материалах Красноярского края) // Россия и Сибирь: история и культура. М.: Перо, 2023. С. 495–498.
8. Ковалев А. С. Государственная социальная политика и повседневная жизнь инвалидов Красноярского края в 1941-1945 гг. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2023. 300 с.
9. НАРХ (Национальный архив Республики Хакасия). Ф. П-11. Оп. 1. Д. 96. Л. 27.
10. НАРХ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 416. Л. 49.
11. НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 463. Л. 153.
12. НАРХ. Ф. П-11. Оп. 1. Д. 96. Л. 29.
13. НАРХ. Ф. П-11. Оп. 1. Д. 96. Л. 36.
14. НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 933. Л. 123.
15. НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1160. Л. 2.
16. НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1160. Л. 1 об.
17. НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 463. Л. 153.
18. НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 418. Л. 79 об.
19. НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 933. Л. 123.
20. НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 418. Л. 79.
21. НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 939. Л. 38.
22. НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 475 б. Л. 17 об.
23. НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1104. Л. 103 об.
24. НАРХ. П-11. Оп. 1. Д. 111. Л. 47.
25. НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1159. Л. 1 об.
26. НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1160. Л. 4.
27. НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1036. Л. 244.
28. НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1104. Л. 104.
29. НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1160. Л. 2 об.
30. Польшинский А. С. Государственная политика в области социального обеспечения и трудоустройства инвалидов войны в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинского государственного академии культуры и искусства. 2015. № 22 (42). С. 190–198.
31. Селюнина Н. В. Социальная помощь инвалидам войны на Юге России в 1941-1945 гг. // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2012. № 2. С. 159–162.
32. Советская Хакассия. 1943. 31 авг. (№ 181).
33. Советская Хакассия. 1943. 12 окт. (№ 211).

References

1. Abuzyarova, DA 2007, 'Sotsialnaya zashchita invalidov voyny v 1941-1945 gg.' (Social protection of war veterans in 1941-1945), *Vestnik Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta* (Mordovia University Bulletin), no. 2, pp. 146-150. (In Russ.)
2. Giniatullina, LM 2021, 'Doma-internaty dlya invalidov voyny Bashkirskoy ASSR (1942–1951 gg.)' (Boarding houses for war invalids of the Bashkir ASSR (1942-1951)), *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura* (Society: Philosophy, History, Culture), no. 6, pp. 94-102. (In Russ.)
3. Zinich, MS 2019, *Povsednevnyaya zhizn naroda v gody Velikoy Otechestvennoy voiny* (The daily life of the people during the Great Patriotic War), Institut rossiyskoy istorii RAN publ, Tsentr gumanitarnykh initsiativ publ, Moscow. (In Russ.)
4. Zubkova, EYu 1999, *Poslevoyennoye sovetskoye obshchestvo: politika i povsednevnyy zhizn. 1945-1953* (Post-War Soviet Society: Politics and Everyday Life. 1945-1953), "Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya" (ROSSPEN) publ, Moscow. (In Russ.)
5. Kabirova, ASh 2017, 'Sotsialnaya adaptatsiya i trudoustroystvo invalidov voyny v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh Tatarskoy ASSR)' (Social adaptation and employment of disabled people during the Great Patriotic War (on the materials of the Tatar ASSR)), *Samarskiy nauchnyy vestnik* (Samara Journal of Science), vol. 6, no. 2, pp. 173-177. (In Russ.)

6. Karyukina, YuV 2015, 'Nekotoryye aspekty organizatsii raboty po reabilitatsii invalidov voyny v Krasnoyarskom kraye v gody Velikoy Otechestvennoy voyny' (Some aspects of the organization of work for the rehabilitation of disabled veterans in the Krasnoyarsk region during the Great Patriotic War), *Sotsialno-ekonomicheskii i gumanitarnyy zhurnal GAU* (Social and economic and humanitarian magazine), no. 2, pp. 168-172. (In Russ.)
7. Kovalev, AS 2023, 'Amerikanskiye podarki' i ikh rol v sotsialnom obespechenii invalidov v 1944-1945 gg. (na materialakh Krasnoyarskogo kraya)' (American Gifts and their role in the social security of disabled people in 1944-1945 (based on the materials of the Krasnoyarsk Region), *Rossiya i Sibir: istoriya i kultura* (Russia and Siberia. History and culture), Izd-vo «Pero» publ, Moscow, pp. 495-498. (In Russ.)
8. Kovalev, AS 2023, *Gosudarstvennaya sotsialnaya politika i pousednevnyaya zhizn invalidov Krasnoyarskogo kraya v 1941-1945 gg.* (National social policy and daily life of disabled people in Krasnoyarsk Region in 1941-1945), Sibirskiy federalnyy universitet publ, Krasnoyarsk. (In Russ.)
9. *Natsionalnyy arkhiv Respubliki Khakasiya (NARKh)* (The National Archive of the Republic of Khakassia), fund P-11, inventory 1, file 96, sheet 27. (In Russ.)
10. *NARKh*, fund 39, inventory 1, file 416, sheet 49. (In Russ.)
11. *NARKh*, fund R-39, inventory 1, file 463, sheet 153. (In Russ.)
12. *NARKh*, fund P-11, inventory 1, file 96, sheet 29. (In Russ.)
13. *NARKh*, fund P-11, inventory, file 96, sheet 36. (In Russ.)
14. *NARKh*, fund P-2, inventory 1, file 933, sheet 123. (In Russ.)
15. *NARKh*, fund P-2, inventory 1, file 1160, sheet 2. (In Russ.)
16. *NARKh*, fund P-2, inventory 1, file 1160, sheet 1 page back. (In Russ.)
17. *NARKh*, fund R-39, inventory 1, file 463, sheet 153. (In Russ.)
18. *NARKh*, fund R-39, inventory 1, file 418, sheet 79 page back. (In Russ.)
19. *NARKh*, fund P-2, inventory 1, file 933, sheet 123. (In Russ.)
20. *NARKh*, fund R-39, inventory 1, file 418, sheet 79. (In Russ.)
21. *NARKh*, fund P-2, inventory 1, file 939, sheet 38. (In Russ.)
22. *NARKh*, fund R-39, inventory 1, file 475b, sheet 17 page back. (In Russ.)
23. *NARKh*, fund P-2, inventory 1, file 1104, sheet 103 page back. (In Russ.)
24. *NARKh*, fund P-11, inventory 1, file 111, sheet 47. (In Russ.)
25. *NARKh*, fund P-2, inventory 1, file 1159, sheet 1 page back. (In Russ.)
26. *NARKh*, fund P-2, inventory 1, file 1160, sheet 4. (In Russ.)
27. *NARKh*, fund P-2, inventory 1, file 1036, sheet 244. (In Russ.)
28. *NARKh*, fund P-2, inventory 1, file 1104, sheet 104. (In Russ.)
29. *NARKh*, fund P-2, inventory 1, file 1160, sheet 2 page back. (In Russ.)
30. Polynskiy, AS 2015, 'Gosudarstvennaya politika v oblasti sotsialnogo obespecheniya i trudoustroystva invalidov voyny v predvoennyi period i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny' (The state policy in the field of social welfare and employment of war invalids in the prewar period and during the Great Patriotic War), *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kultury i iskusstv* (Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts), no. 22(42). pp. 190-198. (In Russ.)
31. Selyunina, NV 2012, 'Sotsialnaya pomoshch invalidam voyny na Yuge Rossii v 1941-1945 gg.' (The social help to the war-disabled persons on the south of Russia in 1941-1945), *Vestnik Taganrogskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* (Bulletin of the Taganrog State Pedagogical Institute), no. 2, pp. 159-162. (In Russ.)
32. *Sovetskaya Khakassiya* (Soviet Khakassia) 1943, 31 August, no. 181. (In Russ.)
33. *Sovetskaya Khakassiya* (Soviet Khakassia) 1943, 12 October, no. 211. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.11.2025
Одобрена после рецензирования: 13.02.2026
Принята к публикации: 02.03.2026

The article was submitted: 18.11.2025
Approved after reviewing: 13.02.2026
Accepted for publication: 02.03.2026

Научная статья
УДК 94(470+571) "1985/1991"
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-81-92>

ДИСКУССИИ ОБ АРЕНДЕ В ПОЗДНЕМ СССР В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ В МЕДИА, ДЕПУТАТСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ И НАУЧНЫХ ОЦЕНКАХ

**Евгений Никитич
Дрожилин ¹**

---

¹ Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя образовательная школа № 691 с углубленным изучением иностранных языков Невского района Санкт-Петербурга «Невская школа». Санкт-Петербург, Россия, zhenya.drozhillin@gmail.com

---

Аннотация. Статья посвящена восприятию советским обществом реформ, которые внедряли аренду в период перестройки в СССР. Внедрение аренды является одной из важнейших экономических реформ того периода, поскольку оно стало важным этапом на пути перехода к рыночной экономике. Аренда в тогдашних условиях позволяла арендатору выкупать арендуемое имущество у государства и таким образом стала первым шагом для приватизации в стране. Вокруг этой реформы, как и вокруг большинства других преобразований того времени, развернулась широкая общественная дискуссия, в которую включились СМИ, депутаты, учёные и всё общество. Статья рассматривает то, как расценивалась аренда в перестроечной печати, на примере газет «Аргументы и Факты», «Известия», «Известия ЦК КПСС», «Правда». Также рассматривается, как аренда воспринималась в среде народных депутатов, среди которых были представлены самые разные позиции исследователей данной темы, живших в то время – молодых учёных, защищавших свои кандидатские работы по теме аренды. Автор приходит к выводу, что, несмотря на крайне позитивное освещение аренды в газетах и практически полное игнорирование её негативных аспектов, среди народных депутатов СССР существовали крайне полярные оценки: от полного одобрения, до отторжения вкупе со всеми остальными реформами. Более сдержанными были и оценки учёных, которые уделяли большое внимание внедрению аренды в разных отраслях экономики, они отмечали её недостатки, в особенности это прослеживается в работах, написанных после распада СССР.

Ключевые слова: аренда, СССР, пресса, съезд народных депутатов, депутаты, позиция.

Для цитирования: Дрожилин Е. Н. Дискуссии об аренде в позднем СССР в годы перестройки в медиа, депутатских выступлениях и научных оценках // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 1 (25). С. 81–92. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-81-92>

Сведения об авторе: Е. Н. Дрожилин – учитель истории, ГБОУ школа № 691 с углубленным изучением иностранных языков Невского района Санкт-Петербурга «Невская школа», 193318, Россия, г. Санкт-Петербург, Союзный проспект, д. 5; корпус 2, строение 1.

Scientific Article

UDC 94(470+571) "1985/1991"

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-81-92>

DISCUSSIONS ABOUT RENTING IN THE LATE USSR DURING THE YEARS OF PERESTROIKA IN THE MEDIA, PARLIAMENTARY SPEECHES, AND SCIENTIFIC ASSESSMENTS

*Eugeny N. Drozhilin*¹

---

¹ State Budgetary General Education Institution «Secondary General Education School No. 691 with in-Depth Study of Foreign Languages», Nevsky District, Saint Petersburg («Nevskaya School»).
Saint Petersburg, Russia,
zhenya.drozhilin@gmail.com

Abstract. The article examines the reforms that introduced rent during the period of perestroika in the USSR and the attitude of Soviet society towards them. The possibility of renting has become an important stage in the transition to a market economy. In the conditions of that time, the tenant could buy the leased property from the state, and this was the first step for privatization in the country. This reform, like most other reforms of that time, sparked a broad public debate, involving the media, members of parliament, scientists, and the entire society. The article consider show such periodicals of the perestroika as *Argumenty I Fakty*, *Izvestia*, *Izvestia of the Central Committee of the CPSU*, and *Pravda* covered the topic of rent. The author also draws attention to the attitude of people's deputies to this issue and presents the most different opinions of researchers who lived at that time – young scientists who defended their PhD thesis on the topic of rent. As a result, despite extremely positive coverage of the rent in newspapers and almost complete disregard of its negative aspects there were polar opinions among people's deputies of the USSR: from complete approval to rejection along with all other reforms. The assessments of scientists who paid great attention to the introduction of rent in various economic sectors were more restrained. They noted its shortcomings, especially in the works written after the collapse of the USSR.

Keywords: The Great Game, Russian Empire, British Empire, military intelligence, George Curzon, Herbert Kitchener, Russo-Japanese War, General Headquarters, A. N. Kuropatkin, information war.

For citation: Drozhilin, EN 2026, 'Discussions about Renting in the Late USSR during the Years of Perestroika in the Media, Parliamentary Speeches, and Scientific Assessments', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (25), pp. 81–92, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-81-92> (in Russ.)

Information about the Author: Eugenu N. Drozhilin – Teacher of history, State Budgetary General Education Institution «Secondary General Education School No. 691 with in-Depth Study of Foreign Languages», Nevsky District, Saint Petersburg («Nevskaya School»), construction 1, building 2, Soyuzny Prospekt, 5, Saint Petersburg, 193318, Russia

---

Введение

Перестройка в СССР охватила все сферы общественной жизни, в том числе и экономику. Реформы экономики были направлены на расширение самостоятельности предприятий и переход к рынку. Важным этапом этих реформ являлось внедрение арендных отношений между коллективами предприятий и государством. Первым законом данного периода, где отмечалась возможность перехода на аренду, стал закон от 30 июня 1987 г. «О государственном предприятии (объединении)». Аренда была упомянута в статье 4 закона, декларировалась возможность сдачи имущества в аренду и то, что платежи от неё должны были начисляться в фонд развития производства, науки и техники [11, ст. 4.4]. Нормальной законодательной базы ещё не было. В связи с этим аренда не получала широкого распространения до 1989 г., когда вышли три новых акта, регулирующих аренду. Первые два: Указ Президиума ВС СССР от 07.04.89 «Об аренде и арендных отношениях в СССР» [31], а также постановление Совмина от того же числа «Об экономических и организационных основах арендных отношений в СССР» [22]. Указ и постановление уже предусматривали определённую процедуру, по которой проходил переход целых производственных единиц на аренду. Однако в этих актах преимущественно были прописаны условия функционирования аренды в сельском хозяйстве, довольно ограничена была процедура выкупа предприятия арендатором. В связи с этим 23 ноября 1989 г. вступил в силу последний акт «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде» [21]. Важнейшим дополнением, которое сделали «Основы...», стала возможность выкупа предприятия до истечения срока аренды путем внесения арендодателю всей причитающейся ему арендной платы со стоимости сданного на полный амортизационный срок имущества. Активный период «арендного движения», таким образом, начался с 1989 г. и продолжался вплоть до завершения ваучерной приватизации.

В силу того, что эти события произошли относительно недавно, по теме не так много исследований, комплексно рассматривающих вопрос, все они посвящены экономическим реформам в целом и упоминают внедрение аренды как одну из важнейших экономических реформ. Е. Г. Ясин характеризовал цели аренды так: «Отдать им предприятия фактически, не делая этого юридически» [35, с. 95]. Наиболее подробно вопрос внедрения аренды рассмотрел Г. И. Ханин, однако рассматривал исключительно экономический аспект, не затрагивая вопрос общественного восприятия реформ. Исследователь отмечал, что арендные предприятия не отличались высокой эффективностью [33, с. 55–56].

Помимо двух вышеупомянутых работ, можно отметить более ранние исследования – диссертации того периода, когда аренда только внедрялась. Были рассмотрены авторефераты работ О. Г. Бодрова [4], И. А. Шестериковой [34], Л. В. Фадейчева [32], А. Г. Белоусова [3], О. Л. Антиповой [2] и Г. В. Сапоговой [29]. Эти работы были написаны экономистами, а не историками.

Источниковая база для данной темы более широкая. В прессе того времени о реформах писали много. Были рассмотрены четыре издания: «Известия», «Аргументы и Факты», «Известия ЦК КПСС» и «Правда». Выборка обусловлена тем, что все представленные газеты обладали разными форматами: ежедневная, еженедельная и ежемесячный сборник. Помимо прессы использовались стенограммы съездов народных депутатов СССР, где вопрос аренды регулярно обсуждался, и были представлены разные позиции. К сожалению, данная реформа практически никак не отражена в мемуарах госдеятелей того времени.

Освещение аренды в перестроечной прессе

Поднимать вопрос об аренде пресса стала ещё до выхода всех законов в 1989 г. Так, в одном из январских номеров «Правды» было опубликовано интервью

С. А. Ситаряна, где он отметил, что в Московской области на аренду вышли уже 270 трудовых коллективов. Он назвал развитие аренды одним из ключевых направлений дальнейшего развития [28]. Помимо подобных интервью «Правда» часто публиковала небольшие заметки, которые создавали положительный образ аренды. Несколько примеров. 1) Новости из Минска «На арендный подряд перешел магазин № 2 Октябрьского плодоовощного комбината. В торговом зале – чистота и порядок, овощи, словно умытые, разместились в металлических контейнерах, рациональней используются площади. А главное – богат ассортимент продукции» [9]. 2) «За короткое время кооперативы и арендаторы значительно повысили производительность, качество труда, улучшили поставки продукции...» [10]. Подобными небольшими заметками «Правда» того времени изобиловала.

Схожий подход в освещении аренды практиковался и в «Известиях ЦК КПСС», но из-за того, что это были ежемесячные выпуски, довольно большие по объёму, там могли опубликовать полноценные статьи, в которых освещались успехи арендаторов. Перед выходом указа и постановления Совмина 7 апреля 1989 г. в том же году было напечатано две статьи. Первая – выступление в ЦК КПСС Н. И. Кучеренко – руководителя арендного коллектива молочнотоварной фермы колхоза «Прогресс». Главное, что успел озвучить докладчик, что чистая прибыль от его отделения после перехода на аренду составила 250 тыс. руб., а среднемесячная зарплата – 700 руб. Также он упомянул методы, которыми удалось достичь такого результата – сокращение работников в два раза, а функции многих уволенных взяла на себя жена Кучеренко. Его же собственный рабочий день составлял 13 час. [12, с. 147–149]. Данное выступление носило явный пропагандистский характер. Горбачёв в ходе доклада Кучеренко задавал вопросы, которыми стремился представить уволенных и недовольных ленивыми завистниками, и даже воришками. Размеры прибыли и зарплат, которые были названы, становились ярким свидетельством преимущества аренды, хотя из самого доклада ясно, что основа этого повышения – увольнение сотрудников с перераспределением их обязанностей и зарплат. В ходе доклада Кучеренко почти не назвал мер по интенсификации хозяйства.

Другой пример – статья, посвящённая переходу на аренду Сумского НПО им. Фрунзе. Про неё стоит отметить, что хотя переход этого предприятия на аренду был завершён ещё в 1988 г., материал был опубликован именно в апрельском выпуске 1989 г., явно чтобы служить примером для остальных. Статья представляла собой фрагменты деловой переписки руководства предприятия и вышестоящего начальства. В ней обозначалось, что аренда – это следующий после хозрасчёта шаг по повышению эффективности хозяйственного механизма [13, с. 136–139].

После апреля 1989 г. долгое время статей об аренде в «Известиях ЦК КПСС» не публиковалось, всё ограничивалось отдельными заметками, подобными тем, что были в «Правде». Заметки также рассматривали аренду как продолжение предыдущих реформ по введению самостоятельности предприятий и кооперации. Основное содержание сводилось к похвале всех новых реформ и критике темпов внедрения этих реформ [14, с. 143].

Новая тенденция в освещении аренды «Известиями ЦК КПСС» проявилась примерно с конца 1990 г., теперь, когда о ней писали, она рассматривалась не вкуче с прочими реформами, а уже как один из инструментов разгосударствления государственности наравне с акционированием и введением полноценной частной собственности. Наиболее подробно эта идея рассматривается в самом последнем августовском выпуске 1991 г. Статья называется «Разгосударствление и приватизация: партийная позиция». Впервые тут упоминается возможность выкупа арендованных предприятий. До этого журнал эту тему не затрагивал, хотя законодательство оформилось уже к концу 1989 г. Схема аренды с выкупом, по мнению автора статьи, была

предпочтительна для малых и средних предприятий, а также допускалась для выкупа сельскохозяйственных предприятий, хотя автор отмечал, что партия против распродажи земли [17, с. 20–32].

Об аренде писала и крупнейшая еженедельная газета «Аргументы и Факты». Она тоже была очень благосклонна к аренде и даже переплюнула в этом партийные издания. Например, в одной статье, описывавшей китайский опыт реформ, есть такие реплики: «Самой прогрессивной и самой эффективной формой некоторые китайские экономисты считают аренду», противники аренды называются «левацки настроенные кадры» и «привыкшие к уравниловке» [26]. Через месяц после выхода «Основ законодательства об аренде» в «АиФ» появилась новая статья, где народные депутаты СССР Самарин и Бунич высказывают свои пожелания по дальнейшему ускорению внедрения аренды [8].

В январской статье 1990 г. можно увидеть, как «АиФ» тогда представляла разные взгляды на реформу. Там приводится позиция четырех читателей по вопросу собственности, в том числе арендной, и возможности её выкупа. Во-первых, трое из четверых читателей высказываются в пользу реформ и разгосударствления. Во-вторых, позиция читателя, который высказал опасения, находилась второй в статье. Он утверждал, что в связи с появлением новых форм собственности, среди которых им названа и аренда, не все смогли бы стать собственниками, а начало выплаты дивидендов пришлось бы начинать за счёт сокращения зарплат, что, по сути, являлось бы эксплуатацией. Позиция читателя, следующего за ним, сводилась к тому, что в США, где эксплуатация есть, рабочие в среднем получают намного больше [20]. Позиция третьего читателя по своему содержанию как бы опровергает предыдущую, такой порядок явно не случайный и редакция газеты стремилась не просто представить разные позиции, а продвинуть одну из них за счёт другой. В этой же статье упоминается возможность выкупа арендованного имущества. Этот вопрос «АиФ» подняли почти на год раньше, чем «Известия ЦК КПСС».

«АиФ» отличились и явными симпатиями к конкретным арендаторам. Главным любимцем газеты был С. Н. Фёдоров генеральный директор МНТК «Микрохирургия глаза». Всего за 1989–1991 гг. вышло десять статей, где упоминался Фёдоров или его клиника.

Самыми содержательными из этих статей были две, в которых очень подробно описан эксперимент Фёдорова, который учредил арендно-фермерский комплекс (АФК) под эгидой своего МНТК «Микрохирургия глаза». Он ввёл полную самостоятельность коллектива, такой же социальный пакет, как и в своей клинике. Помимо этого, в АФК к концу 1990 г. было вложено 6 млн. руб., благодаря чему резко выросла производительность труда, а средняя зарплата составляла 540–560 руб. Предприятие, которое раньше приносило убытков на 200 тысяч в год, принесло в 1990 г. полмиллиона прибыли [1, 5]. Обе статьи делали особый акцент на том, что этот эффект был достигнут благодаря новым методам ведения хозяйства. Момент с 6-миллионными вложениями упоминается, но на этом не делается акцент, а ведь если просто сравнить ежегодную прибыль и вложения, то Фёдоров окупил бы их только через двенадцать лет. Статьи не учитывали и того, что большинство предприятий, переходивших на аренду, никакого внешнего спонсора не имели. Следовательно, газета целенаправленно восхваляла внедрение аренды, чтобы формировать положительный образ у читателей. Причём «АиФ» делала это радикальнее партийных изданий.

Не менее ангажированной была и газета «Известия». Позицию газеты хорошо иллюстрирует полемика с В. А. Стародубцевым, опубликованная 14 февраля 1990 г. Автор статьи неоднократно признаёт авторитет и опыт Стародубцева, образцовость его колхоза, и, тем не менее, статья наполнена обвинениями в косности и критике

методов Стародубцева. Журналист объясняет успех колхоза тем, что Стародубцев «всюду вхож», статья была полна и других придирок, критиковался подход к жилищному строительству в колхозе и то, что работники отчуждены от труда. Полгода спустя 1 августа 1990 г. в «Известиях» опубликовали ответ Стародубцева. Ответ был довольно жёстким, депутат обвинял автора статьи во лжи и сам открыто выразил свою симпатию к колхозному строю и недоверие к поспешной арендизации. После приведённого письма против Стародубцева высказывается уже сама редакция газеты, не просто защищая своего журналиста, но и выдвигая обвинения: «Стародубцев продолжает, пользуясь связями в высших сферах, выбивать для своего хозяйства и АПО различные привилегии и льготы ... чинятся все эти несправедливости тем самым В. Стародубцевым, который так любит говорить о равноправии» [18; 19]. Редакция неоднократно обвиняла Стародубцева и ему подобных в сопротивлении реформам и отстаивала их эффективность.

И всё же определённая критика последствий внедрения аренды в прессе присутствовала. Например, женщины-работчие в одном из писем в «Известия ЦК КПСС» отметили, что в условиях арендного подряда на них резко возростала нагрузка [15]. Подобных заметок было немного, в «АиФ» помимо одной статьи о коммерциализации культуры нет ничего, да и эту проблему всё же наиболее подробно осветили «Известия ЦК КПСС». Предприятия, имевшие свои клубы и другие центры досуга, стали сдавать их в аренду кооперативам, художники и скульпторы столкнулись с тем, что цены на аренду помещений росли настолько быстро, что они не могли это себе позволить. ЦК КПСС даже постановили установить максимум для такой арендной платы. Однако даже в этой критике можно увидеть непоследовательность и двойные стандарты, ведь в том же выпуске описываются финансовые трудности КПСС, для борьбы с которыми партийным комитетам рекомендовалось высвободить до 40 % их служебных помещений с целью сдачи их в аренду [16, с. 23–26, 100–101]. Кроме этих заметок, никаких критических статей в газетах не было.

Взгляды народных депутатов на аренду

На съездах было представлено много разных позиций, но основное различие довольно точно подметил в одном из своих выступлений М. С. Горбачёв. По вопросу аренды позиции депутатов разделились на тех, кто поддерживал аренду и жаловался на темпы её внедрения, и на тех, кто жаловался на недостаток капитальных вложений и современной техники (аренда чаще всего обсуждалась в контексте мер, принимаемых в отношении сельского хозяйства) [23, с. 442–443].

Главным защитником аренды, причём именно её, а не всех реформ был П. Г. Бунич. Это объясняется тем, что он был одним из авторов реформы и участвовал в разработке законов. В феврале 1990 г. он был избран первым президентом союза арендаторов СССР [27]. В одном из своих выступлений Бунич критиковал хозрасчёт как неэффективную меру за то, что реальной самостоятельности и риска в деятельности хозрасчётных предприятий не было, а также раскритиковал идею раздачи собственности работникам, ведь тогда раздача была бы абсолютно непропорциональной. В аренде Бунич видел ключ к реальной самостоятельности и справедливой возможности передачи собственности [24, с. 89–95]. Радикальный настрой Бунича подтверждает и его выступление на II съезде народных депутатов, когда он был не удовлетворён планами правительства перевести 20 % всех предприятий на аренду за 6 лет [6, с. 520–525].

Главным выражением противоположной позиции можно считать выступление В. А. Гонтара на I съезде, где он зачитал позицию 417 депутатов-аграрников. Причины проблем сельского хозяйства они видели в неравном положении горожан и сельских жителей, поставке низкокачественных металлов и техники. Все их требования сводились к пересмотру госзаказов для села в меньшую сторону и перераспре-

деления ресурсов от города в сёла для выравнивания уровня жизни и производительности. Касательно форм собственности аграрники высказались за их многообразие, но против предпочтений какой-либо, крестьяне с их слов должны были сами выбрать то, что им удобно [24, с. 10–13]. Вопросу собственности аграрники уделили лишь несколько фраз, весь остальной текст их заявления посвящён подробностям того, что надо сделать в материальном снабжении села. Ни в аренде, ни в других новых формах собственности они не видели ключа к решению проблем.

Почти все прочие позиции, озвученные на съезде, склонялись к одной из этих двух. Несколько примеров позиций сторонников аренды: С. С. Алексеев высказываясь о необходимых реформах, отметил, что внедрение аренды – самая революционная из принятых реформ, он поддержал слова Бунича и выразил надежду скорейшего внедрения аренды на Урале [24, с. 452]. Н. П. Шмелёв высказал идею, что сдача земли в вечную аренду и распродажа госимущества – это способ извлечь лишние деньги, которые скопились у граждан из экономики [25, с. 51–55].

С. Н. Фёдоров, о котором писали «АиФ», тоже выступил в поддержку аренды, большая часть его доклада была посвящена описанию успехов, уже достигнутых его предприятием, вышедшим на аренду. Он отстаивал идею того, что нужно дать максимальную самостоятельность предприятиям, и при этом подчеркнул, что именно аренда позволяет вовремя остановить тех, кто будет заниматься эгоистическими программами [6, с. 367–370].

Несколько депутатов занимали промежуточную позицию, например В. И. Матвиенко высказала сомнение в подходе правительства к переводу на аренду убыточных предприятий и считала необходимыми предварительные капитальные вложения [6, с. 448]. Первый секретарь ЦК компартии Туркменистана С. А. Ниязов отмечал, что план перевода всех убыточных предприятий на аренду к 1991 г. без предварительных капвложений в республику и пересмотра цен приведёт к негативным последствиям [7, с. 258–259].

Наиболее разнообразны были позиции критиков. Некоторые депутаты были настроены радикально. В. Н. Степанов сказал: «Москвичи ввели в заблуждение всю Россию, весь народ путем аренды, кооперативов и прочего. Не вы ли предлагаете эти идеи Политбюро, и ЦК, и правительству, не посоветовавшись с народом?». После этих слов стенограмма фиксирует аплодисменты, следовательно, определённая часть депутатов считала аренду и другие экономические реформы антинародными [24, с. 228]. Депутат от горняков Казахстана В. Дюсембаев раскритиковал операцию выкупа арендных предприятий: «У рабочих нет сегодня денег, чтобы выкупить, но есть сила, организованность, чтобы не допустить растаскивания общенационального достояния по частным квартирам коррумпированных кооператоров и мафии, т. е. тех, у кого имеются эти деньги» [24, с. 282]. Ещё одно критическое высказывание было на II съезде от депутата А. П. Яненко, ректора Новосибирского инженерно-строительного института: «Что будет в условиях перехода многих коллективов на арендную оплату с теми, кто остается на бюджетном финансировании, что будет с библиотеками, больницами, школами и так далее? Они обречены на жалкое существование» [6, с. 375–377]. На III съезде нардепов некоторые арендные предприятия уже успели показать себя с лучшей стороны, об одном таком рассказал депутат В. И. Денисов. Он привёл неутешительные результаты зыбинского эксперимента, где весь госплемзавод перевели на аренду, после чего произошёл обвал в производстве [30, с. 252–253].

Самым необычным критиком аренды стал Г. Х. Попов. Идею сдачи земли в аренду он сравнил с положением крестьян после реформы 1861 г. и напомнил, что именно оно привело к трём революциям. Попов был против и аренды, и старых

форм хозяйствования. В сельском хозяйстве он выступал за семейные крестьянские хозяйства [25, с. 21].

Исходя из стенограмм съездов народных депутатов, видно, что их отношение к аренде было разным. Главным сторонником был один из авторов реформы, в поддержку также высказались и многие другие депутаты, как экономисты, так и сами арендаторы. Но у реформы было и немало противников. Значительная часть депутатов просто сомневались в её эффективности, но были и те, кто прямо критиковал внедрение аренды, как и прочие реформы.

Оценка аренды исследователями

Интерес к аренде у исследователей возник сразу после её внедрения, первые работы были написаны в первой половине 1990-х гг. После завершения ваучерной приватизации интерес к этой теме у соискателей на степень кандидата наук упал. Это обусловлено тем, что аренда, в том виде, в каком она возникла в СССР, уже переставала существовать. Оценки исследователей варьировались в зависимости от того, написана работа до распада СССР или после.

Работа А. Г. Белоусова – самая ранняя из рассмотренных. Исследователь положительно оценивал аренду, отметив, что переход предприятий на аренду способствует преодолению отчуждения работников от результатов их труда, которое наблюдалось при тотальном огосударствлении экономики. Возможность выкупа предприятия он назвал одним из самых мотивирующих факторов в работе, а также самым безболезненным способом разгосударствления. Наиболее глубоко им был рассмотрен вопрос того, как устанавливается арендная плата, и было отмечено, что на практике существуют случаи, когда она либо слишком незначительна, либо наоборот очень высока [3, с. 6–7, 9–10, 13].

До распада СССР написаны работы И. А. Шестериковой и О. Л. Антиповой. Шестерикова тоже высказала мысль о том, что аренда – путь к преодолению отчуждения работников и видела в ней путь к переходу к коллективной собственности на средства производства. Из всех рассмотренных работ эту можно назвать самой апологетичной, так как она полностью посвящена тому, как аренда влияла на мотивацию, и не рассматривала негативные стороны реформы [34, с. 9–10, 12].

В работе О. Л. Антиповой можно увидеть те же самые идеи, что и в двух вышеописанных. Более того, она видит в аренде основной путь к коллективной собственности. Вместе с тем она отмечает, что в ходе исследования работы предприятий общепита в Москве прямой корреляции между ростом оплаты труда и ростом эффективности не выявлено, причина, по мнению автора, была в том, что премии на деле не были привязаны к росту прибыли предприятия [2, с. 10, 13–15].

После распада СССР в работах исследователей исчезает риторика, которая была направлена на представление аренды в лучшем свете. Даже если авторы относились к аренде положительно, больше они не писали про то, какую пользу она оказывала на мотивацию и т. п. С 1992 г. исследователи стали описывать аренду нейтральнее, нежели их предшественники и сосредоточивались на описании отдельных её проявлений, недостатков и того, как их можно устранить. Исследователи практически перестали упоминать то, что аренда способствовала переходу собственности в коллективное владение. Этот вопрос попросту отпал, хотя в трех упомянутых работах этот тезис звучал. С 1992 г. упоминалось, что аренда – инструмент приватизации, но не перехода собственности в коллективное владение.

Первая рассматриваемая работа, которая была написана после распада СССР, принадлежит Л. В. Фадейчеву. Это исследование – единственное из рассмотренных, где были обозначены многие негативные стороны аренды. Фадейчев отмечал, что аренда, которая возникла в перестроечном СССР, сильно отличалась от той, которая традиционно существовала в капиталистических странах. Главное отличие в том, что

арендная плата включала в себя амортизационные отчисления, из-за чего у арендаторов почти не оставалось свободных средств для самостоятельного воспроизводства средств производства. Тем самым в отличие от аренды на западе в СССР она не способствовала интенсификации развития. Другой проблемой, которую отметил автор, являлось то, что арендные предприятия не были склонны к накоплениям и тратили все лишние средства на вознаграждение работников, из-за чего тормозилась интенсификация. Подверглись критике и краткосрочные арендные договоры, которые часто заключались в сельском хозяйстве. Исследователь также добавил, что, несмотря на отсутствие глубоких исследований по аренде, отношение к ней было почти исключительно положительным [32, с. 11, 14–15, 18–20].

О. Г. Бодров относился к аренде положительно, в своей работе он описал проблемы, которые мешали её развитию: невозможность приватизации через аренду тем, кто подписал договор об аренде после выхода закона «О приватизации». Он поддерживал идею выхода на субаренду отдельных цехов. Вместе с тем он был против насаждения аренды сверху и считал, что трудовые коллективы должны приходить к этому решению самостоятельно, а также отметил, что аренда в СССР имела искажённую форму [4, с. 8–10, 13]. Возможно, в связи с последним он и рассматривал аренду в основном как способ приватизации.

Исследование Г. В. Сапоговой можно оценить как наиболее историческое, поскольку автор рассмотрела разные периоды существования арендных отношений в России и СССР начиная с 1861 г. Описывая аренду в перестроенном СССР, исследовательница отметила такие проблемы, как годовые, постоянно перезаключаемые договора в сельском хозяйстве, приписки, завышенные плановые показатели, которые не оставляли свободных средств для реализации по договорным ценам. Ещё она отметила, что не стоит разрушать старые формы хозяйства, а арендные должны вступить с ними в конкуренцию, после проведённой приватизации, по её мнению, было целесообразно в дальнейшем сдавать имущество в аренду, чтобы у государства сохранялись контроль и возможность поддержки [29, с. 4–5, 8, 10, 12].

В оценках исследователей можно увидеть склонность положительно оценивать аренду до распада СССР, а начиная с 1992 г. их оценки стали более нейтральными. Все исследователи были более склонны отмечать проблемы в рамках своих работ, чем пресса, и у всех позиции более сдержанными, чем у любых депутатов.

Заключение

Отношение к аренде и её внедрению во время перестройки было неоднозначным. Несмотря на то, что пресса положительно оценивала эту реформу наравне с другими преобразованиями, газеты практически не затрагивали негативные стороны от внедрения аренды и критиковали только недостаточный темп внедрения. Противникам реформ пресса старалась оппонировать. И, тем не менее, на съезде народных депутатов столкнулись совершенно разные позиции, особенно отличились депутаты-аграрники, которые хоть и не высказывались против реформ, но настаивали на том, что без финансовых вливаний реформы эффекта не дадут. Были и депутаты, которые напрямую критиковали аренду, отрицали её эффективность или высказывали опасения перед негативными последствиями, которые она могла принести. Таким образом, прессе не удалось убедить население в пользе реформы по внедрению аренды, однако информационный фон оказал влияние на исследователей того периода. Год распада СССР оказался рубежом, после которого исследователи перестали в своих диссертациях упоминать те идеи, которые транслировала перестроенная пресса, и стали относиться к аренде более нейтрально. После 1991 г. исследователи в целом стали активнее отмечать недостатки, которые были свойственны арендным отношениям в перестроенном СССР.

Список источников и литературы

1. 300 ц картофеля с 1 га – чудо в условиях подмосковья или реальность? Если проявить предприимчивость... / кор. Л. Шардакова // Аргументы и факты. 1989. 11 нояб. (№ 45).
2. Антипова О. Л. Развитие арендных отношений в системе общественного питания (в переходный период к рыночной экономике) : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Антипова Ольга Львовна. М., 1991. 23 с.
3. Белоусов А. Г. Арендные отношения в материально-техническом обеспечении : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.06 / Белоусов Александр Григорьевич. Л., 1990. 18 с.
4. Бодров О. Г. Развитие арендных отношений в условиях перехода к рынку (на примере промышленных предприятий) : автореф. дис. ... канд. экон. наук : / Бодров Олег Германович. СПб.; Казань, 1993. 16 с.
5. Вместо 200 тыс. руб. убытка – 500 тыс. прибыли. "Микрохирургия урожая"/ кор. Т. Литвиненко // Аргументы и факты. 1990. 27 дек. (№ 52).
6. Второй съезд народных депутатов. Стенографический отчёт. Т. 1. М.: Издание верховного совета СССР. 1990. 641 с.
7. Второй съезд народных депутатов. Стенографический отчёт. Т. 2. М.: Издание верховного совета СССР. 1990. 688 с.
8. Говорят народные депутаты СССР. Как решить наши проблемы / подг. Н. Желнорова // Аргументы и факты. 1989. 09 дек. (№ 49).
9. День страны // Правда. 1989. 12 янв. (№ 12). С. 1.
10. Деревенские новоселья // Правда. 1989. 02 фев. (№ 33). С. 1.
11. О государственном предприятии (объединении) : Закон СССР от 30 июня 1987 г. № 7284-ХІ // Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 26. Ст. 385.
12. Известия ЦК КПСС : информ. ежемес. журнал. 1989. Вып. 2. 289 с.
13. Известия ЦК КПСС : информ. ежемес. журнал. 1989. Вып. 4. 227 с.
14. Известия ЦК КПСС : информ. ежемес. журнал. 1989. Вып. 8. 225 с.
15. Известия ЦК КПСС : информ. ежемес. журнал. 1989. Вып. 12. 225 с.
16. Известия ЦК КПСС : информ. ежемес. журнал.. 1990. Вып. 10. 225 с.
17. Известия ЦК КПСС : информ. ежемес. журнал.. 1991. Вып. 8. 225 с.
18. Кто есть кто в деревне: разговор начистоту с народным депутатом СССР Василием Стародубцевым // Известия. 1990. 14 февр. (№ 46).
19. Кто есть кто в деревне, или Как реагируют на критику // Известия. 1990. 1 авг. (№ 214).
20. Обсуждаем законопроекты. Собственность: взгляды читателей // Аргументы и факты. 1990. 27 дек. (№ 4).
21. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде : приняты на второй сессии Верховного Совета СССР 23.11.1989 : № 810-1. М.: Известия, 1990. 29 с.
22. Об экономических и организационных основах арендных отношений в СССР : постановление Совмина от 07.04.1989 № 294 // Сборник постановлений Совета Министров СССР. 1989. № 19-20. Ст. 63.
23. Первый съезд народных депутатов СССР : стеногр. отчёт. Т. 1. М.: Изд. ВС СССР, 1989. 575 с.
24. Первый съезд народных депутатов СССР : стеногр. отчёт. Т. 2. М.: Изд. ВС СССР, 1989. 480 с.
25. Первый съезд народных депутатов СССР : стеногр. отчёт. Т. 3. М.: Изд. ВС СССР, 1989. 448 с.
26. После перехода на аренду доходы крестьян в КНР увеличились в 2.5-3 раза. 10 лет по пути реформ // Аргументы и факты. 1989. 13 мая (№ 19).
27. Крушинский М. Пути аренды // Известия. 1990. 6 февр. (№ 37). С. 2.
28. Реформа: шаг за шагом // Правда. 1989. 5 янв. (№ 5). С. 2.
29. Сапогова Г. В. Организационно-экономический механизм управления арендными отношениями : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Сапогова Галина Васильевна. М., 1994. 16 с.
30. Третий съезд народных депутатов СССР : стеногр. отчёт. Т. 3. М.: Изд. ВС СССР, 1990. 422 с.

31. Об аренде и арендных отношениях в СССР : указ Президиума ВС СССР от 07.04.89 № 10277-ХІ // Ведомости Верховного Совета СССР. 1989. № 15. Ст. 105.
32. *Фадейчев Л. В.* Воспроизводство государственного предприятия на основе аренды : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Фадейчев Лев Владимирович. М., 1992. 24 с.
33. *Ханин Г. И.* Экономическая история России в новейшее время. Т. 2: Экономика СССР и РСФСР в 1988 – 1991 годах. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. 408 с.
34. *Шестерикова И. А.* Развитие коллективных форм организации и стимулирования труда на основе внутрипроизводственных арендных отношений, вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Шестерикова Ирина Анатольевна. Уфа, 1991. 19 с.
35. *Ясин Е. Г.* Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ : курс лекций. М.: Изд-во ВШЭ, 2002. 437 с.

References

1. ‘300 tskartofelya s 1 ga – chudo v usloviyakh podmoskov'ya ili realnost? Yesli proyavit predpriimchivost...’ (300 centners of potatoes per hectare – a miracle in the Moscow region or reality? If you show some enterprise...)1989, *Argumenty i Fakty* (Arguments and Facts), 11 November. (In Russ.)
2. Antipova, OL 1991, *Razvitiye arendnykh otnosheniy v sisteme obshchestvennogo pitaniya (v perekhodnyy period k rynochnoy ekonomike)* (Development of rental relations in the public catering system (during the transition to a market economy), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
3. Belousov, AG 1990, *Arendnyye otnosheniya v materialno-tekhnicheskoy obespechenii* (Rental relations in logistics), PhD thesis, Leningrad. (In Russ.)
4. Bodrov, OG 1993, *Razvitiye arendnykh otnosheniy v usloviyakh perekhoda k rynku (napriemere promyshlennykh predpriyatii)* Development of rental relations in the context of transition to a market economy (using industrial enterprises as an example), PhD thesis, St. Petersburg, Kazan. (In Russ.)
5. ‘Vместo 200 tys. rub. ubytkа – 500 tys. pribyli. Mikrokhirurgiya urozhaya’ (Instead of a 200,000 ruble loss, there was a 500,000 ruble profit. “Microsurgery of the Harvest”) 1990, *Argumenty i Fakty* (Arguments and Facts), 27 December. (In Russ.)
6. *Vtoroy syezd narodnykh deputatov. Stenograficheskiy otchyot* (Second Congress of People’s Deputies. Verbatim Report) 1990, vol. 1, Izdaniye verkhovnogo soveta SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
7. *Vtoroy syezd narodnykh deputatov. Stenograficheskiy otchyot* (Second Congress of People’s Deputies. Verbatim Report) 1990, vol. 2, Izdaniye verkhovnogo soveta SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
8. ‘Govoryat narodnyye deputaty SSSR. Kak reshit nashi problemy’ (The People’s Deputies of the USSR speak. How to solve our problems) 1989, *Argumenty i Fakty* (Arguments and Facts), 9 December. (In Russ.)
9. ‘Den strany’ (Country Day) 1989, *Pravda*, no. 12. (In Russ.)
10. ‘Derevenskiye novoselya’ (Village housewarmings) 1989, *Pravda*, no.33. (In Russ.)
11. *Zakon SSSR ot 30 iyunya 1987 g. N 7284-XI “O gosudarstvennom predpriyatii (obyedinenii)”* (Law of the USSR N 7284-XI ‘On the state enterprise (union)’)1987, 30 June. (In Russ.)
12. *Izvestiya TSK KPSS. Informatsionnyy ezhemesyachnyy zhurnal* 1989, 2 February, Izdaniye TSK KPSS publ, Moscow. (In Russ.)
13. *Izvestiya TSK KPSS. Informatsionnyy ezhemesyachnyy zhurnal* 1989, 4 April, Izdaniye TSK KPSS publ, Moscow. (In Russ.)
14. *Izvestiya TSK KPSS. Informatsionnyy yezhemesyachnyy zhurnal* 1989, 8 August, Izdaniye TSK KPSS publ, Moscow. (In Russ.)
15. *Izvestiya TSK KPSS. Informatsionnyy ezhemesyachnyy zhurnal* 1989, 12 December, Izdaniye TSK KPSS publ, Moscow. (In Russ.)
16. *Izvestiya TSK KPSS. Informatsionnyy ezhemesyachnyy zhurnal* 1990, 10 October, Izdaniye TSK KPSS publ, Moscow. (In Russ.)

17. *Izvestiya TSK KPSS. Informatsionnyy ezheemesyachnyy zhurnal* 1991, 8 August 1991, Izdaniye TSK KPSS publ, Moscow. (In Russ.)
18. 'Kto yest kto v derevne. Razgovor nachistotu s narodnym deputatom SSSR Vasiliyem Starodubtsevy' (Who is who in the village. Straight talk with USSR People's Deputy Vasily Starodubtsev) 1990, *Izvestiya*, 14 February. (In Russ.)
19. 'Kto yest kto v derevne ili kak reagiruyut na kritiku' (Who is who in the village, or how they react to criticism) 1990, *Izvestiya*, 1 August. (In Russ.)
20. 'Obsuzhdayem zakonoproekty. Sobstvennost: vzglyad ychitateley' (Discussing law-in-drafts. Readers' views on property) 1990, *Argumenty i Fakty* (Arguments and Facts), 27 January. (In Russ.)
21. *Osnovy zakonodatelstva Soyuza SSR isoyuznykh respublik ob arende N 810-1* (Fundamentals of the legislation of the USSR and the Union Republics on lease N 810-1) 1989, 23 November. (In Russ.)
22. Postanovleniye Sovmina № 294 "Ob ekonomicheskikh i organizatsionnykh osnovakh arendnykh otnosheniy v SSSR" (Resolution of the Council of Ministers No. 294 "On the Economic and Organizational Foundations of Lease Relations in the USSR") 1989, 07 April. (In Russ.)
23. *Pervyy syezd narodnykh deputatov SSSR. Stenograficheskiy otchot* (First Congress of People's Deputies. Verbatim Report) 1989, vol. 1, Izdaniye verkhovnogo soveta SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
24. *Pervyy syezd narodnykh deputatov SSSR. Stenograficheskiy otchot* (First Congress of People's Deputies. Verbatim Report) 1989, vol. 2, Izdaniye verkhovnogo soveta SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
25. *Pervyy syezd narodnykh deputatov SSSR. Stenograficheskiy otchot* (First Congress of People's Deputies. Verbatim Report) 1989, vol. 3, Izdaniye verkhovnogo soveta SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
26. 'Posle perekhoda na arendu dokhody krestyan v KNR uvelichilis v 2.5-3 raza. 10 let poputi reform' (After the transition to rented land, peasant incomes in China increased by 2.5-3 times. 10 years of reform) 1989, *Argumenty i Fakty* (Arguments and Facts), 13 May. (In Russ.)
27. 'Puti arendy uchrezhdena Novaya organizatsiya svobodnykh proizvoditeley – soyuz arendatorov SSSR' (A new organization of free producers, the USSR Union of Tenants, was established through the use of lease methods) 1990, *Izvestiya*, 06 February. (In Russ.)
28. 'Reforma: shag zashagom' (Reform: step by step) 1989, *Pravda*, no. 5. (In Russ.)
29. Sapogova, GV 1994, *Organizatsionno-ekonomicheskii mekhanizm upravleniya arendnymi otnosheniyami* (Organizational and economic mechanism for managing lease relations), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
30. *Tretiy syezd narodnykh deputatov SSSR. Stenograficheskiy otchot* (Third Congress of People's Deputies. Verbatim Report) 1990, vol.3, Izdaniye verkhovnogo soveta SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
31. *Ukaz Prezidiuma VS SSSR ot 07.04.89 N 10277-XI "Ob arende i arendnykh otnosheniyakh v SSSR"* (Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR N 10277-XI "On lease and lease relations in the USSR") 1989, 07 April. (In Russ.)
32. Fadeychev, LV 1992, *Vosproizvodstvo gosudarstvennogo predpriyatiya na osnove arendy* (Reproduction of state enterprise based on rent), PhD thesis, Moscow.
33. Khanin, GI 2010, 'Ekonomika SSSR i RSFSR v 1988 – 1991 godakh' (Economy of USSR and RSFSR in 1988 – 1991), *Ekonomicheskaya istoriya Rossii v noveysheye vremya* (Economic history of Russia in contemporary times), vol. 2, Izd-vo NGTU publ, Novosibirsk. (In Russ.)
34. Shesterikova, IA 1991, *Razvitiye kollektivnykh form organizatsii i stimulirovaniya truda na osnove vnutriproizvodstvennykh arendnykh otnosheniy, voprosy teorii i praktiki* (Development of collective forms of labor organization and incentives based on intra-production lease relations: theoretical and practical issues), PhD thesis, Ufa. 1991. (In Russ.)
35. Yasin, YeG 2002, *Rossiyskaya ekonomika. Istoki panoramy rynochnykh reform* (Russian economy. Origins and panorama of market reforms), Izd. VSHE publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 20.01.2026
Одобрена после рецензирования: 13.02.2026
Принята к публикации: 02.03.2026

The article was submitted: 20.01.2026
Approved after reviewing: 13.02.2026
Accepted for publication: 02.03.2026

Научная статья

УДК 930

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-93-108>

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ В СОВЕТСКИХ УЧЕБНИКАХ КОНЦА 1950-Х – НАЧАЛА 1960-Х ГГ.: ПОИСКИ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ АНТИКОВЕДОВ

**Сергей Борисович
Крих**

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского
Омск, Россия, krikh@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8220-9956>

Аннотация. В статье представлен анализ трансформации изложения римской истории в советских учебниках конца 1950-х – начала 1960-х гг. в контексте смены научных поколений и пересмотра идеологических установок сталинского периода. Центральным является вопрос о том, как молодые антиковеды А. Л. Кац и А. И. Немировский пытались переосмыслить и по-новому структурировать учебный материал в рамках процесса делегитимации концепта «революции рабов», укоренённого в историографической и образовательной практике с середины 1930-х гг.

Генерационный подход, использовавшийся для анализа материала, позволил показать, что новое поколение, сформированное внутри сталинского историографического канона, стремилось придать повествованию большую живость и историческую конкретность, противопоставив свой стиль унифицированному языку учебников 1930–1940-х гг. Однако это стремление вступало в противоречие с идеологическими рамками марксистско-ленинской теории, которую молодые исследователи не ставили под сомнение. В результате Кац и Немировский, сохраняя ключевые догматы о рабовладельческой формации, нередко даже более последовательно воспроизводили отдельные утверждения науки сталинской эпохи, усиливая эмоциональные и социальные характеристики положения рабов. Кроме того, обязательность цитирования «классиков марксизма-ленинизма» порождала новые противоречия между источниковедческими данными, современной историографией и идеологическими требованиями. В статье показано, что попытки построить непротиворечивый нарратив в данных условиях приводили авторов к неизбежным методологическим тупикам, проявившимся ранее всего именно в учебной литературе. Таким образом, образовательная сфера стала пространством, где проблемы с дальнейшим развитием догматизированного нарратива обнаружились раньше, чем в академической науке, и где поиск нового поколения антиковедов выявил глубинные противоречия советской исторической модели.

Ключевые слова: советская историография, история древнего Рима, историческое образование, «революция рабов», генерационный подход, антиковедение.

Для цитирования: Крих С. Б. Римская история в советских учебниках конца 1950-х – начала 1960-х гг.: поиски нового поколения антиковедов // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 1 (25). С. 93–108. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-93-108>

Сведения об авторе: С. Б. Крих – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 644077, Россия, Омская область, г. Омск, проспект Мира, д. 55.

© Крих С. Б., 2026

Scientific Article

UDC 930

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-93-108>

ROMAN HISTORY IN SOVIET TEXTBOOKS OF THE LATE 1950S – EARLY 1960S: THE SEARCH UNDERTAKEN BY A NEW GENERATION OF CLASSICAL SCHOLARS

Sergey B. Krikh

Dostoevsky Omsk State University

Omsk, Russia, krikh@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8220-9956>

Abstract. The article examines the transformation of Roman history presentation in Soviet textbooks of the late 1950s and early 1960s, in the context of a generational shift within the scholarly community and the reassessment of Stalin-era ideological paradigms. The key issue is how young scholars of Antiquity, A.L. Kats and A.I. Nemirovskiy, sought to reinterpret and reorganize learning material as part of the delegitimation process of the “slave revolution” concept as the previously dominant concept”, embedded in historiographical and educational practice since the mid-1930s.

Applying a generational approach makes it possible to show that the new cohort, formed within the confines of Stalinist historiographical principle to bring greater vividness and historical specificity to the narrative, distancing their style from the uniform, heavily schematic language typical of textbooks of the 1930s–1940s. Yet this aspiration clashed with the ideological framework of Marxist-Leninist theory, which the younger researchers did not question. As a result, while preserving the key dogmas of the slave-owning mode of production, Kats and Nemirovskiy often reproduced Stalin-era interpretations even more consistently, accentuating emotional and social dimensions of slavery. Moreover, the requirement to cite the “classics of Marxism-Leninism” introduced additional tensions between primary sources, contemporary historiography, and ideological prescriptions. The article demonstrates that attempts to construct a coherent narrative under these conditions led the authors into methodological impasses – ones that emerged primarily in the educational literature. Thus, the sphere of education became a domain in which the limitations of the dogmatized narrative manifested earlier than in academic scholarship, and where the efforts of the new generation of classical historians exposed the deeper contradictions of the Soviet historical model.

Keywords: Soviet historiography, history of ancient Rome, history education, “slave revolution”, generational approach, classical studies.

For citation: Krikh, SB 2026, ‘Roman History in Soviet Textbooks of the Late 1950s – Early 1960s: The Search Undertaken by a New Generation of Classical Scholars’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (25), pp. 93–108, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-93-108> (in Russ.)

Information about the Author: *Sergei B. Krikh* – Doctor of Science (History), Professor of the Department of General History, Dostoevsky Omsk State University, 55 Mira st., Omsk, 644077, Russia.

© Krikh S. B., 2026

Введение: постановка задачи и методика

Введение в советский исторический нарратив концепта «революция рабов» в середине 1930-х гг. оказало сильное формирующее влияние на становящуюся советскую историографию и потребовало в итоге значительных усилий по его нормализации [17; 24]. Если в том, что касалось научных работ, усилия эти можно было в той или иной степени минимизировать, обратившись к узким темам, не требовавшим обязательного упоминания «революции рабов» и его производных («революция рабов и колонов», «революционные движения...»), то в случае с учебниками, особенно относящимися к истории древнего Рима (которая сообразно с традицией, восходящей ещё к XIX в., воспринималась как рассказ об обществе, достигшем высшей точки рабовладельческих отношений), необходимо было, напротив, адаптировать сталинское высказывание к повествованию о римской истории если и не вполне органично, то как можно более быстро. В этом отношении проявил себя известный парадокс, характеризующий связь образования и науки: образование адаптирует пришедшие из науки нововведения путём упрощения, но эти упрощения затем порождают свою традицию, которая уже не может автоматически и тем более бесследно исчезнуть вместе с изменениями научных концепций. Традиция к тому времени уже сформировалась: в начале 1950-х гг. советская средняя школа более десятилетия использовала учебник по истории древнего мира [3], а для высшей школы были подготовлены отдельные учебники и по древнегреческой [27], и по древнеримской истории [19].

Таким образом, в первое послесталинское десятилетие, когда понятие «революция рабов» очевидным образом делегитимировалось в научной среде, перед авторами учебников встала задача новой организации материала по римской истории. В этом отношении особенно интересно рассмотреть, как эту задачу пытались решить представители недавно вошедшего в советскую науку нового, полностью советского поколения – А. Л. Кац (1922–1978) и А. И. Немировский (1919–2007). Следовательно, ниже будет использован генерационный подход к истории науки [см. 26]. При всех его недостатках, таких, как сложность проведения граней при выделении поколений, наличие индивидуальных траекторий, которые часто не позволяют уравнивать персональный опыт конкретного историка с жизненным опытом его поколения (например, востоковед И. М. Дьяконов (1915–1999) провёл в детстве несколько лет в Норвегии), в нашем случае использование этого подхода оправдано тем, что позволяет посмотреть, как нетривиальную задачу реформатирования исторического нарратива решали учёные, которые начали свой путь исключительно при доминировании этого же нарратива.

Для того чтобы адекватно оценивать деятельность вышеуказанных авторов, необходимо показать, от какой основы они отталкивались, и как ту же самую задачу решали представители других поколений, чему и посвящена первая часть статьи.

Контекст: поиски «старших товарищей»

Относительно комфортный вариант для решения проблемы частичной корректировки курса представляло учебно-методическое пособие В. А. Гольденберга (1900–1956), которое явилось результатом его активной методической работы в начале 1950-х гг. для студентов-заочников исторического факультета Харьковского университета и которому предшествовало несколько ранних версий. Сводная версия пособия, включавшая древний Восток, Грецию и Рим, вышла в 1956 г. тиражом 15 тысяч экземпляров.

Удобство этого пособия для корректировки позиции заключалось в том, что значительную часть его объёма занимали списки источников и литературы, указания на карты и основные даты по темам, на которые была разбита история Древнего мира, а авторский текст в полном смысле слова сводился к указаниям, на что следует

обратить внимание студентам при подготовке каждой темы: в случае с римской историей такие указания занимали не более трёх с половиной страниц на одну тему (чуть больше 6000 знаков по нашим подсчётам), как в случае описания восстания Спартака и связанных событий [1, с. 139–142]. При таком подходе Гольденбергу удалось сделать в большинстве тематических разделов сильный акцент именно на социально-экономической истории и в значительной мере поставить под контроль единой идеи данные античных источников, которые при более пространным изложении (как мы увидим далее) почти неизбежно вводили авторов учебников или в политическую историю, или в историю культуры. Последней, кстати, Гольденберг давал самые сжатые характеристики, что вызывало даже замечания рецензентов [8, с. 115], но имело до известной меры объективные основания – советской литературы, посвящённой этим вопросам, было катастрофически мало, и автор почти ничего не мог рекомендовать для чтения заочникам.

Скупость объёма и истекающее из него отсутствие деталей в изложении позволяло делать и более смелые утверждения, как, например, при характеристике первого сицилийского восстания: «Ясно осознанной цели у восставших не было» [1, с. 133]; далее по тексту приводилась цитата из Ленина, сообщающая то же самое. Студент-заочник получал аксиоматическое утверждение, которое уже не должно было в его голове быть оспорено тем фактом, что восставшие сирийцы, вообще-то, провозгласили собственное царство, а их целью, надо полагать, было отделение Сицилии от Рима. Позднее при упоминании второго сицилийского восстания Гольденберг всё-таки сообщает о попытке создания восставшими государства, но ставит это слово в кавычки [1, с. 136].

Тот же приём, но более тонко применяет автор при характеристике положения Римской империи в I в. н.э.: он перечисляет через запятую явления разного порядка («восстания легионов, волнения рабов, народно-освободительные движения в провинциях»), определяя их как симптомы обострения «социальной и народно-освободительной борьбы» [1, с. 150]; далее он также во множественном числе пишет про «заговоры рабов» (тоже в порядке перечисления), а также вводит новую тему: «борьба рабов против своих угнетателей теперь принимает другие формы (главным образом, саботаж, нанесение материального ущерба хозяйству рабовладельцев)» [1, с. 151]. Таким образом, Гольденберг пытается найти убедительный баланс между намёками на сохраняющуюся опасность рабских выступлений и объяснением, почему в Ранней империи этих выступлений не было; это же позволяло и органично объяснить распространение колоната.

Равно и положение Римской империи в III–V вв. описано таким образом, чтобы собрать воедино различные признаки нестабильности: «В области социальной кризис характеризовался, прежде всего, массовым бегством колонов и рабов с мест постоянного жительства и запустением целых областей, а также революционным движением и восстаниями в различных частях римского мира» [1, с. 156]. Эти определения обнажали прямое наследство с позднесталинским временем, когда историки, стремясь сделать тезис о «революции рабов» более убедительным, вписывали в черты этой революции рабов также и восстания в провинциях, и жалобы колонов (которые преувеличенно толковались как пассивное сопротивление): «Новым в этом движении в III веке было объединение рабов и колонов, выступавших единым фронтом против существующего строя, но ясно осознанной цели борьбы у восставших не было и теперь», из этого выводится в итоге «постепенная феодализация империи и нарастание революционного движения рабов и колонов» [1, с. 157].

В том же году вышло пособие по римской истории С. И. Ковалёва (1886–1960) и Е. М. Штаерман (1914–1991), адресованное учителям истории «для освежения и пополнения знаний» самих учителей и для повышения качества их рассказа на уро-

ках [14, с. 4]. Ковалёв написал главы до диктатуры Суллы, а кризис республики и всю историю империи написала Штаерман, которая незадолго перед этим защитила докторскую диссертацию и была одним из самых перспективных советских антиковедов. Что касается Ковалёва, то он был опытным лектором, писал учебные пособия начиная с 1920-х гг. [9], в 1930-х гг. участвовал в создании школьного учебника по Древней истории [13], а в 1948 г. опубликовал лекционный курс по истории Рима [11]. Ковалёв умел приспособлять свои взгляды к меняющимся тенденциям, но на этот раз он взял себе те главы, в которых как раз было меньше необходимости что-либо менять.

Описывая развитие рабовладения накануне восстания Спартака, Штаерман подчёркивает, что если владельцы средних вилл уже смотрели на раба как на ценность, то сверхбогатые римляне проявляли бессмысленную жестокость: это описание [14, с. 159] насыщено примерами и апеллирует к чувству гуманности читателя, что не позволяет считать его отстранённо-формальным.

Переход к империи был подготовлен, по мнению Штаерман, необходимостью развития рабовладения: согласно её представлениям, вершиной развития рабовладельческих отношений была средняя вилла; латифундии с малоэффективным хозяйством, созданные аристократами конца республики, мешали становлению этого типа хозяйствования, а изъятие земли было невозможно, пока Рим управлялся сенатской аристократией. «Таким образом, изменение государственного строя диктовалось и политическими, и экономическими интересами широких слоёв рабовладельцев Италии и провинций» [14, с. 169]. Фиксируется разрыв между интересами сельского и городского плебса в I в. до н.э., который делал невозможной победу демократической тенденции [14, с. 176]. Взаимоотношения же между средним и крупным землевладением характеризовались как переменные: уменьшившись в числе в результате кровопролитий гражданской войны, латифундиальные хозяйства снова начали расти в период Ранней империи, хотя императоры нередко казнили их собственников и конфисковывали земли [14, с. 237–238].

В целом повествование Штаерман отличает сбалансированная обрисовка положения дел в эпоху Империи, избегание картин безудержной эксплуатации, но хорошо заметна сохранившаяся от более ранней историографии тенденция не видеть наличия в римском городском обществе средней прослойки, что приводит к логическим нестыковкам: описывая высокий уровень специализации римского ремесла, Штаерман в том же абзаце говорит о непомерной дороговизне съёмных квартир в Риме и продуктов питания, частых выселениях должников, а это могло создать у читателей впечатление, что квалифицированные ремесленники также жили на грани даже не бедности, а нищеты [14, с. 245–246].

В обострении кризиса рабовладельческой экономики Штаерман отмечает роль вытесненных из производства свободных, как бы не теряя из виду прослойки городского плебса, о которой писала ранее, что свидетельствует и о продуманности её общего видения, и о проработанности методической стороны очерков; также это позволяет ей объяснить в рамках марксистского понимания истории факт стабильных пожертвований со стороны богатой верхушки на общественные нужды: ведь это позволяло сплотить бедных и богатых свободных против рабов [14, с. 265]. Кроме того, она использует ещё один повествовательный приём: сначала рассказывает о проблемах с городским самоуправлением (разорение средних землевладельцев, которые несли на себе груз муниципальных расходов привело к тому, что государство стало запрещать им менять образ деятельности) и о крупных восстаниях (например, багаудов в Галлии), изображая эти события не как следствие, а как причину политического кризиса Римской империи в III в. Достигнута эта манипуляция за счёт интересной компоновки материала: положение империи во II–III в. описано в одном очерке, и

тем самым рассказ про борьбу с отдельными крупными разбойными шайками (собственно, в источниках известны всего два таких случая – во главе с Матерном и с Буллою) и про багаудов [14, с. 270–271] в одном пункте предстаёт логичным; конечно, как и было принято в советской историографии, Матерн и Булла изображаются вождями повстанцев. Манипуляция же здесь в том, что совершенно разные движения, часто отделённые несколькими десятилетиями или происходившие в разных провинциях, будучи собраны рядом, создают впечатление единой цепи событий – приём, как и у Гольдберга, унаследованный от историографии сталинского периода, стремившейся создать базу для вывода о «революции рабов» [2]. Оттуда же происходил и тезис о сочувствии и даже помощи варварам (например, готам) со стороны «народных масс» [14, с. 278]. Вызвана прежними достижениями советской историографии, в частности, работами учителя Штаерман Н. А. Машкина [18] и идея о большем масштабе народных восстаний в V в. по сравнению с III в. [14, с. 320–321].

Чтобы подтвердить наличие различных программ и сознательности действий у разных слоёв правящего класса, Штаерман иногда применяет и умолчания: так, в одном абзаце она сообщает, что земельные магнаты были недовольны политикой династии Северов, но примирились с энергией основателя династии, а вот его сын «был убит заговорщиками» [14, с. 276], что почти наверняка создавало у читателя ложное впечатление, будто заговорщики и были из числа земельных магнатов. Интересен и приём, объясняющий стойкость христиан при гонениях III–IV вв.: историк считает, что богатые и знатные быстро уступали давлению государства, а «из числа простых христиан» отрекавшихся почти не было, они обличали своих гонителей, изливая свою ненависть к ним [14, с. 292, 302] – иными словами, классовый принцип прослеживается и здесь, а вот роль личности игнорируется.

Точно так же прослеживается и стремление объяснять основные перемены через процессы внутри каждого общества (оставшееся чертой советской науки на всём протяжении её существования): при описании варваризации римской армии из-за проблем с её пополнением в первой половине IV в. выводится преобладание варваров в войске на рубеже IV–V вв., а события, связанные с битвой при Адрианополе в 378 г. в этом контексте не упоминаются вовсе [14, с. 317–318]: читающий это учитель мог подумать, что увеличение набора варваров было полностью рациональным решением правительства; при этом сам сюжет с катастрофой, вызванной восстанием вестготов, рассказан очень подробно, но ниже, без прямой связи с рассуждениями о составе армии [14, с. 321–325]. Символично, что начиная с этого длинного рассказа и до самого конца очерка о падении Западной Римской империи Штаерман переходит к фактологии, сравнительно детально рассказывая о событиях до 476 г. Она не забывает упоминать о том, что при вторжениях варваров их обязательно поддерживали угнетённые слои римского общества, но чётко сформулированной логической цепочки причин гибели рабовладельческой формации не выстраивает; а в заключении мелькает только иллюзия формулы: «В результате народных восстаний и внешних завоеваний Западная империя пала» [14, с. 334]. Это достаточно очевидная стратегия избегания ответа на вопрос, и мы можем её объяснить: именно в 1953–1956 гг. на страницах «Вестника древней истории» происходила дискуссия вокруг статьи, в которой Штаерман предложила считать фактическим концом рабовладельческого строя (и соответственно античности) начало IV в. [29]. Возражения коллег к тому времени её явно не убедили (А. Л. Кац приводит цитату из её письма о «печальном опыте с дискуссией» [4, с. 679]), но жанр очерков, как несложно понять, не оставлял пространства для дискуссии, так что Штаерман не стала ни бороться со сложившейся хронологией, ни менять свои взгляды: события IV–V вв. описаны, но логически не вписаны в историю рабовладельческого Рима.

В те же годы происходила замена линейки школьных учебников. Полтора десятилетия в советских школах доминировал учебник под редакцией А. В. Мишулина, в заключительном параграфе которого прямо приводилась сталинская цитата о «революции рабов» [3, с. 232]. В 1954 г. в школы был направлен учебник С. И. Ковалёва (с тиражом в 2,4 млн экз.). В нём, конечно, было намного меньше предположительных суждений: например, первое сицилийское восстание описывалось без домыслов о перспективах государства у восставших [10, с. 141–142], как это делал Ковалёв в вышеохарактеризованных очерках [14, с. 115], а при описании падения рабовладения были просто изложены два основных факта (очень сходно с формулой, данной в «Очерках»): «Рим пал в результате восстаний рабов и колонов и вторжения варваров» [10, с. 171]. Всегда гибкий в теоретических вопросах Ковалёв на этот раз, как будто, не был готов строить новую сложную модель объяснения. Возможно, работая над учебником, он ещё не был уверен в том, насколько следует отказываться от суждений Сталина: слов о «революции рабов» в учебнике 1954 г. нет, но в параграфе о христианстве есть другая цитата недавнего безусловного «классика марксизма-ленинизма» [10, с. 164–165]. Соответственно, условно представители «старшего поколения» (Штаерман стоит скорее посередине между двумя основными стратами) предпочли в вопросе о конце античности не спешить с итоговыми ответами. Новое поколение, как будет показано ниже, оказалось более решительным.

Курс лекций для заочников: кейс А. Л. Каца

А. Л. Кац защитил кандидатскую диссертацию в МГУ в 1953 г., а после по распределению был отправлен в Киргизию, где преподавал в сфере заочного обучения; он сохранял связи с московской наукой, и в те годы, как свидетельствует он сам в воспоминаниях, периодически посещал столицу [4, с. 619–620]. Его избранные лекции по римской истории были напечатаны в 1959 г. скромным тиражом в 600 экземпляров, но в «Вестнике древней истории» на них появилась рецензия [21].

Можно утверждать, что Кац с большой долей вероятности не был знаком с пособием Гольденберга и, вероятно, не знал школьного учебника Ковалёва, но безусловно читал очерки Ковалёва и Штаерман, так как писал на них рецензию [7]. Не менее хорошо был ему знаком и университетский учебник Н. А. Машкина (1900–1950), по которому он учился. Ориентируясь на недавно вышедшие очерки своих коллег, молодой учёный тем не менее принял несколько иное решение по структуре своих лекций: так, он выделил две отдельные лекции по истории культуры республики и империи.

Молодой преподаватель старался работать над стилем изложения, чтобы сделать чтение своего пособия более увлекательным, иногда даже позволяя себе намекать на параллели с современностью, о чём он сообщал в мемуарах [4, с. 701–702]. Он активно использовал риторические вопросы (возможно, источником вдохновения послужили очерки Ковалёва и Штаерман [14, с. 119]). Нередко употреблял и прилагательные, которые добавляли эмоциональности: «Римляне одержали решительную победу, сравнивали с землёй красивейший город Карфаген, а его жителей продали в рабство» [5, с. 56] или о восстании буколов: «Его неуловимые участники прятались в непроходимых болотистых местах и оттуда совершали смелые налёты на богатей...» [5, с. 219–220]. Автор старался давать сжатые контрастные характеристики: «Элагабал, деливший время между гаремом и жертвоприношениями ... был в 222 г. убит взбунтовавшимися преторианцами» [5, с. 214], или о Константинополе: «Огромный богатый город, сверкавший роскошью дворцов, блеском цирковых представлений, был ярким нарядом на убогом теле империи» [5, с. 233]. Как уже можно было заметить на отрывке про Элагабала, Кац стремился кратко обрисовать биографии и характеры древнеримских деятелей (например, Тиберия Гракха, [5, с. 69–70]), что выводило их из категории обезличенных выразителей общественных сил и по-

литических партий. Иногда он выбирал стилистические решения, которые больше подошли бы для публицистики: «Солдаты прозвали его Августулом, т. е. маленьким Августом, а точнее *Августёнком*» (*курсив наш* – С.К.) [5, с. 290–291]. В этом стремлении к более живому повествованию лекции Каца сходны с лекциями Штаерман, но есть и различие: последняя почти не использует словесных украшений, стараясь увлечь читателя интересными событиями и деталями, взятыми из источников, Кац же изначально социологичен в своём повествовании и сознательно старается расцветить его указанными выше способами. Современный читатель мог бы сказать, что Кац попросту не умеет писать увлекательно, но мы должны смотреть на это с исторической перспективы: его не только никто не учил писать таким образом, но и вся образовательная среда не была на это направлена; то, что в таких условиях автор всё-таки старается сделать свой текст лучше с точки зрения читательского восприятия, говорит нам о его принципиальных установках.

С некоторой долей допущения можно утверждать, что молодой лектор относительно легко написал основной текст лекций, но перечитывая его, начал вносить уточнения и замечания, связанные с тем, что буквально в последние пять лет перед выходом лекций стали выходить исследования, в которых пересматривались взгляды советской историографии на отдельные вопросы римской истории, усвоенные им в годы обучения и аспирантуры как устоявшиеся [12; 20]. Отсюда он чувствовал определённые сомнения, которые отпечатались в тексте.

Таковы попытки балансировки вопроса о том, преобладало ли на территории Италии крупное или среднее рабовладельческое хозяйство, где он пытается примирить старые и новые подходы [5, с. 57–59], особенно примечательно следующее рассуждение: «На смену натуральному хозяйству свободных производителей в Римской республике II в. до н.э. стало приходиться хозяйство огромных поместий, латифундий, и особенно широкое распространение получили рабовладельческие виллы средней величины, где велось интенсивное хозяйство.... Рабовладельческое хозяйство становилось всё более товарным» [5, с. 59]. Т. е. растут и латифундии, и средние виллы. В другом месте в сноске Кац вообще приводит мнение защитившего в 1957 г. кандидатскую диссертацию В. И. Кузицина (1930–2013), что латифундии в полном смысле слова были редкостью (крупные землевладельцы держали чаще всего не один гигантский земельный участок, а несколько средних и мелких поместий, ведущих раздельное хозяйство [5, с. 88, примеч. 1]) – в то же время в основном тексте осталось утверждение о преобладании крупных владений, ориентированных на рынок. Похожий приём отмечает и колебания автора с датировкой восстания Спартака: в основном тексте дан 74 г. до н.э. (точка зрения А. В. Мишулина), в примечании сказано, что «некоторые советские исследователи» считают этой датой 73 г. [5, с. 88, примеч. 2]. С другой стороны, мнение Мишулина, согласно которому раскол в войске Спартака пролегал по грани между свободной беднотой и беглыми рабами, которое подвергалось критике со стороны других советских историков ещё в годы обучения Каца в университете, тоже было отправлено в примечания [5, с. 90, примеч. 1], что в общем подтверждает их функцию ссылки для менее проверенных трактовок.

Очевидно, что Кац пошёл не самым лучшим путём с точки зрения методики преподавания, особенно если учитывать ориентацию его лекций на студентов-заочников, сильно ограниченных в использовании качественной литературы: не имея времени осмыслить, что означают вместе все те отдельные корректировки взглядов на римскую историю в советской науке, он просто упоминает эти корректировки, по сути дела перенося в голову студента ту путаницу, что происходила в научной сфере. Но мы далеки от того, чтобы упрекать его за этот выбор: чтобы написать новую версию истории, её нужно писать, в том числе ошибаясь и отталкиваясь от ошибок повествования, а если бы Кац выбрал вариант полного игнорирования нова-

ций, то это означало бы уже и научную нечестность, при которой для обучающихся существует одна версия истории, а для учёных – другая. К тому же иногда у него всё-таки получалось найти относительно непротиворечивый компромисс: так, он утверждал, что последствием восстания Спартака было то, что «в ряде случаев» рабовладельцы дробили имения на участки и сдавали их арендаторам [5, с. 92] – то есть, таким образом он как бы частично учитывал и мнение Кузицина, и оставлял в силе идею крупных латифундий.

Сильным местом лекций Каца было умение в сжатом виде излагать сложные логические цепочки: так, он обрисовал противоречия, которые породило превращение Рима из полиса в державу (между аристократией и плебсом, между завоевателями и завоёванными, между провинциальной знатью и простым населением) всего на протяжении пяти абзацев [5, с. 62–63], что позволяло ему аргументированно заявлять о том, что коль скоро «базис римского общества обновился» [5, с. 63], а государственная власть ещё нет, то это повлекло за собой кризис республиканского Рима. Объяснение это восходило к идеям С. Л. Утченко (1908–1976) о кризисе Рима как кризисе полиса [28], на статью которого Кац и ставит ссылку в соответствующих местах [5, с. 64, прим. 1], но формулировку идеи одного из своих учителей Кац даёт самостоятельно. Кроме того, это объяснение позволяет Кацу обоснованно указывать на низкое качество римского управления и провинциями, и войсками во II в. до н.э. [5, с. 63–64], т. е. удачно перейти от общих формулировок к конкретным примерам. При этом заметно, что автору трудно было удержаться от перечисления многих деталей, например, списка римских провинций ко времени начала кризиса, который заочники вряд ли могли запомнить (без приложенной карты и рекомендаций по работе с ней, как это делал, например, Гольденберг). Более того, удачно сформулировав какую-либо мысль, Кац затем не всегда мог остановиться и дополнительно разворачивал её в других вариантах, что увеличило объём пособия.

Интересно и то, что, стройно объяснив социальные причины кризиса Республики, Кац встал перед той же проблемой, как и С. Л. Утченко: при таком изложении истории борьба между рабами и рабовладельцами переставала быть главной движущей силой кризиса римского общества, ею становился сам рост Римской державы. Кац эту сложность решает путём компоновки материала: в конце пассажа о причинах кризиса он ещё раз повторяет об антагонизме рабов и рабовладельцев, называя рабские войны «важнейшим выражением кризиса Римского рабовладельческого государства» [5, с. 65].

Как и Гольденберг, Кац аттестует первое сицилийское восстание как стихийное, слабо организованное и ограниченное [5, с. 68–69], высказывая к восставшим претензии в том, что они не отменили рабовладение и создали тот же тип государства, что и на эллинистическом Востоке, откуда были выходцами. При этом стремление цитировать источники и насытить повествование фактами в данном случае работает против автора: он сам приводит слова Диодора Сицилийского о том, что повстанцы не трогали мелких вилл [5, с. 67], что, вообще говоря, свидетельствует о каком-то плане действий и об организованности. Более того, после слов об ограниченности восстания Кац вынужден заметить, что «тем не менее войска повстанцев громили римлян» [5, с. 68]. Описывая второе сицилийское восстание, лектор указывает, что основные два рабских войска соединились, и один из командиров признал власть другого, но почти тут же пишет о «раздробленности сил восставших» как причине их поражения [5, с. 80–81]. Тем самым материал не вполне подчинялся обобщениям, а причина кроется, видимо, в том, что автор продолжал находиться под властью ленинских слов об ограниченности рабских восстаний и не замечал нестыковок.

Кац – один из немногих авторов, который выделил для рассказа о кризисе империи и её позднем периоде фактически треть всего объёма своего курса; и это только отчасти объясняется тем, что его кандидатская диссертация была об идеологической борьбе начала IV в. При изложении периода Кац сразу оговаривается, что ориентируется на исследования Е. М. Штаерман [5, с. 205, прим. 1], а её идея о том, что римские ветераны составляли в III в. основу муниципальной знати, вводится им в основной текст как «новые и убедительные выводы» [5, с. 208].

Приводя примеры различных восстаний и волнений на территории империи в III в., Кац резюмирует: «Рассмотренные факты свидетельствуют о том, что в III в. н.э. “низы” не хотели жить по-старому» [5, с. 220] – это очевидная отсылка к описанию революционной ситуации Лениным, тем более, что уже в следующем параграфе используется соответствующая цитата. Казалось бы, автор собирается в каком-либо виде сохранить тезис о «революции рабов», но вывод, который он делает, оказывается иным: революционная ситуация была, а революции не было, ведь Ленин писал о том, что для перерастания в революцию нужна ещё одна переменная: способность революционного класса на сильные действия, а угнетённые массы римского общества не могли объединиться, и выступления всегда носили локальный характер [5, с. 221–222, 233]. Революция произошла не в период кризиса III в., а позднее – в IV–V вв., её движущей силой «было стихийно складывавшееся взаимодействие между восстаниями угнетённых и варварскими нашествиями» [5, с. 280]; сознательный союз Кац ясно отрицал; в этой революции «не было класса-гегемона» [5, с. 281], а закончилась она гибелью антагонистических классов [5, с. 289]. Поскольку варвары принесли с собой разлагающийся первобытнообщинный строй, то его столкновения с разлагающимся рабством и породило феодализм [5, с. 6]. Итак, в этом последнем (и в некотором отношении решающем) пункте автор лекций не ушёл от ответа, а постарался найти логически и фактически непротиворечивую формулу. Как и в случае с ранней попыткой Штаерман передатировать античность, это был прообраз тех активных теоретических поисков, что расцветут в советской историографии в 1960-е гг.

Учебник для школы: кейс А. И. Немировского

А. И. Немировский, как и А. Л. Кац, был историком и преподавателем, но также и литератором. Кандидатскую диссертацию, посвящённую всадническому сословию, он защитил в 1950 г. [23, с. 177], в дальнейшем занимался в основном историей древней Италии и ранней Республики, долгое время преподавал в Воронеже. Когда был объявлен конкурс на создание нового учебника по древней истории для школ, Немировский подготовил свой текст, который тогда уступил версиям, созданным С. И. Ковалёвым и Ф. П. Коровкиным [15], но при этом после переработки в итоге вышел несколькими изданиями в качестве учебника для вечерних школ.

Очевидно, что в случае со школьным учебником (строго говоря, учебным пособием), который пусть и не имел миллионных тиражей, как учебники для средних школ, но всё-таки получил в первом издании 1962 г. двести тысяч копий, степень авторской свободы была много ниже, чем в случае с лекциями для студентов-заочников, напечатанных во Фрунзе тиражом, который не достигал и тысячи экземпляров. Некоторых начальных черт своего стиля учебник лишился именно в процессе доработки – это видно при сравнении сохранившегося черновика с опубликованной версией. Как и у Каца, у Немировского можно найти стремление к более живому повествованию, но иногда такие пассажи выглядят как случайно сохранившиеся примеры образного построения фразы: «На море свирепствовали пираты. На своих маленьких неуловимых судёнышках они совершали дерзкие нападения на торговые корабли...» [22, с. 147]. «Маленькие судёнышки», «дерзкие нападения» – это простые и при этом запоминающиеся образы, только применены они к малозначимой для учебника теме античного пиратства. Намного больший вес имели слова о Спар-

таке, в которых значение этой исторической личности подчёркнуто в возвышенных выражениях: «Ум, знания и выдающиеся способности Спартака были направлены не на завоевание чужой земли, не на порабощение других народов, а на освобождение угнетённых» [22, с. 150], причём сразу после этих слов приводились слова Ленина о Спартаке, что также должно было показать обучающимся масштаб фигуры вождя рабов. Удачным можно считать и описание римских развлечений в начале империи: «Римляне, встречавшие рукоплесканиями каждое известие о новом празднике или хлебной раздаче, меньше всего думали о восстановлении республики» [22, с. 161]. Некоторые пассажи о личностях были написаны удачнее в черновике, например, о Цезаре: «Он отличался образованностью, умом, стальной волей, холодной жестокостью и безмерной любовью к власти» [25, л. 416]. Но такая характеристика обладала отрицательным обаянием, так что в учебнике появился более короткий и бледный вариант: «человек выдающихся способностей и непомерного честолюбия» [22, с. 152].

Объём информации здесь, конечно, меньше, чем в пособиях для студентов или учителей, заметно облегчена и её подача (использование более коротких и простых по структуре предложений, минимизация терминов, имён и дат), но тем более важно обратить внимание на то, в каком направлении происходило упрощение. Например, первое сицилийское восстание Немировский объяснял через массовый сговор рабов «между собой» [22, с. 144], но не уточнял, почему они в принципе могли это сделать – ведь большая их часть была вывезена из одного региона; правда, читателю сообщалось, что восставшие создали «Новосирийское царство» [22, 144–145], так что, возможно, предполагалось, что дополнительную информацию ученикам сообщит сам учитель (в учебнике Ковалёва о сирийцах не упоминалось вовсе, [10, с. 140–141]).

Интересно и то, как Немировский пытался связать рабские восстания между собой: он выдвигает предположение, что попытка Спартака переправиться в Сицилию могла иметь целью создание «государства из освобождённых рабов наподобие государства Евна» [22, с. 149].

Новацией можно считать то, что переход от республики к империи обосновывается в том числе нуждами рациональной эксплуатации провинций [22, с. 160], ведь похожая мысль играла роль и в лекциях Каца, а важна она тем, что установление Римской империи лишается исключительно негативной оценки. Правда, это не означало, что в учебнике уменьшилась тенденция к оценке любого исторического явления с позиций классовой борьбы: в отдельном (и относительно крупном – 8 страниц из 56, посвящённых римской истории) параграфе по культуре Рима классовый характер римского общества утверждался иногда даже в ущерб фактам: «Богатые и знатные римляне, не знавшие никакого труда, проводили ежедневно по многу часов в банях (термах)» [22, с. 163] – вряд ли автор учебника мог не знать того, что римский плебс был основным посетителем терм. Кроме того, в параграфе по культуре заметна актуализация материала: при упоминании о том, что латынь стала основой ряда европейских языков, в том числе испанского, дана сноска, что на этом языке говорят в том числе кубинцы [22, с. 167, примеч. 1]; более половины страницы занято картой распространения на планете алфавитов на основе греческого и латинского [22, с. 169]; абзац про латинские слова в русском языке завершается так: «Всемирно известный крейсер “Аврора” назван именем римской богини зари» [22, с. 168].

Упадок Римской империи объяснён конспективно, что снимало вопрос хронологических неувязок, ведь по поводу прекращения завоеваний после Траяна было сказано, что «войско было нужно для подавления восстаний рабов и бедноты» [22, с. 171], словно бы эти восстания сотрясали Рим уже в первой половине II в. (о том, что это не так, обучающийся мог узнать многими страницами позднее, и вряд ли мог

критически сопоставить эти данные [22, с. 180]). Экономические причины упадка поданы также максимально просто: «Ослабевшая римская армия больше не вела завоевательных войн, поэтому поток пленных прекратился. ... Рабы обычно умирали молодыми. Количество рабов в Риме быстро уменьшалось. Рабы стали дороги, их труд – невыгодным» [22, с. 172]. Но далее Немировский предлагал трактовку, при которой находил в поздней античности новый класс: «Постепенно происходило слияние рабов и колонов в новый класс зависимых и эксплуатируемых земледельцев» [22, с. 182], и этот класс совершал «революционные выступления» [22, с. 182]. Так, можно видеть ещё одну версию постсталинской трактовки позднеантичной истории: с одной стороны, тут сохранена преемственность с «революцией рабов и колонов», с другой стороны, снято порождённое ещё словами Сталина теоретическое противоречие, при котором старый класс (рабы) оказывался революционным («классом-гегемоном») – теперь «рабы и колоны» отнесены к новому классу (очевидно, будущим крепостным). Вторжения варваров при этом поданы не как часть этой формулы, а как хронологически совпадающий параллельный процесс [22, с. 182], их вторжения помогли уничтожить рабовладельческое государство, но основной удар нанесли «народные массы» [22, с. 187].

Заключение

Конечно, поиски представителей молодого поколения историков-исследователей в сфере преподавания римской истории не были совершенно уникальны, ведь они сталкивались с теми же задачами, что и их более старшие коллеги, сохранявшие научную активность, но некоторые характерные черты всё-таки можно наметить. Видно, что для авторов нового поколения имел значение стиль повествования; не исключено, что в этом проявлялась их реакция на то сложное, часто путаное изложение материала в учебниках сталинского времени, при котором нередко забывались исторические личности и почти всегда – характеристика духа эпохи; историки 1930–1940-х гг. так сильно стремились показать, что все общества подчинены единым законам исторического развития, что в итоге породили унифицированный язык повествования, при использовании которого все общества стали выглядеть одинаковыми, неотличимыми друг от друга [16]. В противовес этому и Кац, и Немировский стремятся в своих текстах – один для студентов, другой для школьников – вернуть чувство живой истории. При этом они вполне последовательно придерживаются исходной теории, стремясь только преодолеть отдельные (как им тогда казалось) в ней нестыковки.

Можно это продемонстрировать на следующем примере: новое поколение, может быть, отказывалось от некоторых перегибов в освещении положения рабов, но в это время их точно нельзя относить к сторонникам пересмотра принципиального восприятия античности как времени господства рабовладельческой формации. Например, и Ковалёв, и Немировский приводят в своих школьных учебниках варраново деление орудий на молчащих, мычащих и говорящих, но именно Немировский утверждает при этом, что «рабовладельцы не считали рабов людьми» [10, с. 138; 22, с. 143], а в черновой (более пространной) версии учебника Немировского это суждение дополнялось эмоциональной деталью: «В пищу рабы получали хлеб и напиток, наполовину состоявший из морской воды и уксуса. Для насмешки его называли “вином”» [25, л. 381]. То есть, впитав многие характеристики античного общества, которые попали в преподавание именно в 1930-е гг., как очевидно верные, представители нового поколения были в чём-то даже более консервативны, чем их старшие товарищи.

Есть и другая общая черта. Одной из задач советского историка, создающего учебник, было внедрение в текст цитат из классиков марксизма-ленинизма, причём, коль скоро советская система преподавания исходила из того, что знание обучающе-

гося о том, что сказали Маркс, Энгельс или Ленин по поводу того или иного исторического явления или деятеля, является обязательным, то использование цитат было буквально самоцелью, а от автора зависело только то, насколько умело он сможет инкорпорировать их в повествование. В итоге эти цитаты, вероятно, не слишком запоминались учащимся, но подталкивали авторов учебников к тому, чтобы подгонять под них свои оценки. Мы ещё можем допустить, что Гольденберг сознательно избегал приводить те подробности о рабских войнах, которые бы поколебали ленинские слова о слабой организации повстанцев (и разводил в тексте примеры организации и соответствующую цитату), но анализ текста убедительно свидетельствует, что Кац в сходных случаях, наоборот, смело приводил факты рядом с цитатами, а значит, сам не видел противоречий между мнением авторитета и данными источников: он буквально на одной и той же странице цитирует слова Энгельса, как Константин провозгласил христианство государственной религией, и излагает содержание Миланского эдикта, уточняя, что в нём нет декларации о том, «что христианская вера принималась в целом» [5, с. 260]. И такое искажение видения вовсе не связано с квалификацией Каца как историка, тут дело как раз в том, что уместно назвать индоктринацией. В конце концов, все антиковеды знали, какие цитаты из Энгельса следует использовать, описывая историю христианства, но Кац обращается куда к большему кругу работ Энгельса и Маркса, а иногда даже к трудам мало писавшего об античности Ленина, используя в том числе не самые очевидные высказывания, что свидетельствует о высокой степени его теоретической подготовки. Энергичное использование чуть ли не всех возможных цитат из «классиков» в пространственных лекциях Каца ещё раз доказывает, как важно было для него выстроить непротиворечивое повествование, которое бы учитывало и мнение современной ему советской историографии, и сведения источников, и теоретические положения.

Известно, что уже в следующем десятилетии Кац поменял свою точку зрения и попробовал составить новую непротиворечивую комбинацию [6]. Это был тот путь, который проходили многие советские историки, не только антиковеды, до тех пор, пока не упирались либо в противоречия теории, либо в противоречия между теорией и фактологией – и уж во всяком случае оказывались в ситуации, при которой рассказать об этих противоречиях в учебных пособиях было уже невозможно. Мы могли видеть, что на школьном уровне этот отказ от «лишних деталей» произошёл раньше и быстрее: так, Немировский не упоминает, что вольноотпущенничество было нормой не только в позднем Риме, но даже и при республике – иначе это бы подточило аргумент, согласно которому у раба классической эпохи не было стимулов лучше трудиться; соответственно, его теория уже не может устоять без замалчивания известных автору фактов. Так, парадоксальным образом образование обнажило раньше ту проблему, с которой вскоре столкнётся и наука.

Список источников и литературы

1. Гольденберг В. А. История древнего мира: учебно-методическое пособие для студентов-заочников исторического факультета. Харьков: Изд-во Харьков. гос. ун-та им. А. М. Горького, 1956. 170 с.
2. Дмитрёв А. Д. Движение *latrones* как одна из форм классово-войсковой борьбы в Римской империи // Вестник древней истории. 1951. № 4. С. 61–72.
3. История древнего мира. Учебник для 5–6 классов средней школы / под ред. А. В. Мишулина. М.: Учпедгиз, 1940. 240 с.
4. Кац А. Л. В садах Эпикура. СПб.: Алетейя, 2024. 802 с.
5. Кац А. Л. Древний Рим (лекции в помощь заочникам). Фрунзе: Тип. химфармзавода ГАПУ Минздрава Кирг. ССР, 1959. 294 с.

6. *Кац А. Л.* Проблема падения Римской империи в советской историографии (из истории вопроса) // Вестник древней истории. 1967. № 2. С. 212–229.
7. *Кац А. Л.* [Рец. на кн.:] С. И. Ковалев и Е. М. Штаерман. Очерки истории древнего Рима. М., 1956 // Вестник древней истории. 1957. № 3. С. 216–220.
8. *Килачицкая И. Р.* [Рец. на кн.:] В. А. Гольденберг. История древней Греции и Рима. Учебно-методическое пособие для студентов-заочников. Харьков, 1952 // Вестник древней истории. 1953. № 3. С. 114–116.
9. *Ковалёв С. И.* Всеобщая история в популярном изложении. Ч. 1: Древний мир. Л.: Прибой, 1925. 144 с.
10. *Ковалёв С. И.* История древнего мира : учебник для 5–6 кл. средней школы. М.: Учпедгиз, 1954. 176 с.
11. *Ковалёв С. И.* История Рима. Л.: Изд-во ЛГУ, 1948. 808 с.
12. *Ковалёв С. И.* К вопросу о датировке восстания Спартака // Вестник древней истории. 1956. № 2. С. 12–17.
13. История древнего мира. Ч. 2: Рим : учебник для 5-го кл. неполной средней и средней школы / С. И. Ковалёв [и др.]. М.: Учпедгиз, 1935. 144 с.
14. *Ковалёв С. И., Штаерман Е. И.* Очерки истории древнего Рима. Пособие для учителей. М.: Учпедгиз, 1956. 334 с.
15. *Коровкин Ф. П.* История древнего мира. Учебник для 5-6 классов средней школы. М.: Учпедгиз, 1957. 192 с.
16. *Крих С. Б.* Древняя история и новая публицистика: о поисках нарратива в советской историографии сталинского времени // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 1 (52). С. 94–103.
17. *Крих С. Б.* «Революция рабов»: опыт историографической рефлексии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16, вып. 6 (152). URL: <https://history.jes.su/s207987840035917-7-1/>. Дата публикации: 31.08.2025.
18. *Машкин Н. А.* Агонистики, или циркумцеллионы, в кодексе Феодосия // Вестник древней истории. 1938. № 1. С. 82–92.
19. *Машкин Н. А.* История древнего Рима. М.: Госполитиздат, 1947. 680 с.
20. *Мотус А. А.* О датировке начала восстания Спартака // Вестник древней истории. 1957. № 3. С. 158–166.
21. *Мурыгина Н. Ф.* [Рец. на кн.:] А. Л. Кац. Древний Рим (лекции в помощь заочникам). Фрунзе, 1959 // Вестник древней истории. 1961. № 3. С. 140–142.
22. *Немировский А. И.* История древнего мира. 5 класс : учеб. пособие для вечерних (сменных) школ. М.: Учпедгиз, 1962. 192 с.
23. *Писаревский Н. П. А. И.* Немировский и историография античности второй половины XX века. К 80-летию со дня рождения учёного // Вестник ВГУ. Сер.: 1. Гуманитарные науки. 1999. № 1. С. 164–181.
24. *Рабинович Е. Г.* «Революция рабов» – краткая история мифа // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2018. Т. 22 (2). С. 1098–1131.
25. *Немировский А. И.* История древнего мира : учебник для 5 класса : машинопись с пометами и правкой автора, с вклеенными фотографиями и фоторепродукциями в переплёте, 1961 г. // РГАЛИ. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 34. 527 л.
26. *Сидорова Л. А.* Советская историческая наука середины XX века: синтез трёх поколений. М.: ИРИ РАН, 2008. 294 с.
27. *Сергеев В. С.* История древней Греции / под ред. Н. А. Машкина, А. В. Мишулина. М.: Госполитиздат, 1948. 552 с.
28. *Утченко С. Л.* Римское рабовладельческое общество в середине II в. до н.э. // Вестник древней истории. 1953. № 4. С. 157–165.
29. *Штаерман Е. М.* Проблема падения рабовладельческого строя // Вестник древней истории. 1953. № 2. С. 51–79.

References

1. Goldenberg, VA 1956, *Istoriya drevnego mira: uchebno-metodicheskoye posobiye dlya studentov-zaochnikov istoricheskogo fakulteta* (History of the Ancient World), Izdatelstvo Kharkovskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.M. Gorkogo publ, Kharkov. (In Russ.)
2. Dmitryov, AD 1951, 'Dvizheniye latrones kak odna iz form klassovoy borby v Rimskoy imperii' (The Latrones Movement as a Form of Class Struggle in the Roman Empire), *Vestnik drevney istorii* (Journal of Ancient History), no. 4, pp. 61–72. (In Russ.)
3. Mishulin, AV (ed.) 1940, *Istoriya drevnego mira. Uchebnik dlya 5–6 klassov sredney shkoly* (History of the Ancient World. Textbook for Grades 5–6 of Secondary School), Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatelstvo Narkomprosa RSFSR publ, Moscow. (In Russ.)
4. Kats, AL 2024, *V sadakh Epikura* (In the Gardens of Epicurus), Aleteiya publ, Saint Petersburg. (In Russ.)
5. Kats, AL 1959, *Drevniy Rim (lektsii v pomoshch zaochikam)* (Ancient Rome: Lectures for Correspondence Students), Tipografiya khimfarmzavoda GAPU Minzdrava Kirg. SSR publ, Frunze. (In Russ.)
6. Kats, AL 1967, 'Problema padeniya Rimskoy imperii v sovetskoy istoriografii' (The Problem of the Fall of the Roman Empire in Soviet Historiography), *Vestnik drevney istorii* (Journal of Ancient History), no. 2, pp. 212–229. (In Russ.)
7. Kats, AL 1957, 'S.I. Kovalev, Ye.M. Shtayerman. Ocherki istorii drevnego Rima' (S.I. Kovalev, Ye.M. Shtayerman. Essays on the History of Ancient Rome), *Vestnik drevney istorii* (Journal of Ancient History), no. 3, pp. 216–220. (In Russ.)
8. Kilachitskaya, IR 1953, 'V.A. Goldenberg. Istoriya drevnei Gretsii i Rima' (V.A. Goldenberg. History of Ancient Greece and Rome), *Vestnik drevney istorii* (Journal of Ancient History), no. 3, pp. 114–116. (In Russ.)
9. Kovalyov, SI 1925, 'Drevniy mir' (The Ancient World), *Vseobshchaya istoriya v populyarnom izlozhenii* (Universal History in Popular Presentation), part 1, Rabocheye iz-vo 'Priboy' publ, Leningrad. (In Russ.)
10. Kovalev, SI 1954, *Istoriya drevnego mira. Uchebnik dlya 5–6 klassov* (History of the Ancient World), Uchpedgiz, Moscow. (In Russ.)
11. Kovalyov, SI 1948, *Istoriya Rima* (History of Rome), Izdatelstvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta publ, Leningrad. (In Russ.)
12. Kovalyov, SI 1956, 'K voprosu o datirovke vosstaniya Spartaka' (On the Dating of the Spartacus Revolt), *Vestnik drevney istorii* (Journal of Ancient History), no. 2, pp. 12–17. (In Russ.)
13. Kovalyov, SI, Mishulin, AV, Nikolskiy, NM & Svanidze, AS (eds.) 1935, 'Rim' (Rome), *Istoriya drevnego mira* (History of the Ancient World), part 2, Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatelstvo publ, Moscow. (In Russ.)
14. Kovalyov, SI & Shtayerman, YeI 1956, *Ocherki istorii drevnego Rima* (Essays on the History of Ancient Rome), Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatelstvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR publ, Moscow. (In Russ.)
15. Korovkin, FP 1957, *Istoriya drevnego mira. Uchebnik dlya 5–6 klassov* (History of the Ancient World. Textbook for Grades 5–6 of Secondary School), Uchpedgiz publ, Moscow. (In Russ.)
16. Krikh, SB 2021, 'Drevnyaya istoriya i novaya publitsistika: o poiskakh narrativa v sovetskoy istoriografii stalinskogo vremeni' (Ancient History and New Publicism: about Searching for a Narrative in the Soviet Historiography of the Stalin Time), *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* (Perm University Herald. History), no. 1 (52), pp. 94–103. (In Russ.)
17. Krikh, SB 2025, 'Revolyutsiya rabov': opyt istoriograficheskoy refleksii' ("Slave Revolution" and historiography on periphery), *Istoriya*, vol. 16, no. 6 (152), viewed 10 January 2025, <https://history.jes.su/s207987840035917-7-1/> (In Russ.)
18. Mashkin, NA 1938, 'Agonistiki, ili tsirkumtselliony, v kodekse Feodosiya' (Agonistics or Circumcellions in the Theodosian Code), *Vestnik drevney istorii* (Journal of Ancient History), no. 1, pp. 82–92. (In Russ.)
19. Mashkin, NA 1947, *Istoriya drevnego Rima* (History of Ancient Rome), Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury publ, Moscow. (In Russ.)

20. Motus, AA 1957, 'O datirovke nachala vosstaniya Spartaka' (On the Dating of the Beginning of the Spartacus Revolt), *Vestnik drevney istorii* (Journal of Ancient History), no. 3, pp. 158–166. (In Russ.)
21. Murygina, NF 1961, 'A.L. Kats. Drevnii Rim' (A.L. Kats. Ancient Rome), *Vestnik drevney istorii* (Journal of Ancient History), no. 3, pp. 140–142. (In Russ.)
22. Nemirovskiy, AI 1962, *Istoriya drevnego mira. Uchebnoye posobiye dlya vechernikh (smennykh) shkol. V klass* (History of the Ancient World. For extension (shift-type) school), Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatelstvo publ, Moscow. (In Russ.)
23. Pisarevskiy, NP 1999, 'A.I. Nemirovskiy i istoriografiya antichnosti vtoroy poloviny XX veka' (A.I. Nemirovskiy and the Historiography of Antiquity in the Second Half of the 20th Century), *Vestnik VGU. Seriya 1. Gumanitarnyye nauki* (Proceedings of Voronezh State University. Series: Humanities), no. 1, pp. 164–181. (In Russ.)
24. Rabinovich, YeG 2018, 'Revolyutsiya rabov' – kratkaya istoriya mifa' ("The revolution of slaves": a brief history of myth), *Indoyevropeiskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*, vol. 22 (2), pp. 1098–1131. (In Russ.)
25. *Rossiiskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)* (Russian State Archive of Literature and Art), fund 3201, inventory 1, file 34, sheets 1–527. (In Russ.)
26. Sidorova, LA 2008, *Sovetskaya istoriografiya serediny XX veka: sintez tryokh pokoleniy* (Soviet Historiography of the Mid-20th Century), IRI RAN publ, Moscow. (In Russ.)
27. Sergeev, VS, Mashkin, NA & Mishulin, AV (eds.) 1948, *Istoriya drevney Gretsii* (History of Ancient Greece), Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury publ, Moscow. (In Russ.)
28. Utchenko, SL 1953, 'Rimskoye rabovladelcheskoye obshchestvo v seredine II v. do n.e.' (Roman Slave owning System in the Middle of the Second Century BC), *Vestnik drevney istorii* (Journal of Ancient History), no. 4, pp. 157–165. (In Russ.)
29. Shtayerman, YeM 1953, 'Problema padeniya rabovladelcheskogo stroya' (The Problem of the Fall of the Slave System), *Vestnik drevney istorii* (Journal of Ancient History), no. 2, pp. 51–79. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 08.12.2025
Одобрена после рецензирования: 13.02.2026
Принята к публикации: 02.03.2026

The article was submitted: 08.12.2025
Approved after reviewing: 13.02.2026
Accepted for publication: 02.03.2026

Научная статья

УДК 930

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-109-119>

ПОДГОТОВКА ДОКТОРАНТОВ В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940 – СЕРЕДИНЕ 1950-х гг.

**Темурмалик Комилджонович
Холматов**

Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия,
timur.kholmatoff@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2975-1647>

Аннотация. В центре внимания данной статьи – проблемы подготовки докторантов в Институте истории АН СССР во второй половине 1940 – середине 1950-х гг., которые были выявлены на основе отчетов этого учреждения о подготовке научных и научно-педагогических кадров, нормативной документации, а также материалов периодики. Одно из основных мест в проведенном исследовании было отведено анализу численности докторантов в послевоенное десятилетие. Полученные статистические данные позволили сделать вывод о перегруженности состава докторантуры во многом из-за большого притока прикомандированных работников из научных учреждений и вузов со всей страны (начавшегося в 1947 г.). В статье были определены условия поступления и подготовки кадров высшей квалификации. В частности, были отмечены материалы, которые научные работники должны были предоставить для зачисления, рассмотрены сроки завершения работы над докторской диссертацией и особенности индивидуальных планов. Отдельное внимание было уделено вопросу специализации докторантов. Было установлено, что в рассматриваемый период докторанты были неравномерно распределены по секторам Института истории: большая часть из них числилась в секторах по отечественной истории XIX–XX вв., в то время как ощущалась значительная нехватка высококвалифицированных специалистов по зарубежной истории нового и новейшего времени. В заключительной части статьи подчеркнуты основные выводы работы, а также отмечены перспективы дальнейших исследований по истории подготовки научных и научно-педагогических кадров в СССР, которые связаны с одной стороны с компаративистским анализом, а с другой – биографической оптикой.

Ключевые слова: Институт истории АН СССР, докторантура, прикомандированные докторанты, аспирантура, научные кадры, диссертация.

Для цитирования: Холматов Т. К. Подготовка докторантов в Институте истории Академии наук СССР во второй половине 1940-х – середине 1950-х гг. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 1 (25). С. 109–119. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-109-119>

Сведения об авторе: Т. К. Холматов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, 125047 Россия, г. Москва, пл. Миусская, д. 6, стр. 6.

Scientific Article

UDC 930

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-109-119>

DOCTORAL STUDIES IN THE INSTITUTE OF HISTORY OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES IN THE SECOND HALF OF 1940S – MID-1950S

Temurmalik K. Kholmatov

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, timur.kholmatoff@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2975-1647>

Abstract. The article is devoted to the reconstruction the problems of training doctoral researchers in history in the second half of the 1940s – mid-1950s. The historical sources of the research are the reports of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences on the training of academic personnel, regulatory documentation and periodicals. The author focuses on identifying the number of doctoral researchers in the post-war decade. The obtained statistical data shows that the doctoral program was overloaded because of the large influx of seconded staff from scientific institutions and universities from all over the country. The article also defines the conditions for admission and training of highly qualified personnel. In particular, the author examines the materials that researchers had to provide for enrollment, deadlines for completing work on a doctoral thesis and the specifics of individual plans. Regarding the specialization of doctoral researchers, the study shows an uneven distribution across the sectors of the Institute of History: most of them were listed in the sectors of history of the 19th – 20th centuries, while there was a significant shortage of highly qualified specialists in modern and contemporary foreign history. In conclusion, the author highlights the main findings of the work, as well as the prospects for further research on the training of academic personnel in the USSR, related, on the one hand, to comparative analysis, and, on the other hand, to biographical optics.

Keywords: the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR, doctoral research, secondment of doctoral researchers, postgraduate studies, academic personnel, thesis.

For citation: Kholmatov, TK 2026, 'Doctoral studies in the Institute of History of the USSR Academy of Sciences in the Second Half of 1940S – Mid – 1950s', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (25), pp. 109–119, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-109-119> (in Russ.)

Information about the Author: *Temurmalik K. Kholmatov* – PhD in Historical Sciences, Senior Researcher, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya sq., Moscow, 125047, Russia.

Введение

История формирования и развития в СССР форм и практик подготовки высококвалифицированных научных кадров по истории представляет ценность (как минимум) для более углубленного понимания крупных задач, которые ставило перед научно-исторической корпорацией партийное руководство, а также актуализации и условий развития различных специализаций в конкретный период советской эпохи. Обратившись к историографии о послевузовской системе повышения квалификации по истории, можно обнаружить, что она, во-первых, хронологически сконцентрирована преимущественно на 1920 – середине 1940-х гг., а, во-вторых, связана, прежде всего, с институтом аспирантуры [см., например, 5; 9, с. 96–118; 10, с. 84–96; 11; 25; 26; 27]. Докторантуре по истории, которая к началу 1940-х гг. уже сформировалась как форма повышения квалификации научных кадров, отчасти уделено внимание в статье Е. Н. Кушевой. В этой работе 1986 г. о подготовке кадров-историков в АН СССР в годы Великой Отечественной войны были рассмотрены условия приема и повышения научной квалификации ученых, а также дана краткая характеристика их исследовательской деятельности в период работы над докторской диссертацией [11]. Следует отметить, что в историографии о подготовке научных кадров в СССР в принципе гораздо больше внимания уделено аспирантуре, которая была более устойчивой формой повышения квалификации, просуществовавшей почти на протяжении всей советской эпохи (с середины 1920-х гг.) [1, с. 125–135; 8, с. 90–146; 12, с. 50–77; 13, с. 180–209; 30].

Тем не менее, с точки зрения комплексной реконструкции особенностей повышения квалификации научных кадров докторантура заслуживает отдельного внимания. К тому же ее изучение открывает возможность для компаративистского исследования, сравнения особенностей подготовки аспирантов и докторантов. В центре внимания данной статьи – проблемы подготовки докторантов в Институте истории АН СССР (одного из центров советской исторической науки) в послевоенный период (вплоть до устранения в 1956 г. докторантуры как формы повышения квалификации научных и научно-педагогических кадров). Данное исследование базируется на делопроизводственных материалах, прежде всего, отчетах о работе отдела аспирантуры, так как в них также были зафиксированы статистические сведения и характеристика работы докторантуры (в источниках рассматриваемого периода нередко именовалась докторской аспирантурой), а также отчеты о выполнении индивидуальных планов докторантов. Для реконструкции условий поступления и подготовки научных кадров были учтены положения об аспирантуре (в том числе положение об аспирантуре АН СССР, в которой устанавливался регламент докторской аспирантуры) конца 1930 – начала 1950-х гг. Отчасти были также привлечены материалы периодики того времени («Известия», «Труд»), которые были необходимы для понимания механизма зачисления прикомандированных докторантов.

Численность докторантов

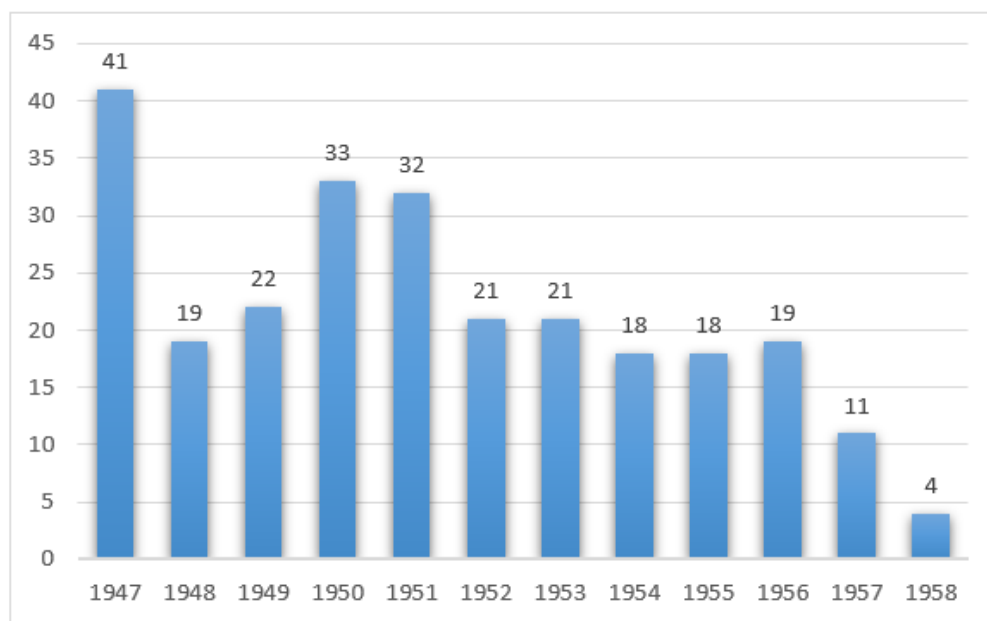
Во второй половине 1940-х гг. подготовка кадров высшей квалификации была во многом направлена на восполнение потерь научных работников в военный период, особенно в свете новых задач плановой экономики. Отдельно необходимо учитывать постепенное расширение сети научных организаций по всей стране (НИИ, филиалы и их отделения), вузов, для которых требовались специалисты высшей квалификации. К тому же систематическая подготовка докторов наук была необходима для воспроизводства научных кадров. Так, согласно положениям об аспирантуре (как в довоенные, так и послевоенные годы), научное руководство над аспирантами возлагалось на профессоров / докторов наук¹ [6, с. 300; 7, с. 282]. Следует также

отметить, что докторантура, судя по нормативной документации послевоенного периода, рассматривалась как важный инструмент качественного улучшения руководящих и профессорско-преподавательских кадров вузов (особенно на периферии) [6, с. 594–598].

В сложившихся условиях происходила реорганизация работы докторантуры (как и аспирантуры) в АН СССР как одного из ключевых центров подготовки научных кадров. Значительное увеличение потока научных работников для повышения квалификации происходило с 1947 г., когда АН СССР должна была ежегодно включать в план подготовки по 200 прикомандированных докторантов из НИИ, вузов, предприятий министерств (ведомств), академий наук союзных республик и т.д. [29, с. 24]. К этому времени численный состав докторантов (как и аспирантов) Института истории постепенно уменьшался, что в итоге позволило относительно нормализовать работу отдела по подготовке кадров, частично снять нагрузку с консультантов (и научных руководителей /кураторов). По данным Е. Н. Кушевой, к 1 января 1946 г. общий состав аспирантов и докторантов Института истории составлял 114 человек [11, с. 119], что, по всей видимости, было вызвано продлением сроков подготовки в тяжелых условиях военного времени. Для сокращения их общего числа, с одной стороны, проводились переаттестации, регулярно организовывались защиты диссертаций (в 1947 г. были защищены 5 докторских диссертаций, в 1948 г. – 7), а с другой – показатели приема других категорий докторантов (с отрывом и без отрыва от основной работы) были небольшими [14, л. 1–6; 15, л. 1–14]. Уже к началу 1948 г. общее число докторантов было сокращено более чем в два раза по сравнению с предыдущим годом [табл. 1]. Тем не менее, даже с учетом значительного сокращения в конце 1940-х гг. совокупная численность докторантов Института истории занимала одну из лидирующих позиций среди всех учреждений АН СССР [3; 4].

**Общая численность докторантов Института истории АН СССР
в 1947–1958 гг.²**

Таблица 1

В последующие годы наблюдался постепенный рост общей численности докторантов (из-за потока прикомандированных, особенно в 1949 г., когда было зачислено 12 докторантов данной категории) [16, л. 2–3, 16–17]. Уже к концу 1949 г.

большинство докторантов были прикомандированными. Следует отметить, что по совокупности всех учреждений АН СССР более половины докторантов того времени относились к данной категории. Так, к середине 1949 г. 245 из 433 докторантов АН СССР были прикомандированными [28, с. 158].

С 1952 г. наметилась обратная тенденция – сокращение общей численности докторантов в Институте истории, при этом доля прикомандированных все равно оставалась самой большой по количеству категорией. В итоге общий состав докторантов в 1952–1956 гг. был от 18 до 21, что было вызвано стремлением сотрудников института соблюсти баланс между зачисленными и выбывшими (которые подготовили диссертации к защите или были отчислены из-за несоблюдения плана). С точки зрения общей динамики полученные данные во многом схожи со сведениями о составе аспирантов Института истории АН СССР за тот же период. Пожалуй, одно из самых существенных различий связано с более длительным периодом роста численности аспирантов в начале 1950-х гг.: если количество докторантов заметно сокращалось после 1951 г. [табл. 1], то аспирантов – лишь с 1953 г. (в 1950 г. – 72 аспиранта, 1951 г. – 67, 1952 г. – 82, 1953 г. – 76, 1954 г. – 52) [17–21]. По всей видимости, данное различие было вызвано более устойчивым потоком не только прикомандированных, но также аспирантов с отрывом и без отрыва от основного места работы, а также немалым числом аспирантов научно-педагогического набора.

В итоге на протяжении всего рассматриваемого периода состав докторантуры был перегружен. В отчете 1955 г. предлагалось сократить прием в докторантуру Института истории из-за большого числа докторантов и накопившихся диссертаций, готовых к защите [22, л. 1–6] (при этом данные по числу докторантов за 1955 г. были в числе самых низких в послевоенный период). В следующем году началось значительное сокращение общей численности в связи с прекращением приема в докторантуру (после ее упразднения в 1956 г. осуществлялся переход к новой форме подготовки докторов наук [30, с. 175–181]).

Условия поступления и подготовки

Ключевые требования для зачисления в докторантуру (кроме ученой степени кандидата наук) были связаны с наличием достаточного стажа и опыта научно-исследовательской работы (что определялось комиссией по списку публикаций) и задела в работе над докторской диссертацией (для этого предоставлялся развернутый план диссертации и выполненные части исследования). Вместе с этими материалами исследователь (как и при поступлении в аспирантуру) должен был предоставить документы о высшем образовании, автобиографию, фотокарточки и характеристику с места работы. Примечательно также, что в положении об аспирантуре АН СССР (1943 г.) содержался отдельный пункт о том, что окончившие докторантуру (докторскую аспирантуру) «должны уметь пользоваться литературой по специальности на трех западноевропейских языках» [6, с. 320].

Таким образом, в докторантуру должны были поступать уже состоявшиеся ученые, которые были способны в установленный срок завершить исследование и подготовиться к защите. Однако имелись случаи зачисления в докторантуру Института истории исследователей вскоре после защиты кандидатских диссертаций, что, по всей видимости, сказывалось на сроках завершения работы. Например, Г. П. Башарин (1912–1992) начал подготовку в докторантуре Института истории в конце 1944 г. (на следующий год после защиты кандидатской диссертации) и числился в ней до 1950 г. (в 1949–1950 г. был в статусе прикомандированного докторанта). В итоге докторская диссертация на тему «История аграрных отношений в Якутии с 60-х гг. XVIII до 30-х гг. XX века» была защищена им 5 июня 1950 г.

(однако вскоре он был лишен ученой степени по идеологическим причинам, а в 1956 г. состоялась повторная защита).

Механизм зачисления прикомандированных в учреждения АН СССР можно проследить по положению 1947 г. о порядке прикомандирования научных работников [6, с. 592–593], а также объявлениям о приеме в докторантуру (например, на страницах газет «Известия» или «Труд») первой половины 1950-х гг. [23–24]. Научный работник, который стремился быть прикомандированными в докторантуру АН СССР, изначально должен был написать заявление на имя руководителя учреждения и предоставить вышеуказанные материалы (о научной квалификации, об образовании, научной степени кандидата наук и т.д.). Эти материалы, по всей видимости, направлялись в министерство (ведомство), которое курировало работу учреждения научного работника (или президиум академии наук союзной республики). Затем заявки рассматривались в АН СССР: президиум направлял их в научное учреждение, в которое предполагалось зачисление работника. В ходе рассмотрения заявок между Институтом истории и Президиумом АН СССР нередко возникали разногласия. Например, в отчете за 1951 г. отмечены нарушения установленной системы утверждения кандидатов в докторантуру, когда «Президиум АН СССР, не считаясь с мнением института, утверждает кандидатов, не удовлетворяющих требованиям, предъявляемым докторантам. А именно: зачисляет в докторантуру лиц, не имеющих опубликованных научных работ и стажа научно-исследовательской работы, не имеющих достаточно обработанного материала для завершения докторской диссертации в установленный срок» [18, л. 25].

Срок пребывания прикомандированных докторантов был рассчитан до двух лет, у остальных категорий – как правило, не более четырех (в этот срок также входила защита диссертации) [6, с. 320]. В отчетной документации Института истории чаще всего указывался срок пребывания два–три года, но по разным причинам он мог быть продлен (например, в случае тяжелой продолжительной болезни или для выхода на защиту диссертации). Так, период пребывания зачисленного в 1945 г. Д. И. Ковалевского (1905–?) неоднократно продлевался вплоть до 1951 г. (в этом году была защищена его диссертация «Борьба за Таманский плацдарм в годы Великой Отечественной войны»). В отчетной документации докторантуры имелись сведения о предоставлении ему отпуска (без сохранения содержания) ввиду тяжелой болезни сына [15, л. 13].

Индивидуальный план (и, соответственно, отчет о его выполнении) докторантов преимущественно включал в себя сведения о подготовке диссертации (в отличие от плана аспирантов, особенно в первую половину обучения, в котором уделялось пристальное внимание кандидатским экзаменам, реферату, изучению языков и т.д.). Так, в отчете за 1951 г. у докторанта (без отрыва от основной работы, срок пребывания 1949–1955 гг.) Я. С. Гросула (1912–1976), в будущем президента АН Молдавской ССР (с 1961 г.) и члена-корреспондента АН СССР (1966), отмечены сведения об утверждении плана диссертации на заседании сектора, о командировках и сборе материалов для исследования (с подробным описанием изученных архивных фондов), работе отдельных глав (с указанием объема текста), сроках завершения отдельных частей, а также ход работы над другими исследованиями, в том числе разделами для коллективного труда «История Молдавии» (1951 г., т. 1) [18, л. 63–64об.].

Довольно существенной проблемой докторантуры (как и аспирантуры) в учреждениях АН СССР рассматриваемого периода была нехватка мест в общежитиях [28, с. 159]. На министерство (ведомство), которое направляло научного сотрудника в командировку в АН СССР, возлагалась обязанность обеспечить его местом в общежитии (Москвы или Ленинграда) на весь срок пребывания [23–24]. Однако, судя

по отчетной документации Института истории, для иногородних докторантов не хватало мест [18, л. 24; 19, л. 29]. Эти обстоятельства, в частности, приводили к тому, что некоторые докторанты, хотя и числились в качестве прикомандированных, но оставались в городах по месту своего основного жительства, и контроль над их работой был затруднен.

Специализация докторантов

Докторанты (как и аспиранты) после поступления (в зависимости от избранной специализации) распределялись по секторам института. Проблема бесконтрольного зачисления прикомандированных докторантов в течение всего года во многом затрудняла планирование подготовки докторов наук по отдельно взятым специализациям, в том числе тех, которые требовались самому институту. Вместе с тем бесконтрольное распределение приводило к перегруженности отдельных секторов, особенно по отечественной истории XIX–XX вв. Например, согласно делопроизводственным источникам в 1953–1954 гг. в Институте истории было лишь четыре доктора наук, которые специализировались по истории СССР периода социализма [20, л. 13; 2, л. 49–50]. В отчете за 1952 г. из 21 докторантов 12 готовили диссертации по данной специализации (остальные – по более ранним периодам отечественной истории – 8, а также по истории Средних веков – 1) [19, л. 9]. Таким образом, имевшегося числа докторов наук для подготовки новых кадров высшей квалификации по истории СССР периода социализма было недостаточно, к тому же необходимо было руководить подготовкой аспирантов (в начале 1950-х гг. многие из них также были распределены в тот же сектор: 18 из 76 аспирантов к концу 1952 г. – началу 1953 г.). В числе наиболее востребованных докторантов также были те, которые специализировались по новой и новейшей истории зарубежных стран [20, л. 13; 21, л. 45]. Однако в докторантуре (в отличие от аспирантуры) на протяжении всего рассматриваемого периода их было совсем немного.

Существенная проблема докторантуры была связана с тематикой диссертаций. В отчетах отдела по подготовке научных кадров неоднократно подчеркивалась оторванность тем диссертаций многих докторантов от плана научно-исследовательских работ Института истории [17, л. 26–27; 18, л. 24–25; 19, л. 29–30]. Данная проблема связывалась, прежде всего, с прикомандированными докторантами, которые, как правило, работали над темами, по которым нередко отсутствовали специалисты в институте. В результате, как, например, подчеркивалось в отчетной документации о подготовке кадров в Институте истории за 1951 г., в сложившихся обстоятельствах «институт не может планировать тематику докторских диссертаций, а докторанты не помогают работе института, даже в том случае, когда их диссертации являются достаточно обоснованными и актуальными» [18, л. 25]. По-видимому, к этим обстоятельствам приводило отсутствие должной согласованности между Министерством высшего образования и Президиумом АН СССР относительно приема докторантов, что также приводило к другой ранее упомянутой проблеме – зачислению прикомандированных докторантов (как и аспирантов) на протяжении всего года и вместе с тем нарушению работы института [17, л. 26–27].

Заключение

Подводя итоги данной статьи, следует отметить, что в послевоенное десятилетие аспирантура и докторантура Института истории имели ряд схожих проблем. Прежде всего, необходимо отметить большое число как аспирантов, так и докторантов, что было одной из основных преград для оптимальной подготовки научных и научно-педагогических кадров. При этом с точки зрения состава обращает на себя внимание два различия. Во-первых, к началу 1950-х гг. в Институте истории было значительно больше (в процентном соотношении) прикомандированных

докторантов, чем прикомандированных аспирантов. Значительный приток прибывших научных работников из вузов и научных учреждений со всей страны, по-видимому, был преградой для того, чтобы в полной мере удовлетворить кадровые потребности самого Института истории по наиболее востребованным специализациям. Во-вторых, существенная разница была связана с распределением аспирантов и докторантов по секторам научного учреждения. Если в аспирантуре рассматриваемого периода готовились кадры как по отечественной истории, так и зарубежной (в основном XIX–XX вв.), то в докторантуре значительный перекоп был в сторону специалистов по отечественной истории. Разное соотношение аспирантов и докторантов по специализациям опять же во многом было вызвано спецификой практики прикомандирования.

В рамках отдельного исследования представляется перспективным сравнить полученные результаты с аналогичными данными по другим научным учреждениям АН СССР во второй половине 1940 – середине 1950-х гг., что позволит детализировать отмеченные в настоящей статье проблемы подготовки докторантов Института истории. Отдельный интерес представляет изучение подготовки кадров – историков высшей квалификации через биографическую оптику. Реконструкция персональной истории ученых, проходивших подготовку через докторантуру Института истории, вероятно, даст возможность существенно дополнить количественные сведения качественными характеристиками. В частности, предложенный ракурс позволит подробнее представить трудности подготовки не только с точки зрения сотрудников научного учреждения, но и самих докторантов.

Примечания

1. По положению об аспирантуре 1950 г. руководство над аспирантами могли также осуществлять и кандидаты наук, но в виде исключений (с разрешения Министерства высшего образования) [7, с. 282].
2. Сост. по: НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 380, 436, 501, 587, 700, 793, 892, 983, 1073, 1178, 1295, 1404.

Список источников и литературы

1. *Аллахвердян А. Г.* Динамика научных кадров в советской и российской науке: сравнительно-историческое исследование. М.: Когито-Центр, 2014. 263 с.
2. АРАН (Архив Российской академии наук). Ф. 2. Оп. 1 (1954). Д. 138.
3. АРАН. Ф. 524. Оп. 21. Д. 227.
4. АРАН. Ф. 524. Оп. 21. Д. 234.
5. *Бушуева Л. А.* Опыт подготовки научно-педагогических кадров историков в высшей школе Казани в 1920-е гг. // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2023. № 2. С. 124–134.
6. *Высшая школа : основные постановления, приказы и инструкции / сост. М. И. Мовшович; под ред. А. М. Ходжаева.* 2-е изд. М.: Сов. наука, 1948. 616 с.
7. *Высшая школа : основные постановления, приказы и инструкции / под ред. Л. И. Карпова и В. А. Северцева.* М.: Сов. наука, 1957. 656 с.
8. *Галкин К. Т.* Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. М.: Сов. наука, 1958. 176 с.
9. *Иванова Л. В.* У истоков советской исторической науки: (Подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929 гг.). М.: Мысль, 1968. 197 с.
10. *Калистратова Т. И.* Институт истории ФОН МГУ–РАНИОН (1921–1929). Н. Новгород: Нижний Новгород, 1992. 216 с.
11. *Кушева Е. Н.* О подготовке научных кадров в Институте истории АН СССР в годы Великой Отечественной войны // *История СССР.* 1986. № 3. С. 118–128.

12. Лебин Б. Д. Подбор, подготовка и аттестация научных кадров в СССР. М.; Л.: Наука, 1966. 288 с.
13. Научные кадры СССР: динамика и структура / под ред. В. Ж. Келле и С. А. Кугеля. М.: Мысль, 1991. 284 с.
14. НА ИРИ РАН (Научный архив Института российской истории Российской академии наук). Ф. 1. Оп. 1. Д. 380.
15. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 436.
16. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 501.
17. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 587.
18. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 700.
19. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 793.
20. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 892.
21. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 983.
22. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1073.
23. Объявление о порядке прикомандирования научных работников в докторантуру Академии наук Союза ССР на 1951 год // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1951. 3 февр. (№ 27). С. 4.
24. Объявление о порядке прикомандирования научных работников в докторантуру Академии наук Союза ССР на 1955 год // Труд. 1955. 5 февр. (№ 30). С. 4.
25. Скворцов А. М. От научных сотрудников II разряда к аспирантам: подготовка кадров высшей квалификации по медиевистике в Ленинграде (1920–1930-е гг.) // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2023. Т. 10, № 4. С. 59–65.
26. Скворцов А. М. Подготовка кадров высшей квалификации по античной истории в СССР 1920-х – начале 1930-х гг. // *Magistra Vitae*: электрон. журнал по ист. наукам и археологии. 2016. № 2. С. 177–184.
27. Скворцов А. М. Становление советской аспирантуры по истории в СССР в 1930-е годы: законодательное регулирование и практика // Научный диалог. 2021. № 12. С. 444–460.
28. Советская наука в ключевых понятиях эпохи : научно-популярный словарь / Е. А. Долгова [и др.], отв. ред. Е. А. Долгова; науч. ред. Д. С. Секиринский. М.: РГГУ, 2025. 664 с.
29. Топчиев А. В. Подготовка научно-педагогических кадров высшей квалификации // Вестник высшей школы. 1948. № 9. С. 24–26.
30. Цеховой Н. П. Подготовка научных и научно-педагогических кадров в СССР (1920-е – 1991 гг.) : региональный опыт. Томск: ИД Томск. гос. ун-та, 2016. 200 с.

References

1. Allakhverdyan, AG 2014, *Dinamika nauchnykh kadrov v sovetskoy irossiyskoy nauke: sravnitel'no-istoricheskoye issledovaniye* (The dynamics of scientific personnel in Soviet and Russian science: a comparative historical study), «Kogito-Centr» publ, Moscow. (In Russ.).
2. *Arkhib Rossiyskoy akademii nauk (ARAS)* (Archive of the Russian Academy of Sciences), fund 2, inventory 1(1954), file 138. (In Russ.).
3. ARAS, fund 524, inventory 21, file 227. (In Russ.).
4. ARAS, fund 524, inventory 21, file 234. (In Russ.).
5. Bushueva, LA 2023, 'Opyt podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov istorikov v vysshey shkole Kazani v 1920-ye gg.' (Training for Scientific and Pedagogical Personnel of Historians in the Higher School of Kazan in the 1920s), *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal Ipoistoricheskim naukam I arkheologii* ("Magistra Vitae": Electronic Journal of Historical Sciences and Archeology), no. 2, pp. 124–134. (In Russ.).
6. Movshovich, MI & Khodzhayev, AM (eds.) 1948, *Vysshaya shkola. Osnovnyye postanovleniya, prikazy I instruktsii* (Higher education institution. Basic regulations, orders and instructions), Sovetskaya nauka publ, Moscow. (In Russ.).
7. Karpov, LI & Severtsev, VA (eds.) 1957, *Vysshaya shkola. Osnovnyye postanovleniya, prikazy I instruktsii* (Higher education institution. Basic regulations, orders and instructions), Sovetskaya nauka publ, Moscow. (In Russ.).

8. Galkin, KT 1958, *Vyssheye obrazovaniye I podgotovka nauchnykh kadrov v SSSR* (Higher education and training of scientific personnel in the USSR), Sovetskaya nauka publ, Moscow. (In Russ.).
9. Ivanova, LV 1968, *U istokov sovetskoy istoricheskoy nauki (Podgotovka kadrov istorikov-marksistov v 1917–1929 gg.)* (At the origins of Soviet historical science (preparation of Marxist historians in 1917–1929)), Mysl publ, Moscow. (In Russ.).
10. Kalistratova, TI 1992, *Institut istorii FON MGU–RANION (1921–1929)* (The Institute of History of the Faculty of Social Sciences at MSU–RANION), «Nizhny Novgorod» publ, Nizhny Novgorod. (In Russ.).
11. Kusheva, EN 1986, 'O podgotovke nauchnykh kadrov v Institute istorii AN SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny' (On the preparation of scientific personnel at the Institute of History of the USSR Academy of Sciences during the Great Patriotic War), *Istoriya SSSR* (The History of the USSR), no. 3, pp. 118–128. (In Russ.).
12. Lebin, BD 1966, *Podbor, podgotovka I attestatsiya nauchnykh kadrov v SSSR* (Selection, training and certification of scientific personnel in the USSR), Nauka publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.).
13. Kelle, VZh & Kugel, SA (eds.) 1991, *Nauchnyye kadry SSSR: dinamika I struktura* (Scientific personnel of the USSR: dynamics and structure), Mysl publ, Moscow. (In Russ.).
14. *Nauchnyy arkhiv Instituta rossiyskoy istorii Rossiyskoy akademii nauk (NA IRI RAN)* (Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences), fund 1, inventory 1, file 380. (In Russ.).
15. NA IRI RAN, fund 1, inventory 1, file 436. (In Russ.).
16. NA IRI RAN, fund 1, inventory 1, file 501. (In Russ.).
17. NA IRI RAN, fund 1, inventory 1, file 587. (In Russ.).
18. NA IRI RAN, fund 1, inventory 1, file 700. (In Russ.).
19. NA IRI RAN, fund 1, inventory 1, file 793. (In Russ.).
20. NA IRI RAN, fund 1, inventory 1, file 892. (In Russ.).
21. NA IRI RAN, fund 1, inventory 1, file 983. (In Russ.).
22. NA IRI RAN, fund 1, inventory 1, file 1073. (In Russ.).
23. 'Obyavleniye o poryadke prikomandirovaniya nauchnykh rabotnikov v doktoranturu Akademii nauk Soyuza SSR na 1951 god' (Announcement of the procedure for seconding researchers to the doctoral program of the Academy of Sciences of the USSR in 1951) 1951, *Izvestiya Sovetov deputatov trudyashchikhsya SSSR*, 3 February, p. 4. (In Russ.).
24. 'Obyavleniye o poryadke prikomandirovaniya nauchnykh rabotnikov v doktoranturu Akademii nauk Soyuza SSR na 1955 god' (Announcement of the procedure for seconding researchers to the doctoral program of the Academy of Sciences of the USSR in 1955) 1955, *Trud* (Labor), 5 February, p. 4. (In Russ.).
25. Skvortsov, AM 2023, 'Ot nauchnykh sotrudnikov II razryada k aspirantam: podgotovka kadrov vysshey kvalifikatsii po mediyevistike v Leningrade (1920–1930-ye gg.)' (From second class researchers to postgraduates: the training of medieval scholars in Leningrad (1920s – 1930s)), *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskiye nauki"* (Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"), no. 4, pp. 59–65. (In Russ.).
26. Skvortsov, AM 2016, 'Podgotovka kadrov vysshey kvalifikatsii po antichnoy istorii v SSSR 1920-kh – nachale 1930-kh gg.' (Training of highly qualified personnel in the classical studies of the Soviet Union in the 1920s – early 1930s), *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam I arkheologii* ("Magistra Vitae": Electronic Journal of Historical Sciences and Archeology), no. 2, pp. 177–184. (In Russ.).
27. Skvortsov, AM 2021, 'Stanovleniyesovetskoyaspiranturypoistorii v SSSR v 1930-ye gody: zakonodatelnoyeregulirovaniyeipraktika' (Formation of Soviet postgraduate studies in history in USSR in 1930s: legislative regulation and practice), *Nauchnyy dialog* (Scientific Dialogue), no. 12, pp. 444–460. (In Russ.).
28. Dolgova, EA & Sekirinskiy, DS (eds.) 2025, *Sovetskaya nauka v klyuchevykh ponyatiyakh epokhi: nauchno-populyarnyy slovar* (Soviet science in main notions of the epoch: a popular science dictionary), Russian State University for the Humanities publ, Moscow. (In Russ.).

29. Topchiyev, AV 1948, 'Podgotovka nauchno-pedagogicheskikh kadrov vysshey kvalifikatsii' (Training of highly qualified scientific and pedagogical staff), *Vestnik vysshey shkoly*, no. 9, pp. 24–26. (In Russ.).
30. Tsekhovoy, NP 2016, *Podgotovka nauchnykh I nauchno-pedagogicheskikh kadrov v SSSR (1920-ye – 1991 gg.): regionalnyy opyt* (Training of scientific and scientific-pedagogical personnel in the USSR (1920s – 1991): regional experience), Tomsk State University publ, Tomsk. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию: 26.12.2025
Одобрена после рецензирования: 13.02.2026
Принята к публикации: 02.03.2026

The article was submitted: 26.12.2025
Approved after reviewing: 13.02.2026
Accepted for publication: 02.03.2026

ЭПИТЕТАЦИЯ ПРИЗНАКАМИ *СКРОМНЫЙ, РОБКИЙ* В ПОЭЗИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ

**Сергей Анатольевич
Губанов**

Поволжский государственный университет
телекоммуникаций и информатики, Самара,
Россия, gubanov5@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3011-4589>

Аннотация. Теория атрибутизации тесно связана с теорией эпитетации как одним из ее ответвлений. Если атрибутизация представляет собой логико-когнитивный процесс означивания объекта признаком, то эпитетация, также являясь когнитивным процессом, по большей мере основывается на субъективном познании предмета и наделением его «несистемным» признаком. В рамках идиостиля эпитетация приобретает отчетливые окказиональные черты. Несмотря на различие этих двух процессов, их объединяет потребность субъекта выделить основной признак объекта. Целью данной статьи является описание основных направлений эпитетации признаками *скромный, робкий* и некоторых их синонимов в поэтических текстах М. Цветаевой, сравнение атрибутизации с языковым узусом, а также выявление специфики авторского моделирования эпитета в контексте основных идиостилевых принципов поэтического мышления. Материалом для исследования послужило собрание сочинений М. Цветаевой, Словарь поэтического языка Марины Цветаевой; для характеристики сочетаемостных свойств и узуального употребления прилагательных привлекались данные словаря русского языка, Национального корпуса русского языка. Эпитетные комплексы отбирались методом сплошной выборки и далее подверглись стилистическому и когнитивному анализу, а также статистической обработке. В результате проведенного исследования установлено, что в поэтических текстах М. Цветаевой сохраняются характерные для узуса и русского менталитета коннотации скромности и кротости как важного для человека внутреннего чувства самоограничения, однако присутствуют и авторские направления эпитетации, среди которых олицетворение посредством данных прилагательных природных объектов и абстракций. Скромность и робость связываются с гордостью, кротость же оценивается в качестве абсолютного показателя покорности и смирения. Основными направлениями эпитетации следует признать метонимическое и окказиональное метафорическое.

Ключевые слова: эпитет, эпитетация, эпитетный комплекс, концепт «скромность», концепт «робость», Марина Цветаева, идиостиль.

Для цитирования: Губанов С.А. Эпитетация признаками *скромный, робкий* в поэзии М. Цветаевой // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 1 (25). С. 120–129. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-120-129>

Сведения об авторе: С.А. Губанов — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 443010, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Л. Толстого, 23.

Scientific Article
UDC 81.373.47
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-120-129>

EPITHETATION WITH THE ATTRIBUTES *MODEST* AND *TIMID* IN THE M. TSVETAeva'S POETRY

Sergey A. Gubanov

Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russia
gubanov5@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3011-4589>

Abstract. Attribution theory is closely related to epithet theory as one of its branches. While attribution is a logical-cognitive process of designating an object with a characteristic, epithetation, also a cognitive process is largely refers to the subjective perception of the object and endowing it with a non-systemic attribute. Within the framework of individual style, epithetation acquires distinct occasional attributes. Despite the differences between these two processes, they have one thing in common – the subject's need to identify the object's primary feature. The article examines the main trends in the use of the epithetation of attributes modesty and timidity in the M. Tsvetaeva's poetic texts, compares attribution with linguistic usage, and identifies the specifics of the author's modeling of the epithet in the context of the main individual style principles of poetic worldview. The collected works of M. Tsvetaeva and the Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva serve as the material for the study. To characterize the combinability properties and common usage of adjectives, the author uses data from the Dictionary of the Russian language and The Russian National Corpus. Epithet complexes selected by continuous sampling are subjected to stylistic and cognitive analysis, as well as statistical processing. The result of the research reveals that M. Tsvetaeva's poetic texts retain the connotations of modesty and meekness, characteristic of Russian usage and mentality, as an essential human inner sense of self-restraint. However, there are also authorial distinctive epithetical approaches, including the personification of natural objects and abstractions through these adjectives. Modesty and timidity are associated with pride, while meekness is an absolute indicator of submission and humility. The author proposes to recognize the metonymic and occasional metaphorical as the main directions of epithetization.

Keywords: epithet, epithetation, epithet complex, the concept 'modesty', the concept 'timidity', Marina Tsvetaeva, individual style.

For citation: Gubanov, SA 2026, 'Epithetation of the Attributes *Modest*, *Timid* in the M. Tsvetaeva's Poetry', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (25), pp. 120–129, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-120-129> (in Russ.)

Information about the Author: Sergey A. Gubanov — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, 23, L. Tolstoy Str., Samara, 443010, Russia

---

© Gubanov S.A., 2026

Введение

Атрибутизация как процесс наделения объекта тем или иным качеством является одним из основных механизмов познания. В языке атрибутизация сочетается с предикацией, что делает признак центральным элементом высказывания (ср. *горячий кофе*, где *горячий* – один из признаков кофе, представленный в отвлеченном значении и *кофе горячий* – основной признак кофе, актуальный здесь и сейчас), порождает регулярную многозначность [2; 4]. При этом часто на периферии лингвистической мысли остается связанный с данными процессами механизм эпитетации. Эпитетация представляет собой разновидность атрибутивно-предикативного ранжирования признаков объекта, зависимость от субъективных факторов выбора признака. Необходимо признать, что и логико-когнитивный процесс атрибутизации не исключает субъективность, однако опирается на всеобщие, постоянные свойства объекта, которые позволяют их устойчиво с ним ассоциировать, идентифицировать по ним предмет.

Основным средством экспликации атрибутивной семантики в русском языке следует признать имя прилагательное [3; 7]. Если же говорить шире, то корпус признаков слов составляет языковой арсенал вербализации атрибутивного смысла от адъективов до наречий, местоимений и субстантивов. При этом семантическая гибкость признаков слов позволяет им не только выразить огромный спектр признаков, но и модифицировать свои значения (ср. *тяжелая сумка*, *тяжелый урок*, *тяжелая новость*, *тяжелый характер*). Наличие прототипического знания об объекте позволяет выделить в нем основные и второстепенные признаки, актуализировать нужный смысл.

Н. Е. Сулименко, рассматривая когнитивно-дискурсивную природу имени прилагательного, отмечает, что субъективность и объективность признака, их существенность для субъекта и несущественность, часто ассоциируемые с эпитетом и не эпитетом, во многом условны: такие признаковые значения относительных прилагательных, как «являющийся чем-то», «содержащий что-то», «каузирующий что-то» и т.д., чаще имеют очень абстрактное значение [16, с. 19]. Признак неотделим, зависим от объекта, он, в отличие от глагольного предикативного признака, является неизменным, постоянным, устойчиво связанным с определяемым. С другой стороны, именно признак несет в себе новую информацию об объекте: в прилагательном заключено то, ради чего строится высказывание, поэтому модальность, перцептивность, эмоциональность, оценочность необходимы для такого признака, а это уже – показатель изменчивости этого свойства. Эмпирические и рациональные признаки, как подчеркивает Н. Е. Сулименко, условно разделены учеными на эти два типа, «поскольку они отражают две взаимообусловленные ступени в концептуализации мира. Но у качественных прилагательных прототипическим, доминантным признаком выступает перцептивность, признак субъективной характеристики является выделенным на всех уровнях языка...» [16, с. 27].

Обратимся к пониманию сущности эпитетации в лингвистике. Стоит отметить, что эта проблема сопряжена с основной задачей эпитетологии – определением эпитета. Не вдаваясь в разнообразие трактовок эпитета, укажем на то, что в работе эпитет понимается широко как любой тип признаков лексем, в которых присутствует указание (актуализация) на особый признак, важный в данном контексте [6; 8, 9; 17; 18]. Поскольку эпитет – это главная, новая информация об объекте, именно на него неизменно обращается внимание в составе эпитетного комплекса. Сам же эпитетный

комплекс состоит из эпитета и определяемого слова, что можно считать прототипической схемой метафорообразования со сферой-источником и сферой-целью.

Кратко остановимся на критериях выделения эпитета как единицы речи и принципах эпитетации. Основной, объективный признак является устойчивым, существенным, неоценочным. Иногда к такому определению применяется термин *нормативный (узуальный) эпитет*, что, на наш взгляд, расширяет границы эпитетации и не дифференцирует логическое определение и эпитет. Скорее, речь идет о том, что при атрибутизации выделяется нормативный, «идеальный» признак с общей для носителей языка перцептивной и понятийной основой: «качество – это определенность объекта, составляющая внутреннее основание всех его изменений. Качество есть то, благодаря чему предмет на протяжении какого-то времени является тождественным самому себе предметом, в той или иной степени отличным от других предметов и с коренным изменением чего он перестает быть таковым – становится другим предметом» [12, с. 4]. Эта определенность, отграниченность вещи от другой вещи является онтологическим признаком бытийственности объекта.

Признак, на который обращает внимание говорящий в процессе эпитетации, отличается такими качествами, как непостоянство, случайность, выразительность, оценочность, интенсивность, метафоричность, эмотивность, образность, орнаментальность, уточнение основного признака и т.д. Все данные критерии не являются одинаково значимыми. Так, орнаментальность (украшение речи, придание ей особой тональности, окраски) и выразительность являются очень общими понятиями, вербализуемыми различными средствами. Функция уточнения основного признака является одной из многих, однако далеко не всегда автор преследует цель детализации признака. Другие критерии связаны друг с другом: установить случайность признака можно лишь контекстуально и субъективно, непостоянство является онтологическим свойством признака при эпитетации, поскольку любой эпитет отражает временность и ситуативность восприятия объекта. Экспрессивность же, понимаемая широко как единство эмотивности, оценочности, интенсивности и образности, покрывает то свойство эпитетации, которое можно именовать дополнительным признаком. Данный признак формируется в результате лингвокреативной деятельности субъекта и выражает его способность ранжировать признаки в зависимости от ситуации.

Эпитетация представляет собой когнитивно-семантический процесс, основанный на субъективном восприятии объекта на основе его признаков и актуализации их значимости.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили поэтические тексты М. Цветаевой [19], а также Словарь поэтического языка Марины Цветаевой [14]. Для характеристики сочетаемостных свойств и узуального употребления прилагательного *дерзкий* привлекались данные словаря русского языка (МАС) [15], Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [11].

Объем выборки составил 58 единиц, включающих эпитетные слова *скромный, робкий, застенчивый, кроткий* в составе эпитетных комплексов, в поэтических текстах М. Цветаевой.

Объектом анализа в статье являются эпитетные комплексы, содержащие признаки *скромный, робкий, застенчивый, кроткий* в качестве эпитетного элемента. Предметом исследования выступают направления эпитетации объектов признаками

скромный, робкий, застенчивый, кроткий в составе эпитетных комплексов и их идиостилевая специфика в текстах М. Цветаевой.

Единицы отбирались автоматически методом сплошной выборки. Найденные единицы подверглись стилистическому и когнитивному анализу, а также статистической обработке (простой количественный подсчёт), в ходе которой была выявлена частотность употребления лексем в составе поэтического идиостиля поэта.

Результаты

Целью работы является описание основных направлений эпитетации признаками общего семантического поля *скромность / робость* в поэтических текстах М. Цветаевой, сравнение атрибутизации с языковым узусом, а также выявление специфики авторского моделирования эпитета в контексте основных идиостилевых принципов поэтического мышления.

Язык поэтических текстов М. Цветаевой отличается разнообразие лингвистических приемов актуализации атрибутивных смыслов, что связывается с особым пониманием эпитета поэтом: «...я день (у стола, без стола, за мытьем посуды или головы и т.д.) ищу эпитета, т. е. одного слова...» [19, т. 7, с. 293]. О. Г. Ревзина отмечает, что метафора в текстах поэта строится на постоянной смене точки зрения на объект, на выделении нового признака: «неситуативные метафоры, отнесенные к одному и тому же объекту... могут полагать в качестве конститутивного разные признаки и соответственно провоцировать разные точки зрения. ... Что касается ситуативных метафор, то теоретически они допускают ничем не ограничиваемое разнообразие образов и точек зрения»: *тысячегрудая могила братская* и *кифара* [13, с. 11].

Одним из центральных понятий для творчества М. Цветаевой является понятие человека, следовательно, можно говорить об антропоцентричности ее текстов, что подтверждается данными цветаеведов и лингвистов: поэт познает мир, пропуская его через себя [8; 9; 10; 13]. При описании себя и другого поэт прибегает к метонимической и метафорической эпитетации. Особенно это частотно относительно социально-коммуникативных признаков, обозначающих характер человека, его эмоциональное состояние. В когнитивной лингвистике закрепилось мнение о том, что живые существа, человек, обладают «эксклюзивными» признаками, свойствами, описывающими целостный объект, они прототипически характеризуют человека и проявляются в закрепленных за ними частях тела (*злое сердце, упрямый подбородок*, но не наоборот). В связи с этим ниже будет рассмотрена эпитетация таким типом признаков, которые характеризуют человека, его нрав и поведение (ср. *кроткие глаза, робкая походка*).

Охарактеризуем понятия скромности и робости в понятийном плане и их представленность в русском языковом сознании.

Скромность представляет собой этический концепт и идеальную норму поведения (внешнее проявление в социуме), и внутренне осознанный выбор, осознание чувства меры, что приводит к смирению, покорности. В русском языке эталон скромности – «обобщенный, собирательный образ скромной девушки в русском языке по текстовым данным с помощью эталонов можно представить так: Она была скромна, как агнец, как полевой цветок, как ромашка, как василек во ржи, как нежная фиалка, как Дюймовочка, как мышка. Этот образ в целом положительный. Образ скромного мужчины в основном представлен иронично: Скромнен, как барышня, как красна девица, как полевая гвоздика, как фиалка, как агнец, как мышь. Положительный образ: скромнен, как герой, как истинно великий человек. Скромный человек, понимаемый как *тихий*, ассоциируется с водной стихией» [5, с. 54].

В словаре русского языка приводятся следующие значения слова *скромный*: «1. Лишенный тщеславия, высокомерия, не выставляющий напоказ своих достоинств, заслуг. 2. Сдержанный в обращении, поведении, в словах, поступках. 3. Не бросающийся в глаза, не привлекающий особенного внимания, простой. 4. Обычный, рядовой (о должности, профессии). 5. Небольшой, незначительный. *Скромные требования. Скромные заслуги. Скромные доходы*» [15]. Синонимами адъектива *скромный* выступают лексемы *воздержанный, умеренный, непритязательный, невзыскательный, скудный, благонравный, благопристойный, чинный* [1].

Отметим в целом положительную коннотацию прилагательного, однако скромность как отсутствие чего-то осмысливается как скудость (*скромный ум, скромные успехи*). Такая двойственность семантики отражается и в Национальном корпусе русского языка, где определяемые слова представлены как эталонные (*труженик, девушка, дом, квартирка, жилище*), так и негативно оцениваемые (*размер, должность*), тогда как сочиненные прилагательные отражают позитивное восприятие признака: *застенчивый, тихий, молчаливый, честный, трудолюбивый, простой, робкий, приличный* [11].

Прилагательное *робкий* в большей степени отражает такую черту поведения человека, как страх, боязнь, внутреннюю неуверенность в себе: ср. *скромные успехи*, но не *робкие*. Синонимами *робкому* приводятся адъективы *боязливый, страшливый, малодушный, пугливый, трусливый, трепетный* [1], а в словаре даются значения: «1. Несмелый, боязливый. 2. перен. Проявляющийся не в полную силу, слабо или редко» [15]. С одной стороны, робость воспринимается в целом положительно, но обращается внимание на то, что ее присутствие делает человека безынициативным, нерешительным. В Национальном корпусе русского языка сочиненные прилагательные с данным адъективом отражают сущность его семантики: *застенчивый, неуверенный, нерешительный, забитый, стыдливый, неловкий, пугливый, малодушный, несмелый* [11].

Еще два близких по значению прилагательных *кроткий* и *застенчивый* отражают детализацию значений рассматриваемых концептов. *Кроткий* определяется как «незлобивый, уступчивый, покорный» [15]. Кротость – выражение смирения, покорности: см. сочиненные прилагательные: *смиранный, смиренный, тихий, терпеливый, покорный, послушный*. Кротость, в отличие от робости, понимается в большей степени позитивно: *миролюбивый, нежный, ласковый, снисходительный*. С кротостью ассоциируется *нрав, улыбка, ангел, агнец, овечка, лик* [11]. Синонимами кротости будут значения безобидности, добродушия, мягкости, смирения, скромности, терпеливости [1]. Кротость и скромность наиболее близки.

Застенчивость ближе к робости: «робкий, несмелый, стыдливый в обращении» [15]. Застенчивыми именуется не только *улыбка, румянец* или *юноша, паренек*, но и *робость, неловкость, скромность, гордость* [11], что говорит о тенденции к интенсификации данного смысла. Именно стыдливость, смущение и неловкость как амбивалентные черты характера выходят на первый план при вербализации данного смысла.

В поэтических текстах М. Цветаевой эпитетация с участием рассматриваемых признаков происходит регулярно. Приведем количественные данные употребления прилагательных на основе словаря поэтического языка.

Прилагательное *скромный* употреблено 15 раз, наречие *скромно* – 3 раза [14, т. 4, кн. 1, с. 434]; прилагательное *робкий* употреблено 16 раз, тогда как субстантив

робость – 13 [14, т. 4, кн. 1, с. 154–155]; адъектив *кроткий* упомянут 18 раз, наречие *кротко* – 3 раза (слово *кротость* – 10) [14, т. 2, с. 393]; прилагательное *застенчивый* употреблено дважды (также представлено сложное слово *застенчиво-юный*) [14, т. 2, с. 201].

Регулярность метонимических переносов атрибутивного типа отмечается, как и в узусе, в текстах поэта: результирующий тип метонимии заключается в переносе признака с человека, черты его характера на его действие (*застенчивый человек – застенчивая просьба*): *Словно просьбы застенчивой ради, // Повторился последний аккорд* [19, т. 1, с. 27].

Скромность ассоциируется у поэта со стоическим идеалом обуздания своих чувств: *Так, скромные, богоугодные, // Душой и телом – благородные* [19, т. 1, с. 493], а также со скромным бытом, доходящим до нищеты: *О, скромный мой кров! Нищий дым!* [19, т. 1, с. 537]. Скромность и гордость идут вместе: *Вы, как все самородные слитки, // Так невольно, так гордо скромны* [19, т. 1, с. 26]. Скромность – это благородство, то, что дано вечно (вещественная метафора).

Робость атрибутивно осмысливается поэтом в двух направлениях: это внутренняя робость, являющаяся модификацией гордости: *Гордость и робость – родные сестры* [19, т. 2, с. 55], и внешнее ее выражение в виде походки, взгляда, шага, артефактов: *Робок – шаг, // Долю – зрак* [19, т. 3, с. 336]; *И синий взгляд, пронзитель и робок* [19, т. 1, с. 314]. Робость – это вор, что несвойственно языковому употреблению: *Робкая как вор, // О – ни души не задевая!* [19, т. 2, с. 369]. Авторскими следует признать модели эпитетации признаком *робкий* ночи: *Ты думаешь, робка // Ночь – и ушла с рассветом?* [19, т. 2, с. 206], и обмана: *К забывшей душе неуверенно-робкой походкой // Приближается прежний обман* [19, т. 1, с. 84].

Эпитетация признаком *кроткий* предстает достаточно разнообразной по своим направлениям. Частотность языковой метафоры *кроткие глаза*, возникшей в результате метонимизации значения признака в рамках взгляда как основного выразителя характера человека, объяснима: *Промеж грозных, промеж кротких очей* [19, т. 3, с. 204], так же, как и эпитетный комплекс *кроткий лик* демонстрирует узальность: *Темной капеллы, где плачет орган, // Близости кроткого лика!..* [19, т. 1, с. 69]. Однако детализация объекта развивает и уточняет область проявления признака, *кротость* связывается с оленем: *Кротчайший – с глазами оленя – Георгий!* [19, т. 2, с. 42]. Признак распространяется на нетипичные для узуса части тела: *То не черных две косы, служанки кроткие* [19, т. 3 с. 241], а также на артефакты: *Сапожком – робким и кротким* [19, т. 2, с. 17]. Сближение близких по смыслу эпитетов служит задаче интенсификации признака.

Эталонами *кротости* (*скромности*), выступают не только традиционные символы, но и авторские. Как правило, употребление формы *кротче* способствует переходу через эталон (стратегия безмерности): *Встанет, белого овна кротче* [19, т. 3, с. 581]; *Замертво павшей клячи // Кротче!* [19, т. 3, с. 614]; *Шедший кротче тельца* [19, т. 3, с. 620]. Сема интенсивности проявления признака актуализируется за счет олицетворения солнца: *Отрешеннее и кротче // Солнце – к ночи* [19, т. 2, с. 14].

Заключение

Эпитетация представляет собой логико-когнитивный, креативный процесс наделения признаком объекта. Признак является носителем субъективно значимой информации, мотивирован только контекстуально.

Эпитетация в идиостиле М. Цветаевой отражает как национально закрепленные символические смыслы концептов *скромность* и *робость*, так и имеет яркую идиостилевую специфику. Признак *скромный* понимается как выражение глубинной сущности человека, неизменно связывается с гордостью, благородством. Робостью наделяются не только метонимические заместители человека, но и абстракции (обман), душа, что говорит о метафоризации признака и его передвижении в сторону несвойственной ему концептуальной сфере. *Кроткий* воспринимается поэтом в качестве абсолютного свойства непритязательности, что выражается в использовании формы *кротче* в составе суперлативных конструкций.

Перспективы дальнейшего исследования связываются с описанием всего корпуса эпитетных слов в идиостиле других писателей в когнитивно-семантическом аспекте с целью выявления основных направлений эпитетации и их роли в конструировании авторской модели мира.

Список источников и литературы

1. *Абрамов Н. А.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Рус. словари, 1994. 499 с. Электрон. версия печ. изд. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/slovar-sinonimov> (дата обращения: 24.11.2025).
2. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 366 с.
3. *Арнольд И. В.* Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта; Наука, 2002. 384 с.
4. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 338 с.
5. *Богданова Л. И., Сюй Лиунь* Культурные эталоны скромности в русском и китайском языках // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27, № 3. С. 43–61.
6. *Булахова Н. П., Сквородников А. П.* К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2 (9). С. 122–143.
7. *Виноградова С. А.* Пластичность семантики признаков слов // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. 2021. № 4 (71). С. 30–38.
8. *Губанов С. А.* Прониминативный эпитетный комплекс как часть эпитетной парадигмы в прозе М. Цветаевой // Тульский научный вестник. Сер.: История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 122–129. URL: <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-122-129>
9. *Губанов С. А.* Эпитетный комплекс в текстах Марины Цветаевой // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 32–40.
10. *Зубова Л. В.* Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. 264 с.
11. *Национальный корпус русского языка:* [онлайн-коллекция текстов на русском языке]. М., 2003–2025. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 24.11.2025).
12. *Панфилов В. З.* Категории мышления и языка. Становление и развитие категории качества // Вопросы языкознания. 1976. № 6. С. 3–18.
13. *Ревзина О. Г.* Метафора в поэтическом идиолекте Марины Цветаевой // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1999. Т. 3, кн. 1. С. 5–30.
14. *Словарь поэтического языка Марины Цветаевой:* в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1998. Т. 2. 552 с.; 2001. Т. 4. 672 с.
15. *Словарь русского языка /* под ред. А. П. Евгеньевой: в 4 т. М.: Рус. язык, 1999. Электрон. версия // Русская литература и фольклор: фундамент. электрон. б-ка. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 24.11.2025).
16. *Сулименко Н. Е.* Современный русский язык: к изучению семантики имен прилагательных: учеб. пособие. Саратов: Вуз. образование, 2016. 249 с.

17. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект-Пресс, 1996. 334 с.
18. Фадеева Т. М. Сложный эпитет – ядерная единица художественного пространства в русском языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Фадеева Татьяна Михайловна. М., 2014. 460 с.
19. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис-Лак, 1994. Т. 1-3.

References

1. Abramov NA 1994, *Slovar russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazheniy* (Dictionary of Russian synonyms and expressions with similar meanings), Russkiye slovari publ, Moscow, viewed 24 November 2025, <https://gramota.ru/.ru> (In Russ.)
2. Apresyan, YuD 1974, *Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskiye sredstva yazyka* (Lexical Semantics: Synonymic Means of Language), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
3. Arnold, IV 2002, *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka* (Stylistics. Modern English language), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
4. Arutyunova, ND 1988, *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytiye. Fakt* (Types of Language Meanings: Evaluation. Event. Fact), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
5. Bogdanova, LI & Liyun, Xu 2024, 'Kulturnyye ehtalony skromnosti v russkom i kitayskom yazykakh' (Cultural Standards of Modesty in the Russian and Chinese Languages), *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* (Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication), no. 3(27), pp. 43–61. (In Russ.)
6. Bulakhova, NP & Skovorodnikov, AP 2017, 'K opredeleniyu ponyatiya epitet (predugotovleniye k funktsionalnoy kharakteristike)' (Concerning the definition of epithet (preparation to the functional characteristic), *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* (Ecology of Language and Communicative Practice), no. 2 (9), pp. 122–143. (In Russ.)
7. Vinogradova, SA 2021, 'Plastichnost semantiki priznakovykh slov' (Plasticity of semantics of predicate words), *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya"* (Vestnik TvGU Series: Philology), no. 4 (71), pp. 30–38, doi: 10.26456/vtfilol/2021.4.030. (In Russ.)
8. Gubanov, SA 2024, 'Pronominativnyy epitetnyy kompleks kak chast epitetnoy paradigmy v proze M. Tsvetaeyevoy' (Pronominative Epithet Complex as Part of Epithet Paradigm in M. Tsvetaeva's Prose), *Tulskiy nauchnyy vestnik. Seriya Istoriya. Yazykoznaneniye* (Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics), no. 1 (17), pp. 122–129, doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-122-129. (In Russ.)
9. Gubanov, SA 2022, 'Epitetnyy kompleks v tekstakh Mariny Tsvetaeyevoy' (Epithet complex in Marina Tsvetaeva's texts), *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* (Theoretical and Applied Linguistics), no.8 (4), pp. 32–40, doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_32. (In Russ.)
10. Zubova, LV 1989, *Poeziya Mariny Tsvetaeyevoy: Lingvisticheskiy aspekt* (Poetry of Marina Tsvetaeva. Linguistic Aspect), Izd-vo Leningradskogo un-ta publ, Leningrad. (In Russ.)
11. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* (The Russian National Corpus) 2003–2025, viewed 24 November 2025, <https://ruscorpora.ru> (In Russ.)
12. Panfilov, VZ 1976, 'Kategorii myshleniya i yazyka. Stanovleniye i razvitiye kategorii kachestva' (Categories of thought and language. Formation and development of the category of quality), *Voprosy yazykoznaneniya* (Topics in the Study of Language), no. 6, pp. 3-18 (In Russ.)
13. Revzina, OG 1996, 'Metafora v poeticheskom idiolekte Mariny Tsvetaeyevoy' (Metaphor in the poetic idiolect of Marina Tsvetaeva), *Slovar poeticheskogo yazyka Mariny Tsvetaeyevoy: v 4 t.* (Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva. In 4 vols.), vol. 3, book 1, Dom-muzey Mariny Tsvetaeyevoy publ, Moscow, pp. 5–40. (In Russ.)
14. Revzina, OG (ed.) 1998–2001, *Slovar poeticheskogo yazyka Mariny Tsvetaeyevoy: v 4 t.* (Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva. In 4 vols.), vol. 2, vol. 4, Dom-muzey Mariny Tsvetaeyevoy publ, Moscow. (In Russ.)

15. Evgenyeva AP (ed.) 1999, *Slovar russkogo yazyka: v 4 t* (Dictionary of the Russian language. In 4 vols.), Russkiy yazyk publ, Poligrafresursy publ, Moscow, viewed 24 November 2025, [https://:https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp](https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp) (In Russ.)
16. Sulimenko, NE 2016, *Sovremennyy russkiy yazyk: k izucheniyu semantiki imyon prilagatelnykh: uchebnoye posobiye* (Modern Russian. Towards the Study of the Semantics of Adjectives. A Study Guide), Vuzovskoye obrazovaniye publ, Saratov. (In Russ.)
17. Tomashevskiy, BV 1996, *Teoriya literatury. Poetika* (Theory of literature. Poetics), Aspekt Press publ, Moscow. (In Russ.)
18. Fadeyeva, TM 2014, *Slozhnyy epitets – yadernaya edinitsa khudozhestvennogo prostranstva v russkom yazyke* (A complex epithet is a nuclear unit of artistic space in the Russian language), doctoral thesis, Moscow. (In Russ.)
19. Tsvetaeva, MI 1994, *Sobraniye sochineniy* (Collected works), vols. 1-3, Ellis-Lak publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 24.11.2025
Одобрена после рецензирования: 13.02.2026
Принята к публикации: 02.03.2026

The article was submitted: 24.11.2025
Approved after reviewing: 13.02.2026
Accepted for publication: 02.03.2026

Научная статья

УДК 811.1/8

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-130-142>

СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДИФFUЗНОЙ ЭМОТИВНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

**Алексей Андреевич
Штеба**

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Волгоград, Россия, alexchteba@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0067-8204>

Аннотация. Безграничные семантические потенции коммуникации ограничены конвенциональной семантикой языка, что накладывает ряд ограничений в том числе на экспликацию эмоциональных переживаний говорящим. Последний либо выбирает готовую предзаданную формулу, либо направляет коммуникативные усилия на поиск и объективацию эмоционально-смысловых оттенков значения некодифицированной формой вербализации. Если форма выражения эмоционального переживания является новой, нетипичной, неконвенциональной, следует говорить о репрезентации диффузной эмотивной семантики, приближающейся к актуальному эмоциональному переживанию. Диффузность (нечеткость, расплывчатость, множественная противоречивость, неопределенность) представляет собой имманентное свойство семантики, отвечающее как природе знака, так и среды, в которую реализуется знак. Предположение о том, что в зависимости от особенностей дискурса и жанровых характеристик входящих в него элементов была рассмотрена художественная коммуникация. Автор художественного произведения должен выходить за рамки языковой прескрипции, что позволяет ему оказывать желаемое воздействие на адресата. Анализ драматического произведения показал разнообразие форм экспликации диффузной эмотивности, когда эмоциональные переживания становятся дискурсо- и жанрообразующей категорией: выражение комплексных неопределенных эмоций позволяет создать образ многогранного интересного персонажа. Тексты современных пьес позволяют проследить за аналогичной тенденцией к диверсификации формы выражения диффузной эмотивности, но эмоциональная тональность является менее разнообразной: отрицательные эмоциональные переживания задают эмоциональную доминанту, поэтому «укрупнение» эмотива происходит, скорее, не через вектор смешения положительной и отрицательной оценки, а интенсификации и конкретизации отрицательной оценочной составляющей. Также постулируется тезис о том, что язык всегда приблизительно описывает эмоции, но в художественной коммуникации такая аппроксимативность выражается в сознательной и креативной имитации, которая позволяет преобразовывать языковую норму и развивать ее.

Ключевые слова: эмотивность, диффузная эмотивность, диффузная семантика, диффузная оценка, нечеткие множества, коммуникативная репрезентация эмоций.

Для цитирования: Штеба А.А. Специфика репрезентации диффузной эмотивности в художественной коммуникации // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 1 (25). С. 130–142. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-130-142>

Сведения об авторе: А. А. Штеба – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 400005, Россия, г. Волгоград, проспект им. В. И. Ленина, 27

Scientific Article
UDC 811.1/8
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-130-142>

THE SPECIFICS OF THE REPRESENTATION OF DIFFUSE EMOTIVITY IN ARTISTIC COMMUNICATION

Alexey A. Shteba

Volgograd State Socio-Pedagogical University
Volgograd, Russia, alexchteba@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0067-8204>

Abstract. The limitless semantic potencies of communication is within the framework of the language conventional semantics, which imposes a number of restrictions, including on the explication of emotional experiences by the speaker. The latter either chooses a ready-made preset formula, or directs communicative efforts to search for and objectify emotional and semantic shades of meaning with an uncodified form of verbalization. If the form of expression of an emotional experience is new, atypical, unconventional, we should talk about the representation of diffuse emotive semantics, approaching the actual emotional experience. Diffusivity (fuzziness, vagueness, multiple inconsistencies, ambiguity) is an immanent property of semantics that corresponds to both the nature of the sign and the environment in which the sign acts. The assumption is that, depending on the characteristics of the discourse and the genre characteristics of the elements included in it, artistic communication was considered. The author of a work of art must go beyond the linguistic prescription, which allows him to have the desired effect on the addressee. The analysis of a dramatic work shows a variety of forms of explication of diffuse emotivity, when emotional experiences become a discursive and genre-forming category: the expression of complex vague emotions allows creating an image of a multifaceted and interesting character. The texts of modern plays allow tracing a similar trend towards diversifying the form of expression of diffuse emotivity, but the emotional tonality is less diverse: negative emotional experiences set the emotional dominant, therefore, the 'consolidation' of the emotive occurs rather than through the vector of mixing positive and negative assessments, but the intensification and concretization of the negative evaluative component. The author also postulates that language always approximately describes emotions, but in artistic communication such approximateness is expressed in conscious and creative imitation, which transforms and develops the linguistic norm.

Keywords: emotivity, diffuse emotivity, diffuse semantics, diffuse assessment, fuzzy sets, communicative representation of emotions.

For citation: Shteba, AA. 2026, 'The specifics of the representation of diffuse emotivity in artistic communication, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (25), pp. 130–142, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-130-142>

Information about the Author: Alexey A. Shteba — PhD in Philological Sciences, Associate professor of the Chair of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, 27, V. I. Lenin Str. Volgograd, 400005, Russia

Введение

Объектом исследования внутри эмотивной лингвистики выступает пространство языковой репрезентации эмоций. Эмотивная семантика не имеет ограничений, поэтому эмотиология [15; 14] предложила выделить условную типологию эмотивов на аффективы и коннотативы, а затем добавила третий компонент – потенциативы, содержательные контуры, которые остались максимально неопределенными. Попытка свести неограниченную сферу эмотивности к трем типам не может объединить все возможные случаи объективации эмоций в коммуникации.

Опора на понятие нечетких множеств Л. Заде [2], предоставляющее возможность выходить за условные конвенциональные пределы антонимических оппозиций, позволила выделить диффузную эмотивность как частный вид эмотивности. Диффузная эмотивность вбирает в себя «ненормативности» классической эмотивной лингвистики, те случаи вербализации эмоций человеком, для которых в языке отсутствует типичный план выражения. Отсюда следует вывод о том, что диффузная эмотивность более точна, поскольку для описания эмоционального переживания говорящий отказывается от парадигмы условных знаков, создает новые обозначения и сближает восприятия эмоций и их объективацию в речи.

Материалы и методы

Краткий обзор собственно лингвистических исследований проблемы семантической диффузности показал достаточно активный интерес специалистов к данному вопросу смыслового содержания словесных знаков. В работе Н.В. Зиминной диффузность как характеристика семантики используется в ситуациях, когда вещественное значение слова уступает место оценочному, а знак оценки конкретизируется в ситуации [3, с. 166]. Н.В. Черникова отмечает, что семантика характеризуется диффузной, если денотат остается неопределенным [12]. О.М. Лысенко конкретизирует, что диффузные высказывания имеют референтную неопределенность, коммуникативную разноплановость и зависят от контекста [7]. В исследовании Н.Д. Матарыкиной вводится понятие «диффуза», под которым понимается прилагательное или наречие, наводящее в семантику абстрактное понятие, вытесняющее конкретную сему [9, с. 14]. Как указывает Б.Т. Ганеев, диффузность может происходить из латентных значений слов (внутренней формы – *прим. наше: А.Ш.*), которые предопределяют природную диффузность таких слов, пребывающих носителями разного рода качеств [1, с. 8].

В исследовании И.И. Квасюк [5], в котором отрицательная эмотивная лексика делится на эмоны (семантический признак облигаторно сопряжен с эмотивностью) и эмонаты (эмотивность имеет двоякий статус), выделяются семь основных участков поля отрицательной эмотивности, а также участок смешанных и диффузных эмоциональных состояний; также предложено разграничивать дискретные и диффузные эмоциональные состояния, где последние являют собой особый уровень в общей иерархии дескрипторов поля. Н.А. Красавский подтверждает мнение о том, что диффузная семантика свойственна словам, обозначающим эмоции, по причине природной сложности денотата [6, с. 166], а в контексте рассмотрения диффузности эмоций приводится пример смешанности номинаций эмоций [там же, с. 37]. В работе А.В. Чернова диффузность характеризует семантические особенности междометий [13, с. 53]. В работе О.Г. Хабаровой указывается на то, что вектор диффузной оценочной семантики контекстуален и вариативен [11, с. 116]. Т.А. Трипольская использует термин диффузной эмотивно-оценочной семантики применительно к изучению эмотивно-оценочного пласта лексики [10]. По мнению Л.А. Калимуллиной, семантическая диффузность представляет собой важнейшее свойство эмотивных единиц [4, с. 142]. Права Т.В. Маркелова, утверждающая, что диффузность средств

экспликации субъективной оценки неадекватна значимости оценочного компонента, поскольку ценностное видение действительности пронизывает всю языковую систему [8, с. 6].

Репрезентация диффузной эмотивности имеет свои жанровые особенности. Данное сообщение стремится обнаружить специфику актуализации диффузной эмотивности в художественной коммуникации на примере жанров драмы и пьесы. Выбор произведений внутри данных жанров абсолютно случаен и обусловлен, скорее, экстралингвистическими данными (общий тираж, наличие переводов на иностранные языки, оценка критиков и под.).

Целостное пространство художественной коммуникации может быть представлено как реакция на стимул действенного активного творящего сознания. Письменная форма фиксации, сопровождающаяся качественной обработкой текста, его постоянным преобразованием, способствует актуализации множественных семантических векторов слова, которые скрыты за планом выражения языка. Определенность неопределенной, нечеткой, диффузной эмотивности в тексте художественного произведения выступает дискурсо- и жанрообразующей характеристикой, значимой для раскрытия персонажа, реализации творческого замысла автора, направления понимания читателя.

Репрезентация диффузной эмотивности в жанре драмы

Количественная выборка примеров не всегда является показателем качества, поскольку окружающее человека информационное пространство во многом повторяет идентичные (схожие) сюжеты, умножает и бесконтрольно рассеивает их. Полагаем, что для демонстрации тенденции, которую реализует художественная коммуникация в аспекте диффузной эмотивности, количество источников анализа не будет значимо.

Выбор художественного произведения для осуществляемого дальнейшего эмотивного анализа обусловлен рядом экстралингвистических факторов, среди которых следует выделить популярность автора за рубежом, положительные оценки читателей на специализированных сайтах, высокий тираж произведения, наличие перевода на иностранные языки, объем продаж. В романе «Не слушай мамин плач» (*N'écoute pas maman pleurer par Léna Beymond*) драма совмещается с элементами психологического триллера и детектива, что усложняет жанр и предписывает скрытые требования к текстовой составляющей, т. е. усложненная форма предполагает усложненное содержание.

По сюжету малоизвестному адвокату поступает запрос от клиента на представление его интересов в суде по подозрению в убийстве и похищении детей. Впоследствии выясняется, что данный клиент является братом адвоката; около двадцати лет назад клиент убил своих двух сестер, ранил мать, а адвокат (третья сестра), которая уцелела от гибели, потеряла память. В финале романа оказывается, что убийцей была мать, а отец семейства решил уговорить своего сына взять вину на себя, отправиться в психиатрическую лечебницу, чтобы спасти свою мать от наказания. Такой сложный сюжет предполагает не только создание комплексного характера персонажей, но и их естественную эволюцию по ходу прочтения романа. Эмоции выступают сюжетообразующим и удерживающим внимание читателя фактором, они пронизывают действия и поведение персонажей, их описание множественно, разнообразно и интенсивно.

Диффузная эмотивность представляется как норма, естественное состояние эмоциональной жизни людей:

Ему нравилось, добравшись после работы до дома, любоваться мирным покоем, контрастировавшим с шумными ссорами детей. Джон вспомнил о них впервые за день: о том, как они смеются, как ругается с сестрами Том, а жена не может их утихомирить.

Экспликация эмоциональных переживаний персонажей описывается линейно в форме последовательного развертывания номинаций сменяющих друг друга эмоций:

Счастливым концом – самым желанным из всех концов. Особенно в Рождество. Но сегодня отчаяние заняло место радости.

Эмоциональная тональность в примере со знаком «-», поскольку положительно-оценочное состояние вытесняется отрицательным, а интенсивность увеличивается по причине замены низкоинтенсивной радости на активную эмоцию отчаяния. Положительная оценочность радости оттеснена на дальнюю периферию, но не исчезает полностью, что следует учитывать при попытке определения тональности данного примера диффузной эмотивности.

В анализируемом романе эмоциональной доминантой остается эмоция страха, которая сочетается как с однооценочными, но более интенсивными эмоциональными состояниями, так и номинациями противоположных по оценочной составляющей эмоций:

Тревога мгновенно сменилась ужасом, когда доктор Ховард увидел неподвижное тело старшей дочери в луже крови.

В супружеской спальне он сразу заметил ключ в замочной скважине тумбочки, потянул дрожащей рукой на себя и обнаружил... пустоту. Подавленность переросла в ужас.

В представленных примерах эмотивная диффузность эксплицируется на содержательном уровне через превращение низкоинтенсивных эмоций (тревога, подавленность) в ужас, а на содержательном плане такой эффект достигается за счет слов *смениться* и *перерасти* с семами 'изменение', 'преобразование':

СМЕНЯТЬСЯ – проходить, уходить, исчезать, заменяясь кем-либо, чем-либо, уступая место кому-либо, чему-либо другому.

ПЕРЕРАСТАТЬ – развиваясь, превращаться во что-либо другое.

Следует также заметить, что экспликация диффузных эмотивов занимает в примерах пре- и постпозитивные части, т.е. актуализация диффузной эмотивности может выступать как стимульным, так и реактивным элементом повествования.

Интересно, что диффузные эмотивы не ограничены ни формой их экспликации, ни количеством составляющих элементов внутри сложного эмотивного композита, состоящего из нескольких имен эмоциональных переживаний:

Помимо изумления, даже разочарования, лицо Кэрол выражало неприкрытую враждебность.

Использование соматических метафор необходимо для точного (или приближенного к точному) описания эмоциональных переживаний:

Гнев в его голосе мешался с покорностью судьбе.

Доктор окаменел от страха, ноги стали ватными, так что пришлось прислониться к стене.

Внимание привлекает совмещение метафор жесткости-мягкости, когда и окаменелость, и ватность характеризуют потерю контроля, опоры.

Симуляция используется как один из частных способов актуализации эмотивной диффузности, когда эксплицитно обозначается неприемлемое эмоциональное переживание, а имплицитно притворная, ложная эмоция, которая может прямо не обозначаться:

Ради Шэрон ей приходилось скрывать свою печаль и выглядеть беспечной, заковав себя в броню бесчувственности.

Соренсен стиснула зубы, пытаясь спрятать страх за внешней холодностью.

Способами сокрытия в данных примерах выступает невербальное поведение в формах демонстрации нейтральности, сдержанности или напряжения через усиленное сжимание челюсти.

Языковое сознание связывает активные негативные эмоции с физически затрудненными кинетическими реакциями. Неопределенное эмоциональное переживание может приводить к параличу, невозможности осуществлять физические действия:

Сьюзи застыла на месте, объятая горем и страхом.

В данном примере комплекс интенсивных переживаемых персонажем эмоций приводит к невозможности движения. Но телесные реакции не всегда «правильно» выражают эмоциональные переживания. Тогда необходима вербальная экспликация, без которой понимание будет затруднено:

Шэрон встретила с ледяным взглядом клиента, и ее пробрала дрожь. Она вонзила ногти в ладони, пытаясь справиться с ужасом и отвращением.

Тремор (дрожь) тела может быть вызвана не только активным состоянием страха, но и неприязнью, что показано в примере.

Экпликация диффузной эмотивности выглядит как интенсификация по сравнению с конвенциональными формами эмоционального реагирования: «нанизывание» нескольких номинаций эмоций сопровождается использованием усилительной частицы с элементами полисиндетона:

Шэрон невольно восхитилась талантом фотографа, сумевшего уловить на ее лице и раздражение, и нежность.

Еще одна особенность эмотивной диффузии состоит в том, что ее нечеткий (неопределенный) характер предполагает объединение не только номинаций эмоций, но и иных поведенческих состояний:

Вы смотрели на девочек, из-за них на вашем лице были раздражение, ирония, властность и теплота.

Диффузная эмотивность позволяет эксплицировать внутренний мир человека, поскольку переживание эмоции всегда комплексно, эмоциональное реагирование разнооценочно, отличается интенсивностью и степенью выраженности признака:

Но ты выглядела ужасно потерянной и напуганной, а когда поняла, кто я, твоё отвращение превзошло все мои ожидания. Я жаждал не жалости, но ненависти, а потом не открывал правды.

В примере, представленном выше, неактивное состояние подавленности, испуга сопровождается номинацией отвращения, которое граничит с ненавистью, т.е. представляет собой крайний полюс условной шкалы эмоционального.

В драматическом художественном произведении представлено множество способов и актуализованы разные типы эмотивной диффузии; художественное произведение реализует искусство вербального отражения эмоций.

Для анализа одного из примеров в романе следует обращаться к комплексному описанию ситуации:

Кейт почему-то ужасно разозлилась, увидев, как подчиненный спокойно вешает пиджак на спинку стула.

Здесь нейтральное действие героя романа вызывает активную отрицательную эмоциональную реакцию. Нулевая оценка интерпретируется собеседником как отрицательная, поскольку нуль будет указывать на равнодушие, бесчувственность, незаинтересованность в общем деле.

Пространство художественного дискурса апеллирует к сочетаниям несочетаемого для удержания внимания читателя:

Том с трудом справлялся с эмоциями. – Я предвкушал удовольствие, которое испытаю. Всею виной статья о вас в газете. Выдающийся юрист Лиам Соренсен, его оча-

ровательная супруга и их треклятое счастье... Я мог думать лишь об одном – как его разрушить.

Перечень атрибутов счастливой жизни становится стимулом, реакцией на который выступает демонстрация героем намерения разрушить счастье; диффузия выражается в сочетании двух оценочных полюсов в единое целое.

Частотно не оценочные эмоции (например, удивление) конкретизируются и сочетаются с элементами, эмоциональная и оценочная составляющие которых известны:

Изумление сменилось яростью. Питер никогда не говорил ей об этих снимках. Она не чувствовала, что за ней наблюдают.

Том Ховард несказанно удивился, увидев за стеклом сестру, и гневным жестом схватил телефонную трубку.

Анализ художественного произведения показал высокую концентрацию примеров реализации эмотивной диффузности как в эксплицитной, так и имплицитной формах, т.е. представляющих собой линейное сочетание нескольких номинаций эмоциональных переживаний и нетипичные способы экспликации эмоций. Семантическая (и эмотивная) диффузность необходимы для создания интриги, сюжетной линии, образа персонажей; диффузная эмотивность первична, поэтому без ее реализации в художественном произведении условный уровень доверия автору снизится.

Репрезентация диффузной эмотивности в жанре пьесы

Пьеса как литературное произведение предназначена для постановки на сцене, поэтому отдельное внимание уделяется не подробному описанию экстралингвистического контекста взаимодействия персонажей, но прямой речи. Этим пьеса сближается с естественной коммуникацией, вбирает в себя черты одновременно устного и художественного общения. В качестве материала выбрано две условно современных пьесы, для которых характерны умеренно высокие критические оценки; пьесы, которые стали основами для театральной реализации: «Экспонаты» Вячеслава Дурненкова и «Психоз 4.48» Сары Кейн («4.48 Psychosis» в переводе Т. Осколковой).

Наблюдение за эмотивным наполнением данных текстовых произведений показало высокую концентрацию активных (интенсивных) эмоций, которые частотно вербализуются в формах аффективов. Использование инвективной лексики становится одной из общих характеристик лексического оформления анализируемых текстов пьес. Попытки маскировать инвективы путем замены отдельных букв пропусками дополнительно увеличивает воздействие на адресата, последовательному пониманию которого ненадолго препятствует буквенное «зияние», заполняемое читателем самостоятельно:

(...)

ГЕНА (вскакивает). Ты мне вот что скажи. Я что, своему ребенку зла желаю? Я, что, мать плохая? Так, Юра?

ЮРА. Я не про тебя...

ГЕНА. Юра, ты, б..., понял, что сказал? Я за него глотку порву! Любому!

ЮРА. Успокойся.

ГЕНА. Да я как рыба об лед! Одна! Все сама! И я что не мать?! Что ты про это знаешь?! Ты мне хоть как-то помог? Ты думаешь, что мне живется легко? Ты по себе людей не меряй!

ЮРА (встает). Не ори на меня!

ГЕНА. Да не хозяин ты, а мудака самый настоящий!

(...)

ВОРОНЬКО. Извините, если мы вас в чем-то оскорбили. Я так понимаю, нам сейчас лучше уйти. Опять же хочу напомнить, что все наши предложения остаются в силе. Я,

правда, очень благодарен вам. И надеюсь, что мы как-то смогли друг друга услышать. До свиданья.

Воронько и Черновицкий уходят.

ЮРА. Ты ох...а.

ОЛЯ. Нет, Юра, не я. И давай об этом больше не будем.

(...)

<...> Мы и ваш дом в порядок приведем. Возле крыльца можно будет деревья новые посадить. Скамейки резные. Вот здесь на эскизе есть. Посмотрите, какая красота. (Интуитивно понимая, что Клим здесь главный, протягивает ему эскиз.)

КЛИМ. Пошел на х...

В пьесе «Экспонаты», действие которой разворачивается в небольшом городке, образы персонажей даны неполно, лишены целостности, упрощены. «Портретная» симплификация затрагивает и языковой уровень: на лексическом уровне предпочтение отдается бытовой стилистически сниженной лексики (как разговорной, так и вульгарной):

(...)

ЮРА. Она работник музея, за прилавком ей стоять нечего. Когда меня нет дома, ты автоматически становишься моим заместителем. И на этом все.

МИША. Завтра экскурсии не будет, а мне там стрёмно торчать. Что я, барыга, что ли?

ЮРА. А кто ты?

МИША (расправляя плечи). Я жених.

(...)

ВАЛЯ. Да иногда можно было бы. Я девочка, мне нравится, когда на меня смотрят. (Смеется.)

РОМАН. Девочка. Самой смешно...

ВАЛЯ. А кто цветы на крыльцо положил?

РОМАН. Валь, тебе не хер больше спрашивать?

ВАЛЯ. Я знаю, что ты. Мне было очень приятно. Спасибо.

(...)

КЛИМ. Я тут за всеми присмотрю. Я ни тебя, ни Ромку в обиду не дам. Со мной, как за пазухой.

ГЕНА. Защитник хренов.

КЛИМ. Я, наверное, здесь останусь. Не могу я больше там жить. Не жизнь это. Пробовал, но никак не получается. Так что такие дела. Короче, я вернулся. Теперь заживем.

Несмотря на внешнюю кажущуюся простоту коммуникативного поведения, вербального оформления своих намерений, персонажи испытывают комплекс сложных эмоциональных переживаний, трансляция которых приводит к созданию пространства эмотивной диффузности:

(...)

САША. Да, хорошо, батя не слышит. Дожили...

ГЕНА. Вы меня не слышите.

САША. Нас уже вообще за людей не считают.

КЛИМ. Этого я так не оставлю. Это я вот перед батей обещаю. (Поворачивается к Деду.) Над Зуевыми еще никто не смеялся. Ты пап, не переживай. Мы их, сука, всех разом поставим.

(...)

КЛИМ. А мне по х...

ОЛЯ. Мне не по х... Я спокойной жизни хочу. Как я обо всем жалею, кто бы знал.

КЛИМ (встает, улыбается). Ладно.

(...)

ЧЕРНОВИЦКИЙ. А может, все-таки проводка?

Юра медленно качает головой.

ВОРОНЬКО. Кого-то конкретного подозреваете?

Юра кивает. Воронько и Черновицкий переглядываются и отходят в сторону.

ВОРОНЬКО. Б..., только этого не хватало.

ЧЕРНОВИЦКИЙ. А мне кажется, проводка.

Можно наблюдать две характерные тенденции: упрощение языкового оформления высказываний персонажей и усложнение эмоциональной составляющей поведения персонажей посредством актуализации сложной диффузной эмотивности.

По сюжету пьесы у одного из состоятельных жителей города сгорел магазин. Свои переживания он описывает далее следующим образом:

ЮРА (встает, смотрит на свою семью). А что ребята, хороший магазин ведь был? Ну, небольшой конечно, но хороший. Вот так вот надо что-нибудь – пожалуйста, все есть. А я еще химию хотел. Ну, чтобы еще всякую химию продавать. Дезодоранты там, краски. Не успел, а то сейчас бы так е...ло, ничего бы не осталось. А хуже бы все равно не было. Ну что вы на меня смотрите? Что молчите? Б..., десять лет. Я ведь сюда всё... Завтра куда я пойду? Я ведь утром встаю и сразу сюда. А сейчас что? Зачем вообще просыпаться? Десять лет. (Вале.) Тебе тогда десять было, Мишке – восемь. Я ведь даже не заметил, как вы выросли. Я ведь все время здесь. Но я для вас все это делал, мне оно зачем? Мне этого не надо! Мне для себя ничего не надо! Ничего не надо!

Диффузная эмотивность эксплицируется здесь через приемы воздействующей коммуникации (апелляция к собеседнику, риторические вопросы, восклицания, вопросно-ответная форма повествования и пр.), кластер выражаемых эмоций варьируется от низкоактивной грусти до интенсивного отчаяния, непрямо репрезентируемых через неполные предложения, дословные повторы, экспрессивную пунктуацию.

Если в драматическом прозаическом произведении автор «беспокоится» о качестве эмотивной реализации текста, направляет усилия на выражение сложных эмоциональных переживаний персонажей, тем самым создает комплексный образ персонажей, то в пьесе акцент ставится на грубой «силе эмоций». Персонажи ведут себя немотивированно агрессивно, их реакции на низкоинтенсивный стимул избыточно активные, образ персонажей упрощен по принципу предоставления «простым» героям из числа жителей провинциального города «простого» языка:

(...)

ВАЛЯ. Это отец. У нас дома сейчас...

РОМАН. Я знаю.

ВАЛЯ. Прямо как в пьесе сраной.

РОМАН. Чем тебе пьесы не нравятся?

ВАЛЯ. На жизнь-то все равно не похоже.

(...)

КЛИМ. Помню. Я им Генке Маслову ляжку пропорол.

САША. А влетело мне.

КЛИМ. А не хер было ябедничать.

(...)

ВОРОНЬКО. Дерьмо ты.

КЛИМ. Повтори.

ВОРОНЬКО. Дерьмо. Был и будешь. У тебя, б..., фантазия дальше коленок и водки не идет. Это твой предел. Тебе другого ни в жизнь не придумать.

КЛИМ. А ты бы как поступил?

(...)

РОМАН. Когда-нибудь я на тебе женюсь.

ВАЛЯ. Это все не то.

РОМАН. Валя! У меня из ж... сыпется мокрый порошок! Я не смогу взлететь! Сделай хоть что-нибудь!

ВАЛЯ. Дурак ты.

РОМАН. А ты подруга дурака, тоже неплохо устроилась.

Пьеса «Психоз 4.48» характеризуется авторским акцентом на описании сложных преимущественно отрицательных эмоциональных переживаний героини:

Это было недолго, я была там недолго. Но когда я пью горький черный кофе я слышу запах лекарств смешанный с запахом старого табака и я чувствую как что-то прикасается к этому все еще болезненному месту и рана двухлетней давности вновь открывается будто оживший труп и давно похороненный стыд с ревом вырывается из нее отвратительным гниющим горем

Актуализация положительных эмоций в тексте низкочастотна, коммуникативные усилия концентрируются на эмотивном комплексе с отрицательной эмоциональной доминантой:

смотрел в глаза, смеялся над моим шутками висельника, стоящего на краю могилы, который мило шутил, когда я побрила голову, который врал и говорил, что рад меня видеть. Врал. И говорил, что рад видеть. Я верила тебе, я любила тебя и мне больно не потому, что я тебя потеряла, а потому что под предлогом медицинских советов ты, еб твою мать, бессовестно врал.

Лексическое оформление текста отличается от текста пьесы «Экспонаты» бóльшей сложностью, но использование стилистически сниженной лексики остается значимым:

Я верила, что ты не такой, как они и что иногда тебе, может быть, даже бывало больно, и страдание, грозя выплеснуться наружу, пробежало по твоему лицу, а ты, оказывается, тоже спасал свою жопу. Как любой другой жалкий ничтожный мудака.

(...)

после того, как я умру, в следующей жизни я стану твоим ребенком только в пятьдесят раз хуже и столь же безумным, что и сейчас со всем говном, что я вытворяю, я сделаю из твоей жизни настоящий ебанный ад

Эмотивная диффузность проявляется не только экспликативно через характеристику переживаний героини, но и с помощью дескрипций с компонентом 'чувство', а также качественной конкретизации номинаций эмоций:

- Почему ты порезала руку?

- Потому что это, блядь, грандиозное ощущение. Потому что это, блядь, изумительное чувство.

(...)

Найди меня

Избавь меня

от этого

разъедающего сомнения

бесплодного отчаяния

спящий ужас

Сочетание несочетаемого при экспликации эмоций представляется естественным для внутреннего мира человека:

Я всегда любила тебя,

даже когда ненавидела

Прямая форма выражения эмоций свойственна ситуации моделирования устной коммуникации (в данном случае разговор с самим собой) в тексте пьесы.

Общим основанием проанализированных текстов пьес в аспекте диффузной эмотивности является описание речевого поведения персонажей, приближенного к естественному, что наделяет речь большим количеством стилистически сниженной лексики, эмотивно огрубляет речь. Но функционирование пьесы внутри художественного дискурса не исключает качественного оформления прямой речи. Эмотивная тональность текстов пьес преимущественно отрицательная, положительные эмотивы используются для контраста, как примеры иной потенциальной желаемой реальности.

Заключение

Одним из ключевых выводов стало предположение о том, что исследуемые дискурсивные пространства объединяет подражание, которое реализует себя в формах намеренной или ненамеренной имитации, а также симуляции. Человек пытается выразить совершенный эмоциональный мир несовершенным языком, поэтому всегда пребывает в состоянии естественного (ненамеренная имитация в случае устного бытового общения), моделируемого (намеренная имитация в художественном дискурсе) приближения к эмоциональной реальности или притворности (симуляция интернет-коммуникации).

Внутри художественной коммуникации языковое творчество реализует себя как сложный механизм опредмечивания эмоциональных переживаний, вокруг которых создается интрига, которые необходимо раскрывают личности персонажей. В жанре современной пьесы наблюдается преобладание отрицательной эмоциональной тональности с разной степенью конкретизации (либо через подражание устному бытовому общению представителей неблагоприятных социальных слоев общества, либо путем ограничения отрицательными переживаниями вербализуемой рефлексии персонажа).

Список источников и литературы

1. *Ганеев Б. Т.* Противоречия в языке и речи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / *Ганеев Булат Талгатович.* Уфа, 2004. 39 с.
2. *Заде Л. А.* Понятие лингвистической переменной и ее применение к принятию приближенных решений / пер. с англ. Н. И. Ринго. М.: Мир, 1976. 168 с.
3. *Зимина Н. В.* Лексические средства выражения неопределенности в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / *Зимина Наталия Владимировна.* М., 2001. 200 с.
4. *Калимуллина Л. А.* Семантическое поле эмотивности в русском языке: синхронный и диахронический аспекты (с привлечением материала славянских языков) : автореф. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / *Калимуллина Лариса Айратовна.* Уфа, 2006. 43 с.
5. *Квасюк И. И.* Структура и семантика отрицательно-эмотивной лексики: на материале разных частей речи современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / *Квасюк Ирина Игоревна.* М., 1983. 254 с.
6. *Красавский Н. А.* Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / *Красавский Николай Алексеевич.* Волгоград, 2001. 507 с.
7. *Лысенко О. М.* Семантически диффузные высказывания в английской разговорной речи: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / *Лысенко Олег Михайлович.* М., 1987. 16 с.
8. *Маркелова Т. В.* Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: монография. М.: Моск. гос. ун-т печати им. Ивана Федорова, 2013. 297 с.

9. Матарькина Н. Д. Неологизмы немецкого молодежного сленга на рубеже XX-XXI веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Матарькина Наталья Дмитриевна. М., 2005. 16 с.
10. Трипольская Т. А. Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Трипольская Татьяна Александровна. СПб., 1999. 437 с.
11. Хабарова О. Г. Оценочные фразеологизмы, восходящие к образам животного и растительного мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Хабарова Оксана Геннадьевна. М., 2004. 217 с.
12. Черникова Н. В. Аспекты изучения семантических неологизмов. Мичуринск: Мичурин. гос. пед. ин-т, 1998. 80 с.
13. Чернов А. В. Конструкции с междометием в формальном и семантическом аспектах: на материале современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Чернов Алексей Викторович. Саранск, 1998. 136 с.
14. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 192 с.
15. Шаховский В. И. Эмотивное значение и методы его описания: учеб. пособие к спецкурсу. Волгоград: изд-во ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1983. 96 с.

References

1. Ganeyev, BT 2004, *Protivorechiya v yazyke i rechi* (Contradictions in language and speech), doctoral thesis, Ufa. (In Russ.)
2. Zadeh, LA 1976, *Ponyatiye lingvisticheskoy peremennoy i yeye primeneniye k prinyatiyu priblizhennykh resheniy* (The concept of a linguistic variable and its application to approximate reasoning), trans. N.I. Ringo, Mir publ, Moscow. (In Russ.)
3. Zimina, NV 2001, *Leksicheskiye sredstva vyrazheniya neopredelennosti v sovremennom nemetskom yazyke* (Lexical means of expressing uncertainty in modern German), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
4. Kalimullina, LA 2006, *Semanticheskoye pole emotivnosti v russkom yazyke: sinkhronnyy i diakhronicheskiy aspekty (s privlecheniyem materiala slavyanskikh yazykov)* (Semantic field of emotivity in the Russian language: synchronous and diachronic aspects (using the material of Slavic languages)), doctoral thesis, Ufa. (In Russ.)
5. Kvasyuk, II 1983, *Struktura i semantika otritsatel'no-emotivnoy leksiki : na materiale raznykh chastey rechi sovremennogo angliyskogo yazyka: dissertatsiya* (Structure and semantics of negative emotive vocabulary : based on the material of different parts of speech in modern English), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
6. Krasavskiy, NA 2001, *Dinamika emotsional'nykh kontseptov v nemetskoj i russkoj lingvokulturakh* (Dynamics of emotional concepts in German and Russian linguistic cultures), doctoral thesis, Volgograd. (In Russ.)
7. Lysenko, OM 1987, *Semanticheskiy diffuznyye vyskazyvaniya v angliyskoj razgovornoj rechi* (Semantically diffuse utterances in English colloquial speech), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
8. Markelova, TV 2013, *Pragmatika i semantika sredstv vyrazheniya otsenki v russkom yazyke* (Pragmatics and semantics of evaluation means in the Russian language), Moskovskiy gos. un-t pechati im. Ivana Fedorova publ, Moscow. (In Russ.)
9. Matarykina, ND 2005, *Neologizmy nemetskogo molodezhnogo slenga na rubezhe XX-XXI vekov* (Neologisms of German youth slang at the turn of the 20th-21st centuries), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
10. Tripolskaya, TA 1999, *Emotivno-otsenochnaya leksika v antropotsentricheskom aspekte* (Emotive-evaluative vocabulary in the anthropocentric aspect), doctoral thesis, St. Petersburg. (In Russ.)
11. Khabarova, OG 2004, *Otsenochnyye frazeologizmy, voskhodyashchiye k obrazam zhivotnogo i rastitelnogo mira* (Evaluative phraseological units dating back to images of the animal and plant world), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)

12. Chernikova, NV 1998, *Aspekty izucheniya semanticheskikh neologizmov* (Aspects of the study of semantic neologisms), Michurinskiy gos. ped. in-t publ, Michurinsk. (In Russ.)
13. Chernov, AV 1998, *Konstruktsii s mezhdometiyem v formalnom i semanticheskom aspektakh: Na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka* (Constructions with interjections in formal and semantic aspects: Based on the material of modern English), Saransk. (In Russ.)
14. Shakhovskiy, VI 2008, *Kategorizaciya jemocij v leksiko-semanticheskoy sisteme jazyka* (Categorization of emotions in the lexico-semantic system of language), Izd-vo LKI publ, Moscow. (In Russ.)
15. Shakhovskiy, VI 1983, *Emotivnoye znachenije i metody yego opisaniya* (Emotive meaning and methods of its description), izd-vo VGPI im. A.S. Serafimovicha publ, Volgograd. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 17.01.2026
Одобрена после рецензирования: 13.02.2026
Принята к публикации: 02.03.2026

The article was submitted: 17.01.2026
Approved after reviewing: 13.02.2026
Accepted for publication: 02.03.2026

НЕКОТОРЫЕ СТРУКТУРНЫЕ И СЛОВАРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ ТАДЖИКСКОЙ ПРЕССЫ УЗБЕКИСТАНА

Хомидов Дилмурод¹
Рахимкулов Гайрат²

---

¹Таджикский национальный университет
Душанбе, Таджикистан, homidov65@mail.ru

²Самаркандский государственный
университет им. Шарофа Рашидова
Самарканд, Узбекистан, rahimqulovgayrat@mail.ru

Аннотация. В статье авторы высказали свое мнение о структурных и лексических особенностях заголовков таджикской прессы Узбекистана в контексте газет «Голос таджика» и «Голос Самарканда», а также рассказали о деятельности журналистов в подготовка заголовков и их неудачи в некоторых случаях. Как уже отмечалось, газеты и еженедельники, издаваемые на таджикском языке в Республике Узбекистан, имеют простой и понятный язык и соответствуют стандартам современного таджикского литературного языка. Стоит отметить, что язык периодики, как уже говорилось выше, относится к публицистическому стилю нашей письменной речи, и журналисты прилагают большие усилия, чтобы через него отразить нашу повседневную жизнь. Фактически на территории Республики Узбекистан в прошлом веке вышло несколько изданий как на национальном уровне «Овози тоҷик (Голос таджика)», так и на региональном уровне «Овози Самарқанд (Голос Самарканда)», «Бухорои Шариф», «Ховар» или на уровне городов и районов («Садои Сух», «Галаба», «Зарафшан», «Сариоси Тонги») (эти издания содержали и содержат таджикские страницы) издавались и издаются с целью отражения повседневной жизни городов, районов, областей и республики. Большинство этих изданий издаются на нормативном языке таджикского литературного языка, образец которого еще использовали С.Айни и А. Лохути в 20-30-е годы XX века, и ответственность за развитие и совершенствование языка несут ответственные лица данных изданий на таджикском языке республики, что очень хорошо и достойно похвалы. Чтобы закрепить это мнение, обратимся к формированию заголовков некоторых из их номеров, в которых соблюдены критерии заголовков.

Ключевые слова: газета, новость, заголовок, выражение, жанр, содержание, язык, стиль, изафетное словосочетание.

Для цитирования: Хомидов Д., Рахимкулов Г. Некоторые структурные и словарные особенности заголовков таджикской прессы Узбекистана // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 1 (25). С. 143–150. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-143-150>

Сведения об авторах: Д. Хомидов – профессор кафедры истории языка и типологии Таджикского национального университета, 734025, Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 17;
Г. Рахимкулов – доктор филологических наук, доцент кафедры таджикской филологии и восточных иностранных языков Самаркандского государственного университета им. Шарофа Рашидова, 140104, Узбекистан, г. Самарканд, Университетский бульвар д.15

Scientific Article
UDC 8.811.222.8
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-143-150>

SOME STRUCTURAL AND VOCABULARY FEATURES OF THE HEADLINES OF TAJIK PRESS OF UZBEKISTAN

*Dilmurod Khomidov*¹
*Gayrat Rakhimqulov*²

---

¹Tajik National University
Dushanbe, Tajikistan, homidov65@mail.ru
²Samarkand State University named
after Sharof Rashidov
Samarkand, Uzbekistan, rahimqulovgayrat@mail.ru

Abstract. In the article, the authors expressed their opinion on the structural and lexical features of the headlines of the Tajik press of Uzbekistan in the context of the newspapers "Voice of Tajik" and "Voice of Samarkand", and also talked about the activities of journalists in the preparation of headlines and their failures in some cases. In fact, several publications were published on the territory of the Republic of Uzbekistan in the last century, both at the national level "Ovozi to'chik (Voice of Tajikistan)" and at the regional level "Ovozi Samarkand (Voice of Samarkand)", "Bukhoroi Sharif", "Khovar") or at the level of cities and districts ("Sadoi Suh", "Galaba", "Zarafshan", "Sariosia Tongi" (these publications contained and still contain Tajik pages) were published and are being published in order to reflect the daily life of cities, districts, regions and the republic. Most of these publications are published in the standard language of the Tajik literary language, a sample of which has been used since Aini and A.Lokhuti in the 20-30s of the twentieth century, and the responsible persons of these publications in the Tajik language of the republic are responsible for the development and improvement of the language, which is very good before. To consolidate this opinion, let us turn to the formation of the headlines of some of their issues, in which the criteria of the headlines are met.

Keywords: newspaper, news, headline, statement, genre, language, tracking, style, izafet phrase.

For citation: Khomidov, D, Rakhimqulov, G 2026, 'Some structural and vocabulary features of the headlines of Tajik press of Uzbekistan', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (25), pp. 143–150, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-143-150> (in Russ.)

Information about the Author: *Dilmurod Khomidov* – Professor of the Department of History of Language and Typology, Tajik National University, 17, Rudaki Avenue, Dushanbe, 734025, Tajikistan;
Gayrat Rakhimqulov – PhD, Associate Professor of the Department of Tajik Philology and Oriental Foreign Languages, Samarkand State University named after Sharof Rashidov, 15 University Blv., Samarkand, 140104, Uzbekistan

---

Введение

Известно, что таджикский литературный язык со всеми своими частями постоянно развивается и совершенствуется во всех аспектах, что можно считать одним из великих достижений и сладких плодов периода независимости, о чем исследователи также высказали свое мнение. По мнению одного из авторов данной статьи, лингвиста Д. Хомидова, “язык, как живое существо, является одним из основных элементов государства и национальной государственности, и недаром великие люди называли его столпом нации. Однако этот важный фундамент и элемент государства и нации всегда нуждается в постоянной и чуткой заботе. С одной стороны, эта забота постоянно осуществляется на национальном уровне государственными структурами и учреждениями, с другой, укрепление и устойчивость этого столпа – это высокое чувство ответственности и заботливое отношение каждого из нас – граждан страны, в частности, носителей этого языка на всех его ступенях, социальных уровнях и повседневной жизни” [14, с. 4].

Следует сказать, что литературный таджикский язык, как и любой другой язык, в зависимости от выполнения различных социальных функций делится на стилистические типы, причем эти стилистические формы можно разделить на две группы – разговорный стиль и книжный, или письменный стиль, которые имеют крепкую связь между собой и всегда взаимовлияют друг на друга для дальнейшего развития. “Литературный или письменный стиль имеет свои определенные исторические стандарты и в свою очередь делится на четыре типа: научный, публицистический, художественно-административный или официальный. Наиболее выдающейся особенностью литературного языка является то, что он имеет единую структуру, является общим для народов всех регионов и имеет широкую сферу употребления” [9, с. 5].

Стоит отметить, что язык периодики, как уже говорилось выше, относится к публицистическому стилю нашей письменной речи, и журналисты прилагают большие усилия, чтобы через него отразить нашу повседневную жизнь. Поэтому мы решили поделиться некоторыми своими мыслями и мнениями о языке таджикской прессы в Узбекистане, в частности, о структурных и лексических аспектах заголовков таджикской прессы на примере газет “Овози тоҷик (Голос таджика)”, которая является одним из первых изданий новой эпохи таджикской прессы и имеет 100-летнюю историю, и “Овози Самарқанд (Голос Самарканда)”.

Фактически на территории Республики Узбекистан в прошлом веке вышло несколько изданий как на национальном уровне “Овози тоҷик (Голос таджика)” (ОТ), так и на региональном уровне “Овози Самарқанд (Голос Самарканда)”, «Бухорои Шариф», «Ховар») (ОС) или на уровне городов и районов («Садои Сух», «Галаба», «Зарафшан», «Сариосиа Тонги» (эти издания содержали и содержат таджикские страницы) издавались и издаются с целью отражения повседневной жизни городов, районов, областей и республики. Большинство этих изданий издаются на нормативном языке таджикского литературного языка, образец которого еще использовали С. Айни и А. Лохути в 20–30-е годы XX века, и ответственность за развитие и совершенствование языка несут ответственные лица данных изданий на таджикском языке республики, что очень хорошо и достойно похвалы.

Исследование

Как уже отмечалось, газеты и еженедельники, издаваемые на таджикском языке в Республике Узбекистан, имеют простой и понятный язык и соответствуют

стандартам современного таджикского литературного языка. Чтобы укрепить это мнение, обратимся к заголовкам некоторых их номеров, в которых критерии заголовков соблюдены. В номере 35 от 4 мая 2024 года на страницах 3 и 4 читаем следующие заголовки: «Қиссаи сафари Фориш» К. Шарифзода, «Одамон аз дӯстӣ ёбанд бахт...» А. Нуриддинова, «Баҳори Бойсун» меҳмонҳоро ба сӯи худ мехонад» М. Ахророва, «Вохӯрии аҳли адаб дар таълимгоҳ» И. Хидирова, «Хабарҳо» М. Шодиева на стр. 3 и «Паёми матбуоти тоҷик», «Кӯкдала обод мегардад» А. Содикова, «Фарогирӣ ба кӯдакистонҳо беш аз пеш меафзояд» М. Аскарходжаевой, «Сифат ва самаранокии таълим афзун мегардад» Р. Раупова, «Офарин, Ҳумоюнҷон» на с. 4 газетные материалы с такими же названиями представлены читателям. Из приведенных многочисленных списков статей видно, что авторы соблюдали осторожность и творчески подходили к выбору заголовков. К примеру, заголовки статей «Қиссаи сафари Фориш» К. Шарифзода, «Одамон аз дӯстӣ ёбанд бахт...» А. Нуриддинова очень привлекательны, и по содержанию заголовка можно понять, что оно выполнено в художественно-публицистическом жанре. В этих статьях, как мы уже говорили, способ выражения проблемы выражен художественным понятным языком, а авторы очень хорошо использовали богатые ресурсы таджикского языка и сделали их содержание значимым для читателя. Выражение мнения таким способом повышает престиж газеты и придает читателю художественный вкус. Среди других заголовков этих страниц, которые выражены в форме «Баҳори Бойсун» меҳмонҳоро ба сӯи худ мехонад» М. Ахророва (с. 3), «Кӯкдала обод мегардад» А. Содикова, «Фарогирӣ ба кӯдакистонҳо беш аз пеш меафзояд» М. Аскарходжаевой, «Сифат ва самаранокии таълим афзун мегардад» Р. Раупова (с. 4), можно заметить, что эти произведения написаны в жанре новостей, заголовки не краткие, а в виде предложений, где стандартные нормы несколько снижены. Если бы эти заголовки были выражены простыми или сложными фразами, их привлекательность и эффективность были бы больше. «Афзудани фарогирии кӯдакистонҳо», «Фузунгардии сифат ва самаранокии таълим» и другие.

Если мы посмотрим на несколько номеров этой старой газеты, то заметим множество успехов и достижений в заголовках, которые можно считать более поэтичными и мудрыми: «Китоб беҳ аз як хазиначи бузург» [ОТ, 12.06.2024], «Фидоии касби худ» [ОТ, 22.05.2024], «Хостгоҳи забони форсӣ» [ОТ, 22.05.2024], «Иди гулҳо – иди амният» [ОТ, 22.05.2024], «Сад таому сад маза» [ОТ, 22.05.2024], «Тарбияи нафс» [ОТ, 08.05.2024], «Адиби нуктадону заҳматнависанд» [ОТ, 01.06.2024], «Соҳиби мӯйқалами сеҳрангез» [ОТ, 01.06.2024], «Интизорӣ» [ОТ, 01.06.2024], «Азизи дилҳо» [ОТ, 11.05.2024], «Номи неки гузаштагон» [ОТ, 11.05.2024], «К-аз ақибаш зикри хайр зинда кунад номро» [ОТ, 11.05.2024], «Сеҳри зебой» [ОТ, 11.05.2024], «Кашфиёти ҷавонон дар робот техника» [ОТ, 11.05.2024], «Ҳар ки н-омӯхт аз гузашти рӯзгор...» [ОТ, 25.05.2024], «Бухорои шариф» ва кори таълим» [ОТ, 25.05.2024], «Роҳкушои қуллаҳои баланд» [ОС, 20.08.2020], «Рав, некӣ кун» [ОС, 20.08.2020], «15 ҳаёти хушбахтӣ» [ОС, 20.08.2020], «Аз пайи ризқу рӯзӣ» [ОС, 20.08.2020], «Танҳо модар метавонад...» [ОС, 20.08.2020], «Ҳунар аз ганҷу зар беҳ» [ОС, 08.06.2024], «Чуръат» [ОС, 04.06.2024], «Муъҷизаи китоб» [ОС, 08.06.2024], «Дар ҷое, ки товус ҳаст» [ОС, 08.06.2024], «Синергетика дар осори мутафаккирони шарқ» [ОС, 08.06.2024], «Саҳми бонувон дар рушди соҳаи меҳмонхона» [ОС, 04.06.2024], «Танҳо ниғаҳ кун пешро» [ОС, 08.06.2024], «Гар дасти фитодае бигирӣ, мардӣ» [ОС, 04.06.2024], «Булбули боғи дӯстӣ» [ОТ, 18.05.2024] и тому подобное

можно увидеть в газетах «Голос таджика» и «Голос Самарканда», в этих заголовках авторы выразили свое мнение, отражающее общественную, политическую и культурную жизнь народа.

Среди этих заголовков, которые мы приводим в качестве примера из нескольких выпусков двух газет, можно увидеть заголовки, как привлекательные, так и отвечающие эстетическим вкусам, которые мы разделили на следующие подгруппы.

а) Среди заголовков, которые мы привели в качестве примера, можно увидеть такие, которые взяты из стихов того или иного великого поэта: «*К-аз ақибаш зикри хайр зинда кунад номро*» [ОТ, 11.05.2024], «*Ҳар ки н-омӯхт аз гузашти рӯзгор...*» [ОТ, 25.05.2024], «*Гар дасти фитодае бигирӣ, мардӣ*» [ОС, 04.06.2024] и т.п. Содержание этих статей и репортажей отражают заголовки, и цель писателя та же, приводя стихи того или иного поэта.

б) Заголовки бывают как пословицы или поговорки, что тоже очень интересно: «*Китоб беҳ аз як хазинаи бузург*» [ОТ, 12.06.2024], «*Фидоии касби худ*» [ОТ, 22.05.2024], «*Сад таому сад маза*» [ОТ, 22.05.2024], «*Роҳкушои қуллаҳои баланд*» [ОС, 20.08.2020], «*Рав, некӣ кун*» [ОС, 20.08.2020], «*Аз пайи ризқу рӯзӣ*» [ОС, 20.08.2020], «*Ҳунар аз ганҷу зар беҳ*» [ОС, 08.06.2024], «*Танҳо ниғаҳ кун нешро*» [ОС, 08.06.2024], «*Гар дасти фитодае бигирӣ, мардӣ*» [ОС, 04.06.2024], «*Булбули боғи дӯстӣ*» [ОТ, 18.05.2024] и т.п.

в) В газетах «Голос таджика» и «Голос Самарканда» имеется новшество в заголовках художественных жанров, особенно очерков, причем заголовки очерков часто обозначаются словами, словосочетаниями и предложениями: «*Раиси чашикордон*» [ОТ, 13.12.1997], «*Умри фурузон*» [ОТ, 21.08.2002], «*Чавони ростравшан*» [ОТ, 16.04.2007], «*Қиёфаи роҳбар*» [ОТ, 15.01.2000], «*Меҳрпарвар*» [ОТ, 18.03.2009], «*Зикри хайр*» [ОТ, 11.02.2009], «*Кӯш, ки кори ту биёбад ривоҷ*» [ОТ, 20.07.2016], «*Зи дониш дили пир барно бувад*» [ОС, 25.05.2019] и тому подобное – это слова и фразы, которые имеют глубокий смысл, кратки и точны.

г) Выражение заголовков газет «Голос таджика» и «Голос Самарканда» одним словом встречается очень редко, и статьи и репортажи очень привлекательны, выраженные одним словом: «*Интизорӣ*» [ОТ, 01.06.2024], «*Чуръат*» [ОС, 04.06.2024], «*Навқалам*» [ОС, 04.06.2024], «*Тақдирчунбон*» [ОТ, 15.06.2024] и т.п. Содержание репортажей и статей с этими заголовками включает в себя содержание смысла заголовка, то есть речь идет об ожиданиях и смелости человека, а читатель также по заголовку поймет, о чем идет речь.

д) В рассматриваемых газетах вы встретите заголовки очень длинные по объему и по модели сложных придаточных предложений: «*Сифат ва самаранокӣи таълим афзун мегардад*» [ОТ, 04.05.2024], «*Фарогирӣ ба кӯдакистонҳо беш аз пеш меафзояд*» [ОС, 04.05.2024], «*Бонувонро либосҳои миллӣ зебанда аст*» [ОС, 22.08.2020], «*Тачрибаомӯзӣ донишро афзун кунад*» [ОТ, 15.06.2024] и т.п. Содержание статей с такими заголовками охватывает различные общественные моменты, и читатель получает из них интересную информацию.

е) В формировании некоторых газетных заголовков эффективную роль играют слова таджикского происхождения. Вот несколько примеров: «*Фарогирӣ ба кӯдакистонҳо беш аз пеш меафзояд*» [ОС, 04.05.2024], «*Рав, некӣ кун*» [ОС, 20.08.2020], «*Гар дасти фитодае бигирӣ, мардӣ*» [ОС, 04.06.2024], «*Ҳунар аз ганҷу зар беҳ*» [ОС, 08.06.2024], «*Танҳо ниғаҳ кун нешро*» [ОС, 08.06.2024] «*Меҳрпарвар*» [ОТ,

18.03.2009] и другие и считается подобным этим, на самом деле при образовании этих заголовков в основном используются исконно таджикские слова.

ж) В формировании некоторых газетных заголовков играют также роль арабские, русские и интернациональные заимствованные слова, и вот несколько примеров с ними: «Раиси чашикордон» [ОТ, 13.12.1997], «Умри фурузон» [ОТ, 21.08.2002], «Қиёфаи роҳбар» [ОТ, 15.01.2000], «Зикри хайр» [ОТ, 11.02.2009], «Китоб беҳ аз як хазинаи бузург» [ОТ, 12.06.2024], «Фидои касби худ» [ОТ, 22.05.2024], «Сад таому сад маза» [ОТ, 22.05.2024], «Роҳкушои қуллаҳои баланд» [ОС, 20.08.2020], «Аз пайи ризқу рӯзӣ» [ОС, 20.08.2020], «Конгресси байналмиллалӣ» [ОТ, 01.05.2024], «Маҷмуаи мақолаҳои публитсистӣ» [ОТ, 01.05.2024], «Пири қассобҳои Сӯхзамин» [ОТ, 01.05.2024], «Ёди шоири неқном» [ОТ, 01.05.2024] и т.п. и выражены по модели арабского и таджикского языков («Раиси чашикордон» [ОТ, 13.12.1997], «Умри фурузон» [ОТ, 21.08.2002], «Қиёфаи роҳбар» [ОТ, 15.01.2000]), по модели арабского и арабского языка («Зикри хайр» [ОТ, 11.02.2009]), и по модели арабского, русского и интернациональных заимствованных слов («Маҷмуаи мақолаҳои публитсистӣ» [ОТ, 01.05.2024]), русӣ-байналмиллалӣ-арабӣ («Конгресси байналмиллалӣ» [ОТ, 01.05.2024]) и т.д.

з) Заголовки исследуемых газет по грамматической структуре, как уже говорилось выше, выражены однословными моделями: («Меҳрпарвар» [ОТ, 18.03.2009], «Интизорӣ» [ОТ, 01.06.2024], «Чуръат» [ОС, 04.06.2024], «Навқалам» [ОС, 04.06.2024], «Тақдирчунбон» [ОТ, 15.06.2024]), ибораи изофӣ («Пири қассобҳои Сӯхзамин» [ОТ, 01.05.2024], «Зикри хайр» [ОТ, 11.02.09]), ҷумла («Рав, некӣ кун» [ОС, 20.08.2020], «Гар дасти фитодае бигирӣ, мардӣ» [ОС, 04.06.2024], «Ҳунар аз ганҷу зар беҳ» [ОС, 08.06.2024], «Танҳо нигаҳ кун пешро» [ОС, 08.06.2024], «Сифат ва самаранокии таълим афзун мегардад» [ОТ, 04.05.2024], «Фарогирӣ ба кӯдакистонҳо беш аз пеш меафзояд» [ОС, 04.05.2024], «Бонувонро либосҳои миллӣ зебанда аст» [ОС, 22.08.2020], «Таҷрибаомӯзӣ донишро афзун кунад» [ОТ, 15.06.2024]) и т.д.

и) На 1 и 2 страницах рассматриваемых газет заголовки преимущественно выражены в виде дословного перевода, а по структуре – преимущественно в виде простых предложений. («Семинари омори саноатӣ дар Самарқанд гузашт» [ОС, 08.06.2024], «Инфрасохтори маҳаллаи Мелихӯча комилан нав гардид» [ОС, 08.06.2024]) и т.д. В связи с этим мы предлагаем журналистам попытаться выразить заголовки не в форме предложения, а в виде простой или сложной фразы, которые придают речи гибкость и хорошее изложение.

к) В моделях заголовков также просматривается роль тире, и это стоит поддерживать: «9 май – рӯзи хотира ва қадр» [ОТ, 04.05.2024], «Сармоягузорӣ – омили муҳимми тараққиёт» [ОТ, 04.05.2024] и др.

Кроме того, мы хотели бы воспользоваться этой возможностью, чтобы высказать некоторые наши мысли и точку зрения относительно формирования заголовков и их выражения в газетах «Голос таджика» и «Голос Самарканда», которые являются таджикскими изданиями, издающимися в Узбекистане.

1. Следует сказать, что творческие коллективы «Голос таджика» и «Голос Самарканда» приветствуют любые явления, встречающиеся в словообразовании и терминологии таджикского литературного языка и его средств массовой информации, и используют их на страницах своей газеты.

2. В заголовках некоторых газетных статей чувствуется влияние узбекской прессы, произошедшее в результате перевода политических, экономических и культурных материалов.

3. В заголовках газет встречаются непонятные выражения: «*Таҷрибаи Сайхунобод дар Музработ оммави мегардад*» [ОТ, 01.05.2024], «*«Буҷаи ташаббус» – мушкилкушои мардум*» [ОТ, 04.05.2024],

4. Газеты, которые мы исследуем, также очень интересны с точки зрения заголовков, у них интересные и читабельные заголовки: **Сехри соз, Шефтаи нақшу нигорҳо, Аз мост, ки бар мост, Ҷам ба наълу ҳам ба пошна набояд зад! Сарзамини қадима, Ўболу савоб, Бишнава аз най сирри овози маро, Инсо-ни бинодил, Рустаниҳои пурхосият...** С точки зрения журналистики заголовки являются одним из главных столпов страниц газеты и будут по вкусу читателям.

Заключение

Таким образом, на основе поверхностного анализа нескольких номеров газет «Голос таджика» и «Голос Самарканда» можно прийти к выводу, что эти газеты имеют ясный, простой язык и особый стиль по отношению к заголовкам, а материалы газеты предназначены в основном для читателей по историографии, способствуют благочестию читателей, почитанию ими добрых обрядов и добрых человеческих качеств, гордости за свое прошлое и гармонизации культуры славного прошлого с современностью. С этой точки зрения творческие коллективы газет постоянно стараются увеличить число читателей и поклонников этих таджикских изданий. В стиле и выражении мнений в материалах этих газет мало замечается их старание. Только переведенные материалы в некоторой степени не соответствуют нормам построения предложений и фразеологии таджикского литературного языка, тогда как материалы, написанные о культуре, сельскохозяйственной жизни, образовании, отвечают требованиям таджикского литературного языка и несут полезную информацию для читателей газеты.

Список источников и литературы

1. Абдурахмонов А. Газета журналистикаси терминларининг қисқача изоҳли луғати. Тошкент: Ўқитувчи, 1983. С. 23.
2. Абдуқодиров А. Забон ва услуби назми Мирзо Турсунзода. Душанбе: Дониш, 1988. 124 с.
3. Айни С. Луғати нимтафсилии тоҷикӣ барои забони адабии тоҷик // Куллиёт. Душанбе: Ирфон, 1976. Ҷ. 12. 650 с.
4. Абдусаидов А. Газета жанрларининг тили ва услубӣ. Самарқанд, 2001. С. 23–28. 192 б.
5. Бобомуродов Ш., Муминов А. Краткий словообразовательный словарь таджикского литературного языка = Луғати мухтасари калимасозии забони адабии тоҷик. Душанбе: Маориф, 1983. 116 с.
6. Гаффаров Р. Забон ва услуби Раҳим Љалил. Душанбе: Дониш, 1966. 224 с.
7. Забони адабии ӯзбираи тоҷик. Қисми 1: Лексикология, фонетика ва морфология. Душанбе: Ирфон, 1973. 480 с.
8. Камолитдинов Б. Сухан аз баҳри дигарон гӯянд. Душанбе, 2005. 155 с.
9. Қосимова М. Н. Таърихи забони адабии тоҷик. Душанбе, 2010. 380 с.
10. Маъсуми Н. Очеркҳои оид ба инкишофи забони адабии тоҷик. Душанбе, 2011. 384 с.
11. Мирзоев Ғ. Муродифоти қолабҳои калимасозӣ дар забони тоҷикӣ // Маърифат. 1991. № 11. С. 16–18.

12. *Сабзаев С.* Язык и стиль поэтов-просветителей = Забон ва услуби шоирони маорифпарвар. Душанбе: Маориф, 1991. 80 с.
13. *Халимов С., Шукурова К.* Современный таджикский язык (именные части речи). Душанбе: ТГУ, 1988. 98 с.
14. *Хомидов Д.* Лафзи хуш дар чилва орад маънии гуфторро. Душанбе, 2010. 144 с.
15. *Хомидов Д.* Сарнавишти калимаҳо. Душанбе, 2007. 1015 с.

References

1. Abdurakhmonov, A 1983, *Gazeta zurnalistikasi terminlarining qisqaca izohli luqati* (Brief explanatory dictionary of newspaper journalism terms), Uqituvchi publ, Tashkent, p. 23. (In Tajik)
2. Abdukodirov, A 1988, *Zabon va uslubi nazmi Mirzo Tursunzoda* (Language and style of Mirzo Tursunzoda's poetry), Dushanbe. (In Tajik)
3. Aini, S 1976, 'Luqati nimtafsilii toçikî varoi zaboni adavii toçik' (Semi-detailed Tajik dictionary for the Tajik literary language), *Kullijot* (Collection), vol. 12, Irfon publ, Dushanbe. (In Tajik)
4. Abdusaidov, A 2001, *Gazeta zanrlarining tili va uslubi* (Language and style of newspaper genres), Samarkand, pp. 23-28. (In Tajik)
5. Bobomurodov, Sh & Muminov, A 1983, *Luçati muxtasari kalimasozii zaboni adavii toçik* (A brief dictionary of word formation of the Tajik literary language), Dushanbe. (In Tajik)
6. Ghafforov, R 1966, *Zabon va uslubi Ran'im L'alil* (The language and style of Rahim Jalil), Dushanbe. (In Tajik)
7. *Zaboni adavii n'ozirai toçik. Kismi 1. Leksikologija, fonetika va morfologija* (Modern Tajik literary language. Part 1. Lexicology, phonetics and morphology) 1973, Dushanbe. (In Tajik)
8. Kamoliddinov, B 2005, *Suxan az vahri digaron gūjand* (Words for the sake of others), Dushanbe. (In Tajik)
9. Qosimova, MN 2010, *Ta'rixi zaboni adavii toçik* (History of the Tajik literary language), Dushanbe. (In Tajik)
10. Masumi, N 2011, *Ocerkn'oid va inkişofi zaboni adavii toçik* (Essays on the development of the Tajik literary language), Dushanbe. (In Tajik)
11. Mirzoev, G 1991, 'Murodifoti kolavn'oi kalimasozii dar zaboni toçiki' (Correspondence of word-formation patterns in the Tajik language), *Ma'rifat* (Marifat), no. 11, pp. 16-18. (In Tajik)
12. Sabzaev, S 1991, *Zabon va uslubi şoironi maorifparvar* (Language and style of educational poets), Dushanbe. (In Tajik)
13. Halimov, S & Shukurova, K 1988, *Zaboni n'ozirai toçik (n'issan'oi nomii nutk)* (The modern Tajik language (nominal parts of speech)), Dushanbe. (In Tajik)
14. Khomidov, D 2010, *Lafzi xuş dar çilva orad ma'nii guftorro* (A beautiful word expresses the meaning of speech), Dushanbe, pp. 28-30. (In Tajik)
15. Khomidov, D 2007, *Sarnavişti kalimaho* (The fate of words), Dushanbe, pp. 28-30. (In Tajik)

Статья поступила в редакцию: 08.12.2025
Одобрена после рецензирования: 13.02.2026
Принята к публикации: 02.03.2026

The article was submitted: 08.12.2025
Approved after reviewing: 13.02.2026
Accepted for publication: 02.03.2026

Научная статья

УДК 81`373.21

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-151-161>

НЕКОТОРЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ГОРОДСКИХ ТОПОНИМОВ ТУЛЫ В СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

**Зоя Олеговна
Овчинникова**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, zoyaovchinnikova@bk.ru
<https://orcid.org/0009-0004-6137-197X>

Аннотация. Статья посвящена исследованию вариативности городских топонимов Тулы в современной сетевой коммуникации, анализу словообразовательных, морфологических, грамматических изменений, которым подвергаются официальные географические названия в повседневном интернет-дискурсе. Автор подчёркивает, что цифровая среда представляет собой уникальное пространство, в котором активно развивается устно-письменная форма речи, проявляются региональные языковые элементы, разговорные варианты и отражаются процессы народного переосмысления топонимов. Материалом исследования послужили комментарии пользователей к публикациям в локальных сообществах социальной сети «ВКонтакте», что позволило выявить широкий спектр трансформаций и зафиксировать живое функционирование урбанонимов. Особое внимание уделено формированию разговорных форм урбанонимов Тульской области. В статье рассматриваются усечённые формы (*Калужка, Рязанка, Луночка, Пролетарка, Зарик*), употребление среднего рода, образованного по аналогии с продуктивными топонимическими моделями (*Болдино, Пузаково, Пирогово*), использование морфологических вариантов (*Мясного вместо Мясново*), семантическое переосмысление (*Криворучье вместо Криволучье*). Исследование обращается к изучению психолингвистических механизмов адаптации сложных урбанонимов (*Сако Иван Цети вместо Сакко и Ванцетти*), а также проявлений наивной лингвистики в сетевой коммуникации. Автор отмечает, что вариативные формы топонимов выполняют не только номинативную функцию, но также и оценочную, экспрессивную и идентификационную. Лексемы отражают процессы формирования локального языкового сознания, способы осмысления городского пространства и выражения региональной идентичности. Сделан вывод о том, что сетевой дискурс выступает важным источником наблюдения за развитием живого городского языка, в котором официальные топонимы подвергаются творческой народной интерпретации, закрепляются в разговорной практике и становятся элементами локальной языковой картины мира.

Ключевые слова: сетевая коммуникация, топонимы, урбанонимы, локальная идентичность, интернет-дискурс, наивная лингвистика, медиа-коммуникация, вариативность, словообразование.

Для цитирования: Овчинникова З. О. Некоторые грамматические и словообразовательные варианты топонимов Тулы в сетевой коммуникации // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 1 (25). С. 151–161. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-151-161>

Сведения об авторе: З. О. Овчинникова – ассистент института русского языка как иностранного, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125

© Овчинникова З.О., 2026

Scientific Article
UDC 81`373.21
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-151-161>

SOME GRAMMATICAL AND WORD-FORMATIONAL VARIANTS OF URBAN TOPONYMS OF TULA IN ONLINE COMMUNICATION

Zoya O. Ovchinnikova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, zoyaovchinnikova@bk.ru
<https://orcid.org/0009-0004-6137-197X>

Abstract. The article studies the variability of urban toponyms of Tula in contemporary online communication, as well as to the analysis of word-formation, morphological, and grammatical changes that official geographical names undergo in everyday Internet discourse. The author emphasizes that the digital environment represents a unique space in which an oral-written form of speech actively develops, regional linguistic elements and colloquial variants emerge, and processes of folk reinterpretation of toponyms take place. The research material consists of user comments on publications in local communities of the social network VKontakte, which made it possible to identify a wide range of transformations and to record the living functioning of urbanonyms. The author pays special attention to the formation of colloquial forms of urbanonyms in the Tula region. The article examines clipped forms (*Kaluzhka, Ryazanka, Lunocharka, Proletarka, Zarik*), the use of neuter gender forms created by analogy with productive toponymic models (*Boldino, Puzakovo, Pirogovo*), the use of morphological variants (*Myasnogo* instead of *Myasново*), and semantic reinterpretation (*Krivoruchye* instead of *Krivoluchye*). The study also addresses psycholinguistic mechanisms involved in the adaptation of complex urbanonyms (*Sako Ivan Tseti* instead of *Sacco and Vanzetti*) and manifestations of folk linguistics in online communication. The author underlines that variant forms of toponyms perform not only a nominative function, but also evaluative, expressive, and identificational ones. These lexical units reflect the processes of forming local linguistic consciousness, ways of conceptualizing urban space, and means of expressing regional identity. In conclusion, online discourse serves as an important source for observing the development of a living urban language in which official toponyms are subject to creative folk interpretation, become established in colloquial practice, and turn into elements of the local linguistic worldview.

Keywords: online communication, toponyms, urbanonyms, local identity, internet discourse, naive linguistics, media communication, variability, word-formation.

For citation: Ovchinnikova, ZO 2026, 'Some grammatical and word-formational variants of urban toponyms of Tula online communication', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (25), pp. 151–161, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-151-161> (in Russ.)

Information about the Author: Zoya O. Ovchinnikova – assistant, post graduate student, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Avenue, Tula, 300026, Russia

---

© Ovchinnikova Z.O., 2026

Введение

Современный русский язык характеризуется высокой степенью вариативности, обусловленной активным развитием речевой коммуникации, в том числе и сетевой. Сетевая коммуникация, отражающая и фиксирующая живую разговорную речь, становится пространством активных словообразовательных и морфологических процессов, в том числе в области городской топонимии.

Современная городская топонимия представляет собой динамичную систему, в которой отражаются не только структура региона, названия районов, улиц, местных достопримечательностей, но и живые процессы функционирования языка: его развитие, адаптация, сохранение. В условиях цифровой коммуникации топонимы активно вовлекаются в сетевое общение, приобретая новые формы и значения. Особый интерес для данного лингвистического исследования представляют варианты топонимов, возникающие в спонтанной устно-письменной форме речи пользователей социальных сетей.

Сетевая коммуникация позволяет зафиксировать языковые явления и проследить за развитием некоторых языковых процессов и трансформаций морфологических и грамматических форм, которые активно используются носителями языка, входят в национальный язык и становятся нормой для языкового сознания жителей того или иного региона.

Данная статья посвящена анализу вариативных форм топонимов города Тулы, зафиксированных в комментариях пользователей к публикациям тульских сообществ в социальных сетях. Исследование направлено на выявление вариантов, отличающихся от официальной нормы, а также объяснение их возникновения с точки зрения лингвистики и некоторых социокультурных факторов.

Основные понятия исследования

Топонимика как раздел ономастики изучает происхождение, развитие и функционирование географических названий. Согласно определению, данному в Большой российской энциклопедии, это «отрасль знания, всесторонне изучающая географические названия (топонимы) – их значение, происхождение, структуру, территорию распространения; посвящённый этому раздел ономастики» [4]. Основу современного понимания топонимов как особых языковых единиц заложили исследования Е. Л. Березович, В. А. Ефремова, О. В. Лутовиновой, Н. А. Красовской, М. А. Кронгауза, А. А. Матусевич, Н. В. Подольской, В. А. Никонова, А. В. Суперанской, В. И. Супруна и др.

Согласно определению исследователя С. Н. Басика, «топонимика – это научная дисциплина, которая изучает географические названия, их происхождение, развитие, современное состояние, смысловое значение, написание и произношение» [2, с. 6]. В определении подчеркивается комплексный характер топонимики как науки, объединяющий различные стороны рассмотрения топонимов.

Как отмечает советский и российский лингвист, профессор А. В. Суперанская, топоним существует не только как элемент картографической системы, но и «как часть национальной языковой картины мира» [13, с. 179]. Исследователь подчеркивает связь географических названий с коллективным сознанием и культурной памятью народа.

С. Н. Басик также поддерживает эту мысль и пишет о том, что «топонимы – обязательный элемент развития общества и человечества в целом. Их совокупность в пределах той или иной территории представляет собой результат многовекового

народного творчества, создания географических имен. Географические названия – визитная карточка, с которой начинается знакомство со страной, городом или природным объектом» [2, с. 5]. Данное определение акцентирует внимание на живом и динамичном характере топонимии, которое развивается через народное языковое творчество.

В одном из своих исследований российский учёный В.И. Супрун рассуждает о преобразованиях и трансформациях и подчеркивает, что «топонимическое пространство любого региона складывается в результате ономакративной деятельности проживающих на этой территории людей» [14, с. 83]. Российский лингвист, профессор РАН Е. Л. Березович подчёркивает «сложность извлечения этнокультурной информации», по словам исследователя, эта сложность связана «с неотработанностью процедуры перехода от собственно языкового уровня к мировоззренческому» [3, с. 21]

Доктор филологических наук, профессор Н.А. Красовская, рассматривая региональные языковые проявления в сетевой коммуникации, отмечает, «что общение в социальных сетях происходит в письменном виде, однако оно настолько своеобразно, что стоит на грани между устной и письменной формами речи». [8, с. 172]. Исследователь подчеркивает, что «это одна из разновидностей письменно-устной формы речи, она может иметь региональные маркеры... Это могут быть фонетические варианты (в случае фонетического письма), лексические, грамматические» [8, с. 173].

О феномене устно-письменной формы речи также рассуждает известный российский лингвист М. А. Кронгауз и характеризует её как «новый промежуточный тип коммуникации и новую промежуточную форму языка» [7, с. 44]. Актуальность исследования данного вопроса также подчеркивает лингвист С. Ф. Барышева: «устно-письменность речи – это самое заметное явление в языке интернет-общения» [1, с. 36]. Об этом же феномене размышляет О. В. Лутовинова, говоря о том, что «в Интернете функционирует новая “устно-письменная” разновидность речи, имеющая свои собственные специфические черты и представляющая, ..., очень интересный феномен для ряда лингвистических исследований» [9, с. 65].

Материалом данного исследования послужили комментарии к публикациям в тульских сообществах «Подслушано в Туле» и «Общение в Гостинке Тула Подслушано на Набережной» в социальной сети «ВКонтакте».

Цель данного исследования – выявить грамматические, морфологические и словообразовательные особенности разговорных форм тульских топонимов, отражающихся в сетевой коммуникации, проанализировать их употребление и определить роль в формировании локальной языковой картины мира жителей Тульской области.

Материалы исследования

Особую значимость приобретает изучение региональных языковых особенностей в сетевой коммуникации, проявляющихся в повседневной речи пользователей. Рассмотрение конкретных примеров позволит выявить механизмы взаимодействия общенациональной нормы и локальной языковой традиции. В городском пространстве часто наблюдается явление вариативности в использовании топонимов, когда официальные названия подвергаются морфологическим и грамматическим преобразованиям, в результате чего появляются разговорные формы – лаконичные, эмоционально окрашенные и устойчивые в обиходе.

Одним из частотных типов таких трансформаций являются морфологические варианты в устно-письменной форме коммуникации. Например, они могут быть связаны с переносом по аналогии грамматических моделей прилагательных и существительных на структуру топонима. Это доказывают некоторые комментарии в социальных сетях. Так, в комментариях пользователей социальных сетей часто встречается форма названия местного района *Мясного* вместо нормативного *Мясново*, это подтверждают примеры: «*В микрорайоне Мясного, около завода Матяш, 16.09. рано утром пропала кошка, отзывается на имя Нюша*» («Подслушано в Туле», 18 сентября 2025 г. в 21:23), «*кто поступает в колледж в мясного ? амину цветочков*» («Общение в Гостинке Тула Подслушано на Набережной», 20 июля 2025 г. в 16:40) (Примеч. автора: здесь и далее сохранены орфография и пунктуация автора комментария). В рассматриваемом примере наблюдается трансформация: используется вариант топонима *Мясного* вместо общепринятого наименования района *Мясново*. Замена окончания пользователем может быть связана с ложной аналогией использования топонима в родительном падеже. Отклонения от норм заметны и в ряду других пользователей, то есть наблюдается рефлексия: пользователи активно обсуждают трансформации в сетевой коммуникации, следующий комментарий подтверждает это: «*Уважаемые туляки и гости нашего города! Поймите Вы, наконец, нет в Туле улиц Руднево, Мясного, Летейзина, Лыжевой. Нет и быть не может! Учите историю, читайте книги!*» («Подслушано в Туле», 6 ноября 2016 в 15:28).

Интересное явление можно наблюдать относительно употребления топонима *Криволучье*. Это официальное название, топоним, называющий один из районов города Тулы. Он имеет историческое происхождение и связан с географическим расположением, формой русла тульской реки *Упы*. Согласно сведениям энциклопедии «Рувика», «происхождение слова *Криволучье* связано с формой русла реки Упы на данной территории в виде “луки” (то есть изгиба)» [6]. Очевидно, лексема *Криволучье* образована от слова *лука* (изгиб), которое, согласно «Словарю народных географических терминов» Э. М. Мурзаева, несёт значение «*большая длинная излучина реки; дуга*» [10, с. 216] и прилагательного *кривой*, то есть *Криволучье* – район, место у излучины реки.

В сетевой коммуникации нами был зафиксирован вариант *Криворучье* в комментариях: «*Кто с Криворучья ставьте лайк. Анон*» («Общение город Тула». «Подслушано в Туле», 14 октября 2025 в 17:17); «*Потеряшка, бегаёт в районе быт комбината, криворучье!!адресника нет*» («Подслушано в Туле», 29 января 2023 в 21:45). Написание топонима на первый взгляд может восприниматься как орфографическая ошибка или опечатка пользователя, однако более внимательный анализ показывает, что перед нами не случайная описка, а результат метафорического переосмысления топонима, где проявляется народная языковая игра и наивная лингвистика. Это подтверждает также не единичное, а множественное использование данной лексемы пользователями социальной сети «ВКонтакте».

В рассматриваемом примере отмечается изменение *–луч–/–руч–*: меняется только одна буква, однако это изменение ведёт к некоторому семантическому переосмыслению. Вариант *Криворучье* вызывает ассоциацию с лексемой *криворукий* – прилагательным, означающим «*неумелый, неловкий, неуклюжий*» [5]. Более того, можно выдвинуть предположение, что в данном случае игра слов *Криволучье* – *Криворучье* может восприниматься как юмор или ирония жителей Тулы. Такое шуточное самоназвание могло появиться в связи с тем, что район *Криволучье* находится на

окраине города, часто в новостной ленте местные жители обсуждают события и происшествия в этом районе.

Итак, очевидно, что топоним выполняет не только номинативную функцию (называние географического объекта Тулы), но и приобретает ироническую, оценочную и самоидентификационную функции. Лексему *Криворучье* можно рассматривать как проявление локальной народной интерпретации – языковой игры, где жители переосмысливают городское пространство, район города Тулы через юмор в повседневном общении.

Подобные примеры комментариев в сетевой коммуникации представляют собой результат развития местного языка – вариативного использования, семантической языковой игры и народной интерпретации общепринятого топонима Криволучье, который подвергается переосмыслению по принципу звукового и смыслового сходства.

Рассмотрим ещё один комментарий к публикации в локальном сообществе «ВКонтакте»: «*Что же все так кв говорят норм район*» (К посту «*Тула – это когда снова выбрался из Криволучья живым*». «*Подслушано в Туле*», 22 октября 2017 г. в 03:20). Здесь можно наблюдать не просто употребление топонима, а оценочную реплику, в которой отражается социальное восприятие городского пространства и отношение говорящих к району. Комментарий выступает как оппонировавшая реплика, в которой пользователь защищает район, используя разговорный стиль, и создаёт сокращённое обозначение – аббревиатуру кв. Данные приёмы являются характерными особенностями устно-письменной формы речи.

В городском пространстве Тулы существует название *микрорайона Красный Перекоп*. В интернет-коммуникации обнаруживается пример «*Помогите найти собаку! Объявления расклеены на Красной Перекопе*» («*Подслушано в Туле*», 19 сентября 2025 г. в 21:35). Согласно нормам современного русского языка при употреблении топонима мужского рода в единственном числе с предлогом *на* в предложном падеже корректная форма будет следующей: *на Красном Перекопе*. Однако в приведённом примере наблюдается отклонение: вместо общепринятого *на Красном Перекопе* используется форма *на Красной Перекопе*. Пример демонстрирует морфологическую вариативность в употреблении топонима. Возможно, появление данного комментария обусловлено незнанием этимологического происхождения названия района и грамматической ошибкой в определении родовой принадлежности слова *Перекоп*, которое, видимо, воспринимается как слово женского рода – *Перекопа*. В диалектной речи есть некоторые характерные особенности, отражающие ландшафт местного языка. Например, в диалектной речи Тульской и Московской областей встречаются лексемы женского рода *перерва* и *прорва* – то есть там, где что-то прервано. Например, согласно «Толковому словарю русского языка» Д. Н. Ушакова, *прорва* – «новое русло, промытое, прорытое рекой» [15, с. 988]. *Перерва* – «промой, новое русло, прорыв воды из пруда, проток» [10, с. 287]. *Перекоп* – «поперечный ров или вал, запруда, плотина на реке, озерке» [10, с. 287]. Возможно, вариант топонима *на Красной Перекопе* появился по аналогии с образованием данных лексем женского рода, схожих по семантическому значению – где что-то прервано, прорвано, перекопано.

«*Прогулка по Тульскому Кремлю и Кремлевской набережной...*» («*Подслушано в Туле*», 2 ноября 2025 г. в 18:59). В приведённом комментарии пользователь социальной сети упоминает топоним *Кремлёвская набережная*, в официальной топонимической системе города Тулы такого названия не существует. Речь идёт о Ка-

занской набережной, расположенной в историческом центре Тулы, вдоль реки Упы, непосредственно у стен Тульского кремля. Казанская набережная в Туле появилась как картографический объект в 1907 году. Казанская набережная в Туле была отреставрирована и открыта для гостей и местных жителей 8 сентября 2018 года. Данный вариант названия географического объекта представляет собой явление, вызванное пространственной ассоциацией и метонимическим переносом значения: географический объект получает новое, мотивированное название по близкому расположению к кремлю.

Написание названия одной из тульских улиц Сакко и Ванцетти в социальных сетях может появляться как вариант *Сако Иван Цети*, это иллюстрирует комментарий «*нашёл на Сако Иван Цети, 73*» («*Подслушано в Туле*», 15 марта 2017 г. в 21:23). Подобная форма может свидетельствовать о том, что автор не знает о происхождении урбанонима, восходящего к фамилиям итальянских рабочих-революционеров Никола Сакко и Бартоломео Ванцетти. Данный пример носит этимологический и фонетико-графический характер и отражает наивное восприятие сложного антропонимического сочетания. Можно предположить, что пользователь не является местным жителем и, не зная топонима, делит сложное сочетание на осмысленные и понятные для себя компоненты: *Сакко* – «*Сако*», и *Ванцетти* – «*Иван Цети*». Особого внимания заслуживает элемент *Иван*, который является общеизвестным антропонимом в русской языковой картине мира, привычным и узнаваемым в народном сознании жителей Тулы. Именно поэтому говорящий распознаёт в сочетании *Сакко и Ванцетти* знакомый фрагмент *Иван* и подсознательно выбирает именно этот вариант, разбивая неизвестное сочетание слов на знакомые части. Этот процесс имеет не только фонетическую и графическую, но и психолингвистическую природу, пользователь стремится придать незнакомой единице понятную структуру.

В сетевой коммуникации нами были также обнаружены комментарии пользователей с примерами усечения топонимов города Тулы. Одним из ярких примеров являются лексемы *Левобережка*, *Рязанка*, *Калужка*, *Пролетарка* в следующих комментариях: «*Калужка стоит, Рязанка стоит, всё стоит!*» («*Подслушано в Туле*», 15 января 2025 г. в 21:03). «*А вы слышали, что съёмки 3 части фильма “Малёфисента” проходят в Левобережке?!*» («*Подслушано в Туле*», 25 августа 2020 в 12:40). «*Братцы есть ли люди кто по вечерам в футбол гоняет?! Заречье близ Пузакова литейная луночарка*» («*Подслушано в Туле*», 18 июля 2021 в 21:40), «*В Пролетарке света нет, люди...*» («*Подслушано в Туле*», 14 декабря 2022 в 12:00).

В рассматриваемых примерах наблюдается словообразовательный приём усечения, редукция исходного топонима, носящего общепринятое название: Левобережный район – до формы *Левобережка*, Калужское шоссе – *Калужка*, Рязанское шоссе – *Рязанка*, Пролетарский район – *Пролетарка*, улица Луначарского – *Луночарка*. Механизм образования лексемы – усечение основы и суффиксальный способ словообразования (с помощью суффикса -к). Формы *Левобережка*, *Пролетарка*, *Калужка* и др. – неофициальные урбанонимы, функционирующие в пределах городского речевого пространства как обозначение конкретного района, улицы, места.

Такие формы выражают прагматику принадлежности: говорящий демонстрирует, что он местный, в теме, он знаком с местными лексемами *Левобережка*, *Пролетарка*, *Рязанка*, *Калужка* и др. – это его слова, он понимает, о чём идёт речь. Кроме того, можно отметить, что данное явление встречается и в других регионах,

например, похожие трансформации происходят с топонимами Москвы: Ленинградское шоссе – *Ленинградка*, Варшавское шоссе – *Варшавка* и др.

Рассмотренные примеры показывают, что в речи туляков активно функционирует пласт разговорных урбанонимов, образованных по модели усечение + суффикс -к.

Также интересными являются формы *Зарик*, *Пролётник* в комментариях «Как с автостанции Зарика доехать до Фрунзе», «ночной Пролётник» («Подслушано в Туле», 5 октября 2018 в 21:40), в которых наблюдается усечение основы и суффиксальный способ словообразования с помощью суффикса -ик. Суффикс -ик выполняет в данных примерах две функции: формообразовательную (создаёт новое слово) и оценочно-эмоциональную (добавляет разговорную, локально окрашенную интонацию). Также можно предположить, что *Зарик*, *Пролётник* семантически приближаются к уменьшительно-ласкательному значению (как, например, *домик*, *садик*).

В другом разговорном варианте – *Пролёт* – наблюдается бессуффиксный способ словообразования в комментарии «Наушники. Найдены в пролёте» («Подслушано в Туле», 12 июня 2023 в 21:33).

В сетевой коммуникации варианты топонимов функционируют в конструкциях: «в Пролёте», «с пролёта», «на Пролетарке», «с Зарика еду», что указывает на их синтаксическую адаптацию и интеграцию в разговорный лексикон жителей Тульской области.

Таким образом, лексемы *Пролётник*, *Пролетарка*, *Зарик* др. являются не просто сокращениями, а маркерами социальной и пространственной идентичности, объединяющими носителей локального варианта речи.

Особый интерес представляют примеры, в которых наблюдается сознательное избегание сложного или потенциально опасного в плане ошибки грамматического оформления женского и мужского родов. В такой ситуации пользователь предпочитает вариант среднего рода, воспринимаемый как более нейтральный и менее рискованный в плане ошибки.

В комментариях сетевой коммуникации проявляются варианты написания улиц *Болдина*, *Токарева*, *Пузакова*, *Горького*, *Пирогова*, *Галкина* и др. как, *Болдино*, *Токарево*, *Пузаково*, *Горьково*, *Пирогово*, *Галкино* в комментариях «Потерялся щенок, Максима Горьково 29 а.» («Подслушано в Туле», 4 сентября 2024 в 15:31); «Подскажите где в Туле теперь блошинный рынок? Уже 2 субботы не можем застать никого на Пирогово. Прикрыли там барахолку уже» («Подслушано в Туле», 13 декабря 2023 в 21:54); «Выезжая с Автовокзала можно повернуть только на лево, а там как правило пробка! А если нужно папасть на Зеленстрой или на Болдино?» («Подслушано в Туле», 23 января 2017 в 14:32.)

Данные варианты оформляются как существительные среднего рода по аналогии с многочисленными русскими топонимами на -ово, -ево, -ино: *Хомяково*, *Савино*, *Орехово*, *Медведево*, *Лукино*. Модели на -ово, -ево, -ино в русской топонимии обладают высокой продуктивностью, что обусловлено историческим закреплением модели в народной традиции. В современном устном и сетевом общении наблюдается регулярное использование данной модели, когда говорящий сомневается, какого рода наименование улицы – женского или мужского, он выбирает наиболее безопасный, средний, чтобы не ошибиться.

Таким образом, примеры подтверждают, что в условиях сетевой коммуникации официальные урбанонимы подвергаются фонетической, орфографической и морфологической адаптации. Эти изменения отражают спонтанный характер сете-

вой коммуникации, особенности восприятия, а также механизмы наивной лингвистики, которые демонстрируют активное участие пользователей в формировании живой городской топонимики.

Выводы

Исследование подтверждает тезисы о том, что тульская городская топонимическая система представляет собой динамичное, изменяющееся явление. Материалы социальных сетей демонстрируют, что топонимы, будучи официально закреплёнными единицами, в реальной коммуникации подвергаются морфологическим, грамматическим, словообразовательным трансформациям. Эти процессы свидетельствуют о высокой степени гибкости городского языкового сознания и способности адаптировать наименования к потребностям неформального общения.

В сетевой речи туляков фиксируются многочисленные случаи морфологической вариативности при оформлении топонимов, что отражает стремление пользователей адаптировать общепринятые географические названия к собственным языковым догадкам и конкретным речевым ситуациям. Рассмотренные нами формы демонстрируют процессы морфологической упрощённости и эмоциональной экспрессивности, что отражает живую динамику городского языка.

В анализируемых примерах отражена не только географическая номинация, но и образ города как пространства личного опыта, что делает их важным компонентом локальной языковой картины мира. Топонимы выполняют функцию маркеров региональной идентичности, фиксируя особенности восприятия городского пространства местными жителями.

Исследование подтверждает, что язык городской повседневности является не только коммуникативным средством, но и инструментом самоидентификации жителей, он отражает в речи культурное пространство.

Так, в ходе анализа материала сетевой коммуникации были выявлены комментарии, содержащие варианты топонимов, отличающиеся от общепринятых форм. Можно сделать вывод, что приведённые примеры подтверждают активное функционирование разговорных и народных форм топонимов в неофициальной городской коммуникации, в том числе и сетевой. Наиболее типичными являются случаи морфологических и словообразовательных трансформаций, возникающих в результате неосведомлённости пользователей об этимологии названий, быстроты коммуникации или отсутствия нормативного письменно-речевого контроля в интернет-среде.

Проведённый анализ показывает, что в интернет-коммуникации активно функционируют разговорные формы топонимов. Эти вариации обусловлены совокупностью факторов: фонетическим принципом передачи речи, морфологической аналогией, психолингвистическими механизмами восприятия, влиянием региональной языковой нормы. Таким образом, вариативные формы топонимов отражают особенности локального языкового сознания и процесс формирования региональной идентичности.

Список источников и литературы

1. Барышева С. Ф. «Устно-письменная» форма речи в интернет-коммуникации как проявление тенденции к разговорности и диалогичности // Мир лингвистики и коммуникации. 2021. № 2. С. 34–47. URL: <http://www.tverlingua.ru> (дата обращения: 22.10.2025).
2. Басик С. Н. Общая топонимика: учеб. пособие для студ. геогр. фак. Минск: БГУ, 2006. 200 с.

3. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: пространство и человек / под ред. А. К. Матвеева. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 328 с.
4. Топонимика: [статья] // Большая российская энциклопедия. Т. 32. М.: Большая Рос. энцикл., 2016. С. 290–291.
5. Значение слова «криворукий» // КартаСлов.ру: сайт. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/криворукий> (дата обращения: 17.10.2025).
6. Криволучье (Тула) // Рувики: интернет-энциклопедия. URL: [https://ru.ruwiki.ru/wiki/Криволучье_\(Тула\)](https://ru.ruwiki.ru/wiki/Криволучье_(Тула)) (дата обращения: 17.10.2025).
7. Кронгауз М. А. Самоучитель олбанского. М.: АСТ: CORPUS, 2013. 412 с.
8. Красовская Н. А. Проявление региональных и этнолингвистических особенностей в русскоязычных социальных сетях // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы IV Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 172–175.
9. Лутвинова О. В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 71. С. 58–65.
10. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
11. Общение в Гостинке Тула Подслушано на Набережной: закрытое сообщество // ВКонтакте: соц. сеть. URL: <https://vk.com/podslgdbp> (дата обращения: 07.11.2025).
12. Подслушано в Туле: сообщество // ВКонтакте: соц. сеть. URL: <https://vk.com/overhear.tula> (дата обращения: 07.11.2025).
13. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 368 с.
14. Супрун В. И. Полилингвальная топонимия многонационального региона (на примере географических названий Республики Калмыкия) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 6 (119). С. 83–89.
15. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 3: П – Ряшка / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков; сост. В. В. Виноградов и др.; под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1939. 1424 с.

References

1. Barysheva, SF 2021, 'Ustno-pismennaya' forma rechi v internet-kommunikatsii kak proyavleniye tendentsii k razgovornosti i dialogichnosti' (The "oral-written" form of speech in internetcommunication as an appearance of the tendency of colloquiality and dialogicality), *Mir lingvistiki i kommunikatsii* (World of Linguistics and Communication), no. 2, pp. 34–47, viewed 22 October 2025, <http://www.tverlingua.ru> (In Russ.)
2. Basik, SN 2006, *Obshchaya toponimika* (General Toponymy), BGU publ, Minsk. (In Russ.)
3. Berezovich, EL 2009, *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte: prostranstvo i chelovek* (Russian Toponymy in the Ethnolinguistic Aspect: Space and Person), ed. A K Matveev, Kn. dom «LIBROKOM» publ, Moscow. (In Russ.)
4. 'Toponimika' (Toponymy) 2025, *Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya* (The Great Russian Encyclopedia), viewed 17 September 2025, <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/4197585> (In Russ.)
5. 'Znachenije slova "krivorukiy"' (Meaning of the word "krivorukiy") 2025, *Karta slov*, viewed 17 October 2025, <https://kartaslov.ru/znachenie-slova/krivorukiy> (In Russ.)
6. 'Krivoluchye (Tula)' (Krivoluch'ye (Tula)) 2025, *Ruwiki*, viewed 17 October 2025, [https://ru.ruwiki.ru/wiki/Krivoluchye_\(Tula\)](https://ru.ruwiki.ru/wiki/Krivoluchye_(Tula)) (In Russ.)
7. Krongauz, MA 2013, *Samouchitel olbanskogo* (A Self-Study Guide to Olbansky: Russian Internet Slang), AST publ, CORPUS publ, Moscow. (In Russ.)
8. Krasovskaya, NA 2019, 'Proyavleniye regionalnykh i etnolingvisticheskikh osobennostey v russkoyazychnykh sotsialnykh setyakh' (Manifestation of regional and ethnolinguistic features in Russian-language social networks), *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf.* (Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology. Proceedings of the 4th International Scientific Conference), 9–13 September 2019, Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta publ, Yekaterinburg, pp. 172–175. (In Russ.)

9. Lutovinova, OV 2008, 'Internet kak novaya "ustno-pismennaya" sistema kommunikatsii' (The Internet as a new oral-written system of communication), *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A I Gertsena* (Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences), no. 71, pp. 58–65. (In Russ.)
10. Murzaev, EM 1984, *Slovar narodnykh geograficheskikh terminov* (Dictionary of Folk Geographic Terms), Mysl publ, Moscow. (In Russ.)
11. 'Obshchenie v Gostinke Tula. Podslushano na Naberezhnoy' (Communication in the Gostinka. Tula. Overheard on the Embankment) 2025, VK, viewed 7 November 2025, https://vk.com/gostinka_tula(In Russ.)
12. 'Podslushano v Tule' (Overheard in Tula) 2025, VK, viewed 7 November 2025, https://vk.com/podslushano_tula(In Russ.)
13. Superanskaya, AV 1973, *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* (General Theory of Proper Names), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
14. Suprun, VI 2017, 'Polilingvalnaya toponimiya mnogonatsionalnogo regiona (na primere geograficheskikh nazvaniy Respubliki Kalmykiya)' (Polylingual toponymy of multinational region (by the example of geographical names of the Republic of Kalmykia)), *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, vol. 119, no. 6, pp. 83–89. (In Russ.)
15. Ushakov, DN (ed.) 1939, 'P–Ryashka', *Tolkovyy slovar russkogo yazyka*(Explanatory Dictionary of the Russian Language), vol. 3, Gos. izd-vo inostr. i nats. slov. publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 19.01.2026
Одобрена после рецензирования: 13.02.2026
Принята к публикации: 02.03.2026

The article was submitted: 19.01.2026
Approved after reviewing: 13.02.2026
Accepted for publication: 02.03.2026

**НОМЕНКЛАТУРА ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ:
ПРАВОВАЯ БАЗА, РЫНОЧНАЯ СИТУАЦИЯ,
УЧЕБНАЯ ПОДАЧА (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ АНТИБИОТИКОВ)**

**Наталья Ивановна
Данилина¹**

**Жасмина Мартиновна
Абакарова²**

^{1,2} Саратовский государственный медицинский
университет им. В.И. Разумовского
Саратов, Россия

¹ kyprianaLXX@gmail.com

¹ <https://orcid.org/0000-0001-8804-2157>;

² zhasmina.abakarova@mail.ru

Аннотация. Актуальность заявленной проблемы обусловлена необходимостью оценки современной рыночной ситуации в сфере номенклатуры лекарственных средств на предмет ее соответствия существующей правовой базе, а также недостаточной разработанностью методических аспектов темы. Цель исследования – установить, насколько реальная ситуация в сфере фармацевтической номинации соответствует методическим рекомендациям, одобренным Минздравом РФ, и насколько адекватно она отражена в учебниках. Материалом исследования явилась выборка названий антибиотиков, представленных на современном российском фармацевтическом рынке, произведенная по Регистру лекарственных средств России, объемом 80 международных непатентованных наименований и 529 торговых названий. Основные результаты исследования: 1) правовые документы в части перечня рекомендуемых словообразовательных элементов не вполне точно отражают современную научную классификацию антибиотиков; 2) основные рекомендации по образованию корректных фармацевтических названий соблюдаются производителями; 3) выявлены новые регулярно используемые словообразовательные элементы, констатировано расширение значения отрезка *-tucinum*; 4) основоположение не является ведущим способом образования фармацевтических номенклатурных наименований; 5) изложение темы в учебных пособиях опирается не на реальную номинативную практику, а исключительно на правовую базу, что снижает ее информативную и профориентационную ценность, поэтому в методическом плане можно рекомендовать пересмотреть учебную подачу темы с учетом современной ситуации в сфере фармацевтической номинации. Перспектива исследования заключается в возможности экстраполяции примененной методики на анализ наименований других групп лекарственных препаратов и внедрение полученных результатов в практику преподавания учебных курсов, связанных с терминологической номинацией.

Ключевые слова: номенклатура лекарственных средств, международное непатентованное наименование, торговое название, антибиотики, словообразование, фармацевтическая номинация, язык для специальных целей.

Для цитирования: Данилина Н. И., Абакарова Ж. М. Номенклатура лекарственных средств: правовая база, рыночная ситуация, учебная подача // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 1 (25). С. 162–173. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-162-173>

Сведения об авторах: *Н. И. Данилина* – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского и латинского языков, Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского, 410012, Россия, г. Саратов, ул. Б. Казачья, 112;

Ж. М. Абакарова – студентка факультета фармации, профилактической медицины и биомедицины, Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского, 410012, Россия, г. Саратов, ул. Б. Казачья, 112.

Scientific Article

UDC 81`373.46 // 614.275

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-162-173>**NOMENCLATURE OF MEDICINES: LEGAL FRAMEWORK,
MARKET SITUATION, EDUCATIONAL PRESENTATION
(BASED ON THE NAMES OF ANTIBIOTICS)****Natalia I. Danilina¹****Zhasmina M. Abakarova²**^{1,2} V.I. Razumovskiy Saratov State

Medical University, Saratov, Russia

¹ kyprianaLXX@gmail.com¹ <https://orcid.org/0000-0001-8804-2157>;² zhasmina.abakarova@mail.ru

Abstract. The relevance of the stated issue is due to the need to assess the current market situation in the field of the medicine's nomenclature for its compliance with the existing legal framework, as well as the insufficient development of methodological aspects of the topic. The purpose of the study is to determine the compliance degree of the actual situation in the pharmaceutical nomination field with the methodological recommendations approved by the Ministry of Health of the Russian Federation, and find out how appropriately it is presented in textbooks. The research material was a sample of antibiotic names commercially available on the modern Russian pharmaceutical market, produced according to the Register of Medicines of Russia, with a volume of 80 international non-proprietary name and 529 brand name. The main results of the study are: 1) legal documents regarding the list of recommended word-formation elements do not accurately reflect the modern scientific classification of antibiotics; 2) in general, manufacturers follow the basic guidelines for the formation of correct pharmaceutical names; 3) the authors identify new regularly used word-formation elements and establishes the extension of the meaning of the -mycinum segment; 4) stem-composition is not the main method of forming pharmaceutical nomenclature names; 5) the presentation of the topic in the textbooks is not based on real nominative practice, but solely on the legal framework, which reduces its informative and career-oriented value; therefore, in methodological terms, the authors recommend to revise the educational presentation of the topic, taking into account the current situation in the field of pharmaceutical nomination. The prospect of the study lies in the possibility of extrapolating the applied methodology to the analysis of the other groups of medicine names and the implementation of the results obtained in the practice of teaching relevant disciplines.

Keywords: nomenclature of medicines, international non-proprietary name, trade name, antibiotics, word formation, pharmaceutical nomination, language for specific purposes.

For citation: Danilina, NI., Abakarova ZhM., 2026, 'Nomenclature of medicines: legal framework, market situation, educational presentation (based on the names of antibiotics)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (25), pp. 162–173, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-162-173> (in Russ.)

Information about the Author: Natalia I. Danilina – Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Russian and Latin languages Chair, V.I. Razumovskiy Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachya St., Saratov, 410012, Russia;

Zhasmina M. Abakarova – Student, Pharmacy, Preventive Medicine and Biomedicine Department, V.I. Razumovskiy Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachya St., Saratov, 410012, Russia.

Введение

В настоящее время в условиях бурного развития фармацевтической промышленности выбор удачного названия для вновь синтезируемых лекарственных препаратов и дженериков представляет важную задачу, решение которой находится в ведении двух наук: фармации и лингвистики [3]. С позиций лингвистики название лекарственного средства является искусственно создаваемым именем собственным, относящимся к группе рекламных имен, т. е. таких, которым помимо собственно номинативной функции (назвать) и идентифицирующей (отличить от других) свойственна также информативная (донести некоторые сведения) и рекламная (привлечь потенциального потребителя), однако такие названия рассматриваются лингвистами-терминологами преимущественно в словообразовательном аспекте, т. е. с точки зрения номинативной функции [16]. Специалистов-фармацевтов название препарата интересует в первую очередь в аспекте достоверности заключенной в нем информации (ср., например, такое утверждение: «Ключевая информация о ЛС содержится в его наименовании» [11, с. 33]), т.к. именно эта достоверность является залогом безопасности пациента, составляющей одну из важнейших проблем медицинской этики. В документах международных медицинских организаций констатируется, что «существование вводящих в заблуждение наименований ЛС является одной из наиболее распространенных в мире причин ошибок, возникающих при применении лекарств» [11, с. 34; 9, с. 47]. Это подтверждают и данные опроса, проведенного среди отечественных медицинских и фармацевтических работников, а также конечных потребителей [19, с. 12]. В рекомендации коллегии Евразийской экономической комиссии от 29.01.2019 № 2 «Руководство по выбору торговых наименований лекарственных препаратов» подчеркивается, что «оценка торгового наименования лекарственного препарата является составной частью экспертизы безопасности лекарственных препаратов, проводимой уполномоченными органами (экспертными организациями) в рамках процедуры регистрации лекарственного препарата» [12, ст. 9].

Следует учитывать, что на фармацевтическом рынке функционируют как международные непатентованные наименования (МНН), присваиваемые лекарственным веществам Всемирной организацией здравоохранения, так и названия, искусственно создаваемые и патентуемые разработчиками или производителями дженериков, причем именно последние являются главным источником пополнения номенклатуры [19, с. 13; 9, с. 46]. Учитывая важность рассматриваемого вопроса, и международные, и внутригосударственные медицинские ведомства разработали рекомендации по созданию корректных названий [1; 12; 14]. Одним из основополагающих принципов в этой области выступает отражение в названии препарата его фармакологической специфики. Это означает необходимость закрепления за определенными группами лекарственных средств определенных элементов словообразовательной структуры, подобных связанным корням или аффиксам естественного языка (в терминоведении такие отрезки называются терминоподобными). Перечень таких элементов приведен в приложении к международному Руководству по выбору МНН [1], в меньшем количестве – в его отечественных аналогах [14], а также во всех учебных пособиях по латинскому языку для медиков и фармацевтов, например [5; 13]. Таким образом, мы видим наличие разработанной международной и отечественной правовой базы для формирования номенклатуры лекарственных средств. Вместе с тем данная база носит не жестко прескриптивный, а рекомендательный характер, поэтому нельзя исключить отступлений от нее в реальной рыночной ситуа-

ции и появления неотмеченных рекомендациями трендов, что обеспечивает актуальность заявленного в заглавии статьи эмпирического исследования. Заметим, что исследования такого типа регулярно ведутся специалистами по фармацевтическому маркетингу [8].

Актуальность методической стороны нашего исследования обусловлена спецификой места обсуждаемой темы в учебном процессе. Она является обязательной не в курсах специальных фармацевтических дисциплин, а в курсе латинского языка для медиков и фармацевтов. Однако с точки зрения латинского языка эта тема сводима к усвоению обучающимися определенного минимума словообразовательных элементов латинского происхождения, поэтому ей уделяется сравнительно мало внимания, и она довольно редко поднимается методистами, например в следующем источнике [7]. Таким образом, на сегодняшний день проблему учебной подачи современных аспектов формирования корректной номенклатуры лекарственных средств нельзя считать достаточно разработанной.

Цель нашей работы – установить, насколько реальная ситуация в номенклатуре современных лекарственных средств соответствует методическим рекомендациям, одобренным Минздравом РФ, и насколько адекватно она отражена в учебниках. Результаты могут иметь практическое значение при создании новых учебных пособий и разработке спецкурсов по терминологическому словообразованию.

Материалы и методы

Материалом исследования явилась выборка названий антибиотиков, представленных на современном российском фармацевтическом рынке, произведенная по Регистру лекарственных средств России [15]. Объем выборки составил 80 МНН и 529 торговых названий. Основной метод – словообразовательный и семантический анализ, задействованы количественные методики.

Результаты и обсуждение

Согласно современной фармацевтической науке, классификация антибиотиков возможна по разным основаниям, каждое из которых дает свою группировку: по продуценту, по спектру активности, по механизму действия, по химическому строению [6, с. 12], последняя классификация наиболее востребована [4]. Параметры спектра действия и химического строения могут быть объединены в рамках единой классификации [2, с. 4]. Вместе с тем словообразовательные элементы, рекомендуемые к использованию в названиях антибиотиков, во всех источниках даются как неиерархический список, не покрывающий всех терминальных групп фармацевтической классификации антибиотиков. Например, с β -лактамами антибиотиками связывается отрезок *-bactamum*, хотя, согласно классификации, к этой же группе относятся пенициллины и цефалоспорины, маркируемые собственными отрезками (*-cillinum* и *cef-* соответственно и их производными *-cillide* и *-oxef*), а также карбапенемы и монобактамы, для которых отдельных отрезков не предлагается. Ряд антибиотиков маркируется термином *-mycinum*, однако значение этого отрезка всюду формулируется ссылкой не на групповую фармакологическую отнесенность, а на группу продуцентов: «производные *Streptomyces*». Международный источник приводит также отрезки, указывающие на конкретные продуценты: *-kacin* (производные канамицина и беканамицина), *-micin* (аминогликозиды, полученные из *Micromonospora*), *rifa-* (производные рифампицина), *-emcinal* (производные эритромицина) [1]. Отметим, что данные препараты не составляют отдельных групп в химической классификации, а отрезок *-mycinum* оказывается в целом не закреплен-

ным за единой классификационной группой. Из других групп классификации (а их несколько) отдельным термином элементом маркируется только тетрациклиновая (*-cyclinum*). Таким образом, можно констатировать неизоморфность набора словообразовательных элементов, предлагаемого медицинским сообществом для названий антибиотиков, и реальной классификации данной группы препаратов, что можно оценить как неполное соблюдение рекомендации об отражении фармакологического статуса препарата в его названии. Кроме того, некоторые из рекомендуемых термином элементов содержат указание не на фармакологические свойства лекарственного средства, а на его продуценты.

Обратимся к анализу нашей выборки по МНН. В группе пенициллинов все найденные в Регистре 12 названий содержат в названии термином элемент *-cillinum* (*Oxacillinum, Ampicillinum, Ticarcillinum, Piperacillinum* и т.д.). В группе цефалоспоринов, представленной 21 названием, также наблюдается следование рекомендациям (*Cefazolinum, Cefuroximum, Ceftriaxonum, Cefepimum, Ceftarolinum* и т.д.). В названиях группы карбапенемов, содержащей, по данным Регистра, 6 лекарственных средств (*Imipenemum, Meropenemum, Ertapenemum, Doripenemum, Panipenemum, Biapenemum*), отчетливо выделяется отрезок *-penemum*, не вошедший пока ни в отечественные, ни в международные перечни. Следует обратить внимание на появление нового отрезка-маркера оксазолидоновой группы, не упоминаемого в документах, – *-zolidum* (*Linezolidum, Tedizolidum, Contezolidum*). Для группы монобактамов, представленной только МНН *Aztreonatum*, разумеется, невозможно говорить о формировании отдельного термином элемента. Группа тетрациклинов стабильно маркируется термином элементом *-cyclinum* (*Doxycyclinum, Minocyclinum* и т.д.). В группе макролидов все 8 лекарственных средств, зафиксированных в Регистре, маркированы термином элементом *-mycinum* (*Erythromycinum, Azitromycinum, Spiramycinum* и т.д.). Вместе с тем тот же термином элемент находим и в названиях антибиотиков других групп, а именно: линкозамидов (*Lincomycinum, Clindamycinum*), гликопептидов (*Vancomycinum*) и аминогликозидов (*Streptomycinum, Neomycinum, Kanamycinum, Tobramycinum*), – что нарушает соотношение между группировкой антибиотиков и словообразовательным составом их названий. Четыре МНН группы аминогликозидов содержат отрезок *-micinum* (*Gentamicinum, Sisomicinum, Netilmicinum, Plazomicinum*), один – *-kacinum* (*Amikacinum*); эти отрезки производны от термином элемента *-mycinum* и встречаются только в названиях данной группы, т.е. могут считаться ее специфическими маркерами. В названиях препаратов группы гликопептидов также можно отметить появление отрезка, производного от термином элемента *-mycinum*, точнее, от названия *Vancomycinum*, – *-vancinum* (*Telavancinum, Oritavancinum, Dalbavancinum*), который становится маркером данной группы. Немаркированным в аспекте словообразования остается среди названий гликопептидов только *Teicoplaninum*. В остальных группах антибиотиков характерные термином элементы отсутствуют (возможно, вследствие небольшой численности самих препаратов).

Таким образом, анализ МНН антибиотиков, представленных на отечественном фармацевтическом рынке, показал, что корреляция между словообразовательными элементами в составе названий и принадлежностью к той или иной группе антибиотиков не является полной. Отражают классификационную принадлежность препарата термином элементы *-cyclinum* (тетрациклины), *-cillinum* (пенициллины), *cef-* (цефалоспорины). Термином элемент *-mycinum* является единственным словообразовательным средством только для названий макролидов, однако использование в

названиях препаратов других групп (аминогликозидов, гликопептидов) снижает его информативную значимость и ведет к формированию производных терминологических элементов, где он усекается до отрезка *-cinum*, комбинируясь с начальными частями, содержащими ссылки на конкретный производитель (*-micinum*, *-vancinum*, *-kacinum*). Выявленные тенденции не только характерны для номинации традиционных препаратов, давно функционирующих на отечественном рынке, но и действуют при формировании новых наименований, присваиваемых препаратам, разработанным после 2010 г., в чем можно убедиться при чтении специальных статей, посвященных антибиотикам, например [18; 10].

Сопоставляя полученные данные с перечнями частотных отрезков, приводимых в учебных пособиях по латинскому языку для медиков и фармацевтов, видим, что все они ограничиваются терминологическими элементами *-mycinum*, *-cyclinum*, *-cillinum* и *cef-* (т.е. фактически воспроизводят правовую базу в неполном варианте), не включая новых отрезков *-penetum*, *-bactatum*, *-zolidum* и отрезков, образованных от *-tucinum* и указывающих на конкретный производитель. Полагаем, что полученные нами результаты дают возможность, во-первых, отразить в учебных пособиях по терминологической номинации реальную номинационную ситуацию и, во-вторых, четко разграничить два типа информации, передаваемой терминологическими элементами в составе МНН: информацию о месте препарата в классификации и информацию о конкретном производителе. Следует также обратить внимание на то, что части наименований, сочетающиеся с выделенными терминологическими элементами, не несут самостоятельной информационной нагрузки для неспециалиста.

Перейдем к анализу торговых названий. Базовыми способами образования в этой группе, в соответствии с рекомендациями [12], выступают: 1) использование МНН в роли торгового названия; здесь можно выделить использование названия действующего вещества как такового и название непосредственно используемого химического соединения, например Ванкомицин, Ванкомицина гидрохлорид, Ванкомицин стерильный; 2) присоединение к МНН (или его усеченному варианту) аббревиатуры фирмы-производителя или держателя регистрационного удостоверения; с лингвистической точки зрения выделяются названия со слитным, дефисным и отдельным написанием (ТИГЕЦИКЛИН-НАНОЛЕК, ДОРИПЕНЕМ ВЕЛФАРМ, Кларитросин). В роли маркера производителя могут выступать не только аббревиатуры названий фирм, но и определенные отрезки, с языковой точки зрения с данным названием не связанные. Например, многие препараты, произведенные ЗАО «Брынцалов-А», содержат отрезок Ферейн (Гентамицин-**Ферейн**, Цефазолин-**Ферейн**), продукты ОАО «Синтез» – отрезок -рус (Азит**Рус**, Цефопер**рус**), ООО «ПФК «Пребенд»» – отрезок -бол (Цефамаб**ол**, Цефопера**бол**). Отдельно следует отметить торговые названия, представляющие собой анаграммы или аббревиатуры МНН, хотя они и не составляют существенной доли в общем массиве. Например: *Цефезид* (цефтазидим), *Цефурозин* (цефуросим), *Далацин* (клиндамицин), *Десультим* (цефепим + сульбактам) и др. Соотношение названных способов с другими для названий антибиотиков разных групп дано в таблице (группы, содержащие менее 20 названий, не приводим вследствие малой надежности подобных подсчетов).

Таблица 1

Способы образования торговых названий антибиотиков

Способ	МНН	МНН + про-изводитель / держатель удостоверения	анаграмма / аббревиатура МНН	другие приемы	всего названий
Группа препаратов					
пенициллины	48,8%	18,6%	7%	25,6%	43
цефалоспорины	24,5%	31,1%	9,3%	35,5%	183
карбапенемы	14%	72%	10%	4%	50
гликопептиды	20%	50%	-	30%	30
аминогликозиды	37%	27,8%	14,8%	20,4%	54
тетрациклины	31%	44,8%	3,4%	20,7%	29
макролиды	9,7%	42,9%	9,7%	37,6%	93
линкозамиды	17,4%	52,2%	8,6%	21,7%	23

Приведенные данные позволяют сделать несколько наблюдений. Во-первых, в наиболее старых группах пенициллинов и тетрациклинов существенную долю составляет использование МНН в роли торгового названия. Во-вторых, в торговых названиях большинства групп антибиотиков отдается предпочтение сочетанию МНН с маркировкой производителя. В-третьих, в наиболее многочисленных группах цефалоспоринов и макролидов данных приемов оказывается недостаточно, поэтому активно задействуются также другие, к рассмотрению которых мы и перейдем.

С точки зрения словообразования все остальные приемы могут считаться одним и тем же способом, а именно сложносокращенным, так как созданные таким образом названия являются комбинациями отрезков с разным смысловым наполнением (или, возможно, без такового). Группировка названий, являющихся искусственными именами, традиционно производится по особенностям передаваемой информации [17; 7; 8].

Как наиболее значимую информацию номинаторы оценивают фармакологическую отнесенность препарата: популярен прием использования отрезков, представляющих собой сокращение МНН, либо отрезков, маркирующих групповую принадлежность антибиотиков при построении самих МНН (по 26,4% от всех названий, образованных «другими приемами»). В сложных словах в роли отрезка-аббревиатуры МНН может выступать как начальная часть МНН, так и конечная, а также более или менее узнаваемая анаграмма. Соответствующий отрезок может занимать в слове начальную, конечную и даже срединную позиции. Примеры: **АЗИБАКТА**, **Азидроп** (азитромицин), **Клабакс**, **Кларбакт** (klarитромицин), **РоксиГЕКСАЛ** (рокситромицин), **Изофра** (фрамицетин), **Видокцин** (доксидиклин), **Биотраксон** (цефтриаксон), **Интразолин** (цефазолин) и т.п. Примеры использования отрезков-маркеров группы: **Селезолид**, **ЗЕВАКСЕЛИД** (оксазолидоны), **Позимицин**, **Лайкоцин** (гликопептиды), **Экоцефрон**, **Цефанорм**, **Спектрацеф** (цефалоспорины), **Ретарпен**, **Бициллин** (пенициллины). Отдельно упомянем некорректные названия: **Саноцеф** (производитель АО «Фармсинтез»), содержащее отрезок -цеф, характерный для цефалоспоринов, тогда как действующим веществом

в препарате является дорипенем; *Синтомицин* (разные производители) с действующим веществом хлорамфеникол и отрезком *-мицин*, характерным для других групп антибиотиков.

Отмеченная тенденция коррелирует с активностью приемов, описанных выше, – использованием в качестве базы для торгового названия только МНН или МНН в сочетании с маркировкой производителя. В общей сложности только 70 названий из всей выборки (13,2 %) не содержат информации о действующем веществе или фармакологической группе препарата.

Информация другого типа используется в названиях реже (не более 10 примеров на каждый из перечисляемых далее типов, совокупно 5,1 % выборки) и ориентирована не только (и не столько) на специалистов, но и на конечных потребителей. Это может быть указание на 1) бактерицидное действие, обозначаемое отрезком *бак(т)* (*Тибакт*, *Клабакс*, *Бактикап*, *Бактолин*); 2) лекарственную форму (*Клиндагель*, *Амоксициллин Диспертаб*, *Доксициклин Солюшн Таблетс*, *Цефорал Солютаб*); 3) сферу применения (*Ринобакт*, *ФРАМИЦЕТИН МОРЕЛОР*); 4) особенности наступления и сохранения эффекта (*Цефиксим ЭКСПРЕСС*, *Фортиазим*, *Фортум*, *Сумамед форте*, *Ретарпен*, *ФРАДЕП*); 5) дозировку (*Азитрал Макс*, *Азитрал Мини*). Заметим, что данная информация обычно комбинируется с информацией об МНН.

Еще одну категорию составляют сложения с неинформативными отрезками, основной смысл которых заключается в их положительном ассоциативном фоне. Этот прием полностью рассчитан на неспециалистов и реализует рекламную функцию. К данной группе принадлежат отрезки *эко* (*Экомед*, *Экоцефрон*), *макс* (*Максипим*, *Офрамекс*), *био* (*Биотраксон*), *актив* (*Цефактив*), *бест* (*Бестум*), *норм* (*Цефанорм*). Однако они не являются ведущими при конструировании торговых названий и, как правило, также комбинируются с сокращениями МНН или маркерами групп.

Наконец, нельзя не отметить наличие некоторого количества (8,1 % от всей выборки) торговых названий, в семантической плане абсолютно непрозрачных для реципиента (*Кирин*, *ОРАДО*, *Солтодиа*, *Сумамокс*, *Элрокс*, *Хиконцил* и т.п.).

Полученные нами данные в целом согласуются с результатами более раннего исследования названий антибиотиков [19], что говорит об отсутствии тенденции к включению в торговые названия препаратов данной группы информации маркетингового и рекламного характера.

Обращение к изложению обсуждаемой темы в учебных пособиях показывает, что авторы не проводят различия между способами образования МНН и торговых названий и не выделяют способов, отличных от основосложения, т. е. фактически игнорируют самый популярный из рекомендуемых медицинским сообществом – присоединение к МНН наименования фирмы-производителя. Отсутствует в пособиях и упоминание о разных моделях, основанных на использовании МНН как словообразовательного базиса для однословных торговых названий (анаграмма, аббревиация, телескопия и т.п.). Частотные отрезки, несущие информацию потребительской направленности, также не находят отражения в учебниках, вероятно, потому, что оцениваются авторами как несистематизируемое открытое множество. Нам представляется, что полученные в ходе настоящего исследования результаты анализа именно торговых названий в аспекте их отличий от МНН могут и должны быть

внедрены в учебный процесс. Возможно, это следует сделать в курсе не латинского языка для медиков, а фармацевтического маркетинга.

Заключение

В результате проведенного исследования было установлено следующее.

Методические рекомендации разных уровней по выбору корректных названий для вновь синтезируемых лекарственных средств и дженериков в части перечня словообразовательных элементов для названий антибиотиков не вполне адекватно отражают современную фармакологическую классификацию данной группы препаратов, т.к. часть рекомендуемых отрезков фиксирует не место в классификации, а конкретный производитель.

Анализ МНН антибиотиков, функционирующих на отечественном фармацевтическом рынке, демонстрирует, с одной стороны, соблюдение установленных рекомендаций, с другой – новые тенденции в сфере номинации, еще не закрепленные документально, а именно: 1) появление новых словообразовательных элементов, маркирующих фармакологические группы карбапенемов (*-penetum*), оксазолидонов (*-zolidum*); 2) расширение употребления и «размытие» значения терминоэлемента *-mycinum*, который оказывается представленным в названиях фармакологически различных групп антибиотиков (макролидов, гликопептидов, аминогликозидов, линкозамидов); 3) возникновение на базе отрезка *-mycinum* новых терминоэлементов, маркирующих конкретные производители (*-micinum*, *-vancinum*, *-kacinum*).

Анализ торговых названий антибиотиков также демонстрирует соблюдение установленных рекомендаций. Ведущим способом номинации становится сочетание МНН с аббревиатурой фирмы-производителя или держателя регистрационного удостоверения. В тех группах препаратов, которые содержат большее количество дженериков (цефалоспорины, макролиды), доля искусственно образованных слов выше. Искусственно образованные однословные названия в абсолютном большинстве случаев являются комбинациями значимых отрезков. Наиболее частотным базисом при образовании однословных наименований выступает МНН в разных вариантах (аббревиация, произвольное сокращение, анаграмма).

При изложении рассмотренной темы в учебных пособиях для медиков и фармацевтов очевидна опора не на реально сложившуюся ситуацию, а на методические рекомендации, а именно: 1) не проводится различие между способами образования МНН и торговых названий; 2) акцент делается на перечне словообразовательных элементов, соотношение его с фармацевтической классификацией не оговаривается; 3) использование МНН как базиса для образования торговых названий не отмечается; 4) отрезки, несущие информацию потребительского и рекламного характера, не упоминаются. Нам представляется, что учебная подача рассматриваемой темы должна быть пересмотрена с учетом реальной ситуации в сфере фармацевтической номинации, что позволит повысить ее информационную значимость, сделать практикоориентированной и сформировать у студентов дополнительную мотивацию к овладению материалом.

Перспектива проведенного исследования заключается в возможности экстраполяции примененной методики на анализ наименований других групп лекарственных препаратов и внедрение полученных результатов в практику преподавания соответствующих дисциплин.

Список источников и литературы

1. Guidelines on use of International Nonproprietary Names (INNs): for Pharmaceutical Substances // World Health Organization: official website. URL: <https://www.who.int/publications/m/item/guidance-on-the-use-of-inns>. Publication date: 12.07.2017.
2. Тема «Антибиотики, общие сведения. Антибиотики, нарушающие синтез клеточной стенки и целостность цитоплазматической мембраны бактерий»: метод. разработка / сост. Н. Б. Дмитриева, Г. В. Кукушкин; каф. фармакологии ИФМХ ФГАСУ ВО РНИМУ им. Н. И. Пирогова Минздрава России. М., 2025. 20 с. Электрон. версия. URL: https://rsmu.ru/fileadmin/templates/DOC/Faculties/PF/Pharmacology/Antibiotiki_narushajushchie_sintez_kletочноi_stenki_i_CPM_bakterii.pdf (дата обращения: 12.09.2025). Доступ на сайте Пироговский ун-т.
3. Фармацевтическое знание и фармацевтическая терминология: формы взаимодействия / Г. С. Баркаев [и др.] // Волгоградский научно-медицинский журнал. 2023. Т. 20, № 1. С. 48–52.
4. Бузмакова У. А., Кудряшова О. С. Химическая классификация и методы определения антибиотиков // Вестник Пермского университета. Сер.: Химия. 2018. Т. 8, вып. 1. С. 6–28.
5. Бухарина Т. Л., Новодранова В. Ф., Михина Т. В. Латинский язык: учеб. пособие. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2015. 496 с.
6. Глухарева Т. В., Селезнева И. С., Уломский Е. Н. Основы получения и применения антибиотиков: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 156 с.
7. Данилина Н. И. Словообразование в фармацевтической терминологии (опыт системного изложения студентам-фармацевтам) // Классические языки в современном профессиональном образовании. Казань: КГМУ, 2022. С. 73–82.
8. Дрёмова Н. Б. Современные тенденции формирования торговых названий лекарственных препаратов // Язык. Образование. Культура. Курск: КГМУ, 2017. С. 20–24.
9. Ишинов Ю. И., Травушкина Л. Ф. К вопросу выбора наименования для лекарственного препарата // East European Scientific Journal. 2021. № 2 (66). С. 45–50.
10. Клинический анализ эффективности и безопасности антибиотиков при лечении инфекционных заболеваний // Conpharm: проф. портал для сотрудников аптек. URL: <https://con-pharm.ru/articles/klinicheskiy-razbor-lp/klinicheskiy-analiz-effektivnosti-i-bezopasnosti-antibiotikov-pri-lechenii-infektsionnykh-zabolevani/> (дата обращения: 12.09.2025).
11. Рациональный выбор наименования как элемент системы оценки эффективности и безопасности ЛС / А. Н. Миронов [и др.] // Ведомости Научного центра экспертизы средств медицинского применения. 2014. № 4. С. 32–38.
12. О Руководстве по выбору торговых наименований лекарственных средств: рекомендация Коллегии ЕЭК от 29.01.2019 г. № 2. // Альта-Софт: таможенный портал. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/19rk0002> (дата обращения: 12.09.2025).
13. Петрова Г. В. Фармацевтическая латинская терминология: учебник для ст-тов спец. «Фармация». М.: МГУ, 2012. 268 с.
14. Правила рационального выбора наименований лекарственных препаратов для медицинского применения: утв. приказом Минздрава России № 429 от 29 июня 2016 г. // Контур.Норматив: справ.-прав. система онлайн. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=282963> (дата обращения: 12.09.2025).
15. Регистр лекарственных средств России: офиц. сайт. URL: <https://www.rlsnet.ru/pharm-groups/antibiotiki-15> (дата обращения 12.09.2025).
16. Ситдикова А. В. Словообразование фармаконимов в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ситдикова Анастасия Владимировна. Казань, 2020. 184 с.
17. Торговые наименования лекарственных препаратов / под ред. Э. А. Коржавых, А. Н. Яворского. М.: Науч. центр экспертизы средств мед. применения, 2013. 240 с.

18. Антибиотикорезистентность и фармакологические подходы к ее преодолению / Ю. В. Цепелев [и др.]. // Современные проблемы науки и образования. 2025. № 2. URL: <https://doi.org/10.17513/spno.33974> (дата обращения: 12.09.2025).
19. Яворский Д. А. Разработка стратегии формирования рациональных наименований лекарственных препаратов на основе концепции многомерного пространства решений: автореф. дис. ... канд. фармацевт. наук: 14.04.03 / Яворский Дмитрий Александрович. М., 2010. 25 с.

References

1. 'Guidelines on use of International Nonproprietary Names (INNs) for Pharmaceutical Substances' 2017, *World Health Organization*, viewed 12 September 2025, <https://www.who.int/publications/m/item/guidance-on-the-use-of-inns>
2. Dmitriyeva, NB & Kukushkin, GV 2025, 'Antibiotiki, obshchiye svedeniya. Antibiotiki, narushayushchiye sintez kletosnoy stenki i tselostnost' tsitoplazmaticheskoy membrany bakteriy' (Antibiotics. General information. Antibiotics that disrupt the synthesis of the cell wall and the integrity of the cytoplasmic membrane of bacteria), Moscow, viewed 12 September 2025, https://rsmu.ru/fileadmin/templates/DOC/Faculties/PF/Pharmacology/Antibiotiki_narushajushchie_sintez_kletochnoi_stenki_i_CPM_bakterii.pdf (In Russ.)
3. Barkaev, GS, Kabakova, TI, Goryachev, AB, Adzhienko, VL & Korzhavikh, EA 2023 'Farmatsevticheskoye znaniye i farmatsevticheskaya terminologiya: formy vzaimodeystviya' (Pharmaceutical knowledge and pharmaceutical terminology: directions of interaction), *Vologradskiy nauchno-meditsinskiy zhurnal* (Volograd Journal of Medical Research), vol. 20, no. 1, pp. 48–52. (In Russ.)
4. Buzmakova, UA & Kudryashova, OS 2018, 'Khimicheskaya klassifikatsiya i metody opredeleniya antibiotikov' (Chemical classification and determination methods of antibiotics), *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya "Khimiya"* (Bulletin of Perm University. Chemistry), vol. 8(1), pp. 6–28, doi:10.17072/2223-1838-2018-1-6-28. (In Russ.)
5. Bukharina, TL, Novodranova, VF & Mikhina, TV 2015, *Latinskiy yazyk* (Latin language), GEOTAR-Media publ, Moscow. (In Russ.)
6. Glukhareva, TV, Seleznyova, IS & Ulomsky, YeN 2021, *Osnovy polucheniya i primeneniya antibiotikov* (Fundamentals of obtaining and using antibiotics), Izd-vo Uralskogo un-ta publ, Yekaterinburg. (In Russ.)
7. Danilina, NI 2022, 'Slovoobrazovaniye v farmatsevticheskoy terminologii (opyt sistemnogo izlozheniya studentam-farmatsevtam)' (Word formation in pharmaceutical terminology (experience of systematic presentation to pharmaceutical students)), *Klassicheskiye yazyki v sovremennoy professional'noy obrazovanii* (Classical languages in modern professional education), Kazan, pp. 73–82. (In Russ.)
8. Dryomova, NB 2017, 'Sovremennyye tendentsii formirovaniya torgovykh nazvaniy lekarstvennykh preparatov' (Modern trends in the formation of trade names of medicines), *Yazyk. Obrazovaniye. Kultura* (Language. Education. Culture), KGMU publ, Kursk, pp. 20–24. (In Russ.)
9. Ishinov, YuI & Travushkina, LF 2021, 'K voprosu vybora naimenovaniya dlya lekarstvennogo preparata' (On the issue of choosing a name for a medicinal product), *East European Scientific Journal*, vol. (66), pp. 45–50. (In Russ.)
10. 'Klinicheskiy analiz effektivnosti i bezopasnosti antibiotikov pri lechenii infektsionnykh zabolovaniy' (Clinical analysis of the efficacy and safety of antibiotics in the treatment of infectious diseases), *Conpharm*, viewed 12 September 2025, <https://con-pharm.ru/articles/klinicheskiy-razbor-lp/obzor-18-noveyshikh-antibakterialnykh-preparatov-v-mirovoy-praktike> (In Russ.)
11. Mironov, AN, Sakayeva, IV, Dudchenko, VV, Bunyatyan, ND & Yavorskiy, AN 2014, 'Ratsionalnyy vybor naimenovaniya kak element sistemy otsenki effektivnosti i bezopasnosti LS' (Rational choice of a drug name as a part of the quality and safety assessment system), *Vedomosti Nauchnogo tsentra ekspertizy sredstv meditsinskogo primeneniya*, vol. 4, pp. 32–38. (In Russ.)
12. 'O Rukovodstve po vyboru torgovykh naimenovaniy lekarstvennykh sredstv' (On Guidelines for the selection of trade names of medicines) 2019, *Rekomendatsiya Kollegii YEEK ot 29.01.2019*

- g. (Recommendation of the ECE Board dated 29 January 2019), no. 2, viewed 12 September 2025, <https://www.alta.ru/tamdoc/19rk0002> (In Russ.)
13. Petrova, GV 2012, *Farmatsevticheskaya latinskaya terminologiya* (Pharmaceutical Latin terminology), MGU publ, Moscow. (In Russ.)
  14. *Pravila ratsionalnogo vybora naimenovaniy lekarstvennykh preparatov dlya meditsinskogo primeneniya (utv. Prikazom Minzdrava Rossii №429 ot 29 iyunya 2016 g.)* (Rules for the rational choice of names of medicines for medical use (approved by Order of the Ministry of Health of the Russian Federation No. 429 dated June 29 2016), viewed 12 September 2025, <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=282963> (In Russ.)
  15. *Registr lekarstvennykh sredstv Rossii* (Register of medicines of Russia), viewed 12 September 2025, <https://www.rlsnet.ru/pharm-groups/antibiotiki-15> (In Russ.)
  16. Sitdikova, AV 2020, *Slovoobrazovaniye farmakonimov v rusском yazyke* (Word formation of pharmaconyms in the Russian language), PhD thesis, Kazan State University, Kazan. (In Russ.)
  17. Korzhavikh, EA & Yavorskiy, AN (eds.) 2013, *Torgovyye naimenovaniya lekarstvennykh preparatov* (Trade names of medicines), Nauchnyy tsentr ekspertizy sredstv meditsinskogo primeneniya publ, Moscow. (In Russ.)
  18. Tsepelev, YuV, Lazareva, IA, Boldina, NV, Polyakova, OV & Udalova, SN 2025 'Antibiotikorezistentnost i farmakologicheskiye podkhody k yeye preodoleniyu' (Antibiotic resistance and pharmacological approaches to overcoming it), *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* (Modern problems of science and education), vol. 2, viewed 12 September 2025, <https://science-education.ru/article/view?id=33974&ysclid=mfe7hoqkjl364440330>, DOI: <https://doi.org/10.17513/spno.33974> (in Russ.)
  19. Yavorskiy, DA 2010, *Razrabotka strategii formirovaniya ratsionalnykh naimenovaniy lekarstvennykh preparatov na osnove kontseptsii mnogomernogo prostranstva resheniy* (Development of a strategy for the formation of rational names of medicines based on the concept of a multidimensional solution space), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 11.12.2025
Одобрена после рецензирования: 13.02.2026
Принята к публикации: 02.03.2026

The article was submitted: 11.12.2025
Approved after reviewing: 13.02.2026
Accepted for publication: 02.03.2026

Научная статья

УДК 81.119

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-174-187>

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА

**Ксения Сергеевна
Сенаторова**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, senatorovaks@tolstovsky.ru
<https://orcid.org/0009-0005-6885-391X>

Аннотация. Статья посвящена проблеме становления терминосистемы делопроизводства. Развитие терминологии представлено несколькими этапами: стихийный (XIV–XV вв.), приказной (конец XV – XVII в.), коллежский (XVIII в.), министерский (XIX в.), период унификации (XX в.), период первичной стандартизации (конец XX – начало XXI в.). Определено, что в стихийный период слова образовывались от названий предметов быта, действий, событий, отсутствовала единая система их использования в делопроизводственном контексте. Приказной этап характеризуется формированием терминологии должностей служащих. Во времена коллежского этапа в русский язык путем заимствования начали проникать иностранные слова, что повлияло на терминологию делопроизводства и расширило словарную базу. В министерский период были заложены основы современной управленческой лексики и технические термины. В период унификации впервые систематизированы и объединены термины в единый документ. XX век считается отправной точкой в становлении терминосистемы делопроизводства. Цифровизация оказала огромное влияние на формирование системы применения делопроизводственных дефиниций. Нормативные акты закрепляют корректные формы термина и определения, но носят рекомендательный характер, что усложняет процесс письменной и устной коммуникации в сфере делопроизводства. Электронный этап характеризуется созданием, изменением и закреплением сформированных ранее понятий в ГОСТах, федеральных законах. Культурные изменения, войны, политическая ситуация в стране и правитель, который ее возглавлял, влияли на развитие корпуса лексических единиц. Изучение истории формирования терминосистемы делопроизводства позволяет узнать об особенностях диалектов, способах словообразования. Развитие делопроизводства прямо связано с историческими событиями, которые формируют термины и определения.

Ключевые слова: термин, делопроизводство, терминосистема, словообразование, период развития.

Для цитирования: Сенаторова К. С. История формирования терминологии делопроизводства // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 1 (25). С. 174–187. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-174-187>

Сведения об авторе: К. С. Сенаторова – аспирант кафедры документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article

UDC 81.119

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-174-187>

THE HISTORY OF THE CLERICAL WORK TERMINOLOGY FORMATION

Ksenia S. Senatorova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, senatorovaks@tolstovsky.ru
<https://orcid.org/0009-0005-6885-391X>

Abstract. The article is devoted to the development of a terminology system for office work. The development of terminology is represented by several stages: spontaneous (14th–15th centuries), prikaznoe (late 15th–17th centuries), collegiate (18th century), ministerial (19th century), the period of unification (20th century), and the period of primary standardization (late 20th–early 21st centuries). It has been determined that during the spontaneous period, words were formed from the names of household items, actions, and events; there was no unified system for their use in the office work context. The prikaznoe stage is characterized by the formation of a terminology for employee positions. During the collegiate stage, foreign words began to penetrate into the Russian language through borrowing, which influenced the terminology of office work and expanded the vocabulary base. During the ministerial period, the foundations of modern management vocabulary and technical terms were laid. During the unification period, terms were systematized and combined into a single document for the first time. The 20th century is considered the starting point for the development of the office work terminology system. Digitalization has had a profound impact on the development of the application of office work definitions. Regulatory acts establish the correct forms of terms and definitions, but are advisory in nature, complicating written and oral communication in office work. The digital era is characterized by the creation, modification, and consolidation of previously established concepts in state standards (GOSTs) and federal laws. Cultural changes, wars, the political situation in the country, and the ruler who led it influenced the development of the lexical corpus. Studying the history of the development of office work terminology allows us to learn about dialectal characteristics and word formation methods. The development of office work is directly linked to historical events, which shape terms and definitions.

Keywords: term, clerical work, terminology system, word formation, period of development.

For citation: Senatorova KS 2026, ‘The history of the clerical work terminology formation’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (25), pp. 174–187, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-174-187> (in Russ.)

Information about the Author: *Ksenia S. Senatorova* – PhD student of the Department of Document Science and Stylistics of the Russian Language, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Avenue, Tula, 300026, Russia

---

Введение

Для формирования представления о терминологии делопроизводства необходимо изучить историю её становления. Особенность процессов управления стала основой для выделения этапов становления терминологии. Анализ исторических событий позволяет выявить причинно-следственные связи, понять логику создания терминов того времени и не допустить искажения смысла тех, что дошли до нас. В развитии терминологии делопроизводства можно выделить несколько этапов.

1. Стихийный (XIV–XV вв.) период: происходит подбор слов, которые позже будут использованы для обозначения процессов делопроизводства.

2. Приказной (к. XV – XVII в.) период: начинает формироваться номенклатура документов и закрепляться терминология должностей служащих.

3. Коллежский (XVIII в.) период характеризуется созданием базовой терминологии в работе канцелярии, введением процедурных терминов и определений (*регистрация, ревизия, доклад* и другие).

4. Министерский (XIX в.) период значим заложением терминологии управленческой лексики, введением технических терминов, которые связаны с механизацией этапов делопроизводства. Многие лексические единицы сохранились до этапа электронного делопроизводства в своем первоначальном значении или были видоизменены.

5. Период унификации (XX в.) определяется попыткой обобщить термины делопроизводства в одном нормативном документе, что значительно ускорит развитие делопроизводства и создание новых терминов на основе старых.

6. Период первичной стандартизации (электронный) (к. XX – н. XXI в.) отражает активное развитие информационных технологий, переход на электронный документооборот, появление новых терминов и определений, которые впервые собрали воедино в ГОСТах.

Исследование

С. В. Гринев в своем труде о терминологии говорит о том, что «необходимым предварительным условием упорядочения любой терминологии является исследование ее истории, так как диахронический анализ позволяет вскрыть объективные тенденции формирования терминологии. Без учета такого подхода невозможно создание полезных и жизнеспособных материалов. Отправной точкой диахронических исследований должно являться время появления терминологической лексики» [8, с. 187]. Действительно, для терминологической сферы делопроизводства исторические события определили вектор дальнейшего развития, и без обращения к ним невозможно понять, по какому принципу и в какой ситуации были образованы лексемы. А.С. Герд считал, что «выработку общих принципов описания терминологий и практических рекомендаций по их упорядочению следует начать с выявления основных тенденций исторического развития терминологий» [4, с. 31]. Так, Александр Сергеевич указывает на непосредственную связь между историческим развитием терминологий и порядком использования в делопроизводственной практике в современном мире.

Начальный этап формирования терминологии делопроизводства – стихийный, характеризуется отсутствием терминов делопроизводства и какой-либо системы их применения. Терминология начинала формироваться при помощи эмпирических методов, то есть в устном виде в повседневной практике работы с документами. Отбирались наиболее простые для произношения слова, которые в большинстве своем образованы от глаголов и отображают производимую деятельность. Термины не записывались, а использовались в устном виде, в зависимости от контекста, и не

имели четких определений. Одно и то же специальное слово могло обозначать разные вещи; слова были многозначны. В данный период терминология делопроизводства не была создана и упорядочена, известно только, что в рамках делопроизводства использовались следующие термины.

1. *Выпись* – «делопроизводственная справка по определенному вопросу из ранних документов». В документе фиксировались происходящие события, исследователи отмечают, что в выписях присутствуют стилистические, грамматически ошибки, и не отражаются в полной мере сложившиеся в то время ситуации. *Выпись* образована приставочным способом словообразования: к основе слова «письма» добавляется приставка «вы».

2. *Данница* – «данная грамота» [18]. Фиксирует акт передачи (в рамках дарения или вклада во что-либо) имущества (от предметов повседневного обихода до земель и угодий) в собственность монастырей и церквей с требованием и отметкой о том, что они обязаны своим вкладчиком. *Данница* образована суффиксальным способом: к существительному «дань» добавляется суффикс -ниц-. Т.Ф. Ефремова указала иное производное значение: «данница устаревшее слово женского рода к существительному *данник* – 1. Тот, кто платит дань; 2. Тот, кто воздавал должное кому-либо или чему-либо; поклонник, почитатель» [11].

3. *Жалобница* – «официальный донос с просьбой о защите по факту правонарушений со стороны должностного или частного лица». В делопроизводстве в любой исторический период жалобы, прошения, доносы занимают особое место. Эти термины связывает одно – все они ставят перед собой цель: сообщить о правонарушении должностному лицу и решить возникшую проблему. Но, подавая *жалобницу*, человек просит еще и защиты, а не только сообщает о противоправном деянии. *Жалобница* образована суффиксальным способом от слова «жалоба»: к основе слова «жалоб» добавляется суффикс -ниц-.

4. *Кабала* – «юридические акты, оформлявшие долговые обязательства» [1]. Документ фиксирует имущественные обязательства одного человека перед другим. В писцовых книгах фиксировались положение крепостных крестьян и их кабальная зависимость от хозяина [19, с. 12]. *Кабала* является заимствованным из тюркского языка словом и образовано бессуффиксным способом словообразования: корень -кабал-, окончание -а-, основа слова -кабал-.

5. *Отпись* – «расписка, подтверждающая факт приема денег или возвращения долга». *Отписка* синонимична отписи: «письменное донесение, сообщение официального характера, ответный документ, ответ на письмо» [22, с. 58]. *Отпись* образована приставочным способом словообразования: к существительному «пись» добавляется приставка *от-*.

6. *Судные списки* – «протокол судебного разбирательства». Без них было невозможно вынести решение по делу. Словосочетание судные списки состоит из двух расчленённых слов и относится к прямой номинации, так как *судный* прямо указывает на принадлежность к судопроизводству, а *список* уточняет, что используется «перечень, документ, который исполняет функцию протокола».

7. *Челобитная* – «акт, письменное прошение, жалоба, исковое заявление» [3, с. 36]. «Челобитная – «полифункциональный документ», этим термином обозначалась целая группа актов, в которую входили *прошения, жалобы, доносы и иные официальные заявления*» [2, с. 29]. То есть, по мнению Е.В. Бородиной, *челобитная* является обобщенным термином и включает в себя другие слова, которые отражали проблемы, недовольства, просьбы населения. *Челобитная* членимое, морфемно расчлененное слово, образовано сложением основ с помощью соединительной гласной («чел» и «бит» соединяет -о-) и суффиксальным способом (суффикса -н-).

Стихийный этап характеризуется постепенным развитием лексики, письменность только начинает проникать в различные слои населения, однако в устном виде терминология появляется. Отсутствует четкая система и унификация терминов, преобладает бытовой характер толкования слов. Те фразы, которые люди используют в обиходе, начинают приобретать официальный характер, прослеживается опора на традиции, слова передаются из поколения в поколение. Постепенно закрепляются терминологические обозначения, которые, как правило, связаны с должностью (*дьяк, подьячий* и другие), хранением документов (*церковь, монастырь* и другие) и документами в целом (*жалобницы, челобитные* и другие).

Стихийный этап развития терминологии делопроизводства сменяет приказной с конца XV по XVIII вв., период ознаменован изданием Судебников в 1497, 1550, 1589 гг., правлением Ивана Грозного, созданием приказного делопроизводства и изданием Соборного Уложения в 1649 году. Судебники закрепляли термины: *духовная грамота, речи, описка, приговор, крепость, приказ* и другие термины, которые используются в современном мире, но в измененном виде [5, с. 79].

Приказ – термин делопроизводства, который означает ‘фиксирование нормативного решения в сфере управления должностным лицом’. «Словарь русского литературного языка» определяет значение термина в нескольких аспектах: «*Приказ* – 1. Официальное распоряжение, предписание, издаваемое руководителем учреждения, предприятия, организации; документ, в котором изложено такое распоряжение; 2. Учреждение, ведавшее отдельной отраслью управления в Московском государстве XVI–XVII» [24]. Исследователи в области делопроизводства считают, что именно создание приказов поспособствовало развитию терминологической сферы делопроизводства. Так как возникали новые области деятельности, появлялись и новые слова, которые закрепляли принадлежность к должности, месту (Илюшенко М. П).

Этап приказного делопроизводства регламентирует некоторые термины делопроизводства, характеризуется развитием терминологии в связи с созданием новых подразделений и документации. Терминология того времени представляла собой слова, которые приобретали новые формы и значения, но были заимствованы из повседневного обихода служилых людей, что делало их синонимичными и двусмысленными в некоторых случаях. Данный период отражает необходимость формирования терминосистемы для обозначения процессов делопроизводства.

Третий этап – коллежский. Период правления Петра I значительно повлиял на развитие терминологии делопроизводства.

1. 28 февраля 1720 года был утвержден «Генеральный регламент» – нормативный документ, который регулировал делопроизводство XVIII века и, соответственно, затрагивал терминологию, закреплял новые термины. «Наряду с основополагающими нормами, касающимися государственного управления, в этом правовом акте впервые в отечественной истории государство установило нормы архивного дела и делопроизводства», – считает М.В. Ларин [15, с. 2]. В Генеральном регламенте некоторые слова были заимствованы из других языков, поэтому к нему прилагался словарь «Толкование иностранных речей, которые в сем регламенте». К примеру,

- *резолуция* – ‘решение’ (гл. VI);
- *рапорт* – ‘ведомость’ (гл. XI);
- корреспонденция (включала в себя *реляции, рапорты, доношения, экзекуции* (исполнения по указу)) – ‘письменная пересылка’ (гл. XIII);
- *квитанции* – ‘рописки’ (гл. XXXII);
- *инструкции* – ‘наказы’;
- *дипломы* – ‘жалованные грамоты’;
- *мемориалы* – ‘доношения’ (гл. XXXIII);

- *формуляры* – ‘образцы’ (гл. XXXIII);
- *документы* – ‘доказательные письма’ (гл. XXXXIII) и другие [20].

В главе XIV Генерального регламента *письмо* употребляется в специальном значении, но не для обозначения конкретного вида документа, а для обобщения всех видов переписки, затронутых в пункте; *жалованные грамоты* (впервые слово было упомянуто в 1328 году во времена правления Ивана Калиты) были переименованы в дипломы. Перечисленные выше слова используются в делопроизводстве в наши дни в измененном или укрупненном значении: «*формуляр документа – схема* (план) размещения реквизитов документа» [7, с. 5] или «*инструкция* – 1) правовой акт, устанавливающий правила, регламентирующие организационные и специальные стороны деятельности предприятий, их подразделений и отдельных должностных лиц; 2) правовой акт, издаваемый органом государственного управления в целях установления правил, регулирующих организационные, научно-технические, технологические, финансовые и иные специальные стороны деятельности учреждений, организаций, предприятий, должностных лиц и граждан» [25, с. 44].

«Генеральный Регламент упорядочил употребление наименований новых видов документов, причем прослеживается стремление классифицировать применяемые виды документов и документопотоки», – отмечает Е.М. Емышева [10, с. 255]. Ранее такие действия не предпринимались, документы были рассредоточены, как и их терминология.

2. Петр I установил прочные торговые и культурные связи с Германией, часто посещал эту страну, вёл переговоры с иностранными правителями и заключал династические браки. Как следствие, в русский язык проникло большое количество иностранных слов, что в итоге привело к широкому использованию заимствований и в сфере делопроизводства (*паспорт, реестр, архив, патент* и другие). «Термин *книга* – наименование жанра регистрационной документации, пришедший в XVIII в. на смену столбцу XVII в.» [17, с. 118]. А. П. Майоров отмечал, что книга как заимствование из иностранного языка использовалась в сфере делопроизводства.

3. Этап коллежского делопроизводства. Возникли делопроизводственные термины, которые наше поколение использует для решения актуальных задач. Слова видоизменились за несколько веков, приобрели новое значение, или дополнилось прежнее. В период правления Петра I как заимствование из немецкого и польского языков в русский язык пришло слово документ, и означало оно ‘письменное свидетельство’. Ранее в таком значении слово использовалось в Речи Посполитой и Священной Римской империи.

Министерский этап развития терминологии делопроизводства начинается с манифеста от 8 сентября 1802 г., который закреплял создание восьми министерств. Путаница в терминологии делопроизводства постепенно привлекала внимание ученых. Несмотря на то что документы использовались каждый день, в сфере делопроизводства не велись работы с терминологией, хотя остро ощущалась необходимость структурировать термины для использования их в нужном контексте. В.И. Даль в своём словаре трактовал термин *документ* следующим образом: ‘всякая важная деловая бумага, также диплом, свидетельство’ [9]. *Деловая бумага*, к примеру, с точки зрения определений делопроизводства, действительно является *документом*, если содержит информацию и имеет юридическую силу.

25 июня 1811 г. был издан закон «Общее учреждение министерств», который внес единообразие в структуру управления и делопроизводства центральных государственных учреждений. Коллегии были заменены министерствами – основным звеном центрального управления [16, с. 292]. Реформы повлияли и на терминологию делопроизводства, появились новые термины:

- *министерство* – ‘центральный орган государственного управления, осуществляющий руководство определенной отраслью и возглавляемый министром’ [21];

- *департамент* – ‘отдел министерства, какого-либо высшего государственного или судебного учреждения’ [23];

- *ревизия* – ‘перепись сельского и городского мужского населения для учета и исчисления подушной подати’ [14]. Слово заимствовано из французского языка. В наши дни «ревизия» может использоваться в значении переписи и учета, в том числе предметов;

- *отчёт* – ‘письменный документ, который содержит в себе информацию о выполненных работах с приложенными доказательствами, статистическими данными’. Термин активно используется в терминологии делопроизводства XXI века;

- *ведомость* – ‘список, перечень данных, которые происходили ранее’; употребляется сравнительно часто и в наши дни;

- *телеграмма* – ‘сообщение, которое отправлено адресату посредством использования телеграфа’. Термин использовался в XX веке, так как именно тогда был популярен телеграф, через который и передавалось документальное сообщение, то есть телеграмма. На этапе развития электронного документооборота утратил свою актуальность.

- *регистрация* – ‘процедура фиксации фактов и явлений путем внесения данных в регистрационный журнал’. Один из важнейших терминов делопроизводства, так как каждый документ должен быть зарегистрирован.

- *скрепа* – ‘подпись должностного лица, обычно секретаря, которая ставилась для придания юридической силы и удостоверения правильность составления документа’. Устаревшее слово, использовалось в «Общем учреждении министерств»;

- и другие.

В министерский период терминология делопроизводства вышла на новый уровень развития, так как были заложены основы современной управленческой лексики и технические термины, что отражало механизацию делопроизводственных процессов.

Этап унификации пришел на смену министерскому периоду. События XX века повлияли на развитие делопроизводства в целом. В 1917 г. была уничтожена Российская империя, а вместе с ней и огромное количество документации. В 1918 году был издан первый декрет советской власти. Термин *декрет* не использовался ранее и означал ‘нормативно-правовой акт органа власти; законодательный документ’. В наши дни *декрет* приобрел еще одно значение, совершенно отличающееся по смыслу и сфере деятельности.

Методология научного определения терминов наглядна при рассмотрении понятия *документ*, которое имеет множество трактовок в различных областях жизни. Документы присутствуют в жизни каждого человека начиная с древнейших времен. Первобытные люди общались и передавали информацию друг другу посредством наскальной живописи, отображали таким образом главные события своей жизни. В соответствии с широким определением термина *документом* является ‘всё, что окружает нас, несет какую-либо информацию и зафиксировано на материальном носителе’.

Политическая, экономическая, социальная и духовная сферы вносят свои коррективы в обозначение термина. Ведь в зависимости от того, в какой области используется термин, его обозначение меняется. К примеру, *юридический документ* и *экономический документ* имеют разные определения, функции, задачи, сферу применения.

Начало XX века ознаменовано исследованиями бельгийского ученого Поля Отле, который ввел понятие *документация*. Он является одним из основателей документоведения. Его идеи актуальны и в наше время, когда активно развивается цифровизация, а информация хранится в виде электронных файлов. Поль Отле предложил использовать *документ* наряду с *книгой*. Но, как известно, книга более узкое понятие, ведь по своей специфике она не может быть представлена в виде аудио-, видеозаписи, ее знаковая система ограничена листом бумаги и буквами. К примеру, если обратиться к термину *документ* в широком смысле, то стол может являться документом, ведь он создан человеком, при его создании автор воплотил свою идею, зафиксировал на материальном носителе культурное поведение своего времени, задокументировал след эпохи. Книга не может быть «столом», она обозначает весь массив документов: чертежи, газеты, брошюры, рекламные листовки, журналы. *Документоведение* – наука, которая не терпит искажения смысла, хаоса, информация должна быть истинна, иначе документ превратится не в юридически значимую бумагу, а в собрание сочинений и использовать его для решения спорных вопросов и фиксации информации будет нельзя. Важно развивать терминологический аспект и расширять словарную базу данной области.

В «Новом энциклопедическом словаре» И. А. Ефрона и Ф.А. Брокгауза отмечено определение термина документ, которое вполне схоже с тем определением, которое дал Поль Отле: «*Документ* – в обширном смысле ‘всякий неодушевленный предмет, содержащий в себе следы человеческой мысли и деятельности’» [27, с. 102]. То есть, в соответствии с широкой трактовкой термина, *документом* является абсолютно всё: книга, скульптура, кровать, животное в зоопарке. Из сказанного следует, что возникала путаница, сложно было определить, что является документом в конкретном случае, книги стали приравнивать к ним и использовать аналогично, что в корне неверно.

В XX веке Н. Варадинов и В. Вельдбрехт ввели термин *теоретическое дело-производство*, который обозначал ‘науку, излагающую правила составления деловых бумаг, актов и самих дел’ [13]. Эти же ученые упорядочили документацию и предложили свой вариант правил по составлению документов, что считается большим прорывом в изучении делопроизводства, ведь раньше об этом не говорили и документы создавались без какой-либо системы. В 1940-е годы XX века термин документ использовали исключительно для обозначения неизвестной ранее дисциплины, которая занимается изучением делопроизводства и связанными с ним процессами.

1950-й год современники определили как отправную точку в развитии делопроизводства, считалось, что начался новый этап в изучении данной области знания. Войны, экономический кризис, культурные изменения в жизни страны и другие события первой половины XX века повлекли за собой создание огромного количества документов различных видов: *приказ, распоряжение, докладная записка, заявление, рапорт*. Потребовалось срочное, но тщательное изучение делопроизводства и нормативных актов, которые регулировали бы поток документов и распределяли по подразделениям для того, чтобы сохранить большую часть, не дать им затеряться. Было важно не допустить рассекречивание отдельных документов. Считается, что именно в этот период были развиты термины *гриф секретности, государственная тайна, гриф ограничения доступа к документу, экспертиза ценности документов*.

Термины, которые появились в делопроизводстве XX века:

- *реквизит* – ‘обязательный структурный элемент оформления бумажного и электронного документа’;

- *документооборот* – ‘жизненный цикл документов организации, отражающий процесс их создания, регистрации, согласования, визирования и исполнения’;
- *экспертиза ценности документов* – ‘мероприятия, направленные на установление степени значимости, сроков хранения, оригинальности документов для дальнейшего их использования, уничтожения или долговременного хранения’;
- *документационное обеспечение управления (ДОУ)*;
- *унифицированные системы документации (УСД)*;
- *государственная система документационного обеспечения управления (ГСДОУ)* и другие.

Распад СССР в 1991 году отразился на становлении терминологии делопроизводства. Унификация сменилась этапом первичной стандартизации (электронным). Развитие информационных технологий, создание персональных компьютеров привело к появлению *электронных документов*. Ранее использовался термин *машиночитаемый документ*, он стал неактуален в связи с тем, что электронный документ создается иным способом. Н.Г. Суровцева отмечает, что *электронный документ* можно было трактовать так: «1. машиночитаемый документ, документ на машинном носителе; 2. особый тип документа; 3. электронная форма документа» [26, с. 279].

ГОСТ Р 51141-98 – первый стандарт, закрепивший терминологию делопроизводства. Он был утверждён в 1998 году, когда электронные документы уже использовались в некоторых областях, но термин все еще не был закреплён в ГОСТе. В 2013 году был издан ГОСТ Р 7.0.8-2013, в котором появилось определение: *электронный документ* – ‘документ в цифровой форме, для использования которого необходимы средства вычислительной техники или иные специализированные устройства для воспроизведения текста, звука, изображения’ [6, с. 2]. В марте 2025 года был введён в действие обновлённый ГОСТ Р 7.0.8-2025, который является улучшенной версией предыдущего ГОСТа: добавлено около 50 новых терминов, 120 были изменены или уточнены, сделан акцент на термины электронного документооборота (*система электронного документооборота, система хранения электронных документов*). Притом термин *электронный документ* был исключён, что вносит неясность в сферу электронного документооборота. Также важно сказать о Федеральных законах (ФЗ) Российской Федерации, которые не только регулируют деятельность людей, но и фиксируют терминологию делопроизводства, без которой невозможно понять документ, нюансы работы с ним, а также общаться специалистам. Некоторые ФЗ закрепляют термины, которые не использовались ранее совсем или имели другое значение. Не все определения дают исчерпывающее толкование терминов, но систематизация понятий облегчает работу в выбранной сфере. К примеру:

- ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» закрепляет значение терминов: *информация* – ‘сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления’; *электронный документ* – ‘документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах’ и другие [28];
- ФЗ «О персональных данных» закрепляет значение терминов: *персональные данные* – ‘любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)’; *автоматизированная обработка персональных данных* – ‘обработка персональных данных с помощью средств вычислительной техники’ и другие [29]. Персональные данные являются основой работы делопроизводственных служб и делопроизводства

в целом, ведь без персональных данных и согласия на их обработку документ не будет создан;

- ФЗ «О государственной тайне» закрепляет значение термина: *гриф секретности* – ‘реквизит, свидетельствующий о степени секретности сведений, содержащихся в их носителе, проставляемые на самом носителе и в сопроводительной документации на него’ и другие [12];

- ФЗ «О связи» закрепляет значение термина: *средства связи* – ‘технические и программные средства, используемые для формирования, приема, обработки, хранения, передачи, доставки сообщений электросвязи или почтовых отправлений, а также иные технические и программные средства, используемые при оказании услуг связи или обеспечении функционирования сетей связи, включая технические системы и устройства с измерительными функциями’ и другие [30];

- ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» закрепляет значение терминов: *документ* – ‘материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения’; *экземпляр* – ‘образец тиражированного документа, идентичный оригиналу’ и другие [31].

Таким образом, электронный этап развития терминологии делопроизводства характеризуется переходом на новый качественный уровень. В связи с цифровизацией и появлением электронного документооборота возникают новые термины, которые систематизируются в ГОСТах, федеральных законах, но не всегда имеют полное и точное значение. Известно небольшое количество словарей делопроизводственной терминологии. Терминология делопроизводства на современном этапе находится в центре внимания, ей интересуются исследователи, но должным образом она не оформлена и недостаточно изучена.

Заключение

Развитие терминологии делопроизводства неразрывно связано с историческими событиями, которые формируют термины и определения, накладывая отпечаток эпохи. Каждый руководитель государства, проводимые реформы вносили свои коррективы в возникновение терминов (некоторые дошли до нас в том же виде или были видоизменены). Существенные сдвиги в профессиональной лексике каждой эпохи исходят из специфики принятой тогда системы делопроизводства. Терминологический корпус формировался в зависимости от установленной в государстве системы управления. Притом смена правителя не означала то, что делопроизводство начнет развиваться заново: оно совершенствовалось, обогащалось новыми словами и определениями, сохраняя номинативные единицы терминосистемы из предыдущих периодов. С каждым столетием словарный запас делопроизводства пополнялся, и в итоге до нас дошло большое количество терминов, которые активно применяются в профессиональных сферах и в повседневной жизни. Терминологическая база продолжает обновляться и совершенствоваться с течением времени.

Список источников и литературы

1. Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 4: Брасос-Веш / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1971. 600 с.
2. Бородина Е. В. Челобитная как источник для изучения истории российского общества XVII–XVIII вв.: структура и эволюция формуляра // Манускрипт. 2019. № 12. С. 29.

3. Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII века: формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 164 с.
4. Герд А. С. Основы научно-технической лексикографии. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. 69 с.
5. Гребеницкова И. В. Судебник 1497 года как источник права Русского (Московского) государства // Наука. Образование. Современность / Science. Education. The Present. 2022. № 1-4. С. 79.
6. ГОСТ РФ 7.0.8-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело: термины и определения: утв. приказом Росстандарта от 17 октября 2013 г. № 1185. М.: Стандартиформ, 2014. 12 с. [Документ утратил силу].
7. ГОСТ Р 7.0.8-2025. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело: термины и определения: утв. приказом Росстандарта от 28 января 2025 г. № 30: введен 01.03.2025. М.: Рос. ин-т стандартизации, 2025. 24 с.
8. Гринев-Гриневиц С. В. Введение в терминоведение: учеб. пособие. М.: Моск. Лицей, 1993. 309 с. или Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение. М.: Академия, 2008. 304 с.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: в 4 т. Т. 1: А-З / под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. 3-е изд., испр. и знач. доп. СПб.; М.: Т-во М.О. Вольфа, 1903. 1744 стб.
10. Емышева Е. М. Генеральный Регламент 1720 года как опыт создания организационного документа // История и архивы. 2008. № 8. С. 248–261.
11. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Рус. язык, 2000.
12. О государственной тайне: (с последними изменениями): закон Рос. Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 // ГАРАНТ.РУ: справ.-прав. портал. URL: <https://base.garant.ru/10102673/> (дата обращения: 28.10.2025).
13. Илюшенко М. П. История делопроизводства в дореволюционной России: учеб. пособие. М.: РГГУ, 1993. 80 с.
14. Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: ЭТС, 2010. 5140 с.
15. Ларин М. В. Генеральный регламент Петра I – Три века в действии // Научный вестник Крыма. 2019. № 3 (21). Ст. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/generalnyu-reglament-petra-i-tri-veka-v-deystvii> (дата обращения: 28.10.2025).
16. Ларин М. В. Исторический опыт и современное состояние государственного регулирования делопроизводства в России // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. Вып. 2. С. 290–303.
17. Майоров А. П. Эволюция делопроизводственной терминологии в XVIII веке: наименования регистрационных и других документов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2019. № 6 (74). С. 115–122. URL: <https://www.s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/strukturnye-podrazdeleniya/dnii/vestnik-svfu/pv/MayorovAP.pdf> (дата обращения: 29.10.2025).
18. Материалы для словаря древнерусского языка / сост. А. Дювернуа. М.: Университет. тип., 1894. 234 с.
19. Мухина Ю. Ю. Характеристика положения крестьян и холопов в России во второй половине XVI–XVII вв. // Локус: Люди, общество, культура, смыслы. 2012. № 2. С. 5–14.
20. Генеральный регламент, или Устав // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 6. № 3534.
21. Словарь иностранных слов. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. язык, 1989. 620 с.
22. Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1984. Вып. 1. 224 с.
23. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвист. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. язык, 1999.
24. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.: Изд-во АН СССР: Наука, 1948–1965.

25. Словарь терминов и понятий по документоведческим дисциплинам / сост. С. Ю. Гасникова. 2-е изд., испр. и доп. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманитар. ун-та, 2009. 116 с.
26. Суровцева Н. Г. Электронный документ как объект документоведения: Историографический обзор // Сибирские исторические исследования. 2018. № 4 (25). С. 277–285.
27. Фатейчев С. С. История развития терминологии в документоведении // Культурная жизнь Юга России. 2010. № 2. С. 102–103.
28. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (с изм. и доп.): принят Гос. Думой 08.07.2006 г.: одобрен Советом Федерации 14.07.2006 г. // ГАРАНТ.РУ: справ.-прав. портал. URL: <https://base.garant.ru/12148555/> (дата обращения: 28.10.2025).
29. О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (с изм. и доп.): принят Гос. Думой 08.07.2006 г.: одобрен Советом Федерации 14.07.2006 г. // ГАРАНТ.РУ: справ.-прав. портал. URL: <https://base.garant.ru/12148567/> (дата обращения: 28.10.2025).
30. О связи: федер. закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ: принят Гос. Думой 18.06.2003 г.: одобрен Советом Федерации 25.06.2003 г. // ГАРАНТ.РУ: справ.-прав. портал. URL: <https://base.garant.ru/186117/> (дата обращения: 28.10.2025).
31. Об обязательном экземпляре документов: федер. закон от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ (с изм. и доп.): принят Гос. Думой 23.11.1994 г. // ГАРАНТ.РУ: справ.-прав. портал. URL: <https://base.garant.ru/103526/> (дата обращения: 28.10.2025).

References

1. Prokhorov, AM (ed.) 1971, 'Brasos-Vesh'(Brasos-Vesh), *Bolshaya sovetskaya entsiklopediya. V 30 t.* (Great Soviet Encyclopedia. In 30 vols), vol 4, Sovetskaya entsiklopediya publ, Moscow. (In Russ.)
2. Borodina, YeV 2019, 'Chelobitnaya kak istochnik dlya izucheniya istorii rossiyskogo obshchestva XVII–XVIII vv. : Struktura i evolyutsiya formulyara' (Petition as a source to study history of the Russian society of the XVII-XVIII centuries: structure and evolution of form), *Manuskript* (Manuscript), no. 12, p. 29, viewed 17 October 2025, <https://cyberleninka.ru/article/n/chelobitnaya-kak-istochnik-dlya-izucheniya-istorii-rossiyskogo-obschestva-xvii-xviii-vv-struktura-i-evolyutsiya-formulyara> (In Russ.)
3. Volkov, SS 1974, *Leksika russkikh chelobitnykh XVII veka: Formulyar, traditsionnyye etiketnyye i stilevyye sredstva* (Lexicon of Russian Petitions of the 17th Century: Form, Traditional Etiquette and Stylistic Devices), Izdatelstvo Leningradskogo universiteta publ, Leningrad. (In Russ.)
4. Gerd, AS 1986, *Osnovy nauchno-tekhnicheskoy leksikografii* (Fundamentals of Scientific and Technical Lexicography), Izdatelstvo Leningradskogo universiteta publ, Leningrad. (In Russ.)
5. Grebenschikova, IV 2022, 'Sudebnik 1497 goda kak istochnik prava Russkogo (Moskovskogo) gosudarstva' (The judicial code of 1497 as a source of the law of the Russian (Moscow) state), *Nauka. Obrazovaniye. Sovremennost* (Science. Education. The Present), no.1-4, p. 79, viewed 17 October 2025, <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnik-1497-goda-kak-istochnik-prava-russkogo-moskovskogo-gosudarstva> (In Russ.)
6. *GOST R 7.0.8-2013. Natsionalnyy standart Rossiyskoy Federatsii. Sistema standartov po informatsii, bibliotechnomu i izdatelskomu delu. Deloproizvodstvo i arkhivnoye delo. Terminy i opredeleniya: Utverzhden prikazom Rosstandarta ot 17 oktyabrya 2013 g. № 1185* (All-Union State Standard 7.0.8-2013. National standard of the Russian Federation. System of standards on information, librarianship and publishing. Records Management and Archival Science. Terms and Definitions. Approved by Order No. 1185 of the Federal Agency on Technical Regulating and Metrology dated 17 October 2013) 2013. (In Russ.)
7. *GOST R 7.0.8-2025. Natsionalnyy standart Rossiyskoy Federatsii. Sistema standartov po informatsii, bibliotechnomu i izdatelskomu delu. Deloproizvodstvo i arkhivnoye delo.*

7. GOST R 7.0.8-2025. *Natsionalnyy standart Rossiyskoy Federatsii. Sistema standartov po informatsii, biblioteknomu i izdatelskomu delu. Deloproizvodstvo i arkhivnoye delo. Terminy i opredeleniya : Uverzhden prikazom Rosstandarta ot 28 yanvarya 2025 g. № 30* (All-Union State Standard 7.0.8-2025. National standard of the Russian Federation. System of standards on information, librarianship and publishing. Records Management and Archival Science. Terms and Definitions. Approved by Order No. 30 of the Federal Agency on Technical Regulating and Metrology dated 28 January 2025) 2025. (In Russ.)
8. Grinev, SV 2008, *Vvedeniye v terminovedeniye* (Introduction to Terminology), Akademiya publ, Moscow. (In Russ.)
9. Dal, VI 1903, 'A-Z' (A-Z), *Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka Vladimira Dalya: V 4 t.* (Dal's Explanatory Dictionary of the Great Russian language. In 4 vols.), vol. 1, ed. J.N. Baudouin de Courtenay, T-vo M.O. Volfa publ, St.Petersburg, Moscow. (In Russ.)
10. Yemysheva, YeM 2008, 'Generalnyy Reglament 1720 goda kak opyt sozdaniya organizatsionnogo dokumenta' (General Regulations of 1720 as an example of an attempt to create an organizational document), *Istoriya i arkhivy* (History and Archives), no. 8, p. 255, viewed 28 October 2025, <https://cyberleninka.ru/article/n/generalnyy-reglament-1720-goda-kak-opyt-sozdaniya-organizatsionnogo-dokumenta-1> (In Russ.)
11. Yefremova, TF 2000, *Novyy slovar russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyy* (New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-Formation), Russkiy yazyk publ, Moscow. (In Russ.)
12. *Zakon RF «O gosudarstvennoy tayne» ot 21 iyulya 1993 g. № 5485-I (s poslednimi izmeneniyami)* (Law of the Russian Federation "On Official Secret" of 21 July 1993, No. 5485-I (with the latest amendments)) 1993. (In Russ.)
13. Ilyushenko, MP 1993, *Istoriya deloproizvodstva v dorevolyutsionnoy Rossii* (History of Office Work in Pre-Revolutionary Russia), Moscow. (In Russ.)
14. Yepishkin, NI (ed.) 2010, *Istoricheskiy slovar gallitsizmov russkogo yazyka* (Historical Dictionary of Gallicisms of the Russian), ETS publ, Moscow. (In Russ.)
15. Larin, MV 2019, 'Generalnyy reglament Petra I — Tri veka v deystvii' (General Regulations of Peter I - three centuries in action), *Nauchnyy vestnik Kryma* (Scientific Bulletin of Crimea), no. 3 (21), p. 2, viewed 28 October 2025, <https://cyberleninka.ru/article/n/generalnyy-reglament-petra-i-tri-veka-v-deystvii> (In Russ.)
16. Larin, MV 2002, 'Istoricheskiy opyt i sovremennoye sostoyaniye gosudarstvennogo regulirovaniya deloproizvodstva v Rossii' (Historical experience and the current state of state regulation of office work in Russia), *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost*, no. 2, Izdatelstvo Uralskogo universiteta publ, Yekaterinburg, pp. 290–303. (In Russ.)
17. Mayorov, AP 2019, 'Evolyutsiya deloproizvodstvennoy terminologii v XVIII veke: Naimenovaniya registratsionnykh i drugikh dokumentov' (The Evolution of Office Terminology in the XVIII Century: Names of Registration and Other Documents), *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta imeni M.K. Ammosova* (Vestnik of North-Eastern Federal University), no. 6 (74), p. 118, viewed 29 October, <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-deloproizvodstvennoy-terminologii-v-xviii-v-naimenovaniya-registratsionnykh-i-drugikh-dokumentov> (In Russ.)
18. Duvernoy, A 1894, *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka* (Materials for a dictionary of the old Russian language), Universitetskaya tipografiya publ, Moscow. (In Russ.)
19. Mukhina, YuYu 2012, 'Kharakteristika polozheniya krestyan i kholopov v Rossii vo vtoroy polovine XVI–XVII vv.' (The characterization of the condition of the peasants and kholops in the second half of 16th early 17th century Russia), *Lokus: Lyudi, obshchestvo, kultura, smysly* (Locus: People, Society, Cultures, Meaning), no. 2, p. 12, viewed 16 October, <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-polozheniya-krestyan-i-holopov-v-rossii-vo-vtoroy-polovine-xvi-xvii-vv> (In Russ.)
20. *PSZ. Sobraniye pervoye* (Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1), vol. 6, no. 3534. (In Russ.)
21. *Slovar inostrannykh slov* (Dictionary of Foreign Words) 1989, Russkiy yazyk publ, Moscow. (In Russ.)
22. *Slovar russkogo yazyka XVIII veka* (Dictionary of the Russian Language of the 18th Century) 1984, Nauka, Leningradskoye otdeleniye publ, Leningrad. (In Russ.)

23. Yevgenyeva, AP (ed.) 1999, *Slovar russkogo yazyka: V 4-kh t.* (Dictionary of the Russian Language. In 4 vols), Rus. yaz. publ, Poligrafresursy publ, Moscow.
24. *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t.* (Dictionary of the Modern Russian Literary Language: In 17 vols) 1948-1965, Moscow. (In Russ.)
25. Gasnikova, SYu 2009, *Slovar terminov i ponyatiy po dokumentovedcheskim distsiplinam* (Glossary of Terms and Concepts in Document Studies), Izdatelstvo Nizhnevartovskogo gumanitarnogo universiteta publ, Nizhnevartovsk. (In Russ.)
26. Surovtseva, NG 2018, 'Elektronnyy dokument kak obyekt dokumentovedeniya: Istorio-graficheskiy obzor' (An electronic record as an object of records management: a historiographic review), *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya* (Siberian Historical Research), no. 4 (25), p. 279, viewed 29 October 2025, <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnyy-dokument-kak-obekt-dokumentovedeniya-istoriograficheskiy-obzor> (In Russ.)
27. Fateychev, SS 2010, 'Istoriya razvitiya terminologii v dokumentovedenii' (History of development of terminology in scientific discipline of documentation), *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii* (Cultural Studies of Russian South), no. 2, pp. 102-103, viewed 30 September 2025, <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-terminologii-v-dokumentovedenii> (In Russ.)
28. *Federalnyy zakon "Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii" ot 27 iyulya 2006 g. № 149-FZ (s posledney redaktsiyey)* (Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" of July 27, 2006 No. 149-FZ (with the latest revision) 2006. (In Russ.)
29. *Federalnyy zakon "O personal'nykh dannykh" ot 27 iyulya 2006 g. № 152-FZ (s posledney redaktsiyey)* (Federal Law "On Personal Data" of July 27, 2006 No. 152-FZ (with the latest revision) 2006. (In Russ.)
30. *Federalnyy zakon ot 7 iyulya 2003 g. № 126-FZ "O svyazi"* (Federal Law of July 7, 2003 No. 126-FZ "On Communications") 2003. (In Russ.)
31. *Federalnyy zakon ot 29 dekabrya 1994 g. № 77-FZ "Ob obyazatelnom ekzempliyare dokumentov"* (Federal Law of December 29, 1994 No. 77-FZ "On the Mandatory Copy of Documents") 1994. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 01.12.2025
Одобрена после рецензирования: 13.02.2026
Принята к публикации: 02.03.2026

The article was submitted: 01.12.2025
Approved after reviewing: 13.02.2026
Accepted for publication: 02.03.2026

РУССКИЕ СИНГУЛЯТИВЫ (СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ЕДИНИЧНОСТИ): СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА НА СЕРБСКИЙ ЯЗЫК

Елена Лепоевич

Нишский университет

Ниш, Республика Сербия

jelena.lepojevic@filfak.ni.ac.rs

<https://orcid.org/0000-0001-7660-0406>

Аннотация. В статье проводится контрастивный анализ словообразовательных моделей русских сингулятивов – существительных единичности типа *снежинка, горошина* – и предлагается классификация основных стратегий их перевода на сербский язык. Данный класс существительных в русском языке отличается высокой степенью грамматикализации, регулярностью и продуктивностью образующих суффиксов. В сербском языке, где сингулятивы не образуют столь же системной словообразовательной категории, основными способами передачи их семантики являются лексическая перифраза с партикуляризатором (*зрно песка*), использование узуальных диминутивов (*пахуљица*) либо подбор иного лексического эквивалента. Основная цель исследования – путем сопоставительного анализа выявить системные различия в образовании и функционировании существительных единичности в русском и сербском языках и описать оптимальные стратегии их межъязыковой передачи.

Методологическую основу составляют методы контрастивной и словообразовательной лингвистики, а также традиционные лингвистические методы: метод сплошной выборки, лексико-семантический, описательный метод. Эмпирическую базу формируют примеры из художественных текстов и их переводов (Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, М. А. Булгаков, И. Андрич), а также данные лексикографических источников, что обеспечивает репрезентативность материала. Результаты исследования систематизируют частную, но сложную область межъязыковой асимметрии. Практическая значимость работы заключается в возможности её применения в преподавании русского языка как иностранного в сербской аудитории и в переводческой практике. Проведённый анализ вносит вклад в теорию сопоставительного языкознания, наглядно демонстрируя, как сходные когнитивные задачи решаются в разных языковых системах различными грамматическими и лексическими средствами.

Ключевые слова: сингулятив, категория единичности, словообразование, суффиксы, собирательные существительные, русско-сербский перевод, сопоставительная лингвистика, языковая асимметрия, переводческие стратегии.

Для цитирования: Лепоевич Е. Русские сингулятивы (существительные единичности): словообразовательные модели и стратегии перевода на сербский язык // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 1 (25). С. 188–203. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-188-203>

Сведения об авторе: *Е. Лепоевич* – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Философский факультет, Нишский университет, 18101, Республика Сербия, г. Ниш, ул. Кирилла и Мефодия, 2.

Scientific Article
UDC 8.81-114.2
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-188-203>

SINGULATIVE NOUNS IN RUSSIAN: WORD-FORMATION PATTERNS AND TRANSLATION STRATEGIES INTO SERBIAN

Jelena Lepojevic

University of Niš, Faculty of Philosophy
Niš, Republic of Serbia
jelena.lepojevic@filfak.ni.ac.rs
<https://orcid.org/0000-0001-7660-0406>

Abstract. The article presents a contrastive analysis of word-formation patterns of Russian singulative nouns such as *снежинка* (*snowflake*), *горошинка* (*a pea*) and proposes a classification of the main strategies for their translation into Serbian. In Russian, this class of nouns is characterized by a high degree of grammaticalization, along with regularity and highly productive patterns of suffixation. In the Serbian language, where singulatives do not constitute an equally systematic word-formation category, the primary methods for conveying their semantics are lexical paraphrase with a particularizer (*зрно песка* – *grain of sand*), the use of established diminutives (*пачуљица* – *small snowflake*), or the selection of an alternative lexical equivalent. The main goal of the research is to identify, through comparative analysis, systemic differences in the formation and functioning of singulative nouns in Russian and Serbian and to describe optimal strategies for their cross-linguistic transfer. The methodological basis consists of contrastive and word-formation linguistics methods, as well as traditional linguistic methods: continuous sampling, lexico-semantic analysis, and the descriptive method. The empirical base includes examples from literary texts and their translations (by F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy, M. A. Bulgakov, I. Andrić), as well as data from lexicographic sources, ensuring the representativeness of the material. This approach allows for describing not only formal correspondences but also revealing semantic nuances. The results of the study systematize a specific yet complex area of cross-linguistic asymmetry. The practical significance of the work lies in its potential application in teaching Russian as a foreign language to a Serbian audience and in translation practice. The conducted analysis contributes to the theory of contrastive linguistics, clearly demonstrating how similar cognitive tasks are resolved in different language systems through various grammatical and lexical means.

Keywords: singulative, category of unity, word-formation, suffixes, collective nouns, Russian-Serbian translation, contrastive linguistics, linguistic asymmetry, translation strategies.

For citation: Lepojevic J 2026, 'Singulative nouns in Russian: Word-formation patterns and translation strategies into Serbian', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (25), pp. 188–203, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-188-203> (in Russ.)

Information about the Author: *Jelena Lepojevic* – PhD in Philology, Associate Professor of Department of Russian Language and Literature, University of Niš, 2, Ćirila i Metodija., Niš, 18101, Republic of Serbia

Введение

В статье исследуются способы выражения значения единичности в русском языке и коррелятивные средства в сербском языке.

Данное исследование рассматривает существительные единичности как важный элемент русской языковой картины мира: тема, на наш взгляд, очень актуальна. Сингулятивы, как иначе называют существительные единичности, это языковые средства, которые служат для выделения единичного элемента из множества или массы и отражают специфику категоризации действительности ее носителями. С точки зрения контрастивной лингвистики актуальность темы усиливается необходимостью описания подобных лексико-грамматических единиц, поскольку их безэквивалентный статус порождает конкретные трудности при переводе.

Цель работы – систематизировать их словообразовательные модели в русском языке и выявить адекватные стратегии передачи на сербский язык, где данный грамматико-семантический класс выражен менее регулярно.

Методология включает в себя сопоставительный анализ, метод деривационной реконструкции, лексико-семантический и описательный методы. В рамках словообразовательного анализа выявляются продуктивные модели русских сингулятивов, среди которых преобладают суффиксальные образования с *-ин(а)* (*горошина*), *-инк(а)* (*снежинка*) и *-к(а)* (*пылинка*). На плане семантики и словообразования они соотносятся с собирательными (*горох*), вещественными (*снег*) или плюральными (*пыль*) существительными.

Вторая часть статьи посвящена стратегиям перевода: в силу отсутствия симметричной формы выражения единичности анализируются основные способы передачи значения русских сингулятивов на сербский язык, иллюстрируемые примерами из художественной литературы.

Проведенный нами анализ обосновывает вывод, что русские сингулятивы представляют собой чёткую словообразовательную категорию высокой продуктивности, отражающую когнитивный механизм индивидуализации.

Результаты исследования имеют прикладное значение для переводческой практики и преподавания русского языка в сербской аудитории.

Теоретические основы: сингулятивы в системе русского языка

Значение единичности, противопоставленное собирательности или вещественности, находит в русском языке регулярное и продуктивное выражение в особой словообразовательной категории – категории сингулятивов¹ (существительных единичности). В современной лингвистической литературе сингулятивами принято называть «суффиксальные образования, имеющие общее значение ‘единичный предмет, принадлежащий к массе вещества или к совокупности однородных предметов’» [24, с. 5]. Данные лексические единицы служат формальным средством языкового (концептуального) членения, называя отдельный, мысленно выделенный элемент из нерасчленённой массы или совокупности однородных предметов. Ключевым является определение существительных единичности как «таких отдельных предметов, которые выделены из совокупности однородных и которые в больших количествах и образуют эту совокупность» [24, с. 7] – данное определение, на наш взгляд, представляет важное содержательное расширение и уточнение существующих толкований.

Теоретической основой для анализа данной категории, помимо монографии В. Н. Мусатова, послужили и положения академической «Русской грамматики» (Шведова Н. Ю. и др.), фундаментальные труды по словообразованию (Е. А. Земская,

В. В. Виноградов) а также данные специализированных словообразовательных словарей (Т. Ф. Ефремова).

Русские сингулятивы представляют собой структурированную и высокопродуктивную словообразовательную категорию. Их системное ядро составляют суффиксы, обладающие специализированной семантикой «единичности, выделенной из целого» и строгими правилами деривации от основ собирательных и вещественных имён². Эта морфологическая регулярность и семантическая прозрачность создают в русском языке эффективный инструмент для концептуализации мира.

Несмотря на то, что существительные с описанной характеристикой являются спецификой системы русского языка и заслуживают особого внимания каждого, кто его изучает, данный разряд слов остается недостаточно изученным: о сингулятивах писали лишь в разделах грамматик, посвящённых словообразованию имён существительных или в словообразовательных словарях (в статьях о конкретных суффиксах). Чаще же всего, помимо общих упоминаний о категории, не приводилось никаких более подробных сведений.

Такая ситуация в теоретическом описании осложняет преподавание русского языка, особенно в инославянской среде, к которой относится и сербоговорящая аудитория.

Ключевым вкладом монографии В. Н. Мусатова является именно это системное описание, проясняющее базовые механизмы образования сингулятивов.

Системная особенность русских сингулятивов, как будет показано далее, и порождает основную трудность при поиске эквивалентных средств передачи в сербском языке, где отсутствует столь же симметричная и грамматикализованная словообразовательная парадигма.

Лингвострановедческий прием

Русский язык характеризуется ярко выраженной тенденцией к детализации. Для его носителей такая специфика часто остается неосознанной, но с позиции преподавателя русского языка отметим, что усвоение таких деталей требует значительного внимания в процессе изучения русского языка. В контексте нашего исследования русский язык дает возможность говорящему эксплицитного обозначения единичного элемента, извлекаемого из массы, который тем самым получает статус самостоятельного, исчисляемого предмета. В сербском языке, как будет показано далее, это функция реализуется иными средствами.

Продуктивная категория русских сингулятивов таким образом представляет собой не только грамматическое явление, но и важный элемент языковой картины мира (ЯКМ), отражающий особый способ концептуализации действительности её носителями.

Опираясь на определение В. А. Масловой, согласно которому ЯКМ представляет собой «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности» [23, с. 64–73], понимаем, что язык выполняет не просто номинативную, но и категоризирующую функции. Обоснованность такого понимания подтверждает фундаментальная идея А. А. Потебни об языке как об «орудии мышления», формирующем само наше восприятие реальности [27].

Русские сингулятивы – это не просто грамматический факт. Они одновременно и отражение, и инструмент закрепления в русской ЯКМ противопоставления «нерасчленённая масса / четко выделенный объект». В отличие от этого для сербского

языкового сознания такое грамматическое членение той же действительности не являлось столь значимым, чтобы оно нашло свое отражение в грамматических категориях языка.

Согласно принципам когнитивной лингвистики, подобные различия уходят корнями в особенности концептуализации окружающего мира: язык не просто средство для передачи мыслей, а активный инструмент, который эту мысль структурирует, категоризирует и даже конструирует. Через язык человек расчленяет окружающий мир, выделяет в нем отдельные фрагменты, классифицирует их и тем самым делает понятным и доступным для себя [7; 22].

Разный подход русского и сербского языков к способам номинации единичности подтверждает идею Е.С. Кубряковой о том, что грамматические системы – своего рода «культурные фильтры»: каждый язык пропускает через себя мир по-своему, членя единый человеческий опыт (фрагмент реальности) по-разному, закрепляя в грамматике наиболее значимые для своей культуры смыслы [22].

Словообразовательная парадигма

Как уже отмечалось, сингулятивы образуются от основ собирательных и вещественных существительных с помощью определённых суффиксов [8, с. 121; 20, с. 261; 24, с. 16]. Наиболее продуктивными и системными средствами выражения значения единичности в современном русском языке являются суффиксы *-ин(а)* и *-инк(а)* ³.

Суффикс *-ин(а)* ⁴ образует существительные женского рода с общим значением «единичный предмет, принадлежащий к массе вещества или к совокупности однородных предметов, названной мотивирующим словом» [19, с. 538; 28, с. 205]. В «Русской грамматике» выделяются три четких семантических подтипа таких образований:

а) частица однородной массы, мотивированная собирательным существительным: *горох – горошина, виноград – виноградина, клюква – клюквина, картофель – картофелина*;

б) кусок (часть) материала, названного мотивирующим словом: *лёд – льдина, железо – железина, холст – холстина*;

в) одна из одинаковых частей, составляющих парный предмет: *брюки – брючина, лыжи – лыжина, штаны – штанина, рельс – рельсина* [28, с. 205].

Суффикс *-инк(а)* ⁵ образует существительные женского рода со значением «одна маленькая частица однородной массы» [19, с. 540; 28, с. 205]. Как правило, мотивирующими словами выступают вещественные или собирательные существительные: *пыль – пылинка, снег – снежинка, роса – росинка, пух – пушинка, крупа – крупинка* [28, с. 205].

Стоит также обратить внимание на то, что некоторые существительные на *-инк(а)* можно рассматривать как вторичные образования – диминутивы от уже существующих сингулятивов на *-ин(а)*, где значение единичности осложняется уменьшительностью: *бисерина – бисеринка, изюмина – изюминка* [28, с. 205]

Семантическую суть явления точно определяет В. В. Виноградов: «Суффикс *-ин(а)* имеет значение единичности. Он производит от основ слов с вещественно-собирательным значением названия единичной вещи, единичного предмета, выделенного из какой-нибудь массы, из совокупности» [8, с. 121]. При этом, как он справедливо указывал, следует различать сингулятивы на *-ин(а)* (*горошина, жемчужина*) и производные на *-инк(а)* (*песчинка, изюминка*), где к значению единичности часто добавляется экспрессивно-оценочная компонента.

Представленные данные дают возможность сделать вывод о разделении функций между суффиксами: суффикс *-ин(а)* служит моделью для обозначения чётко выделенных, часто довольно крупных единиц (*горох* → *горошина*, *картофель* → *картофелина*), в то же время как суффикс *-инк(а)*, напротив, чаще формирует названия мелких, трудно различимых частиц (*пыль* → *пылинка*, *песок* → *песчинка*), причем его семантика часто осложняется дополнительным уменьшительно-оценочным оттенком.

К очень похожему выводу приходит и И. Атанасова. Более того, она углубляет анализ, замечая важный нюанс: при возможности *параллельного образования простых сингулятивов* ⁶ с обоими суффиксами от одной основы разница, по её наблюдениям, обычно сводится к размеру – *виноградина* 'крупное зерно винограда', а *виноградинка* – 'маленькое зернышко винограда'» [3, с. 12]. Если от слова существует лишь одна сингулятивная форма, то «оттенок уменьшительно-ласкательного или увеличительного значения суффикса теряется, однако сохраняется то единичное название, суффикс которого по семантике соответствует размерам обозначаемого предмета» [3, с. 12].

Проведенный анализ позволяет определить сингулятив как специализированное средство языковой категоризации. Его особенность в том, что он находится на стыке двух систем: словообразования, как дериват образован с помощью суффикса, и категории числа – он называет один предмет, формально выражая единичность, но при этом может иметь форму множественного числа. Он служит для того, чтобы мысленно выделить отдельный элемент из того, что воспринимается как непрерывное или гомогенное целое (масса, вещество, совокупность).

Учитывая все указанные семантические нюансы, предметом дальнейшего анализа станут только те сингулятивы, выделяющие один предмет из массы или совокупности однородных. Сингулятивы, образованные от существительных pl. tantum остаются за пределами данного исследования, так как требует отдельного рассмотрения.

Средства выражения семантики единичности в сербском языке

В отличие от русского, в современном сербском языке грамматическая категория единичности не выделяется.

Первое упоминание данной категории на сербской почве встречается в *Грамматике русского языка* сербского лингвиста Радована Кошутича в начале XX века.

С тех пор ни в одной грамматике сербского языка не рассматривается категория, обладающая всеми характеристиками русских сингулятивов. Традиционно в сербских грамматиках ⁷ выделяют только единственное и множественное числа, в рамках которых имеются существительные, употребляющиеся только в одной форме (*singularia* и *pluralia tantum*).

Более детально к этому вопросу возвращается Б. Дабич: к категории числа, по его мнению, стоит отнести и сингулятивы, которые по смыслу противопоставляются существительными со значением *коллективность* и *собирательность* [9, с. 202]. Автор отмечает, что категория единичности в сербском языке семантически обусловлена, что сингулятивы встречаются лишь в определенных семантических группах существительных. Ученый определяет их как маргинальное явление в рамках грамматической категории числа, которые формально маркированы суффиксом *-ин* у существительных мужского рода и суффиксом *-ка у* – женского [9, с. 200].

Дабич в продолжении статьи в качестве примеров сингулятивов мужского рода рассматривает этнонимы типа *Србин, Турчин, Арапин, Бугарин* и тому подобное [9, с. 200–201]. Следует отметить, что в русском языке такая группа существительных в силу словообразовательных особенностей к сингулятивам не относится.

Для нашего исследования, однако, гораздо интереснее немногочисленные примеры существительных женского рода, которые Дабич считает сингулятивами: *сламка, травка и во́рка* [9, с. 201].

Слама (собирательное, солома) → *сламка* (один отдельный стебель соломы, соломинка);

трава (собирательное, трава) → *травка* (одно отдельное растеньице, травка);

во́рка (собирательное, фрукты) → *во́рка* (одно фруктовое деревце/плод).

Эти редкие примеры, которые действительно обозначают один предмет из массы однородных, представляют собой, скорее, пережитки сингулятивных образований.

В этой небольшой группе выделяется частотный суффикс *-ка*, который в сербском языке употребляется преимущественно для выражения предметности или уменьшительности (диминутивности). Лишь изредка его присоединение к основе существительного *pluralia tantum* или существительного женского рода, обозначающего вещество, растение или абстрактную массу, может привести к значению «один отдельный элемент из этой массы».

Во всех остальных случаях для передачи значений, аналогичных русским сингулятивам, сербский язык использует иные, более характерные для него средства.

Чтобы выразить ту же идею, что в русском передается сингулятивом, сербский язык использует конструкции с уточняющим словом (партикуляризатор). Эта стратегия – партикуляризация – подробнее рассматривается в работах ведущих сербских лингвистов, таких, как Милка Ивич [21], Предраг Пипер [26], Райна Драгичевич [17; 18].

Получается, что для сербского языка типичен описанный способ выражения единичности, который напрямую относится с выделяемой Атанасовой категории «описательных (составных)» сингулятивов, «состоящих из сочетаний слов» [3, с. 10], к которым она относит примеры типа *мешок картофеля; кисть винограду; головка луку; кочан капусты; долька чеснока* и т. п. [3, с. 15–16].

Русские сингулятивы обладают способностью образовывать формы множественного числа (*виноградины, горошины*). В сербском же языке в силу отсутствия такого способа номинации для обозначения счётности предметов из массы снова используется «партикуляризатор као назив јединице мере: *четири главице купуса*» [25, с. 58–59].

Таким образом, в языковой картине мира носителей сербского языка нет необходимости грамматически детализировать и выделять единичное из массы. А раз нет устойчивой потребности, не возникло и специальной грамматической категории. В сербском языке также нет продуктивных суффиксов, чьей единственной или первичной функцией было бы преобразование названия вещества в название одной его частицы.

Из вышесказанного выходит, что два языка решают одну задачу разными способами: сербский язык ориентирован на лексическую конкретизацию, в то время как русский использует суффиксальное словообразование в рамках особой словообразовательной категории. Первый путь аналитический (извне), второй – синтетический (изнутри), и в этом состоит главное различие в их подходе к осмыслению мира.

Стратегии перевода русских сингулятивов на сербский язык

Именно эти контрасты в устройстве двух языков – грамматико-семантические характеристики сингулятивов, а также тот факт, что это явление более характерно для русского языка и встречается в нём чаще – во многом определило подход к изучению темы на материале литературного корпуса. Большая часть приводимых нами примеров извлечена из русских оригиналов и сопоставляется с их сербскими переводами. Несмотря на высокую продуктивность сингулятивов в русском языке, выясняется, что в литературных произведениях они встречаются не так уж часто. Как правило, это те самые классические примеры вроде *снежинка*, *горошинка*, *жемчужинка*, на которых это явление чаще всего и иллюстрируется в грамматиках.

При переводе на сербский язык возникает проблема функциональной асимметрии: поскольку формальный эквивалент в большинстве случаев отсутствует, главной стратегией становится передача самой семантики единичности через лексические замены или перестройку фразы.

На основе отобранных примеров мы выявили несколько закономерностей на русско-сербском уровне.

Перевод полными словообразовательными аналогами

При наличии полного словообразовательно-семантического аналога русский сингулятив переводится на сербский язык соответствующим производным словом. Учитывая, что в сербском языке только три словоформы можно отнести к сингулятивным, полное совпадение словообразовательных моделей наблюдается лишь в случае со словом *сламка*.

Сингулятив *сламка* / *соломинка* ⁸ входит в состав одного и того же устойчивого выражения в обоих языках (*хвататься за соломинку* / *хватати се за сламку*), что иллюстрируют следующие примеры.

Да он и сам не знал; ему, как хватавшемуся за **соломинку**, вдруг показалось, что и ему "можно жить, что есть еще жизнь, что не умерла его жизнь вместе с старою старухой". [10, II/VII, с. 203]; Ta ni sam nije znao; njemu se kao onomu, što se hvata za **slamčicu**, učinilo odjednom, da i on »može živjeti, da još postoji život, da nije umro njegov život zajedno sa starom babom.« [11, с. 142]; Он то ни сам не знађаше; њему се, као оном што се хватао за **сламку**, наједаред учини да и он „може живети, да још има живота, да није умро његов живот заједно са старом бабом“ [12, с. 220]

– Ну, так зачем же... как же вы сказали: чтоб ограбить, а сами ничего не взяли? – быстро спросила она, хватаясь за **соломинку** [10, V/IV, с. 442]; – No, zašto dakle... kad rekoste sami: da opljačkate, a niste ništa uzeli? – zapita ona brže, hvatajući se za **slamčicu** [11, с. 296]; – Па зашто сте... како сте могли рећи: да је похарате, а овамо ништа нисте узели? – брзо пита она, хватајући се за **сламку** [12, с. 159]

Интересно, что в первом варианте перевода, несмотря на наличие полного аналога *сламка*, переводчик выбрал существительное *сламчица* – диминутив с более

выраженным значением уменьшительности. Таким способом подчёркивается безвыходность ситуации.

Второй предложенный вариант принадлежит более опытному переводчику (Жован Максимовић), чей труд традиционно отличается тонкостью и точностью в выборе языковых средств. Он использует нейтральный сингулятив *сламка*, что соответствует стилистике оригинала.

Стоит отметить, что даже имея формальный эквивалент, переводчики нередко делают осознанный выбор, который зависит от их понимания текста и стилистических предпочтений.

Приведем важное примечание: в случае существительного *травка* совпадение с соответствующей русской формой обнаруживается лишь на графическом уровне, в то время как на семантическом уровне расходятся: в сербском слово *травка* имеет сингулятивное значение, тогда как русское то же слово обладает прежде всего диминутивным значением, сохраняя собирательный смысл («маленькая или нежная трава»). Такое расхождение является ярким примером межъязыковой омонимии и может привести к ошибкам при переводе:

Господа, — воскликнул я вдруг от всего сердца, — посмотрите кругом на дары божии: небо ясное, воздух чистый, **травка** нежная, птички, природа прекрасная и безгрешная, а мы, только мы одни безбожные и глупые и не понимаем, что жизнь есть рай (...) [13, II/VI/II, с. 308]; Господо – узвикнух ја наједном из свег срца – погледајте око себе на ове дарове божје: ведро небо, ваздух чист, **травка** нежна, птичице, природа прекрасна и безгрешна, а ми, само смо ми безбожни и глупи, и не видимо да је живот рај (...) [14, с. 312].

Для перевода этого предложения предпочтительнее было слово *травица*, семантически близкое к русскому оригиналу (нежная трава). Употребление же сингулятива *травка* в этом контексте является стилистически или семантически неоправданным.

Лексическая трансформация

Наиболее частым способом передачи семантики русского сингулятива в сербском языке является его перевод с помощью универсального слова-конкретизатора (партикуляризатора) в составе описательного словосочетания. Как уже отмечалось, в системе сербского языка отсутствует грамматикализованная возможность для такой же степени номинативной индивидуализации и детализации, как в русском. Обособление единичного предмета из однородной массы в сербском регулярно принимает форму конструкции с уточняющим, формообразующим словом, таким, как *зрно / зрнце* (зерно), *главица* (кочан) или *мрвица* (крошка).

Это хорошо видно на примере перевод одного и того же предложения из романа «Мастер и Маргарита». Несмотря на минимальные различия между двумя вариантами перевода, русский сингулятив *горошина* во всех случаях передан одной и той же аналитической конструкцией *зрно грашка* (дословно «зерно гороха»):

Домик, который был размером в **горошину**, разросся и стал как спичечная коробка [4, г. 22, с. 275]; Кућица, величине **зрна грашка**, поче да расте и постаде као кутија од шибица [5, с. 326]; Кућа која је била величине **зрна грашка** порасте и постаде као кутија шибице [6, с. 309]

Эта закономерность встречается у переводных эквивалентов подавляющего большинства русских сингулятивов: *виноградина* (зрно грождја), *песочина* (зрно песка), *пылинка* (зрнце прашине); *черничина* (бобица боровнице); *помидорина* (један парадајз), *картофелина* (један кромпир), *конфетина* (једна бомбона); *луковина* (главица лука), *капустина* (главица купуса); *чесночина* (чешањ белог лука); *дождинка* (кап кише), *росинка* (кап росе).

Встречаются случаи, когда нужно передать не просто единичность, но и счётность таких элементов. В сербском языке эта проблема решается добавлением числительного к конструкции с конкретизатором (мрвица):

Пушку поставили на пол, дулом в пустое место, втиснули в затравку три *порошинки* и зажгли спичкой [13, IV/X/V, с. 558]; Топић поставише на под, цев му уперише на неко празно место, утиснуше у цевчицу три *мрвице барута*, и запалише шибицом [14, с. 563]

Показателен и обратный случай из перевода на русский: сербское слово *зрно*, часто выступающее в роли конкретизатора, здесь употреблено в обобщённом значении (как зерна) и переведено русским сингулятивом *горошины*:

У таквим часовима цела та Проклета авлија јечи и трешти као огромна дечја чегрталка у циновској руци, а људи у њој поигравају, грче се, сударају међу собом и бију о зидове као **зрна** у тој чегрталци [1, с. 13]; В такие часы Проклятый двор стонет и оглушительно грохочет, точно огромная детская погремушка в руках великана, в которой люди на манер **горошин** пляшут, корчатся, ударяются о стенки и друг о друга [2, с. 8].

Таким образом, аналитический способ (словосочетание с конкретизатором) является в сербском языке основным для номинации единичного элемента из массы сыпучих, зернистых или мелких предметов. Это принципиально отличается от суффиксального способа, грамматикализованного в русском языке в рамках категории сингулятивов.

Замена словообразовательной модели слова

В иных случаях передача значения единичности в переводе осуществляется подбором в сербском языке лексического эквивалента, который, хоть и не является дериватом от слова, обозначающего массу, но передаёт схожую семантику отдельной частицы.

Наглядной иллюстрацией такого межъязыкового несоответствия моделей служит следующий пример из художественного текста:

Само гроб међу невидљивим фратарским гробовима, изгубљен попут **пахуљице** у високом снегу (...) [1, с. 81]; Только могила среди других, невидимых сейчас монашеских могил, затерявшаяся, как **снежинка**, в глубоком снегу (...) [2, с. 56].

Сербское слово *пахуљица* представляет собой дериват слова *пахуља* (снежинка) с уменьшительным значением. Само слово *пахуља* по своей семантике является сингулятивом, так как называет единичный объект (одну снежинку), выделенный из однородной массы. Ключевое отличие от русской пары заключается в том, что сербское *пахуља* лексикализовано и не мотивировано словом *снег*, в то время как русская *снежинка* прозрачно образована на базе существительного *снег* с помощью сингулятивного суффикса *-инк(а)*.

Аналогичная стратегия применяется, когда семантика русского сингулятива передаётся непроизводным сербским существительным, уже обозначающим единичный предмет:

– Rosina! — запели мы оба, я, чуть не обнимая ее от восторга, она, покраснев, как только могла покраснеть, и смеясь сквозь слезы, которые, как *жемчужинки*, дрожали на ее черных ресницах [15, с. 163]; – Росина! – запевамо обоје, ја безмало је грлећи од радости, она поцрвевевши колико је год могла и смејући се кроз сузе, које су као *бисер* блистале на њеним црним трепавицама [16, с. 46].

Сербское существительное *бисер* (жемчуг) своей основной формой семантически эквивалентно русскому сингулятиву *жемчужина*. При этом сербский язык располагает и диминутивом *бисерчић* (*жемчужинка*), который может акцентировать как отдельность элемента из массы, так и его малый размер.

В обоих рассмотренных случаях сербский язык, не имея специализированного суффикса со значением единичности, использует готовые лексемы другого словообразовательного типа, с уже заложенной семантикой единичности.

Описательный перевод

Встречаются и случаи, когда в сербском языке отсутствуют адекватные средства для передачи значения русского сингулятива без искажения семантики и образности оригинала. Даже наиболее близкий переводной вариант может звучать неестественно и не позволять читателю восстановить точную авторскую картину. Яркой иллюстрацией этой проблемы служит следующий пример:

Всё это случилось в одно время: мальчик подбежал к голубю и улыбаясь взглянул на Левина; голубь затрещал крыльями и отпорхнул, блестя на солнце между дрожащими в воздухе *пылинками снега*, (...) [29, IV/XV, с. 404]; А све се то десило у исто време: малишан притрча голубу и смешећи се погледа у Љевина; голуб залепрша крилима и одлете сијајући на сунцу у *снежном трњу* што је дрхтало у ваздуху; (...) [30, с. 483].

Слово *пылинки* представляет собой форму множественного числа от сингулятива *пылинка*. В данном контексте она создаёт конкретный, детализированный образ: множество отдельных, видимых частиц снежной пыли, дрожащих в воздухе. Этот образ построен на идее единичности, умноженной до множества.

Столкнувшись с отсутствием прямого соответствия, переводчик заменил исходный образ на метафору — *снежно трње* («снежные колючки», «иней»). Хотя такое решение сохраняет общую идею «дрожания в воздухе», происходит принципиальная смысловая подмена: физически точное изображение множества дискретных единиц подменяется обобщённым, метафорическим образом стихии. В результате выбранной переводческой стратегии полностью утрачивается сингулятивная семантика, присущая русскому оригиналу.

Данный пример показывает, как отсутствие в языке-реципиенте соответствующей словообразовательной категории (сингулятивов) может вести к компенсаторным стратегиям, которые, сохраняя общую эстетическую функцию, способны полностью аннулировать специфическую семантику точности, единичности и вещественной конкретности, которая составляет суть образа в русском оригинале.

Опущение

Иногда значение единичности оказывается несущественным в конкретном контексте, или прямое соответствие отсутствует настолько, что его передача потребовала бы громоздких пояснений – в таких случаях в переводе может применяться приём опущения проблемной лексемы с переносом её общего смысла на другой уровень текста.

Наглядным примером служит перевод русской идиомы, в основе которой лежит сингулятив:

И ведь знает человек, что никто не обидел его, а что он сам себе обиду навдумал и налгал для красы, сам преувеличил, чтобы картину создать, к слову привязался и **из горошинки сделал гору**, — знает сам это, а все-таки самый первый обижается (...) [13, II/II, с. 46]; Лепо зна човек да га нико није увредио, него да је он сам себи увреду измислио и налагао ради лепоте; сам је преувеличавао, да би неку слику створио; закачио се за реч па од **муве начинио медведа**; све он то и сам зна, а ипак се први налази увређен (...) [14, с. 47].

Русский сингулятив *горошинка* в сербском переводе не сохраняется. Его конкретная семантика («маленький круглый предмет») признана малозначимой для общей цели высказывания – создания гиперболы о сильном преувеличении. Вместо буквального перевода происходит замена культурного кода.

Интересно, что в переводе использован не самый частотный вариант этой идиомы («направить од муве слона»), а менее распространённый – «медведа» (медведя). Это можно считать авторской находкой, которая сохраняет структуру и смысл гиперболы (преувеличение: маленькое животное – большое животное), но при этом вслед за оригиналом Достоевского придает тексту индивидуальный оттенок.

Данный случай показывает, как непереводаемый на лексическом уровне элемент (сингулятив *горошинка*, встроенный в идиому) компенсируется на уровне фразеологии. Переводчик жертвует буквальной точностью, чтобы сохранить гиперболу и обеспечить естественность звучания в языке перевода, используя для носителей сербского языка знакомую модель сравнения.

Выводы и перспективы

Проведённый контрастивный анализ позволяет сделать ряд выводов о системном различии в выражении единичности между русским и сербским языками. Ключевое различие состоит в том, что русский язык формализует значение единичности в рамках особой словообразовательной категории, в то время как сербский язык реализует это значение на лексико-синтаксическом уровне с помощью сочетаний слов. Эта разница отражает более общую тенденцию: русский тяготеет к синтетическим средствам, включая значение в структуру слова, а сербский – к аналитическим, выражая его через связь между словами в словосочетании. Именно данное системное несовпадение порождает основные трудности при переводе.

Важно, что это различие – не просто технический факт, а отражение особенностей языковой картины мира. Русские сингулятивы закрепляют особую схему восприятия действительности, ориентированную на детализацию и четкое выделение элемента из массы. Следовательно, это ставит перед переводчиком задачу, которая часто выходит за рамки простого поиска лексического эквивалента.

На основе проведенного анализа можно выделить преобладающие переводческие стратегии. При переводе с русского на сербский наиболее естественной и частой оказывается лексическая конкретизация – замена сингулятива описательным сочетанием с уточняющим словом (*зрно, главица, комад*). Обратная задача – перевод на русский – чаще требует морфологической конкретизации, то есть выбора соответствующего суффикса.

Научная и практическая значимость данного исследования заключается в конкретизации методов работы с безэквивалентными грамматическими явлениями, где выбор стратегии прямо зависит от системных различий языков. Его результаты имеют прикладное значение для практики перевода и методики преподавания, показывая, как одна семантическая функция реализуется на разных уровнях языковой структуры.

В заключение стоит подчеркнуть, что перевод русских сингулятивов – это всегда акт межъязыковой и межкультурной адаптации, требующий от переводчика понимания глубинных механизмов категоризации реальности.

Примечания

1. За словами этого лексико-грамматического разряда, кроме термина «сингулятив», в лингвистической традиции закрепились наименования «образований со значением единичности», «существительных со значением единичности», «единичных существительных», «имён единичных». Однако мы отдаём предпочтение термину «сингулятив», который удобен в употреблении в силу того, что состоит из одного слова и тем самым выгодно отличается от всех остальных словосочетаний [24, с. 5].
2. В. Н. Мусатов подчёркивает, что сингулятивы, «являясь по своей природе конкретными именами существительными, деривационно связаны только с конкретными существительными, следовательно, не могут образовываться от абстрактных *pluralia tantum*» [24, с. 22].
3. Хотя основное внимание традиционно уделяется этим двум суффиксам, Мусатов отмечает, что «в деривации сингулятивов могут участвовать дополнительно целый ряд суффиксов, напр.: -ОК, -ЕЦ, -ИЦ-А, -НИЦ-А, -АШК-А, -УШК-А и некоторые другие» [24, с. 152].
4. Образование сингулятивов с суффиксом -ин(а) является «самым продуктивным» [24, с. 20], а по данным словарей такие слова составляют более 41 % от общего числа сингулятивов [24, с. 20].
5. Вопрос о сингулятивах с суффиксом -инк(а) «остаётся мало изученным и самым запутанным» [24, с. 81].
6. Атанасова в своей классификации различает две структурные группы сингулятивов – «простые (однословные), образованные при помощи суффиксов, и описательные (составные), состоящие из сочетаний слов» [3, с. 10], типа мешок картофеля; кисть винограду; головка луку; кочан капусты; долька чеснока [3, с. 15].
7. Б. Дабич так и пишет, что членение грамматического числа на единственное и множественное является несколько упрощённым [11, с. 203].
8. Различие в корне (солом- / слам-) обусловлено историческим фонетическим процессом: праславянская группа *-оло-*, сохранившаяся в русском языке, в сербском подверглась изменению в *-ла-* (ср. голова – глава).

Список источников и литературы

1. Андрич И. Проклятый двор / пер. с серб. Т. П. Поповой. М.: Текст, 2000. 221 с.
2. Андрић И. Проклета авлија. Београд: Просвета, 1981.
3. Атанасова И. Специфика сингулятивов // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica. 2012. № 8. С. 9–17.
4. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. М.: ЭКСМО, 2005. 432 с.

5. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита / пер. с рус. М. Чолић. Белград: Book & Marso, 2003. 446 с.
6. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита / пер. с рус. З. Коцић. Белград: Завод за уџбенике и наставна средства (ЗУНС), 2010. 458 с.
7. Везбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. М.: Рус. словари, 1996. 416 с.
8. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Рус. язык, 2001. 720 с.
9. Дабић Б. Белешке о категорији јединичности у српском језику // Наш језик. 2000. Т. 33, № 3-4. С. 198–203.
10. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М.: ЭКСМО, 2004. 608 с.
11. Dostojevski F. M. Zločin i kazna (preveo Iso Velikanović). Zagreb, 2018. 321 с.
12. Достоевски Ф. М. Злочин и казна / прев. Јован Максимовић. Пирот: Pi-press, 2008. ? с.
13. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М.: ЭКСМО, 2005. 797 с.
14. Достоевски Ф. М. Браћа Карамазови (превео Јован Максимовић). Београд: Новости, 2006. 799 с.
15. Достоевский Ф. М. Белые ночи: Сентиментальный роман. М.: ЭКСМО, 2003. 96 с.
16. Достоевский Ф. М. Беле ноћи: Сентиментални роман: пер. с рус. Белград: Граматик, 2005. 102 с.
17. Драгићевић Р. О неким особеностима партикуларизатора-убличивача // Научни састанак слависта у Вукове дане. 2003. Т. 31, № 1. С. 137–146.
18. Драгићевић Р. О партикуларизаторима-садрживачима // Српски језик. 2000. Т. 5, № 1-2. С. 427–447.
19. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. язык, 2000. 1233 с.
20. Земская Е. А. Современный русский язык: Словообразование: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. 328 с.
21. Ивић М. О партикуларизаторима // Јужнословенски филолог. 1980. Т. 36. С. 1–13.
22. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения: Роль языка в познании мира. М.: Языки слав. культуры, 2004. 560 с.
23. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. вузов. М.: Академия, 2004. 208 с.
24. Мусатов В. Н. Сингулятивы в современном русском языке: монография. М.: Флинта, 2022. 200 с.
25. Пипер П. Клајн И. Нормативна граматика српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2013. 925 с.
26. Пипер П. О типовима квантификатора у српскохрватском језику // Научни састанак слависта у Вукове дане. 1982. Т. 11, № 2. С. 93–103.
27. Потемня А. А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
28. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 789 с.
29. Толстой Л. Н. Анна Каренина. Тула: Приок. кн. изд-во, 1983. 911 с.
30. Толстој Л. Н. Ана Каренина / пер. с рус. З. Велимировић. Белград: Завод за уџбенике и наставна средства (ЗУНС), 2004. 942 с.

References

1. Andrić, I 2000, Proklyatyy dvor (The Damned Yard), trans. T. P. Popova, Tekst publ, Moscow. (In Russ.)
2. Andrić, I 1981, Prokleta avlija (The Damned Yard), Prosveta publ, Belgrade. (In Serb.)
3. Atanasova, I 2012, 'Spetsifika singulyativov' (Specificity of Singulatives), Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica, no. 8, pp. 9–17. (In Russ.)

4. Bulgakov, MA 2005, Master i Margarita (The Master and Margarita), EKSMO publ, Moscow. (In Russ.)
5. Bulgakov, MA 2003, Master i Margarita (The Master and Margarita), trans. M. Čolić, Book & Marso publ, Belgrade. (In Serb.)
6. Bulgakov, MA 2010, Master i Margarita (The Master and Margarita), trans. Z. Kocić, Zavod za udžbenike i nastavna sredstva (ZUNS) publ, Belgrade. (In Serb.)
7. Wierzbicka, A 1996, Yazyk. Kultura. Poznaniye (Language. Culture. Cognition), Russkiye slovari publ, Moscow. (In Russ.)
8. Vinogradov, VV 2001, Russkiy yazyk: Grammaticheskoye ucheniye o slove (The Russian Language. A Theory of the Word), Russkiy yazyk publ, Moscow. (In Russ.)
9. Dabić, B 2000, 'Beleške o kategoriji jedinichnosti u srpskom jeziku' (Notes on the Category of Singulative in the Serbian Language), Naš jezik, vol. 23, no. 3-4, pp. 198–203. (In Serb.)
10. Dostoyevskiy, FM 2004, Prestupleniye i nakazaniye (Crime and Punishment), EKSMO publ, Moscow. (In Russ.)
11. Dostoyevskiy, FM 2018, Zločin i kazna (Crime and Punishment), trans. I. Velikanović, Zagreb. (In Croat.)
12. Dostoyevskiy, FM 2008, Zločin i kazna (Crime and Punishment), trans. J. Maksimović, Pi-press publ, Pirot. (In Serb.)
13. Dostoyevskiy, FM 2004, Bratya Karamazovy (The Brothers Karamazov), EKSMO publ, Moscow. (In Russ.)
14. Dostoyevskiy, FM 2006, Braća Karamazovi (The Brothers Karamazov), trans. J. Maksimović, Novosti publ, Belgrade. (In Serb.)
15. Dostoyevskiy, FM 2003, Belyye nochi: Sentimentalnyy roman (White Nights), EKSMO publ, Moscow. (In Russ.)
16. Dostoyevskiy, FM 2005, Bele noći: Sentimentalni roman (White Nights), Gramatik publ, Belgrade. (In Serb.)
17. Dragičević, R 2003, 'O nekim osobenostima partikularizatora-uobličivača' (On Some Features of the Particularizer-Shaper), Naučni sastanak slavista u Vukove dane, vol. 31, no. 1, pp. 137–146. (In Serb.)
18. Dragičević, R 2000, 'O partikularizatorima-sadrživačima' (On Particularizer-Containers), Srpski jezik, vol. 5, no. 1-2, pp. 427–447. (In Serb.)
19. Yefremova, TF 2000, Novyy slovar russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyy (A New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-Formation), Russkiy yazyk publ, Moscow. (In Russ.)
20. Zemskaya, EA 2011, Sovremennyy russkiy yazyk: Slovoobrazovaniye (Modern Russian Language. Word Formation), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
21. Ivić, M 1980, 'O partikularizatorima' (On Particularizers), Južnoslovenski filolog, vol. 26, pp. 1–13. (In Serb.)
22. Kubryakova, ES 2004, Yazyk i znaniye: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol yazyka v poznanii mira (Language and Knowledge. On the Way to Gaining Knowledge about Language. Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in Cognition of the World), Yazyki slavyanskoy kultury publ, Moscow. (In Russ.)
23. Maslova, VA 2004, Lingvokulturologiya (Linguocultural Studies), Izdatelskiy tsentr «Akademiya» publ, Moscow. (In Russ.)
24. Musatov, VN 2022, Singulyativy v sovremennom russkom yazyke (Singulatives in the Modern Russian Language), Flinta publ, Moscow. (In Russ.)
25. Piper, P & Klajn, I 2013, Normativna gramatika srpskog jezika (Normative Grammar of the Serbian Language), Matitsa srpska publ, Novi Sad. (In Serb.)
26. Piper, P 1982, 'O tipovima kvantifikatora u srpskohrvatskom jeziku' (On Types of Quantifiers in the Serbo-Croatian Language), Naučni sastanak slavista u Vukove dane, vol. 11, no. 2, pp. 93–103. (In Serb.)
27. Potebnaya, AA 1999, Mysl i yazyk (Thought and Language), Labirint publ, Moscow. (In Russ.)
28. Shvedova, NYu (ed.) 1980, 'Fonetika. Fonologiya. Udareniye. Intonatsiya. Slovoobrazovaniye. Morfologiya' (Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word Formation. Morphology),

- Russkaya grammatika: v 2 t. (Russian Grammar. In 2 vols.), vol.1, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
29. Tolstoy, LN 1983, Anna Karenina (Anna Karenina), Priokskoye knizhnoye izdatelstvo publ, Tula. (In Russ.)
  30. Tolstoy, LN 2004, Ana Karenjina (Anna Karenina), trans. Z. Velimirović, Zavod za udžbenike i nastavna sredstva (ZUNS) publ, Belgrade. (In Serb.)

Статья поступила в редакцию: 01.02.2026
Одобрена после рецензирования: 20.02.2026
Принята к публикации: 02.03.2026

The article was submitted: 01.02.2026
Approved after reviewing: 20.02.2026
Accepted for publication: 02.03.2026

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026 Вып. 1 (25). С. 204–210.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 1 (25). P. 204–210.

Научная статья

УДК 81.139

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-204-210>

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБУЧЕНИИ РКИ: КОГНИТИВНО-ДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНТЕГРАЦИИ

Чжан Шуся

Хулунбуирский университет, Институт
иностраннных языков
Хайлар, КНР, 464451324@qq.com

Аннотация. В условиях глобального интереса к русскому языку как иностранному (РКИ) и стремительного развития цифровых технологий возникает необходимость в педагогических моделях, ориентированных не на передачу знаний, а на управление когнитивными процессами учащегося. В статье теоретически обосновывается интеграция искусственного интеллекта (ИИ) в когнитивно-дидактическую парадигму обучения РКИ. Цель исследования – показать, как ИИ может быть методологически корректно встроен в образовательный процесс для повышения эффективности усвоения языка за счёт персонализации, оптимизации когнитивной нагрузки и поддержки формирования устойчивых ментальных репрезентаций. На основе синтеза положений когнитивной лингводидактики, теории зоны ближайшего развития (Л. С. Выготский) и теории когнитивной нагрузки (J. Sweller) предложена концептуальная модель взаимодействия «обучающийся – ИИ – педагог». В этой триаде ИИ выступает не как замена учителю, а как инструмент когнитивной поддержки, реализующий четыре ключевые функции: адаптивное предъявление материала, интеллектуальную тренировку с учётом индивидуальных ошибок, генерацию иммерсивных коммуникативных сред и развитие метакогнитивных стратегий учащегося. Особое внимание уделяется сложным для иностранных учащихся аспектам русского языка системе падежей и видовой парности глаголов, где ИИ обеспечивает поэтапное, контекстуализированное введение материала в зону ближайшего развития. Работа подчёркивает, что эффективность адаптивных технологий зависит от лингводидактической основы ИИ-систем, а педагог сохраняет ведущую роль в проектировании и коррекции индивидуальных траекторий обучения.

Ключевые слова: когнитивно-дидактический подход, искусственный интеллект, обучение РКИ, адаптивное обучение, когнитивная нагрузка, ментальные модели.

Для цитирования: Чжан Ш. Искусственный интеллект в обучении РКИ: когнитивно-дидактические основы интеграции // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 1 (25). С. 204–210. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-204-210>

Сведения об авторе: Чжан Шуся – старший преподаватель, Хулунбуирский университет, Институт иностраннных языков, 021008, КНР, Хайлар, Средняя улица Чингисхана, 26.

Scientific Article
UDC 81.139
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-204-210>

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: COGNITIVE-DIDACTIC FOUNDATIONS FOR INTEGRATION

Zhang Shuxia

Hulunburi University
Institute of Foreign Languages
Hailar, China, 464451324@qq.com

Abstract. Given the global interest in Russian as a foreign language (RFL) and the rapid development of digital technologies, there is a need for pedagogical models focused not on knowledge transfer, but on managing learners' cognitive processes. This article provides a theoretical justification for the integration of artificial intelligence (AI) into the cognitive-didactic paradigm of teaching Russian as a foreign language. The aim of the study is to demonstrate how AI can be methodologically correctly integrated into the educational process to improve the effectiveness of language acquisition through personalization, optimization of cognitive load, and support for the formation of stable mental representations. Based on a synthesis of the principles of cognitive linguistics, the author proposes the theory of the zone of proximal development (L.S. Vygotsky), and the theory of cognitive load (J. Sweller), a conceptual model of the student-AI-teacher interaction. In this triad, AI acts not as a substitute for the teacher, but as a cognitive support tool implementing four key functions: adaptive presentation of material, intelligent training that takes into account individual errors, the generation of immersive communicative environments, and the development of the student's metacognitive strategies. The article pays particular attention to aspects of the Russian language that are difficult for foreign students—the case system and verb pairing—where AI provides a step-by-step, contextualized introduction of material in the zone of proximal development. The work emphasizes that the effectiveness of adaptive technologies depends on the linguodidactic foundation of AI systems, while the teacher retains a leading role in designing and adjusting individual learning trajectories.

Keywords: cognitive-didactic approach, artificial intelligence, teaching Russian as a foreign language, adaptive learning, cognitive load, mental models.

For citation: Zhang Shuxia 2026, 'Artificial intelligence in teaching Russian as a foreign language: cognitive-didactic foundations for integration', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (25), pp. 204–210, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-204-210> (in Russ.)

Information about the Author: *Zhang Shuxia* – Senior Lecturer of the Institute of Foreign Languages, Hulunburi University, 26 Chengjisihan Middle Road, Hailar, 021008, China

---

Введение

Современный образовательный ландшафт, формируемый глобализацией и технологическим прогрессом, требует новых подходов к обучению иностранным языкам. В условиях роста интереса к русскому языку за пределами русскоязычной среды ключевой задачей становится не просто передача знаний, а эффективное управление познавательной деятельностью учащихся. Особенно актуальным становится использование технологий искусственного интеллекта (ИИ), способных адаптировать учебный процесс под индивидуальные когнитивные профили обучающихся и обеспечить динамическую поддержку в реальном времени. В этом контексте на первый план выходит когнитивно-дидактический подход, который рассматривает обучение русскому языку как иностранному (РКИ) не как механическое запоминание, а как осмысленное построение ментальных моделей языка. Этот процесс опирается на фундаментальные закономерности человеческого познания: внимание, память, восприятие, мышление и воображение.

Целью исследования является теоретическое обоснование и анализ потенциала интеграции ИИ в когнитивно-дидактическую модель обучения РКИ. Иными словами, исследование направлено на выявление условий и механизмов, при которых ИИ может быть методологически и когнитивно корректно встроен в педагогический процесс обучения РКИ, обеспечивая не просто автоматизацию, а осмысленную, адаптивную и личностно ориентированную образовательную среду.

В работе используется концептуальный подход, опирающийся на междисциплинарную интеграцию, когнитивная лингводидактика как основа понимания механизмов усвоения языка (внимание, память, ментальные модели, метакогнитивные стратегии). Теория зоны ближайшего развития (Л. С. Выготский) для обоснования принципа «оптимального вызова», лежащего в основе адаптивного обучения. Теория когнитивной нагрузки (J.Sweller) для анализа баланса между сложностью задачи, объёмом информации и когнитивными ресурсами учащегося.

Материалы и методы

Методологически работа не предполагает эмпирического сбора данных (например, экспериментов или опросов), а строится на синтезе и интерпретации существующих теоретических положений из педагогики, когнитивной науки и компьютерных технологий с последующей концептуальной разработкой модели взаимодействия «обучающийся – ИИ – педагог» в контексте РКИ. Суть данного подхода заключается в том, что преподаватель перестает быть «источником знаний» и трансформируется в активного посредника или фасилитатора. Его главная задача организовать учебный процесс так, чтобы он был осмысленным, целенаправленным и стимулировал самостоятельную когнитивную деятельность студента. Это включает в себя создание проблемных ситуаций, привлечение внимания к противоречиям между существующими представлениями и новой информацией, а также активное участие в дискуссии для разрешения этих конфликтов. Знание педагогом законов познания дает ему уверенность и позволяет моделировать учебный процесс, адекватно отвечая на потребности и возможности каждого обучающегося.

В этом контексте ИИ выступает не как замена педагогу, а как мощный инструмент когнитивной и методической поддержки, формируя новую триаду взаимодействия: «иностранному обучающийся – ИИ – педагог». Эффективность такого вза-

имодействия достигается только при грамотной интеграцией ИИ в традиционную методику, где технологии берут на себя функции диагностики, адаптации, тренировки и аналитики, а педагог сохраняет свою роль руководителя и наставника, отвечающего за планирование, анализ и коррекцию результатов [1].

Когнитивно-дидактический подход предполагает ориентацию на внутренние механизмы усвоения знаний: обработку информации, формирование ментальных репрезентаций, развитие метакогнитивных стратегий. В контексте обучения языкам это означает акцент на когнитивную нагрузку, долговременную память и оценку собственного обучения. Когнитивный подход акцентирует внимание на учете закономерностей познавательного процесса (внимание, память, восприятие, мышление, воображение) при овладении иностранным языком. Он рассматривает обучение как процесс осмысленного усвоения знаний и формирования навыков, а не просто механического повторения [2].

Таким образом, ИИ в рамках когнитивно-дидактического подхода реализует следующие ключевые функции.

- Адаптивное предъявление материала: ИИ анализирует ошибки учащегося, скорость выполнения заданий и уровень усвоения, динамически регулируя когнитивную нагрузку. Он дозирует введение сложных тем (например, систему падежей или аспектуальную парность глаголов), контролируя, чтобы материал всегда находился в зоне ближайшего развития студента. Это предотвращает как переутомление, так и скуку, создавая оптимальные условия для усвоения.

- Интеллектуальный тренажер: для отработки грамматических и лексических навыков ИИ генерирует контекстуализированные упражнения, сфокусированные на индивидуальных слабых местах учащегося (например, согласование прилагательных в косвенных падежах). Благодаря технологиям NLP система способна не просто проверять правильность ответа, но и проводить семантический анализ, выявляя глубинные причины ошибок, что позволяет преподавателю давать более точную и целенаправленную обратную связь.

- Генератор иммерсивных сред: генеративные модели ИИ позволяют создавать реалистичные симуляции коммуникативных ситуаций – диалоги, тексты, аудиосценарии. Это способствует формированию устойчивых ментальных репрезентаций языковых структур в долговременной памяти, поскольку информация усваивается не изолированно, а в естественном контексте использования.

- Метакогнитивный ассистент: ИИ-система помогает студенту развивать метакогнитивные стратегии. Она визуализирует прогресс, предлагает оптимальные техники запоминания (например, для категории рода существительных), напоминает о повторении материала в соответствии с принципами интервального повторения и тем самым способствует развитию у учащегося навыков самообучения и самоконтроля.

Таким образом, когнитивно-дидактический подход, усиленный возможностями ИИ, представляет собой не просто набор технологий, а новую педагогическую парадигму. Она ориентирована на развитие когнитивных способностей студента, формирование его самостоятельности и мотивации. Преподаватель, владеющий

этой методологией, становится архитектором персонализированных когнитивных траекторий, а ИИ – надежным помощником, обеспечивающим индивидуализацию и эффективность обучения. Этот синтез традиционной педагогической мудрости и современных технологий является необходимым условием для успешного обучения русскому языку как иностранному в XXI веке.

Адаптивное обучение, основанное на анализе индивидуальных учебных данных, трансформирует традиционную модель преподавания РКИ, ориентированную на среднего ученика, в персонализированный образовательный процесс. ИИ, обрабатывая многофакторные метрики – частоту и тип ошибок, временные паттерны выполнения заданий, последовательности усвоения грамматических конструкций, реакцию на коррекцию, формирует динамическую когнитивную карту учащегося. Эта карта позволяет ИИ-системе не просто реагировать на текущие ошибки, но и прогнозировать зоны потенциальных затруднений, заранее моделируя сложность контента.

Например, при освоении системы русских падежей одной из наиболее сложных тем для иностранцев ИИ может:

- начать с отработки родительного падежа в контексте количественных конструкций («два яблока», «много книг»), где семантическая подсказка очевидна;
- отложить введение винительного падежа одушевлённых / неодушевлённых существительных до тех пор, пока не будет достигнута стабильность в распознавании грамматического рода и числа;
- в случае повторяющихся ошибок в дательном падеже (например, путаница между «дать другу» и «дать друга») активировать микро-курс с визуальной поддержкой (схемы управления глаголов, цветовое кодирование падежных окончаний) и игровыми заданиями на различение ролей участников действия.

Аналогично при работе с видовой парностью глаголов ИИ может отслеживать, насколько учащийся готов к переходу от простого распознавания («что делать / что сделать?») к продуктивному употреблению в нарративе. Если система фиксирует, что студент уверенно использует глаголы совершенного вида в будущем времени, но избегает несовершенного вида в прошедшем, она может автоматически генерировать персонализированные мини-диалоги или короткие тексты, где контраст видов проявляется в естественной коммуникативной функции (например, «Я читал книгу три дня и вчера дочитал»).

Данный подход напрямую реализует принцип «зона ближайшего развития» Л. С. Выготского, где материал всегда немного опережает текущий уровень, но не выходит за границы потенциально достижимого при поддержке [3]. При этом ИИ выступает в роли цифрового посредника, не заменяя учителя, а усиливая его диагностические и регулятивные функции. Важно подчеркнуть, что эффективность адаптации зависит не только от точности алгоритмов, но и от лингводидактической модели, заложенной в систему. Например, если ИИ-движок построен на корпусных данных и когнитивных теориях усвоения второго языка, он способен не просто подстраивать уровень, а моделировать естественные маршруты усвоения русского языка с учётом типологии родного языка учащегося (например, китайско-, арабско- или испаноговорящего студента) [4; 5].

Более того, динамическая регуляция когнитивной нагрузки позволяет избежать когнитивного перегруза, особенно критичного при изучении морфологически сложных языков, таких, как русский. Согласно теории когнитивной нагрузки [6] эффективное обучение требует оптимального баланса между внешней (избыточная информация), внутренней (сложность задачи) и релевантной (усилия, направленные на усвоение) нагрузками. ИИ может минимизировать внешнюю нагрузку (например, упрощая инструкции или интерфейс), варьировать внутреннюю (разбивая сложные темы на микромодули) и усиливать релевантную (через интерактивную обратную связь и метакогнитивные подсказки).

Таким образом, адаптивное предъявление материала, управляемое ИИ, становится не просто технической функцией, а педагогической стратегией, ориентированной на оптимизацию когнитивного опыта учащегося. Это особенно ценно в условиях дистанционного и гибридного обучения, где личный контакт с преподавателем ограничен, а индивидуальные различия в темпе и стиле усвоения становятся критически значимыми.

Заключение

В условиях стремительной цифровизации образования и растущего интереса к русскому языку за пределами его традиционной ареалы когнитивно-дидактический подход, усиленный возможностями искусственного интеллекта, становится не просто актуальным, а необходимым. Он позволяет перевести обучение РКИ от стандартизированной передачи знаний к персонализированному управлению познавательным процессом, ориентированному на внутренние механизмы усвоения: внимание, память, мышление и метакогнитивные стратегии учащегося.

ИИ, интегрированный в педагогический процесс на основе глубокого понимания закономерностей языкового познания, выполняет роль интеллектуального партнёра, анализируя индивидуальные траектории обучения, предсказывая трудности и оптимизируя когнитивную нагрузку. При этом педагог сохраняет свою ключевую роль архитектора образовательной среды: именно он задаёт цели, интерпретирует данные, корректирует стратегии и обеспечивает эмоционально-личностную поддержку, которую алгоритмы воспроизвести не могут.

Синтез когнитивной науки, лингводидактики и передовых технологий ИИ открывает путь к формированию устойчивых, контекстуализированных и осмысленных языковых компетенций. Такая интегративная модель – не просто ответ на вызовы современности, а основа для построения гуманистического, эффективного и по-настоящему ориентированного на ученика образования в XXI веке.

Список источников и литературы

1. Сысоев П. В., Филатов Е. М. Технологии искусственного интеллекта в обучении русскому языку как иностранному // Русистика. 2024. Т. 22, № 2. С. 300–317.
2. Третьякова Г. В. Когнитивный подход в обучении иностранному языку как мотивационный инструмент для студентов // Сервис Plus. 2021. Т. 15, № 2. С. 124–132.
3. Рашидова М. Х. Теория «Зона ближайшего развития» Л. С. Выготского и технология скаффолдинг как основные понятия лингвометодической поддержки в обучении курсантов английскому языку // Science and Education. 2023. № 4 (1). С. 688–695.

4. Vanpatten B., Cadierno T. Input Processing and Second Language Acquisition: A Role for Instruction // *The Modern Language Journal*. 1993. Vol. 77, No. 1. P. 45–57.
5. Robert De Keyser Skill Acquisition Theory // *Theories in Second Language Acquisition: An Introduction*. 3rd edition. New York; Abingdon: Routledge, 2020. P. 83–105.
6. Sweller J. Cognitive load during problem solving: Effects on learning // *Cognitive Science*. 1988. Vol. 12, Issue 2. P. 257–285.

References

1. Sysoyev, PV & Filatov, EM 2024, 'Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu' (Artificial Intelligence in Teaching Russian as a Foreign Language), *Rusistika*, vol.22, no.2, pp.300-317, (In Russ.)
2. Tretyakova, GV 2021, 'Kognitivnyy podkhod v obuchenii inostrannomu yazyku kak motivatsionnyy instrument dlyastudentov' (The Cognitive Approach in Foreign Language Teaching as a Motivational Tool for Students), *Servis Plus* (Service plus), vol.15, no.2, pp.124-132, doi: 10.24412/2413-693X-2021-2-123-132 (In Russ.)
3. Rashidova, MKh 2023, 'Teoriya «Zona blizhayshego razvitiya» L. S. Vygodskogo i tekhnologiya scaffolding kak osnovnyye ponyatiya lingvometodicheskoy podderzhki v obuchenii kursantov angliyskomu yazyku' (L. S.Vygodsky's "Zone of proximal development" theory and scaffolding technology as basic concepts of linguistic and methodological support in teaching English to students), *Science and Education Scientific Journal*, no.4(1), pp. 688-695. (In Russ.)
4. Vanpatten, B & Cadierno, T 1993, 'Input Processing and Second Language Acquisition: A Role for Instruction', *The Modern Language Journal*, vol. 77, no. 1 pp. 45-57.
5. De Keyser, R 2020, *Theories in Second Language Acquisition*, Routledgepubl, New York, p.22.
6. Sweller, J 1988, 'Cognitive load during problem solving: Effects on learning', *Cognitive Science*, vol.12, no 2. pp. 257-285.

Статья поступила в редакцию: 19.01.2026
Одобрена после рецензирования: 13.02.2026
Принята к публикации: 02.03.2026

The article was submitted: 19.01.2026
Approved after reviewing: 13.02.2026
Accepted for publication: 02.03.2026

РЕЦЕНЗИИ

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 1 (25). С. 211–220.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 1 (25). P. 211–220.

Научная статья

УДК 930 : 94(4)"04/09"

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-211-220>

О МАРКСИСТСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ. РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ: MARXISM AND MEDIEVAL STUDIES: MARXIST HISTORIOGRAPHY IN EAST CENTRAL EUROPE

**Кирилл Алексеевич
Юрьев¹**

¹ Воронежский государственный университет,
Воронеж, Россия, kirill.yuriev2012@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0009-0787-3254>

**Елена Валерьевна
Ермошина²**

² Воронеж, Россия, na_podskoke@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0007-7349-0441>

Аннотация. Данная работа анализирует коллективную монографию «Marxism and Medieval Studies: Marxist Historiography in East Central Europe», написанную европейскими и американским авторами. Основа анализируемой книги была опубликована ещё в 2020 г. на чешском и польском языках. Эти статьи перевели на английский язык, дополнили главами о румынской, венгерской и югославской историографии, таким образом, получилось рассматриваемое в рецензии издание. Подобная ситуация не нова для серии, в которой опубликована книга. Перевод на английский язык статей от носителей языка не повлиял на содержимое, за исключением некоторых тонкостей, которые получили критическую оценку. Авторы разбирают ситуацию в польской, чешской, венгерской, румынской и югославской историографиях, подмечая характерные черты развития исторической науки в каждой стране: в 50–60-е гг. XX в. Это: советское влияние (которое оценивается негативно), внедрение марксистской методологии в исторические исследования, что влекло за собой ограничение исследовательского потенциала в научных изысканиях и разработку тем, на которые ранее учёные не обращали внимания (такие, как социальная история и т. д.); в 70–80-е гг. историки Восточно-Центральной Европы чувствовали себя более свободно, зачастую могли, как критиковать работы Карла Маркса и Фридриха Энгельса, так и выходить за рамки марксистской методологии. В конце авторы данной статьи разбирают ситуацию из книги, когда про советскую историографию главу написал исследователь не из стран СНГ, придя к выводу, что это разумный подход в случае конкретного издания. Также авторы этой работы отмечают перспективы дальнейших исследований историографии стран Восточно-Центральной Европы второй половины XX в., предлагая учесть контекст развития исторической науки в Советском Союзе.

Ключевые слова: марксизм, Средние века, славистика, историография, методология, Восточно-Центральная Европа.

Для цитирования: Юрьев К. А., Ермошина Е. В. *Marxism and Medieval Studies: Marxist Historiography in East Central Europe* // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 1 (25). С. 211–220. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-211-220>

Сведения об авторе: К. А. Юрьев – аспирант кафедры истории России, Воронежский государственный университет, 394018, Россия, Воронежская область, г. Воронеж, Университетская площадь, 1;

Е. В. Ермошина – независимый исследователь, Россия, Воронежская область, г. Воронеж.

Scientific Article

UDC 930 : 94(4)"04/09"

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-211-220>

ABOUT MARXIST METHODOLOGY IN MEDIEVAL STUDIES. REVIEW OF THE COLLECTIVE MONOGRAPH: "MARXISM AND MEDIEVAL STUDIES: MARXIST HISTORIOGRAPHY IN EAST CENTRAL EUROPE

*Kirill A. Yuriev*¹
*Elena V. Ermoshina*²

---

¹ Voronezh State University,
Voronezh, Russia, kirill.yuriev2012@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0009-0787-3254>
² Voronezh, Russia, na_podskoke@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0007-7349-0441>

Abstract. This work analyzes the collective monograph *Marxism and Medieval Studies: Marxist Historiography in East Central Europe*, written by European and American authors. The publication of the basis of the analyzed book, which is a collection of articles in Czech and Polish, took place back in 2020. The reviewed edition includes a translation of these articles into English and additional chapters on Romanian, Hungarian and Yugoslav historiography. This situation is not new for the series in which the book is published. The translation into English of articles by non-native speakers did not affect the content, except for some subtleties that received critical feedback. The authors examine the situation in Polish, Czech, Hungarian, Romanian and Yugoslav historiographies, the following characteristic features of the development of historical science in each country in the 1950s–1960s: the Soviet influence (assessed negatively), the introduction of Marxist methodology into historical research, which led to a limitation of scientific potential in research and the development of previously unexplored issues (such as social history, etc). In the 1970s and 1980s, historians of East-Central Europe felt more free, and were often able to criticize the works of Karl Marx and Friedrich Engels and go beyond the framework of Marxist methodology. Finally, the authors of this article examine the case of a chapter on Soviet historiography written by a researcher from outside the CIS, concluding that this is a reasonable approach for this publication. The work also notes the prospects for further research of East-Central European countries in the second half of the 20th century, proposing to take into account the context of the historical science development in the Soviet Union.

Keywords: Marxism, the Middle Ages, Slavic studies, historiography, methodology, East-Central Europe.

For citation: Semenchuk, KA 2026, 'About Marxist methodology in medieval studies. Review of the collective monograph: "Marxism and Medieval Studies: Marxist Historiography in East Central Europe', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (25), pp. 211–220, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-211-220> (in Russ.)

Information about the Author: *Kirill A. Yuriev* – postgraduate student of the Department of Russian History, Voronezh State University, 1, University Square, Voronezh, 394018, Russia
Elena V. Ermoshina – independent researcher Voronezh, Russia.

© Yuriev K. A., E. V. Ermoshina, 2026

В 2024 г. в издательстве Brill увидел свет девяносто третий том серии «East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450», посвящённой исследованиям Восточно-Центральной Европы в Средние века. Была опубликована коллективная монография под названием «Marxism and Medieval Studies: Marxist Historiography in East Central Europe» («Марксизм и средневековые исследования. Марксистская историография в Восточно-Центральной Европе»). Часть глав выходила ранее на чешском и польском языках в издании «Marxismus a Medievistika: společné studie?» 2020 г., редакторами которого стали Мартин Нодл и Пётр Венцовски [7, с. 1–4], приложившие руку и к рассматриваемой в данной работе книге. Подобная ситуация не нова: в рамках серии уже выходили на английском языке целые монографии, выпущенные ранее на одном из европейских языков (в качестве примера можно привести работу немецкого историка Эдуарда Мюле, которая изначально была издана на немецком языке, а затем на английском [8, р. IV], или италоязычную диссертацию Мадаленны Бетти, тоже переработанную и изданную на английском языке [5, р. IX]). В рассматриваемой монографии присутствуют новые главы, а география работ более разнообразна (с. VIII–XIII). Хотя стоит уточнить: в содержании больше глав, посвящённых польской и чешско-словацкой историографии, а вот работ про венгерскую, югославскую и румынскую историю исторической науки мало, то есть ядро книги 2020 г. сильно выделяется.

Открывает рассматриваемую монографию вводная статья от редакторов, среди которых, помимо уже упомянутых ранее М. Нодла и П. Венцовски, присутствует Душан Зупка. В данной статье сформулированы задачи книги, она задаёт тон всем последующим работам своим критическим отношением к марксистским исследованиям и тезисом об изоляции национальных историографий в странах социалистического лагеря. При этом авторы статьи также отмечают, что главы книги посвящены частным вопросам историографии, которые развивались на общем фоне истории исторической науки того или иного периода. В данном случае следует отметить ту ответственность, которую взяли на себя авторы глав в этой монографии, так как это первая крупная попытка осмысления марксистской историографии стран Восточной Европы второй половины XX в. (с. 1–12).

Вильям Махан из университета Северной Аризоны (США) в своей рецензии на монографию отметил по поводу издания материалов от не носителей языка: «Все переводы на английский язык читаются легко, присутствуют лишь некоторые ошибки, которые не вызывают затруднений у читателя (пер. – К. Ю.)» [6, р. 144]. Однако нельзя вполне согласиться с американским исследователем: отдельные ошибки выглядят весьма странно для читателя. В частности, одно предложение из главы Юрия Стамати: «In the old libraries, bookshops, schools, and universities now purged of books authored by “class enemies,” the works of Marx and Engels began to appear; they were translated not only into Romanian but also in to the languages of “national minorities,” Hungarian, German, and Serbian» – «В старых библиотеках, книжных магазинах, школах, университетах, теперь очищенных от книг, написанных “классовыми врагами”, начали появляться труды Маркса и Энгельса; они были переведены не только на румынский, но и на языки “национальных меньшинств” – венгерский, немецкий и сербский (пер. – К. Ю.)» (с. 363). Следует ли понимать, что в послевоенной Румынии труды Карла Маркса и Фридриха Энгельса перевели на немецкий язык? Тогда возникает вопрос: с какого языка их переводили изначально? Судя по тону, в котором описываются реалии государства (с. 362–371), у читателя может возникнуть ощущение, что переводили Маркса и Энгельса с русского, а точнее, *советского* языка (что, конечно, вызывает вопросы к автору).

В рамках данного обзора несколько глав будет рассмотрено в рамках условных «страноведческих блоков», когда это возможно, так как расположение статей в самой книге не вполне соответствует данному критерию (что было бы логично). Хотя тут стоит признать, что некоторые работы имеют размытый географический характер, касаясь сразу нескольких стран. Комментарии дополнит беглый обзор развития исторической науки в той или иной стране в указанный ранее период. Создание последнего, вероятно, было для авторов задачей второстепенной (и потому они более сосредоточивали внимание непосредственно на теме). При этом книга на момент публикации является одной из крупнейших монографий в данной области – и в такой оптике будет, скорее всего, рассматриваться и в последующие годы, до появления более фундаментальной и значимой работы по теме.

Польская историография столкнулась с достаточно непростым вызовом после Второй мировой войны, так как часть восточных территорий вошла в Советский Союз, соответственно, изучение их истории стало проблемой советской историографии. А вот западные границы страны, наоборот, расширились за счёт земель Германии, поэтому историкам необходимо было переключиться на их изучение, чтобы доказать справедливость их вхождения в состав Польского государства. Таким образом, произошло перенаправление некоторых исследователей из восточных университетов в западные. Например, Генрих Ловмянский переехал из Вильнюса в Силезию, соответственно, сменив сферу научной деятельности с истории Великого княжества Литовского на историю раннесредневековых славян (с. 30–31).

Также под влиянием политического руководства Польской Народной Республики (ПНР) начались форсированные исследования в области начальной истории Польши, особенно бурно в этом плане проводились археологические изыскания (с. 115–152). Авторы статей в «польском блоке» рассматриваемой книги связывают это с националистическими настроениями, которые сохранялись в среде как руководства государства, так и самих учёных. Последнее достаточно интересно проявлялось в исследованиях гуситского движения на территории Силезии в трудах Эвы Малечинской, которая балансировала между позициями историка, работающего в рамках марксистской методологии, и учёного, мыслящего в рамках национальных категорий, сохраняя связь с наследием исследователей межвоенного периода (в её случае это львовская школа, и конкретно бывший учителем Малечинской Станислав Закшевский) (с. 175–188).

В целом, несмотря на утверждение марксистской методологии как основной в ПНР, многие историки смогли сохранить относительную независимость. Особую критику у авторов «польского блока» в рассматриваемой монографии вызвала эпоха сталинизма (рубеж 1940–1950-х гг.–1956 г.), так как именно в этот период следование марксистской методологии было строго необходимым требованием, а не способом извлечь больше информации из имеющихся источников, что отягощало исторические исследования, но не способствовало их развитию. После 1956 г. учёные, несмотря на давление властей, придерживались разных методологических основ (с. 16–17). Как отметил Тадеуш Павел Рутковски, польская медиевистика прошла сталинский период относительно спокойно. Причиной этого была сравнительно мягкая политика властей, так как после Второй мировой войны в польских университетах не произошло радикального обновления состава кафедр средневековой истории, а те историки, что там работали, смогли адаптироваться к требованиям властей (с. 46).

Несмотря на это на теле польской историографии марксизм оставил очень глубокую рану, ведь, как описал современную ситуацию в польской исторической науке Рафал Стобецкий, марксистская методология не используется большинством

польских исследователей XXI в., оставаясь характерной чертой работ узкого круга учёных. Он подытожил свою мысль следующим заявлением: «Однако в целом признание материалистического взгляда на историю и цитирование канонических авторов считается в сообществе историков чем-то постыдным. Хорошо это или плохо – это уже совсем другая история (Пер. – К. Ю.)» (с. 23). То есть впечатление о данном периоде в среде современных польских исследователей оставлено сугубо негативное, несмотря на новые возможности, которые открылись перед историками во второй половине XX в. Например, активные археологические изыскания, возможность навести порядок в хаосе исторического процесса при помощи марксизма и создать некую систему знаний (с. 15).

Позиции исследователей «чешско-словацкого блока» на этом фоне выглядят более умеренно, так как критика марксизма в их статьях не так резка. В частности, Йиржи Махачек выделяет в среде учёных марксистов псевдо-марксистов и неомарксистов. По его мнению, в Чехословакии существовало достаточно много исследователей, которые не разбирались в марксистской методологии, используя её в своих исследованиях исключительно для создания видимости следования линии партии. Зачастую этим страдали историки-коммунисты; к ним он отнёс Богуслава Хроповского (псевдомарксисты). А вот историки, которые не были коммунистами, в отдельных случаях могли глубоко понимать марксистскую методологию, создавая на её основе свои труды; к ним он отнёс Эвжена Неуступного, Владимира Некуду и Петра Чарвата (марксисты). После крушения Чехословакии марксистская методология в трудах местных историков начала новую жизнь, так как некоторые методологические конструкции не потеряли актуальности. Более того, чешская историческая наука начала активно включаться в поток западных научных исследований, где левые настроения сильны (с. 282–292). Таким образом, многие современные чешские исследователи отвергают антимарксистские настроения первых лет крушения Чехословакии (неомарксисты). Стоит отметить, что и сам Махачек является активным участником подобных процессов, так как черпает вдохновение в постпроцессуальной археологии, на которую оказала влияние марксистская теория [9, p. 167].

Вероятно, последний приведенный фактор является ключевым, когда мы рассматриваем взгляд современных чешско-словацких историков на работы их предшественников социалистического периода. Несмотря на критику, авторы заявляют, что современная историография многое заимствует из работ чехословацких коллег, о чём пишет Мартин Нодл, касаясь дискуссии Роберта Каливоды и Йозефа Мацека о характере гуситского движения: ранняя буржуазная революция, по мнению первого, и революционное движение, по мнению второго (с. 190–210). Или Тереза Йоханидесова, отметившая, что историографию социалистического периода, посвящённую истории средневекового искусства в Чехии, не следует игнорировать, несмотря на её очевидные негативные черты (идеологизация тезисов, ввиду чего произошла потеря их актуальности в современных условиях). Дело в том, что, по мнению исследовательницы, были и определённые позитивные черты в исследованиях того периода, а именно было положено начало изучению некоторых тем и вопросов, которые сейчас продолжают исследоваться (с. 68–85). Что любопытно, если в рамках польской историографии критиковался сталинский период, то поворотным моментом в чешско-словацкой историографии стал 1968 год – такого мнения придерживаются и Т. Йоханидесова (с. 84), и Й. Махачек (с. 284).

Отдельно стоит выделить дискуссию по поводу общественно-политического устройства Великой Моравии в среде чешско-словацких исследователей в

послевоенные годы. Как отметил Адам Худек, в данном случае социалистическое правительство Чехословакии было вынуждено использовать для легитимации государства великоморавский миф, который активно развивался в межвоенный период чехословацким буржуазным националистическим правительством, которое новой властью критиковалось. Хотя стоит уточнить: заимствование идеи у прошлого правительства произошло не полностью и в марксистской интерпретации. Что любопытно, чехословацкое правительство таким образом поддержало словацкие националистически настроенные круги, для которых существование идеи о высоком уровне развития Великой Моравии было важнее, чем для чехов. При этом словацкие исследователи к последним годам существования Чехословакии стали больше настаивать на националистической идее существования в рамках Великой Моравии чешской и словацкой частей, что сохраняется и в современной словацкой историографии. Более того, в дискуссии чешских и словацких исследователей первые настаивали на *протофеодальном* развитии Великой Моравии, а вторые – на *феодальном*. Данное противоречие смогло решиться при вмешательстве советской историографии, когда словацкие исследователи сопоставили тезисы советской науки (где Древнюю Русь в IX в. описывали как раннефеодальное государство) с великоморавской историей. Таким образом, Великая Моравия стала рассматриваться как раннефеодальное государство. Более того, словацкие исследователи акцентировали внимание на идее о ключевой роли Моравского княжества в становлении Венгерского государства Арпадовичей (с. 261–279).

Вероятно, это было одной из причин, почему оба автора статей «венгерского блока» посчитали социалистическую эпоху в развитии венгерской историографии больше негативным, чем позитивным периодом. Хотя Габор Тороцкай отмечает, что позиция по славянскому фактору в основании державы Арпадовичей поддерживалась историком-любителем Эриком Мольнаром, чьё влияние после 1956 г. стало уменьшаться, благодаря этому венгерские историки смогли высказывать позицию, противоречащую взгляду Мольнара. При этом сам автор отмечает, что поддержка Советским Союзом взгляда словацких историков и Мольнара – негативная черта венгерской историографии второй половины XX в., а вот обращение внимания на историю угнетённых слоёв общества и социальную историю – плюс социалистической историографии (с. 353–359). Подобные мысли выразил и другой венгерский автор Аттила Пок. Исследователь считает, что включение Венгрии в орбиту влияния Советского Союза и внедрение в историческую науку марксизма – всё это тянуло Венгрию на Восток, что негативно сказывалось на научных изысканиях, так как под влиянием этого политического притяжения искажилось много научных карьер (с. 50–66). То есть он соотносил Венгрию с Западной Европой, впрочем, данная идея, как пишет Тороцкай, очень активно развивалась в Венгрии в последние годы существования там социализма. Любопытный вывод на этом фоне сделал Г. Тороцкай: «К счастью, научная общественная жизнь постепенно стала свободнее после 1956 года, что позволило появиться достижениям, едва ли находящимся под влиянием марксизма,... Таким образом, следует искать баланс при оценке достижений этого историографического периода (пер. – К. Ю.)» (с. 358–359).

Развитие румынской социалистической историографии в описании Юрия Стамати на фоне предыдущих блоков выглядит вполне закономерно: сильное влияние советской историографии до смерти Иосифа Виссарионовича Сталина в 1953 г., попытки введения догматического марксизма, влияние идей Николая Яковлевича Марра, выделение особой роли славян в румынской истории. После смерти Сталина началось ослабление советского влияния, параллельно набирал силу румынский национализм. Хотя и позитивные стороны были, например, в

период раннего правления Николая Чаушеску историки себя чувствовали более свободно, практикуя *гибкий марксизм* с умеренной критикой Маркса и Энгельса (с. 362–381).

Любопытное исследование провёл Флорин Курта, сравнив судьбы четырёх исследовательниц из разных стран – Чехословакии (Людмила Красовская, Татьяна Штефановичова) и Югославии (Мирьяна Чорович, Паола Корошец). Рассматривая марксистскую историографию с критической позиции, исследователь пришёл к выводу, что все они были важными фигурами в своих областях, первопроходцами с разной судьбой, но для трёх из четырёх исследовательниц марксизм не играл никакой роли в научных изысканиях. Как отмечает Ф. Курта, эти женщины находились на острие развития исторической науки того момента, соответственно, данная частность в виде «голоса женщин» подтверждает общий вывод о фиктивности марксистских воззрений большинства исследователей периода социализма (с. 332–333).

И, конечно же, отдельно стоит упомянуть главу Йитки Комендовой про взгляды Дмитрия Сергеевича Лихачёва в рамках советской историографии. Й. Комендова считает, что аргументы советского исследователя не менялись на протяжении всей карьеры, просто в разные периоды он делал новые акценты в соответствии с текущей политической ситуацией. Сама концепция Д. С. Лихачёва о «предвозрождении» в русской культуре, по мнению словацкой исследовательницы, смогла разъяснить причины особого развития русской культуры, но, с другой стороны, деление культур на развитые и менее развитые, по её мнению, не вполне соответствует гуманистическим взглядам.

В связи с главой Й. Комендовой также хотелось бы выразить одну мысль, которую, вероятно, следовало ждать от российского читателя монографии. Странно, что исследователи из разных стран представляют статьи на тему своей национальной историографии (Ф. Курта рассматривал историографию сразу нескольких государств, будучи членом научного сообщества США, не ограниченными рамками границ европейских государств). Так почему же единственная статья, где автор пишет не о собственной национальной историографии, связана с Советским Союзом? На этот вопрос напрашивается ответ: эта глава монографии перекочевала туда из книги 2020 г., о которой говорилось в начале рецензии [7, с. 3]. То есть в данном случае редакторы не отдавали эту тему Й. Комендовой из вредности перед российскими исследователями.

Также нельзя не отметить, что советская историография является сложным вопросом, который заслуживает отдельного всестороннего изучения. При этом исследователи разных постсоветских стран, которые, следуя логике рассматриваемой книги, должны как раз получить эту тему, зачастую имеют абсолютно отличный друг от друга взгляд на некоторые вопросы, что может спровоцировать большое количество дискуссий, едва ли возможных в рамках подобного рода изданий. Особенно острыми дискуссии могли бы быть на фоне политических событий, происходивших в первой половине 20-х гг. XXI в., когда шла работа над данной монографией, так как отношения России и Запада переживали этап охлаждения.

Также, рассматривая восточноевропейскую историографию второй половины XX в., невозможно обойтись без постоянных отсылок к советским исследователям, что показывают редакторы монографии во вводной статье, давая характеристику социалистической эпохе в науке в целом: «Академическая миграция и академический трансфер идей были весьма ограничены, за исключением советских наставников, которые также были активны в историографии и пытались навязать

знание советской истории польским, чешским, словацким, венгерским и румынским исследователям (пер. – К. Ю.)» (с. 1). Авторы отдельных глав также не отстают, критикуя советское давление в той или иной области. Однако было бы интересно исследовать помимо негативных примеров советского влияния также и позитивные, которые, вероятно, тоже имелись.

Более того, любопытен ещё один процесс, который в монографии упомянули вскользь, – влияние стран социалистического лагеря на Советский Союз в вопросе научных исследований. Например, за дискуссией чешско-словацких исследователей о характере социально-политического устройства Великой Моравии активно следили советские учёные. В посвящённой ей и археологическим изысканиям в Чехословакии статье Пётр Николаевич Третьяков написал следующее: «В правильной интерпретации общественно-политического строя этой державы (Великой Моравии – *примеч. К. Ю.*) заинтересована и польская историография, и специалисты по истории Древней Руси» [4, с. 72]. Более того, стоит отметить, что ближе к 70-м гг. XX в. советская и чешско-словацкая научные позиции в данном вопросе относительно синхронизировались. Хотя до вхождения Чехословакии в орбиту влияния Советского Союза тема социально-политического устройства Великой Моравии в советской историографии была не в приоритете (как в целом и сама история Моравского княжества). Об этом наглядно свидетельствуют публикации на данную тему: они появились только ближе к 1950-м гг. Причину этого стоит искать в утверждении, озвученным А. Худеком: Великую Моравию использовало «националистическое буржуазное» правительство Чехословакии в межвоенный период для легитимации нового государства, а характерной чертой советской историографии как раз и была критика этого самого «буржуазного национализма» [3, с. 67–78].

Нельзя не отметить, что некоторые черты в работах восточноевропейской интеллигенции, которые описали авторы рассматриваемой монографии, были характерны и для советских научных деятелей. Например, непростые отношения учёных с марксистской методологией. Как пишет современный российский исследователь Ольга Вячеславовна Павленко, «труды С. А. Никитина (советский учёный – *примеч. К. Ю.*) – позитивистские по своему содержанию, как и многие работы крупных советских историков...» [2, с. 87]. Более того, связь с русской дореволюционной историографией советские исследователи на раннем этапе развития советской науки не рвали окончательно [1, с. 57–58]. Значительный интерес представляли бы совместные исследования российских и европейских исследователей в данном вопросе. Подобный формат позволил бы раскрыть проблему на совершенно ином уровне, более комплексно.

Подводя итог, следует сказать: пусть «марксизм мёртв» в рамках средневековых исследований Восточной Европы, как заявляют М. Нодл, П. Венцовский и Д. Зупка в завершающей монографию статье, однако исследование наследия марксистской историографии имеет далеко идущие перспективы. Рассмотренная книга является одним из первых уверенных шагов на нелёгком пути изучения научных достижений второй половины XX в. Остаётся надеяться, что данное направление будет развиваться, учитывая, что исследователи той эпохи оставили чрезвычайно богатое наследие, которое трудно осмыслить в рамках одной крупной работы!

Список источников и литературы

1. Клюев А. И., Сवेशников А. В. Основные подходы к изучению истории отечественной медиевистики 1920–1940-х гг. // Вестник Омского университета. 2013. № 3. С. 57–62.
2. Павленко О. В. Панславизм. Реальный и воображаемый. 1830–1860-е гг. М.: РГГУ, 2023. 404 с.
3. Санчук Г. Э. Великая Моравия в советской историографии // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение / отв. ред. Г. Э. Санчук, Й. Поулик. М.: Наука, 1985. С. 67–81.
4. Третьяков П. Н. Новые данные о Великоморавском государстве // Вопросы истории. 1961. № 5. С. 71–80.
5. Betti M. The making of Christian Moravia (858–882): Papal power and political reality. Leiden; Boston: Brill, 2014. 251 p.
6. Mahan W. [Rez. :] Marxism and Medieval Studies: Marxist Historiography in East Central Europe / ed. M. Nodl, P. Węcowski, D. Zupka. Leiden; Boston: Brill, 2024. 391 p. // Mediaevistik. 2025. Vol. 38, no. 1. P. 143–146. URL: <https://doi.org/10.3726/med.2025.01.11>. Publication date: 01.01.2025.
7. Marxismus a Medievistika: společnéosudy? / ed. M. Nodl, P. Węcowski. Praha: Filosofia, 2020. 241 s.
8. Mühle E. Slavs in the Middle Ages between idea and reality. Leiden; Boston: Brill, 2023. 610 p.
9. Curta F. The elephant in the room. A reply to Sebastian Brather // Ephemeris Napocensis. 2013. № 23. P. 163–174.

References

1. Kluyev, AI & Sveshnikov, AV 2013, 'Osnovnyye podkhody k izucheniyu istoriotech estvennoy mediyevistiki 1920–1940-kh gg.' (Basic approaches to studying the history of domestic Medieval Studies in 1920–1940s), *Vestnik Omskogo universiteta* (Herald of Omsk University), no. 3, pp. 57–62. (In Russ.)
2. Pavlenko, OV 2023, *Panslavizm. Realnyy i voobrazhayemyy. 1830–1860-ye gg.* (Pan-Slavism. Real and Imaginary. 1830s–1860s), Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet publ, Moscow. (In Russ.)
3. Sanchuk, GE 1985, 'Velikaya Moraviya v sovetskoy istoriografii' (Great Moraviain Soviet historiography), *Velikaya Moraviya, yeyo istoricheskoye i kulturnoye znacheniye* (Great Moravia, its historical and cultural significance), ed. G. E. Sanchuk, Y. Poulik, Nauka publ, Moscow, pp. 67–81. (In Russ.)
4. Tretyakov, PN 1961, 'Novyye dannyye o Velikomoravskom gosudarstve' (New data on the Great Moravia), *Voprosy istorii* (Questions of History), no. 5, pp. 71–80. (In Russ.)
5. Betti, M 2014, *The making of Christian Moravia (858–882). Papal power and political reality*, Brillpubl, Leiden, Boston.
6. Mahan, W 2024, 'Marxism and Medieval Studies: Marxist Historiography in East Central Europe', ed. M. Nodl, P. Węcowski, D. Zupka, Brillpubl, Leiden, Boston, *Mediaevistik*, vol. 38, pp. 143–146.
7. Nodl, M & Węcowski, P (eds.) 2020, *Marxismus a Medievistika: společnéosudy?*, Filosofia publ, Prague. (In Czech)
8. Mühle, E 2023, *Slavs in the Middle Ages between idea and reality*, Brillpubl, Leiden, Boston.
9. Curta, F 2013, 'The elephant in the room. A reply to Sebastian Brather', *Ephemeris Napocensis*, no. 23, pp. 163–174.

Вклад авторов:

Юрьев К. А. – идея; сбор материала; обработка материала; написание статьи.

Ермошина Е. В. – обработка материала; написание статьи; редактирование текста.

Contribution of the authors:

Kirill A. Yuriev – idea; collection of material; processing of material; writing an article.

Elena V. Ermoshina – processing of material; writing an article; scientific text editing

---

Статья поступила в редакцию: 20.12.2025

Одобрена после рецензирования: 13.02.2026

Принята к публикации: 02.03.2026

The article was submitted: 20.12.2025

Approved after reviewing: 13.02.2026

Accepted for publication: 02.03.2026